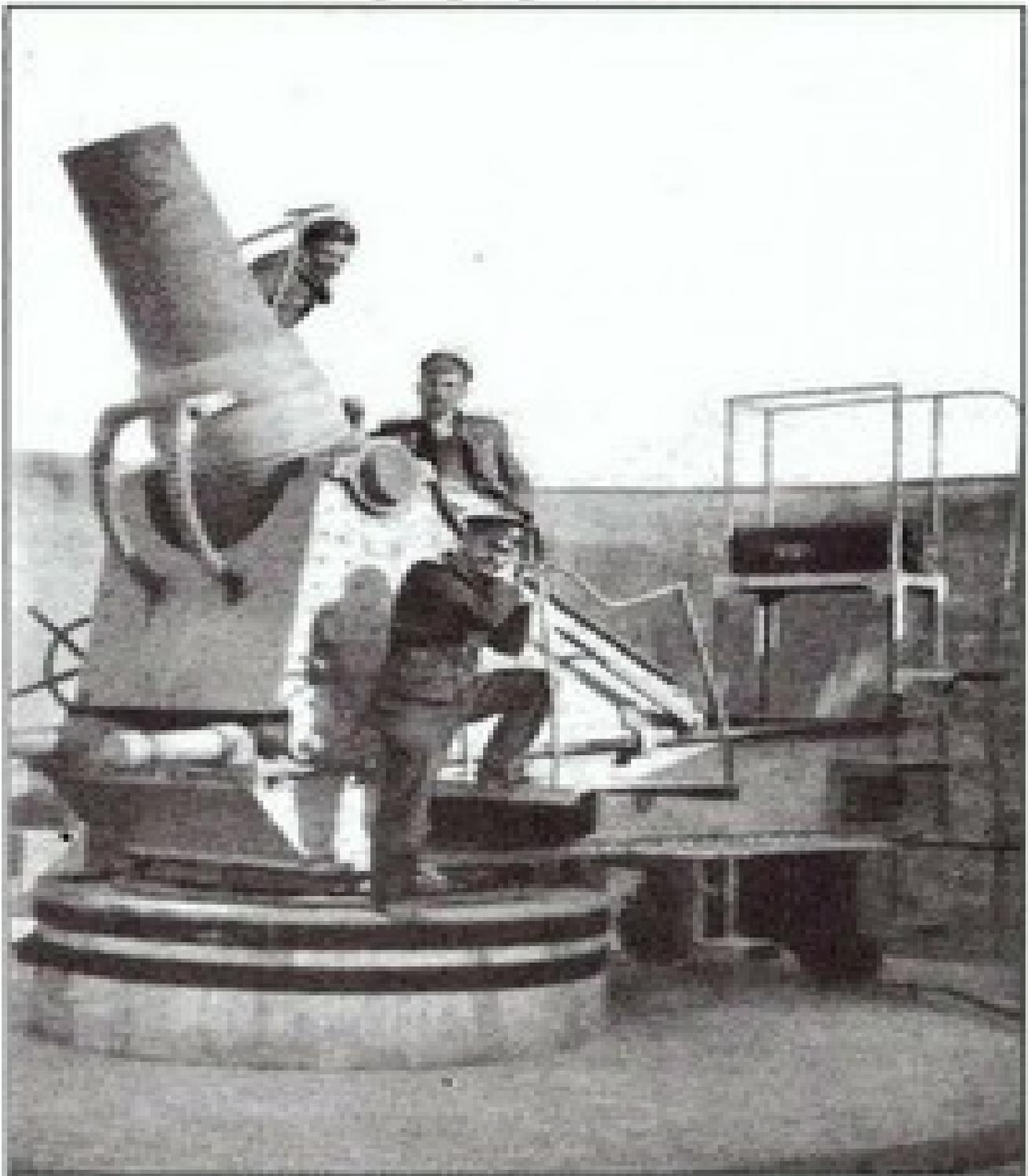

Казакевич Максим

Двое из будущего. 1903-...

Третья книга из цикла "Двое из будущего"

Максим Валерьевич Казакевич

Двое из будущего. 1903-...

Вот я и приехал в Порт-Артур. Полтора месяца длилось мое нелегкое и утомительное путешествие. Полтора месяца я трясся в продуваемом всеми ветрами вагоне и маялся от скуки. Читал книги днями напролет, листал газеты, что покупал на крупных станциях и резался в картишки с соседями по вагону. Поезд ехал медленно, не спеша, останавливался на каждом полустанке, забирая и высаживая пассажиров с их баулами. Часто поезд останавливался надолго, пропуская идущие встречные поезда и всем пассажирам приходилось ждать. Час, два, три. По разному. Наспех строящаяся Транссибирская магистраль еще не была способна работать с полной отдачей — кое-где она все еще была однопутной. Особо долго простоять пришлось под Иркутском. Там, на берегу Байкала наш поезд завис в ожидании погрузки на курсирующий между двумя берегами ледокол-паром. Замер в ожидании улучшения погоды. Ветра на озере всегда славились непредсказуемостью и способностью поднять высокие и злые волны. Вот и в этот раз мы попали под 'култук' — низовой ветер, дующий с юга, несущий ненастную, дождливую погоду и нагоняющий волны идущие вдоль озера. Эти волны могли с легкостью опрокинуть легкое судно. И хоть наш паром имел вполне приличную массу и осадку, а все равно, выходить в такую погоду капитан не решился. Вот и пропадали мы там несколько дней, ожидая улучшения и погрузки нашего поезда на паром. Но нет худа без добра. Я хоть вспомнил свое прошлое, те дни отдыха, когда я с женой и дочками приезжал на озеро. Правда, отдыхал я всегда на восточном, более пологом берегу, но это не особо важно.

В общем, поездка меня очень сильно утомила. Остановка на двое суток в Харбине и знакомство с местным охранным отделением не прибавляла мне радости. С жандармами встреча прошла буднично, я им передал одно из писем, они его прочитали, сделали где-то у себя записи и отпустили меня восвояси. Посадили на поезд идущий на восток и забыли про меня.

И вот я теперь стою на убогом перроне Порт-Артура и, щурясь от вечернего солнца, рассматриваю одноэтажные провинциальные здания и коптящие черными трубами припортовые постройки, созерцаю блестящую гладь залива и белоснежные корпуса военных кораблей.

— М-да..., - промычал я задумчиво. Обернулся. Мой багаж неспешно вытаскивали из вагона, выставляли в рядок. Те двое сопровождающих, Петро и Данил, что ехали со мной с самого Питера, зорко следили за выгрузкой — не дай бог уронят какой-нибудь чемодан. Работу свою делали ревностно, стараясь выслужиться.

— Все, Василий Иванович, закончили, — сообщил один из них, едва последняя поклажа оказалась на перроне. — Куда ехать-то?

— Да черт его знает, Петро, — пожал я плечами и недовольно пристукнул по перрону тростью. — Козинцев говорил что встретят.

— А адресок-то у вас есть? Если есть, то мы сейчас извозчика поймаем. Или вон китайчонка какого с евоной телегой.

Адресок, конечно, был. Где-то валялся в блокноте, а блокнот в одном из чемоданов, а чемоданов у меня... Я окинул свой багаж усталым взглядом — как же не хотелось

ковыряться в них на виду у всех.

Не пришлось. Вскоре к нам подкатил на рикше прилично одетый мужчина. Соскочил с повозки торопливо, кинул китайцу монету и поспешно оглаживая примятый костюмчик, сломал передо мной шляпу.

— Ох, прошу меня извинить, ваше благородие. Василий Иванович, я виноват, виноват перед вами. Опоздал!

Я него посмотрел с интересом. Мужик средних лет, нос картошкой, усики как Гитлера и широкие мазолистые ладони, такие, словно их обладатель не гнушался тяжелой работой. Если б не дорогой английский костюм я б так и подумал. Сбил он меня с толку. Мишка говорил, что меня должен был встретить человек, которого он здесь оставил управлять, а вот что это за человек он мне не сказал. Только имя и фамилия.

— Вы Мурзин? — спросил я, опять прищурившись на заходящее солнце.

— Да, ваше благородие, Мурзин. Даниил Егорович. Мне так неловко, что я опоздал, прошу меня простить. Все эти китайцы. Никак не привыкну к их языку, а они меня понимают через пень колоду. А это у вас весь багаж или будет еще?

— Весь, — ответил я и, повернув голову на своих бандитского вида архаровцев, уточнил, — весь?

— Весь, Василий Иванович, — в унисон ответили они. — До единого саквояжника.

Тогда Мурзин удовлетворенно кивнул, хлопнул в ладоши и что-то сказал китайцу на его языке, показывая на багаж. Китаец затараторил в ответ, свистнул кого-то и вот, через минуту все чемоданы, ящики и коробки погрузились на несколько рикш. А Мурзин жестом пригласил меня устроиться на свободной повозке.

— Присаживайтесь, вашбродь. Поедем в ваш дом.

Китаец 'любезно' ощерился лошадиными зубами, показал всем видом, что рад заработать дополнительную денюгу.

— А у меня есть дом?

— Лучше. Дача! Михаил Дмитриевич распорядился построить, вот я и расстарался. Да вы садитесь, вашбродь, темнеть скоро начнет. Поедем к вам на дачу.

— На этом? — недоуменно скривился я.

— Ну да, — простодушно ответил мой встречающий. — Да вы не переживайте, здесь не далеко. А китаец к этому делу привычен. Вмиг доберемся.

Я пожал плечами. Непривычно это было — ехать на человеке. Но, тем не менее, в рикшу забрался, откинулся на неудобную спинку. Сам Мурзин запрыгнул к другому китайцу, а два моих бывших солдата последовать нашим примерам наотрез отказались. Предпочли топтать пешком. Как сказали — 'в поезде насиделись'. Так и прошли рядом со мной весь путь, разглядывая унылые постройки старого китайского городка.

Дача.... Нет, это была не дача. Это был дом. Настоящий, почти городской. Одноэтажный, из кирпича, с покатой высокой крышей и свежевыкрашенным коньком. Небольшой земельный участок в виде заднего двора, на котором почти что ничего и не росло. Так, несколько рядков капусты и морковки. Остальное невеликое пространство двора занимала протоптанная трава, да уборная в углу, типа 'сортир' с дыркой в полу. Бани не было, что меня расстроило. Так хотелось после поездки помыться.

Китайцы осторожно сгрузили багаж на землю и Мурзин с ними расплатился. Из дома осторожно показалась девочка-подросток. Китайка, одетая, тем не менее, по русским

традициям — длинное платье в пол, узкий пояс, туфельки, косынка, прибирающая черные как смоль волосы. Она спустилась с крыльца, Мурзин ее заметил и подозвал жестом.

— Вот, вашбродь, служанка ваша. Зовут Юн. По нашему понимает и может чуть-чуть балакать.

Я ее окинул взглядом. Слишком уж молода. Девочка совсем, недавно, наверное, от только титьки оторвали. И росточком едва мне до груди достает. На ее фоне я выгляжу истинным богатырем.

— Ей сколько лет-то? — спросил я с сомнением. — Десять?

— Говорит что семнадцать, — ответил он, показывая пальцем моим архаровцам куда нужно заносить багаж. — А что?

— Да юна что-то больно.

— Нормально, — махнул он рукой. — Зато работающая и преданная. Так ведь Юн?

Девушка скромно кивнула. И заглянув мне снизу вверх в глаза, с жутким акцентом произнесла:

— Добло позаловать, господин.

Я выразительно посмотрел на Мурзина, но тот меня не понял. Прислуга из китайцев здесь были в порядке вещей, а девочек от семей отлучали очень рано. Да и росли китайцы на своем скудном питании очень плохо. Похоже, у Юн в детстве было совсем туго с едой, так и не выросла. Даже груди через платье не просматривались, хотя для семнадцати лет уже должны были бы.

— Ладно, Данил... Егорович?

— Да, вашбродь, Данил Егорович, — подтвердил Мурзин. — Без людей можно просто Данилом.

— Хорошо, Данил. Нам бы помыться с дороги. Есть тут банька какая?

— У соседей только просить, — качнул он головой в сторону соседней дачи. — Да только не топлена она.

— И что же делать?

— Ну, это просто. Я попрошу у них теплой воды, а Юн вас помоеет. Да же Юн, помоешь господина?

Девушка поклонилась, показывая свою покорность. И ни тени недовольства не промелькнуло в ее узких глазах. Хотя может я просто не смог рассмотреть.

— Да ладно уж, тогда сам помоюсь в тазике, — ответил я несколько смущенно.

Но освободить Юн от своей обязанности мне не удалось. Через час, когда теплая вода была натаскана, а я, сидя в тесной японской ванне, намыливался. В комнату ничуть не смущаясь, с низкими поклонами зашла девушка и отобрала из моих рук мочалку. Я запротестовал было, но она лишь мотала головой и упрямо твердила 'надо, надо'. А потом, окунув мочалку в воду, принялась меня неумело, но настойчиво натирать. Не знаю, что она при этом чувствовала, не единой эмоции я не смог прочитать на лице, но зато вот я чувствовал себя чуть-чуть смущенным. И полуторамесячное воздержание дало о себе знать. Боже, никогда прежде я не чувствовал себя настолько неловко, сидел в деревянной бадье и пытался думать на далекие темы, так, чтобы мое возбуждение не смогло вырваться на свободу. Но Юн, казалось, была безразлична к моей проблеме. Ну да ладно. С грехом пополам я помылся, сумев сдержать себя в руках, и Юн, накинув на меня халат, удалилась.

Мурзин после кратко показал мне мое жилище. Пять комнат. Одна мизерная комнатуха для прислуги, то бишь для Юн, одна кухонная комната, гостевая и две спальни.

Самая большая и обустроенная моя. В гостиной камин, а в кухне печурка, что дополнительно отапливала спальни. В общем, после помывки я завалился спать. И провалился в сон почти мгновенно — долгая дорога вымотала.

Рано утром я проснулся от размеренного стука ложек. Кто-то в соседней комнате принимал пищу, неспешно, разговаривая вполголоса. И запах по дому разносился вкусный и аппетитный. Я потянулся, повел носом и скинул с себя пушистое одеяло.

— О-о, Василь Иваныч! — довольно ощерились мои архаровцы, едва я появился в гостиной. — А мы вас будить не стали, выспаться дали.

— Сколько времени?

— Дак почитай девять по-здешнему. Присаживайтесь, Василь Иваныч, тут ваша девочка такую лапшичку сварила — закачаешься. Вкусная-я!

Появилась Юн. Поклонилась мне, поздоровалась. Поставила передо мной глубокую тарелку с лапшичным супом, вложила в пальцы ложку. Супец еще горячий, не остыл. Я потянул носом, спросил:

— А хлеба?

— А нету хлеба, Василь Иваныч. Мы уж просили. Вот только это, — он пододвинул ко мне тарелку, на которой лежало несколько белых булочек. — Юн, как они называются, я забыл?

— Маньтоу, — охотно подсказала она без эмоций и тут же исчезла на кухне греметь посудой.

Я уже привык к плотному завтраку. В мое время, в будущем, я едва ли утром проглатывал бутерброд с маслом и колбасой и заливал в себя горячий чай и считал это нормальным. Перекусить на ходу никогда не было проблемой — чайник почти моментально кипятил воду, а микроволновка разогревала пищу. Сейчас же все не так. Если утром плотно не поел, то потом до обеда приходилось кусочничать, а запивать все чем-то холодным. Молоком или квасом или простой водой. А мне это не нравилось, я любил запить горячим чаем. Но чтобы вскипятить чай требовалось время, а у меня его не было. Вот и пришлось поменять свой режим питания.

Под конец завтрака в дом завалился Мурзин. Вновь в отглаженном костюмчике, в начищенных штиблетах, на которые еще не пристала китайская пыль.

— Доброго вам утречка, вашбродь, — подобострастно произнес он, снимая шляпу. — И приятного аппетита. Как вам спалось?

Честно, не люблю я этого 'вашбродь'. Коробит меня от него. Не раз меня так называли люди простые и не всегда у меня получается людей осечь, пояснить, что я самый обычный человек. Чинов и титулов не имею, родовых имений не наблюдаю. Но сейчас Мурзин был в моей власти. И потому, отодвинув пустую тарелку, я кивнул ему на лавку и предложил присесть. Тот с охотой устроился за столом.

— Вот что, Данил Егорыч. Давай-ка мы с тобой договоримся враз и навсегда. Ты впредь меня не будешь более 'вашбродь' величать? Не нравится мне это. Давай по-простому, как и все — Василий Иванович.

Мурзин смущенно кашлянул. Нервно оттянул накрахмаленный ворот тугой сорочки. Почувствовал себя не в своей тарелке.

— Как же так можно? — спросил он рассеянно. — Я же к вам со всем уважением. Как полагается....

— Не надо, — мягко, но настойчиво снова попросил я. — Не люблю. Я из простых людей, из работяг, такой же, как и остальной люд, так что давай по-простому. Мне так привычнее. А эти ваши 'вашиблагородия' оставь для церемоний, да для людей посторонних.

— Ну, если вы так хотите....

Что ж, рад, что мы этот небольшой угол сгладили. Мне действительно было так удобнее. Даже мои архаровцы меня не иначе как по имени-отчеству не величали.

Подошла Юн. Никого не спрашивая принесла еще одну тарелку с супом, поставила ее перед Мурзиным. Тот как-то исподлобья посмотрел на меня, выпрашивая разрешения. Похоже, что до моего приезда именно Юн его и обслуживала. Готовила, убирала, обстирывала. А я, приехав, занял уже нагретое место.

После завтрака у нас появилось время, чтобы разобрать багаж. Все мои чемоданы и ящики были распакованы, расставлены по углам дома. Уже ближе к обеду, я сказал своему помощнику, что с интересом взял в руки нашу настольную игру 'Монополию':

— Послушай, Данил Егорыч, у меня есть письмо к наместнику от вдовствующей императрицы. Мне б передать его лично в руки. Как это можно устроить? Где его резиденция?

— Дворец наместника здесь, — сообщил Мурзин, крутя в руках запечатанную коробку, с интересом рассматривая напечатанные картинки. — А здесь ли Его Высокопревосходительство или уехал куда я не знаю. Но если хотите, то я схожу, расспрошу, можно ли. Попрошу, чтобы вас приняли.

— Сделай одолжение. Дело не терпит отлагательств, сам понимаешь.

— Как же, понимаю. Государево дело..., - он замолк, погрузился в чтение. На обратной стороне коробки были написаны краткие правила игры. Затем очнулся и спросил. — Василий Иванович, а это и есть та игра, что вы придумали? Это вы по ней турнир устраивали?

— Да, Данил Егорыч, это та самая игра.

— Гм..., - он еще раз покрутил коробку. Был велик соблазн открыть ее, порвать заклеенную сторону, но не решился. — Я читал о ней в журнале. Весьма хвалебные отзывы были. Вот уже не думал, что так скоро ее увижу..., - он на секунду замолк. Как же ему хотелось ее вскрыть. — А вы много таких сюда привезли?

— Ну, где-то с пяток. В качестве подарка приготовил.

Он недовольно промычал.

— Жалко, а то я думал, что вы и тут турнир устроите. Я б попробовал сыграть, денежку лишнюю выиграть....

Я улыбнулся. Турнир по 'Монополии' в столице я проводил регулярно. На призовой фонд выделял целую тысячу рублей и это событие собирало множество поклонников игры. Сама игра успешно стартовала в столице, потом в Москве, в Нижнем Новгороде, Варшаве и Харькове, а затем вырвалась за пределы империи и поразила в самое сердце простых британских, немецких, французских и американских обывателей. И там за границей мы тоже проводили турниры. Мне даже пришлось нанимать людей, чтобы те организовывали процесс и поддерживали интерес населения. Сама игра прекрасно продавалась, и она стала таким же феноменом, как в моем сопливом детстве стал феноменом 'кубик Рубика'. И денег мы за эту игры зарабатывали не мало. Только вот, похоже, сама 'Монополия' до этих мест пока что еще не добралась. Значит, этот недостаток необходимо устранить.

— Хорошо, Данил Егорыч, специально для тебя закажу я несколько сотен коробок с

игрой, да и попробуем устроить местный турнир.

Мурзин довольно встрепнулся:

— Это дело! Это хорошо!

Он так и крутил коробку в руках, не в силах ее отпустить. Не знаю, что его больше влекло — сама игра или возможность выиграть большие деньги. Пришлось ему напомнить об обязанностях:

— Данил Егорыч, встреча с наместником.

— Ах да, да. Конечно же, сейчас, — он с сожалением отложил коробку в сторону. Выдохнул. — Сейчас же поеду к Его Высокопревосходительству просить о встрече. Немедленно.

И он ушел. Но перед самой дверью задержался перед зеркалом, небольшой расческой пригладил свои усики. Надул губы, полюбовался как они красиво топорщатся. А затем, взяв шляпу с полки над вешалкой, сказал:

— Ну, все, я пошел. Буду скоро.

Вообще Мурзин оставил у меня двойное впечатление. Вроде деловой мужик, ладони жесткие, словно кайло из рук никогда не выпускал, а одевается с иголки и выглядит вообще аккуратистом. Костюмчик чистенький, сорочки свежие, туфли начищены до зеркального блеска и надушен всегда сильно. Усики еще эти 'а-ля Гитлер'. Раздражают. Отпустил бы нормальные как у всех, а не эту недомочалку. Не знаю, может быть, я придираюсь и вообще слишком скор на суждение, но, по крайней мере, первое впечатление от Мурзина у меня сложилось не очень.

Он пришел обратно через пару часов. Не глядя кинул шляпу на полку, бросил на стол свежеекупленную газету и сообщил:

— Наместник будет ожидать вас завтра в одиннадцать.

— Отлично, отлично, — довольно проговорил я. — Чем скорее я с ним встречу, тем лучше. Мне необходимо как можно скорее приступить к работе, а без его благоволения мне будет затруднительно. Слушай, Данил Егорыч, есть щепетильный вопрос. Как думаешь, удобно будет ему при первой встрече подарок вручить?

— Подарок? Гм, даже не знаю. А какой?

— Да у меня много разного припасено. Чайник вот электрический есть, телефон новый, не чета нынешним, бритва нового образца.... Могу еще радиоприемник подарить, мне не жалко, да только это пока бессмысленным подарком будет. А кстати, наместник носит бороду или как? Или сбрил ее?

— Носит. Ваша бритва ему не к чему. А чайник этот ваш каков?

— Так вон же коробка стоит. Вытаскивай.

И он вытащил. Поставил его на солнце так, что яркие блики стрельнули в потолок, осветили темные углы, размотал шнур.

— Ну, — сказал он через несколько секунд, оценив, — красиво. И что, можно его так без керосинки греть? Неужели от электричества?

Пришлось ему продемонстрировать, как все это работает, благо в доме электричество имелось в виде одиноко висящей лампы в самой большой комнате. Только для этого пришлось немного 'порукаблудить', протянуть проводку и прикрутить к стене нашу розетку из карболита. Припасенный инструмент у меня был и знаний моих для этого хватало. Ничего сложного. Но мои действия привели Мурзина в восторг. Еще бы, навык работы с электричеством у нынешнего поколения отсутствовал полностью, а те электрики, что умели

с ним работать, пользовались заслуженным уважением и большим жалованием. Ну а, продемонстрировав работу чайника, пришлось и почаевничать. Подсуетилась Юн, принесла пустой заварник.

— Ну, так как? Можно ему такое подарить на первом 'свидании'? Не будет считаться взяткой?

— Да даже если и будет, — легкомысленно махнул рукой, — кто что скажет? Все-таки первый человек после Императора на Востоке!

— И то верно....

— Но, думаю, что лучше пока никаких подарков не делать. Кто его знает, как он отнесется? А вы к нему по какому делу? Слышал, что вы в немилость попали у Императора, и он вас от столицы подальше отослал?

Ну, вот как все обо всём узнают? Откуда? Я никому не говорил, мои архаровцы ничего о разговоре с вдовствующей императрицей и ее гневе не знают. Кто болтает? У меня не было ответов, только предположение, что кто-то из местной охранки, прочтя пришедшие инструкции по моей персоне, проболтался. Только так.

Я недовольно посмотрел на Мурзина.

— Немилость это громко сказано, — ответил я сухо. — Я здесь по своим личным делам и недовольства Императора никакого нет и быть не может. И вот что, Данил Егорыч, я бы предпочел, чтобы ты эту тему больше не поднимал. Понял?

Последнее 'понял' я сказал совсем уж жестко — любой бы сообразил, что более задавать вопросы по этой теме не следует. И Мурзин принял к сведению, кивнул и, как ни в чем не бывало, высказался:

— Ну, тогда, Василий Иванович, я думаю, что первый визит к Алексею следует провести без подарков. Уже потом, когда вам придется с ним повстречаться, можно будет что-нибудь преподнести. Да хоть бы этот чайник. Только упаси вас бог отдариваться деньгами — врага наживете.

На том и порешили. Чувствую, что еще не раз мне придется повстречаться с адмиралом, поэтому преподнести душевный презент я еще успею.

— Послушай, Данил Егорыч, — вспомнил я, допивая вкусный чай. — Насколько я помню, у нас здесь еще производственный участок должен быть. Козинцев его прикупил. Так?

— Есть, Василий Иванович, конечно же есть, — ответил он хитро. — Я ж вам и дачку поставил и Юн я вам нашел. И с участком все хорошо, стоит участок, что с ним сделается? А кстати, Василий Иванович, позвольте полюбопытствовать. Красивую я вам служаночку нашел? Как вам она, нравится? Красивая девка? Молодая, справная. А вы случайно не женаты? Так могли б ее взять. А даже если и женаты, то все одно можете ей воспользоваться.

Ох, что-то вильнул мой управляющий. Откровенно так увел разговор в сторону. Что-то не так там с этим участком.

— Ты не увиливай, отвечай, что с участком? — строго спросил я, пропуская мимо ушей его разглагольствования.

— Так я и не увиливаю, прямо говорю. Стоит ваш участок, никуда не делся. Только там здание еще полностью не построено.

— Как?! — ахнул я.

Мурзин виновато улыбнулся, пожал плечами.

— Денег не хватило. Василий Иванович, я Козинцеву телеграммы отсылал, просил перевода, да только он не дал.

— Как не дал?! И сколько не хватило?

— Я десять тысяч просил.

— Сколько?! Ты сдурел что ли? Это ты там, что хотел отгрохать? Дворец?

Этот вопрос остался без ответа. Мурзин, наглая морда, не чувствовал себя в чем-то виноватым и потому смотрел на меня ясными чистыми глазами. Прихлебывал горячий чаек из кружки, прикусывал куском сахара.

— Так, вставай, поедем смотреть, — резко сказал я, внутренне закипая.

Он послушно поднялся, нахлобучил шляпу и покорно вышел вон из дома. На улице поймали рикшу и на ней мы добрались до нашего производственного участка. Еще подъезжая к территории, я понял, что все плохо. Очень плохо. Мурзин, зла на него не хватает, то ли решил выслужиться, то ли и вправду сглупил, но вместо того, что бы возвести здание на одной части территории, а на другой устроить склад, решил возводить капитальное здание сразу на всей площади. А это без малого почти гектар, или сто на сто метров. И всех имеющихся денег ему хватило только на основательный фундамент и залитый бетоном пол, да на стены в полтора метра высотой по периметру. Крыши не было, дверей не было, окон не было. Все, что приходило на пароходах в течение последнего месяца, он складировал прямо на бетон, под открытое небо. Даже отсюда я видел, что кто-то уже основательно полазил по нашим запасам. Ящики местами были взломаны и растасканы, а от разбитого стекла на полу отражалось бликами солнце.

— Ты что сделал, ирод? — упавшим голосом спросил я.

— Василий Иванович, вашбродь....

— Не вашбродькай мне! — вскричал я так, как никогда в жизни. Китаец, что нас тянул, даже сгорбился от моего крика, а мимо проходящие разом повернули головы. — Ты что, вражья морда, сделал? Это что такое?

Я на ходу соскочил с рикши, быстрым шагом пошел к недострою. Хорошо хоть Мурзин догадался охрану поставить — старик в неприметном сюртуке, увидев, что я приближаюсь, двинулся наперерез, издалека угрожая мне двустволкой. Соскочил управляющий, побежал вперед, замахал руками. Охранник опустил ружье.

— Моисей Давидыч, все нормально. Это хозяин приехал, — услышал я торопливый говор.

Я пронесся мимо. Ворвался на территорию. Едва не споткнулся об раскуроченный ящик

с битым стеклом. В тонких осколках узнал химические колбы, трубки и реторты. Оборудование разгромлено. Еще один ящик с разломанным углом, из которого торчали какие-то детали уже подернутые ржавчиной. Несколько раскуроченных ящиков с проволокой для 'угозы'. Но все оказалось не так уж плохо, как привиделось издали. Разбитых и разодранных ящиков оказалось всего не больше десятка, остальные же имели вполне сохранный вид. Больше всего я боялся грабежа. Китайцы, так же как и русские, народ ушлый, лежащую без присмотра вещь приберут к рукам немедленно. Но здесь, похоже, охрана постаралась не допустить воришек на территорию. Во внутренней части недостроенного помещения, по периметру были размотаны несколько бухт нашей 'егозы', а на нее в качестве сигнализации были подвешены пустые консервные банки и, видимо именно эта предосторожность пока сохраняла целостность нашего груза. Плохо, что все это хранится под открытым небом, всем стихиям нараспашку.

Подошел Мурзин. Наступив на хрупкое стекло, с легкой виной в голосе пояснил:

— Это еще в пути разбилось. Во время шторма ящик упал и там все, что было сделано из стекла, разлетелось вдребезги. Я уже здесь открыл ящик, понял, что спасать нечего. Да так его и оставил.

— Давно лежит? — спросил я, обходя груз вокруг. Злость стала уходить, едва я понял, что все не так печально, как показалось с первого взгляда. Но все равно, прощать недострой я не собирался.

— С неделю. Еще в пути разбилось несколько фляг с какими-то химикатами. Но то еще на корабле смыли за борт. Капитан ругался сильно, эта химия сильно ему палубу испортила.

— Переживет. Это все?

— Гм, нет. Два ящика по описи пропали. С какими-то трубами.

— То есть как пропали?

— Не доехали, — пожал Мурзин плечами. — В Сингапур корабль пришел уже без них. Я в Петербург телеграмму отправил, они будут разбираться, да только ящики уже не вернуть. Здесь я, увы, сделать ничего не могу.

— Подожди. Но ведь кто-то должен был сопровождать груз? Я точно помню, что с ним отплывало несколько человек.

— Они ничего сказать не могут. Говорят, в Индии загрузили, все по счету, а в Сингапуре их уже не было. С капитана взятки гладки, говорит — сами не доглядели, сами и виноваты. Ваши юристы мне телеграфировали, что будут судиться с владельцем парохода, да только сами понимаете — груз не вернется.

Я задумался. Стал вспоминать, что же за трубы мы везли, и не мог припомнить. Вроде ничего такого не было. И только вечером когда я поднял списки отправленного и сверил с тем, что прибыло, понял, что пропали ящики с моими минометами. И, судя по бумагам, исчезли они при перевалке в Индии. А Индия это Английская колония. Вот и думай теперь, что произошло. То ли произошла пропаша в результате чьей-то безалаберности, то ли англичане каким-то образом узнали о моей новой артиллерии и постарались таким образом приобрести образцы. В этих ящиках было около десяти экземпляров различного калибра. Здесь, в Порт-Артуре я собирался наладить производство тротила, начинить им мины и произвести пробные стрельбы. Посмотреть на результат разрушений и поражений осколками, и определиться с наиболее подходящим минометом. Сейчас же, мои планы порушились. Опытные стрельбы для господ военных накрылись медным тазом, а значит, придется полагаться на собственную память и вводить в строй тот калибр, который в моем

прошлом себя и так зарекомендовал. Восемьдесят два миллиметра. Таким еще мои предки фашистов били и не морщились. Плохо то, что терялось время. Сколько его еще понадобится, чтобы отладить процесс я не знал. Но судя еще по питерскому опыту, времени займет немало. С бесшовными трубами в эту эпоху совсем дела были плохи. Мы, для того, чтобы получить наши образцы, специально делали станки, чтобы высверливать сердцевину сваренной трубы или выкованной болванки. Хорошо, что свой литейный заводик был, там нам болванки нужного качества и размера отковали без особых проблем. Здесь же я даже не знаю, как буду выкручиваться. Пробовали мы там и из труб делать минометы, но качество нам не понравилось. Нет, давление пороховых газов они держали, да только все одно приходилось выбирать внутренний диаметр, снимать швы. А отсюда выходило, что так делать, что так, все едино. По крайней мере, отковав пробную партию мы были уверены в качестве и стрельба болванками на пустыре это подтвердила. Эх, надо бы просканировать местные производства, может смогут чем помочь. Но чувствую, что надо писать Мишке, что бы он у себя там производство организовывал и сюда доставку поездом осуществлял. Пока еще пути не забиты эшелонами с военными. Еще бутылки эти разбитые. Я их тоже сверил со список и выяснил, что потеряли мы около четырех сотен литров толуола. Неприятно, конечно, но вполне терпимо. Его доставка у нас была распланирована до конца третьего года, так что невелика потеря.

— Слушай, Егорыч, — я с ним перешел на ты, — а те люди, что груз сопровождали, где они? Здесь еще?

— Не, Василь Иваныч, во Владивосток отплыли третьего дня. Станки и проволоку разгружать. Там-то я распорядился построить совсем небольшое здание. Михаил Дмитриевич говорил, что там только вашу колючую проволоку будут делать и только. Так ведь?

— Угу, — качнул я головой задумчиво. Можно б и тротил во Владике делать, да только смысла нет. Здесь в Порт-Артуре мне будет сподручнее. Все одно взрывчатки я много сделать не успею, а тот, что успею, весь подчистую заберут местные вояки. Для производства 'егозы' хватит мощностей и во Владике. Главное до начала войны ее побольше сюда отправить. В четвертом году придет время, жареный петух клюнет господ военных и они у нас всю эту колючку и заберут. Только успевай отгружать.

Утром следующего дня я готовился к важной встрече. От ее результата будет зависеть то, насколько мне будет здесь комфортно. Насколько быстро я смогу включиться в работу. Неизвестно каким человеком являлся адмирал Алексеев, что он любил, а что ненавидел, но по крутящимся в прессе и в народе слухам выходило, что он был едва ли не главным инициатором будущей войны. Ладно, не инициатором, это уж я слишком загнул. Но человеком, который активно ее приближал и страстно ее желал, он точно являлся.

Мурзин прикатил ни свет ни заря. Опять одет с иголки, на костюме ни пылинки. Юн бесцеремонно подняла меня с постели, отодвинув занавеску, что болталась вместо двери в комнату и сообщила:

— Господин. Мульзин плисол.

Девчонка говорила с жутким акцентом. Впрочем, меня это не очень-то заботило. Только сейчас ее фраза заставила меня улыбнуться:

— Ага, щас. Пусть обождет.

В ее глазах промелькнуло непонимание.

— Чаем его напои пока. Я оденусь, — скорректировал я свою фразу. И вышолз из-под одеяла. В этих краях еще прохладно, хоть весна уже и бушует вовсю. В печи, недавно растопленной юной девушкой, жарко трещали поленья. А судя по разносившемуся по дому запаху, на жаровне уже что-то готовилось.

— Егорыч, привет! — крикнул я, напяливая нательную рубаху. За столько времени так и не привык спать в ней. В кальсонах, за неимением обычных семейников, привык, а вот в рубахе нет. А армейская привычка спать в майке давно забылась. Хотя бывало, что клопы в гостиницах доставляли 'удовольствие' и рубаха часто спасала. Но вот дома нет, только с голым торсом.

— Доброго утречка, Василь Иваныч, — бодро отозвался он.

— Сколько сейчас времени?

— Семь почти.

— А чего в такую рань?

Каким-то мистическим чутьем я почувствовал как Мурзин недоуменно пожал плечами.

— Как всегда, Василь Иваныч. Мы ж с Юн не баре какие.... Да же Юн?

— Ты один? А мои солдаты где?

— Не знаю, Василь Иваныч. Может дрыхнут еще?

Временно, за неимением дополнительного жилья, мои сопровождающие ночевали в соседней комнате на матрасах, брошенных на пол. Я выглянул за шторку — так и есть, мужики уже проснулись и куда-то умотали. Матрасы аккуратно свернуты в толстую колбасу и придвинуты к пустой стене.

— Ну-с, Егорыч, уже позавтракал? — спросил я, присаживаясь за стол. Мурзин цедил бледный чай и кривился от горечи, топорща усики.

— Да, дома успел перекусить. Василь Иваныч, скажите, а вот я с корабля ваши ящики снимал и с описью сверял, то видел там, в бумагах значилось три мотоцикла, — он блеснул глазами. — Это правда? Настоящие мотоциклы?

— Ага, — легкомысленно кивнул я. Юн в этот момент ставила передо мной сковороду с яичницей. На шкварках, болтушкой. Как я люблю. Уж не знаю, кто ее надоумил, но сейчас она мне угодила. Я даже посмотрел на нее с благодарностью, отчего девка явно смутилась.

— А какой он? Кто сделал? Англичане? Или американе? Страсть как люблю я эту технику.

— Да нет, не они это, а мы сделали.

— Как? А разве так можно?

— А почему нет? — удивился я. — Дело довольно простое.

Не знаю, что возбудило Мурзина в моих словах, но у него аж глаза загорелись.

— Ладно, ладно, — понял я его. — После встречи с заместником, распакуем один. Тот, что коляской.

В комнату шумно завалились Петро с Данилом. Румяные, раскрасневшиеся. Рот до ушей, зубы скалят над чем-то смешным.

— Доброго утречка, Василь Иваныч, — без особого пиетета поздоровался Петро и без приглашения уселся за стол. За время нашего долгого путешествия через всю страну у них прошло ненужное мне подбострастие. Я люблю по-простому, без чинопочитания. Так, как я привык еще в том мире.

Я кивнул, не в силах ответить набитым ртом. Юн также кинула перед ними сковороду с яичницей и мои архары с жадностью на нее накинулись. Вмиг смолотили, улыбнулись

довольно.

— Ну вот, — счастливо улыбнулся Данил. — Почти как дома у матушки. Это, между прочим, я вашей девоньке подсказал. А то мне ее жареной лапши вчера хватило по горло. Не идет мне ихняя жратва, поперек глотки становится.

— Угу, — молчаливо согласился я. Думаю, что и мне вскорости китайская еда поднадоест. — Вы где были-то? Ни свет, ни заря куда соскочили?

— Прогуляться вышли, Василь Иваныч. В речке вот скупнулись. Холодная, зараза. Помните как на Байкале? Там тоже водичка такая, что околеть можно.

Я усмехнулся. Эти двое гавриков, найдя отлогое место, полезли купаться ранней весной в озеро, в то время когда еще даже лед толком не сошел. Только в и истоке Ангары была чистая вода, да по маршруту ледокола. Но ничего, за минуту смыв с себя грязь, накопившуюся за время пути, эти двое вылетели из воды со скоростью ракеты и укутались в припасенные дохи. Думал — заболуют, но нет, обошлось. Видимо, к ним никакая зараза не пристаёт. Сказывалось солдатское прошлое и тяжелые испытания, закалившие тело и душу.

— Баню надо бы поставить, — заметил я, глядя на их мокрые головы. — А в корыте этом мыться неудобно.

— Ага, а то ваша девчушка с мочалкой так и норовит потереть где самое интересное, — хохотнул Петро. — Только, Василь Иваныч, не надейтесь, она и в баню к вам будет ходить. Только уже раздетая. Ох, совратит она вас, поверьте мне на слово. Девка самый сок набирает, не смотрите что титешек нету. Не дай бог, совратит. Нам же потом ваша супруга головы и снимет.

Я снова хмыкнул. В принципе, фамильярный тон моих людей меня не коробил. Я как выходец из мира, где все равны, как раз и предпочитал такое простое общение, без всяких вычурностей. Тем более в домашней обстановке, где никого лишнего не имеется. Юн не в счет, ей как служанке, а тем более китайке, положено соблюдать дистанцию и глубочайшее почитание к моей персоне. Не я так придумал. Попробуй я изменить это положение, мои же подчиненные меня и не поймут.

В общем, доля смысла в словах Петро была. Девица действительно пойдет за мной в баню, чтобы исполнить то, что полагается. Но только я это не хочу. А значит, надо будет провести с ней беседу и внедрить в ее голову то, что так рьяно ухаживать за моим телом не следует. Отхлестать себя веником я и сам сумею, а спину поскоблят без особых церемоний мои солдаты.

— Егорыч, нам когда к наместнику надо выдвинуться? Далеко он от нас? — спросил я, когда мои мысли эротического характера наконец-то приземлились.

— Да тут близко, Василь Иваныч, — махнул рукой Мурзин. — Пешочком дойти можно. А на карете за десять минут доедем. Думаю, за полчаса выехать можно.

Мы так и сделали. За полчаса до назначенной встречи, я, Мурзин и двое моих, гм..., телохранителей, выдвинулись в сторону резиденции. Неспешно прокатились по пыльной и каменистой дороге. Подъехали ко вполне европейского вида зданию с большими окнами и величаво выгрузились из кареты. Мурзин провел меня ко входу, где пришлось оставить Петро и Данила. Их внутрь не пустили. Морды слишком уж простые, пролетарские или попросту — бандитские.

У кабинета наместника мне пришлось прождать больше часа. Сидел себе на стульчике, смиренно ожидая приема, вполголоса переговариваясь с Мурзиным и разглядывая

посетителей. Армейские и флотские чины, тоже ожидая приема, маялись от скуки. Кто-то читал свежие газеты, кто-то, так же как и мы, вел тихие беседы. Ни одного гражданского лица в комнате ожидания кроме нас не было. И потому я иногда ловил на себе заинтересованные взгляды. Видимо потому что я для всех был лицом новым.

Наконец, адъютант наместника, выпроводив очередного посетителя, обратился ко мне: — Господин Рыбалко, Его Высокопревосходительство вас ожидает. Пройдите.

Я поднялся с места. Кто-то из флотских, услышав мою фамилию, тут же припал на уши своему собеседнику. Видимо догадался кто я такой.

— Идите, Василий Иванович, — громко сказал Мурзин, косясь на шептунов, — я вас здесь обожду.

Я оправил костюм. Стряхнул с лацкана несуществующую пылинку, проверил пухлый конверт во внутреннем кармане и с легким волнением прошел за дверь.

Наместник Его Императорского Величества на Дальнем Востоке, адмирал Алексеев Евгений Иванович.... Много раз я думал об этой встрече, много раз я прокручивал в голове наш будущий разговор. Часто я представлял наместника по фотоснимкам из газет и журналов, и вот, сейчас, видя его вживую, я вдруг понял, что мои представления о нем и гроша ломаного не стоят. Вот он сидел передо мной, такой расслабленный, старый, усталый, без тени величия в глазах. Зыркнул на меня из-под густых бровей и шевельнул бородой в сторону стула, приглашая присесть. Он что-то неторопливо черкал в бумагах, только скрип стоял, да макал перо в простого вида чернильницу.

Я решил не присаживаться, спина не переломится, а небольшую толику уважения авансом окажу. Так и застыл перед ним. Мужчина уже в годах, лет шестьдесят ему. Голова седая, почти лысая. Глубокие морщины в уголках глаз складывали ажурную паутину, в которой запуталась старость. Борода и усы тоже с проседью, но кажется подкрашены. Адмирал старательно выписывал вензеля в бумаге, не смотрел на меня. А когда закончил и положил перо в пенал, поднял на меня голову.

— Н-ну? — спросил он, слегка растянув слово. — Значит это вы и есть господин Рыбалко? Тот самый придворный синематографист и возмутитель рабочего люда?

— Так точно..., - почему-то по армейской привычке ответил я и едва под его внимательным взглядом не щелкнул каблуками, — это я и есть. Рыбалко Василий Иванович. Приехал вот, наконец.

— А я вас себе иначе представлял..., - он посмотрел на меня с небольшим прищуром. — Что ж, господин Рыбалко, проходите, присаживайтесь. Рассказывайте с чем пожаловали и по какой причине на вас вдруг осерчала вдовствующая Императрица.

Перед массивным столом стоял не менее массивный стул с вырезанными узорами. Вот на него я и присел. Из внутреннего кармана пиджака достал пухлое письмо:

— Вот, Ваше Высокопревосходительство, мне надлежало это вам передать. От Марии Федоровны, лично.

Наместник шевельнул челюстью, борода его колыхнулась волной.

— Странно, зачем это? Мы ведь уже получили все инструкции касающиеся вашей персоны.

— Это лично от императрицы. Она просила передать, минуя фельдегеров. Не могу знать, почему.

— Ну что ж, — выдохнул он. — Давайте, раз передали.

Ножом он сорвал гербовую печать, вспорол конверт. Вытащил из него несколько густо исписанных листов и еще один вложенный и запечатанный конверт. Хмыкнул, вчитался в адресат и отложил в сторону. Опять бросил на меня взгляд и приготовился к чтению. Но перед этим сказал:

— А мы вас раньше ждали. Чего же вы так долго к нам добирались?

Это был риторический вопрос, не требующий ответа. Он и не стал ожидать моего объяснения, сразу же углубился в чтение. Читал долго, откинувшись на спинку стула. Неспешно переворачивал листы, иногда возвращаясь к уже прочитанному. Я сидел и ждал. От скуки стал разглядывать кабинет. Потом пробежался глазами по столу, заметил наши скрепки и улыбнулся. И сюда они добрались. Поди еще и кнопки в ящике стола валяются. Я обернулся и точно, подробная карта Дальнего Востока что висела на стене была пришпилена нашими кнопками.

— Ого, вот как? — вдруг воскликнул Алексеев, поднимая на меня удивленный взгляд. — Кликуша?!

— Что-что, простите? — не понял я.

— Вот тут в письме, — он потряс бумагой, — Мария Федоровна просит, чтобы я держал вас на коротке и не спускал с вас взгляда. Называет вас кликушей. А позвольте спросить, чем вы заслужили такое резкое высказывание самой Императрицы? Очень интересно....

— Ну..., - я несколько замялся. Рассказывать об истинной причине недовольства Марии Федоровны я не имел права. Да и не хотел. Потому и ответил уклончиво. — Есть у меня один смертельный грех — язык мой иногда говорит быстрее, чем я успеваю подумать. Вот и вся причина.

— Сболтнули чего-то лишнего перед Императрицей? Лягнули не подумавши? — с усмешкой спросил Алексеев.

Я сокрушенно кивнул и адмирал удовлетворился моим ответом. Он снова погрузился в чтение. А я, зацепившись за 'кликушу' догадался, что письмо писала не сама Императрица датчанка по происхождению, а ее подруга. Мария Федоровна просто не могла знать такое редкое слово. И кажется мне, что в письме было написано и еще что-то сверху продиктованного, потому как после разговора с матерью Императора эта самая подруга была очень уж сильно мною недовольна.

— Ну, ладно, с этим понятно, — оторвался от письма Алексеев. Он отложил бумаги в сторону, взял второй конверт. Снова прочитал адресат, подумал секунду, а затем без церемоний сорвал печать. Это письмо он прочитал поверхностно, пробежал по диагонали. Затем вернул листы в конверт и, капнув сургучом на уголок, заклеил своей печатью. А на лицевой части размашисто зачеркнул адресат и вписал новый. Потом вернул конверт мне со словами:

прода от 20 сентября

— К Мищенко вам обращаться незачем. Сходите сегодня в жандармский корпус и отдайте им это письмо. Я так понимаю, у вас есть еще какие-то бумаги для охранки?

Я кивнул.

— Вот, и их тоже отдадите. Там, в столице верно и не знают как мы тут живем, чем дышим. Мищенко вами заниматься не с руки, вам к Артемьеву. Вы меня поняли?

— Понял, Ваше Высокоблагородие, — снова кивнул я.

— Ну, раз поняли, тогда давайте поговорим, — он откинулся на спинку. — Очень, понимаете ли, интересно, с чего это вы решили вложить свои личные деньги с обустройство нашей крепости. Ну-ка, милейший, просветите меня, с чего бы такая благотворительность? Что-то подозрительно....

У меня для него был приготовлен всего лишь один ответ. Прямой как палка.

— Война же скоро с японцами. А Порт-Артур к осаде не готов.

Наместник как-то хитро на меня посмотрел. Ухмыльнулся в бороду, пригладил усы пальцами. Затем выдал:

— Действительно — кликуша.... А, между прочим, Император заверяет, что войны не допустит. Хотя, лично я, в чем-то мог бы с вами согласиться. Но не с осадой порта. Этого не будет. Мы с легкостью разобьем японцев, как на суше, так и на море. Уж я-то об этом могу позаботиться.

Он был самоуверен. И, похоже, он действительно желал этой войны. Но только лишь с той целью, чтобы раздавить японцев как надоедливого клопа и навсегда выдавить из Китая и Кореи. Знал бы он, что произойдет уже через год, не стал бы так говорить.

— Ну, выкладывайте, что вы тут намерены сделать. Двести тысяч большие деньги, тем более для лица частного. Ну-с?

Собственно, он особо-то и не требовал от меня ответа. Смотрел на меня с легкой усмешкой и не очень-то верил в мое меценатство. Наверняка думал, что я прибыл сюда лишь с единственной целью — заработать. Таких как я у него, наверное, каждый день по нескольку штук. Но что меня выгодно отличает от остальных, так это прямая ссылка от Императрицы и разрешение заниматься всем, чем пожелаю.

— Ваше Высокопревосходительство, — начал я аккуратно, — я, как и Император не желаю этой войны, но она, увы, все-таки состоится. Все идет к этому....

Я заметил, как наместник слегка качнул головой, словно соглашаясь с моими словами.

— Думаю, что войну начнут японцы, проявив свою азиатское коварство и ударив первыми. Внезапно, без объявления войны. Варвары они есть варвары. Не могу судить о ходе войны, но то, что я понимаю, не добавляет мне радости. Если японцы смогут высадиться на сушу и осадят Порт-Артур, то нашей крепости придется не сладко..., - я сделал небольшую паузу, потом добавил, — да чего уж лукавить — совсем плохо придется. Не берусь судить об оборонительных сооружениях и вообще о вооружении крепости, но нет никакого секрета в том, что Порт-Артур в осаде будет отрезана от какой либо помощи. Будут перерезаны все связи с Империей, как по суше, так и по морю. Даже телеграфное сообщение будет прервано. И вот я, как предприниматель и как человек, горячо болеющий за величие нашей Родины, прибыл сюда, чтобы хоть как-то помочь нашей беде. Попробовать помочь в организации поставок пропитания, организовать связь с материком в случае осады, да и вообще, я могу организовать производство тротила и начинять им снаряды. Так же у меня имеется в запасе огромное количество колючей проволоки и оборудование для ее производства. Для того чтобы не тащить ее с запада или не покупать в Америке. Так же у меня имеется оружие собственной разработки и кое-какие предложения по обустройству оборонительных сооружений. И, конечно же, наше оружие оригинальной конструкции для навесной стрельбы я хотел бы продемонстрировать господам военным. Хотел бы, чтобы они оценили все его достоинства и в случае осады японцами могли всецело на него полагаться.

Все-таки речь моя получилось такой, как будто я сюда и приехал только лишь за прибылью. Неудачно получилось, откровенно говоря. И адмирал посмотрел на меня с

хитринкой в глазах, показывая, что 'понял' мои устремления. Пришлось поспешно добавить:

— Я прошу, Ваше Высокопревосходительство, меня правильно понять. Я не ставлю здесь целью обогатиться за счет государственной казны или как-то еще. Напротив. Я готов потратить свои личные деньги. Помочь крепости личными сбережениями. Например, построить ДОТы я могу на свои деньги, нужно лишь согласование и одобрение военных. Телефонную связь между укреплениями я также могу провести на свои деньги. Я патриот и я буду стараться помочь. Нам надо выдержать эту осаду и не сдать!

Он ответил не сразу. Разглядывал меня, щурился. Затем спросил:

— Что такое ДОТы?

— Долговременна огневая точка, — без заминки выдал я. — Строится из железобетона, способна выдержать обстрел крупнокалиберной артиллерией. Оснащается пулеметом, например Максимом.

— То есть, по-простому говоря, это обычный форт? Или редут?

— Нет, не совсем, — мотнул я головой и потратил несколько минут на подробное объяснение. Даже набросал маленький чертежик, чтобы было понятно. Адмирал взял листочек, что я намалевал, нахмурился.

— Эту мазню вам надобно другим людям показывать, а не мне. Ну ладно, а скажите тогда, чем вам наши форты не нравятся? Со своей задачей они вполне справляются, — спросил он после всех моих объяснений. — Там и казармы и лазарет, и вооружения более того, что можно впихнуть в вашу точку, — он легко повел ладонью, словно отмахиваясь от ненужной идеи. Отложил набросок в сторону. — А вот тротил ваш нам весьма интересен. Вы и вправду его привезли? Сколько же?

— К сожалению, сам тротил я сюда не привез. Еще в Петербурге мне пришлось отдать охранному отделению все свои запасы. Но я привез сюда и оборудование для его производства и технологию. В скором времени сюда придут химики, и мы сможем наладить производство взрывчатки. Думаю, что на начальном этапе мы сможем выдавать в сутки по четыре пуда.

Он недовольно качнул головой.

— Это слишком мало, едва ли хватит, чтобы снарядить пару снарядов даже не самого большого калибра. Например, снарядов от шестидюймовки. Вы знаете сколько они весят? А вы представляете, каков расход этих снарядов во время военных действий? Вижу, что не представляете. Четыре пуда в сутки, это слишком мало. Можно сказать, что почти что ничего. Можно было даже и не говорить.

— Ваше Высокопревосходительство, но я и не думал давать тротил для снаряжения ваших снарядов, — возразил я.

— Вот как? — удивился он, высоко подняв брови. — А мне кажется, вы что-то подобное упомянули.... Забавно, а зачем же тогда вам ваша взрывчатка? Неужели вы бомбист? Слышал, что вы пропагандируете либеральные идеи, да и императрица об это написала.

— Боже упаси! Никакой я не бомбист и не либерал. Тротил мне нужен для производства собственного оружия. Минометов, гранат и возможно противопехотных мин. Хотя по последнему пункту я не очень уверен, грунт здесь каменистый и глинистый, и скрытая установка мин едва ли будет возможна.

Алексеев кашлем прочистил горло. Он глядел на меня непонимающе — все то о чем я ему говорил, было ему незнакомо. Хотя гранаты и использовались много ранее, но вот в

современной армии этот тип боеприпасов отчего-то не закрепился. Да и на счет противопехотных мин у меня были серьезные сомнения — скорее всего, узнав их принцип действия, военные объявят их негуманными и запретят к использованию. М-да, Первой Мировой Войны еще не случилось и наши вояки еще не обжигались на своей гуманности.

Я добавил:

— Надеюсь, через несколько месяцев я смогу вам продемонстрировать все мои изобретения. А то можно сколько угодно говорить, но пока своими глазами не увидишь, да руками не пощупаешь....

Он медленно склонил голову, соглашаясь. Хлопнул ладонью по столу, слегка подался вперед.

— Хорошо, тогда и поговорим об этом через несколько месяцев. Все нам и тогда покажете и расскажете. Что же до этого письма, — он жестом показал на послание Марии Федоровны, — то согласно просьбе Императрицы я не имею права вам препятствовать в вашей деятельности. Можете вести здесь свои дела, так как вам заблагорассудится. Разумеется, только если это не пойдет во вред Империи. Хотите — стройте свои мануфактуры, хотите — торгуйте. Делайте свое оружие и продавайте, если есть на то желание. Если военные заинтересуются, то им, если нет, то попробуйте Китаю что ли продать. Может быть купят. Что же касается обустройства фортов, то, увы..., - он покачал головой, — не думаю, что военным понравятся ваши идеи? Неужели вы думаете, что она вас так просто допустят до обустройства обороны Артура? Обустройство крепости уже давно согласованно и никто не будет вносить в план изменения по вашей прихоти. Не будьте таким наивным, господин Рыбалко, а лучше занимайтесь своим купеческим делом. Я доходчиво пояснил? А впрочем, все зависит от вас. Слышал, что вы весьма удачливый молодой человек и весьма неплохо преуспели в коммерции. Может и уговорите военных, чем черт не шутит. Что ж, хорошо. Я рад, что вы меня поняли. Но у меня к вам, как успешному торговцу и фабриканту есть такой вот вопрос — как вы смотрите на то, чтобы поработать в Корее? Послужить, так сказать, интересам России. Вы же патриот?

Он уловил мой удивленный взгляд. Я даже и не думал пускать свои щупальца в Корею, зачем она мне? Да и что там можно делать? Эта страна сейчас находится на уровне развития Китая, а может даже и еще ниже. Что она может мне предложить? По сути — ничего, кроме полезных ископаемых, да и те еще там найти требуется. Насколько я помню из газетных заметок, сейчас лесная концессия на вырубку в Корее находится в руках Безобразова, а тот имеет поддержку на самом верху. И адмирал Алексеев весьма положительно смотрит на то, чтобы Российская Империя закрепились и на этой территории. Недаром он благоволит тем, кто этот лес пилит и вывозит, а так же пытается там всячески закрепиться — дороги там строит, склады и торговые общества. Русско-Корейский банк, опять же, созданный для этого дела, только и способствует тому, чтобы Империя закрепились на полуострове. То есть, наши, прикрываясь маской предпринимательства и пользуясь слабостью государства, пытаются подмять под себя Корею. Но если говорить по правде, то Корея и сама не прочь получить Российскую Империю в качестве защитника. События почти десятилетней давности они помнят довольно хорошо и очень боятся того, чтобы к ним на полуостров снова пришли японцы. Те большие мастера рубить головы. Да и сам наместник желает обострить отношения с Японией, у которой тоже были свои интересы на полуострове. В общем, выходило, что если хочешь добиться скорейшего расположения Алексеева, то будь добр обратить свой взор на корейский полуостров и попытаться закрепиться там своим

капиталом. А мне эта Корея сейчас поперек горла. Не жалею я туда вкладываться.

Я ответил ему не сразу. Сидел, собирался с мыслями, думая, как же более аккуратно и дипломатично оттянуть решение. Взять тайм-аут на несколько месяцев. Но Алексеев сам все понял, разочарованно покивал и сказал:

— Я понимаю, не все так сразу. Вы и приехать не успели, я на вас сразу же надавил.

— Ваше Высокопревосходительство, я не отказываюсь, — поспешил заверить я. — Я не исключаю такой возможности. Я лишь прошу дать время, чтобы здесь обустроиться. Наладить производство и завести нужные связи. Мне бы годик на то чтобы твердо встать на ноги, а там можно и в Корею.

Все, можно сказать, что на этом моя аудиенция была закончена. Адмирал кивнул и, показав ладонью на выход, попрощался:

— Прекрасно. Поговорим через годик, следующей весной. А сейчас не смею вас более задерживать. И надеюсь до скорой встречи.

Я немедленно поднялся и вышел из кабинета. Не забыв при этом захватить письмо, что вернул мне наместник. Наша беседа не заняла более двадцати минут и ничего мне кроме нового знакомства не принесла. Благоволение на труд для пользы крепости от имени Императрицы у меня и так было, и Алексеев мне препятствий чинить не стал. Ну а с военными мне придется наводить мосты личным порядком.

Подскочил Мурзин. Заглядывая в глаза, спросил:

— Ну как? Как вас приняли Его Высокопревосходительство? Все хорошо?

— Все нормально, — нейтрально ответил я, зашагав на выход.

Адъютант, что сидел в приемной, поднялся со своего места и скрылся в кабинете наместника. А через несколько секунд вышел и пригласил следующего посетителя.

Уже на улице я смог расслабиться. Вздохнул полной грудью, подставил лицо весеннему солнцу и прикрыл глаза. Мурзин терпеливо ждал. Павло с Данилом незаметной тенью пристроились за спиной. Все-таки такие приемы даются мне очень волнительно. Я хоть и стараюсь выглядеть спокойно и формирую на лице маску уверенности, а все же внутренне всегда колеблюсь. Вот и сейчас, вроде бы не о чем вообще было волноваться, а все же нервы во время разговора были натянуты словно гитарные струны и сейчас, ослабнув, они провисли, а я ощутил легкую усталость и опустошение. Глядя на солнце сквозь закрытые веки, я приходил в себя, восстанавливался. Наконец, глубоко вздохнув, сказал:

— Нам сейчас в охранку надо бы скататься. Далеко это?

— Да не-е, тут рядом. В новом городе. За десять минут домчим. Извозчика поймать и на китайце домчим?

— Мне все равно, — только и кивнул я. — Только через дом, мне бумаги кое-какие захватить надо. И куртку кожаную....

— А куртку зачем? — не понял он.

— Униформа для мотоциклистов, — лукаво пояснил я, не желая посвящать того в тонкости самопиара. Уж мотоцикл-то в этом далеком уголке Империи обязательно должен произвести фурор, и потому мне полагается иметь вид соответствующий — в кожаной куртке с молнией наискосок, крагах и в карболитовом шлеме с защитными очками. Я в первую свою поездку должен был иметь такой вид, чтобы не было стыдно появиться на первой полосе местной газеты. Чем черт не шутит.

В охранке я не потратил много времени. Зашел, передал бумаги, встретился с важным дядькой, который меня и не ждал совсем, расписался, да и вышел вон, почти вылетел из

дверей свободной птицей. Меня здесь более ничего не задерживало — могу делать все что хочу. Единственно, важный дядька напомнил, что мне надо бы приходит в отделение хотя бы раз в неделю и отмечаться. Ну или предупреждать куда собираюсь отчалить и получить на руки 'сопроводительные' документы с печатями и росписями.

Как я и обещал, после всех дел и неспешного обеда в 'Саратове', в центральном ресторане Нового Города, мы поехали на нашу производственную площадку. Необходимо было распаковать один из мотоциклов. Новый сторож встретил нас настороженно, поглядывал из-под козырька картуза на меня недоверчиво, а на Павло с Данилом так вообще окрысился. Раздувал на них недовольно ноздри, демонстративно сплевывал под ноги. Если б не фигура Мурзина, вышаркивающего перед моей персоной, думаю, вдуплил бы дробью по задницам моим архарам безо всякого сожаления. По какой-то причине сторож недолюбливал бывших солдат, а может просто рожи их бандитские не понравились.

— Ну так, Егорыч, давай искать наш транспорт. Ты помнишь куда что сгружал?

Я стоял беспомощно перед нашим грузом. По спискам у нас тут три мотоцикла, с десяток мопедов, велосипедов три десятка.... Двигатель Тринклера один тут же валяется тщательно упакованный. Один из опытных образцов. Зачем Мишка мне его впихнул, для меня осталось загадкой, ведь работал этот движок на сырой нефти и обороты выдавал минимальные. Да и с мощностью у него дела были плохи. Разве что какой-нибудь генератор на него повесить, да на производство приспособить? Или помпу присобачить, на худой конец.

— Да-да, он где-то здесь, — он также смотрел на груды ящиков и задумчиво чесал затылок. Поглядывал в бумаги, сверяясь со списком. Сразу найти что-либо не представлялось возможным. — Надо Давидыча звать. Он должен помнить.

— Ну, так зови.

Моисей Давидыч, вчерашний старик, прилетел на склад примерно через час. Сломал передо мной шапку, выслушал объяснения Мурзина и безошибочно указал на место, где следовало откапывать нашу технику. И два моих архара, засучив рукава, полезли в дебри. Ковырялись долго, переставляли ящики на другое место, передвигали в сторону, заглядывали в щели, отыскивая дорогой 'Руслан' с коляской. Дело продвигалось медленно. К раскопкам, скинув пиджак, подключился Мурзин.

Через час нужный нам ящик выволокли на свет божий.

— Ломай, — приказал я и Данил вогнал выдергу под шляпку гвоздя.

Раздался треск выдираемых гвоздей, хруст ломаемой обрешетки и вот, перед нашим видом предстала наша гордость — хромированный 'Руслан' и блестящая коляска. В транспортном положении, со свернутым набок рулем, пустым баком и намертво прикрученным к подставкам на днище ящика.

— Ну, как? — лукаво посмотрел я на своего управляющего. — Красота?

Ясные глаза Мурзина вспыхнули лихорадочным огнем. Кончиками пальцев он коснулся хрома, провел по крашеной раме, потрогал кожаное седло. Похоже, он станет настоящим фанатиком мототехники.

— Боже мой, — восторженно сказал он, — какой конь! Каков красавец! Надо же, Василь Иванович, никогда не думал, что смогу увидеть. Мотоцикл!

Он ходил вокруг разодранного ящика и едва ли не облизывал 'Руслана'. Я кивнул парням:

— Там бутылки с бензином и маслом должны быть. Найдите.

Они кивнули и снова погрузились в развалы. Ну а пока они искали топливо, я скинул с себя пиджак, закатал рукава и из недр коляски выудил инструменты — ключи и отвертки. И пригласил управляющего помочь. На пару с ним освободили застоявшегося коня из плена. Поставили и прикрутили коляску. Дело, в общем-то не сложное, особенно когда знаешь как.

А мои помощники до сих пор так и не вылезли из развалов.

— Ну, вы там что провалились? Найти, что ли не можете? — прикрикнул я в эту Хеопсову пирамиду.

— Нет, Василь Иванович. Не можем, — прозвучал приглушенный голос. — Тяжелое все очень. Щас мы отодвинем еще чуть-чуть....

Раздался натужный выдох и что-то там внутри заскребло по бетонному полу, а затем с грохотом упало. Громко заматерился Петро, ругаясь явно на своего напарника.

— Эй, вы там как, живы?

— Да нормально все, живы мы, — ответили через некоторое время орлы. А затем радостно добавили. — Нашли мы ваш бензинчик. Сейчас достанем.

Они выволокли стеклянную бутылку на два ведра в которой плескалась золотистого цвета масляная жидкость. С горловины сбили сургуч, Павло сунул под пробку нос и удовлетворенно констатировал:

— Он самый — бензин.

— Теперь масло доставайте, — напомнил я. Оно в желтой канистре из жести должно быть.

— Ага, щас. Вроде видели такую.

Мотоцикл к бою привести оказалось не так сложно. Топливо, разбавленное маслом, нашло приют в бензобаке и я, подкачав чуть-чуть насосом, ударил ногой по кик-стартеру. И едва мотор схватил, слегка прибавил газу. Из выхлопной трубы вывалило густое облако дыма, окутавшее счастливого Мурзина, а недостроенное помещение наполнилось громкой трескотней, которая, впрочем, по мере прогрева стало превращаться в довольное, утробное ворчание. Павло с Данилом одобрительно матернулись, показывая свое полное удовлетворение.

— Ну что, Даниил Егорович, — застегивая под подбородком ремешок от шлема и надевая защитные очки, с пафосом обратился я к своему управляющему, — наведем с тобой шороха в этой богадельне? Покажем здешним, что такое настоящая техника?! Прыгай в коляску!

Его не надо было просить дважды. И он споро забрался в люльку и ухватился за поручень. И столько счастья было на его лице, что казалось не взрослый мужик сейчас будет кататься, а мальчишка десяти лет.

Мы громогласно скатились с забетонированной площадки. Я поддал газку и мотоцикл сорвался с места. Из-под колес полетел щебень, клубами взвилась пыль, а люди заморожено проводили нас взглядом.

Мы лихо прокатились по Старому городу. Мурзин, чтобы зазря не тратить время решил провести мне экскурсию. Перекрикивая тарыхтение мотора он показывал мне рукой — вон там, если смотреть через Восточный бассейн, видны угольные склады, вон там портовые мастерские, а вон там, отсюда плохо видно, но если мы подъедем, то будет виден док. Там сейчас какая-то канонерка проходит мелкий ремонт.

— А вон там, Василь Иваныч, за Золотой горой находится Электрический утес! — прокричал он.

— Почему Электрический?

— Там прожекторов много! А вон видите? Дом наместника! — он показал рукой в противоположную сторону от Электрического утеса, на другую возвышенность.

Мы катались и откровенно наслаждались. Люди на нас глазели, лошади шарахались, собаки гавкала, а мальчишки, как и все мальчишки во всем мире, улюлюкая, неслись за нами. Ехали мы не быстро, так как дорога не позволяла разогнаться, так что толпа пацанов гналась за нами довольно долго.

Так мы проехали по Старому городу, Новому Китайскому городу, затем развернулись и, миновав железнодорожный вокзал и проехав по неширокому деревянному мосту через реку Лунхэ, промчались по Городу Новому, где в основном и проживал весь русский люд. Вот там уже по брусчатке мы и поддали чуть-чуть газку. Не асфальт, конечно, но все же лучше, чем по разбитой грунтовке. Зубы у нас застучали как отбойные молотки, а люлька с Мурзиным жестко подпрыгивала на булыжниках, вытряхивая из управляющего всю душу. Та еще была пытка, но ничего, тот был даже доволен.

В Новом Городе было почти как в Париже. Почти Европа. Современные дома, стройные улицы, почтовое отделение, банк, магазинчики, кафе и рестораны. Почти как дома, в Питере, только масштаб другой и горы теснят со всех сторон. Хорошо здесь было и если не оглядываться на Старый город, то и не скажешь, что ты находишься на другом конце света на арендованном у Китая полуострове.

Я остановил мотоцикл возле телеграфной станции. Мурзин выполз из люльки и на подрагивающих ногах побрел до ближайшей скамейки. Присел, вытер лоб рукавом. Я же, образовав вокруг себя небольшое стихийное собрание, скинул шлем, снял очки и какая-то из дам ахнула.

— Так это ж Рыбалко! — воскликнула она.

Я ей улыбнулся. Вытащил ключ из мотоцикла и чуть-чуть пожалел, что мы не в будущем. Сейчас так бы эффектно можно было пикнуть брелоком.

К женщине потянулись товарки, зашептались, заморожено поглядывая на мою персону. Их спутники тоже проводили меня взглядом, но в основном все их внимание приковывал новый вид транспорта. Не побоюсь сказать — самый совершенный мотоцикл в мире, блестящий, весь в хrome. Красивый.

На телеграфную станцию я добрался впервые с момента приезда. Все как-то не было времени — то одно, то другое. Понимаю, что так нельзя, но так уж получилось. И сейчас я спешил сообщить супруге и Мишки, что добрался я вполне себе хорошо. Без приключений и без убытка для здоровья.

— Добрый день, барышня, — подойдя к стройке, сказал я. — Мне бы телеграмму отослать в Петербург.

Девушка стрельнула в меня карими глазами, почему-то смутилась и, заливаясь румянцем, подала бланк.

— Пожалуйста, заполняйте.

И я тут же, не отходя от стойки, накарябал короткое сообщение. Вернул бланк обратно.

— Пожалуйста....

И девушка после подсчета слов, огласила сумму:

— С вас два рубля и пять копеек.

И вот тут у меня возникли сложности. Станным образом я не смог отыскать в своих карманах вообще никакой мелочи. Два рубля нашлись в бумажнике, а вот завалиющихся пяти копеек вдруг не оказалось. Пришлось бежать на улицу и требовать у Мурзина. А когда вернулся и расплатился, вдруг само собой вырвалось:

— Милая барышня, а не подскажите, есть ли в этом городе театр? Такой чтоб с настоящей сценой, с ложами и партером? — и подмигнул ей. А что, симпатичная девчонка сидела — щечки пухлые, румяные, а глаза черные-пречерные, утонуть можно.

Она стушеввалась. Еще больше покраснела, хотя казалось больше некуда.

— Театр Мирославского был, — сказала она, поднимая на меня свои черные очи. — Но он сгорел.

— Вот как? Жаль.... А что же, других театров более здесь нет?

— У Тифонтия еще есть.

— Кого-кого?

— Китайский театр есть. А еще шантаны, если вам будет удобно.

— А это что такое? Никогда не слышал, — удивился я.

— Кафешантаны. Если вы хотите, то можете там присесть и отдохнуть.

Я понял, о чем шла речь. По сути, кафешантан то же кабаре. Можно присесть за столик,

выпить и насладиться длинными ножками барышень. Мулен Руж в Париже из этой темы. Короче — местный разврат.

Уже на улице я подсел к отдыхающему на лавке Мурзину и спросил:

— А что, нормальных театров тут и вправду нет?

Он вздохнул.

— Да был тут один, да погорел. Одни угольки остались от здания. А жаль, хороший был театр. Развлечься можно было, когда скучно. Господа генералы да адмиралы любили туда ездить. Далеко, правда, стоял от города, извозчики восемьдесят копеек просили, представляете? Он сейчас он заново отстраивается, Мирославский у Алексева денег выпросил. А зачем вам театр, развлечься хотите?

— Угу, — задумчиво кивнул я. — А барышня на телеграфе про какие-то китайские театры рассказывала. Это как выглядит?

— Да обычная зала со сценой. Ничего интересного. Могу показать, если хотите. Так зачем вам он? Вы, если желаете, то только скажите, я уж вам любой билетик заранее куплю в самом лучшем месте. А еще лучше в 'Варьете' вам сходить. Там и покушать вкусно можно и на ножки в кружавчиках посмотреть. Офицеры, опять же там присутствуют. Знакомства завести можно.

Я махнул рукой. Приобщаться к местной культуре мне не хотелось, а вот свою синему организовать было бы очень желательно. И мне нужна площадь для моей затеи. Да и денег дополнительно заработать не помешает.

— Барышня говорила, что владельцем погоревшего театра был Мирославский?

— Ага.

— А достроит он его когда, не знаешь?

Он пожал плечами и улыбнулся.

— А давайте съездим, посмотрим? Я покажу.

— А давай! — с готовностью ответил я и устремился к мотоциклу вокруг которого собралась стайка офицеров всех мастей. И морские и сухопутные. Они рассматривали технику, аккуратно трогали хром и возбужденно обсуждали. Кто-то технику хвалил, кто-то морщил усы, убеждая всех, что сие чудо никому не нужно. Ибо маломощна, тряска и вонюча. И вообще, нет ничего надежнее хорошей лошади.

Я подошел, услышал последнюю фразу про вонь выхлопных газов и возразил напыщенному сухопутному капитану:

— Знаете, конечно, можно нюхать конские яблоки и находить в них свою прелесть. Но как по мне, то этот запах не приятнее того, что источают крестьянские ретирадные. А нюхать дерьмо, извините меня.... Лучше уж выхлопные газы.

Капитан фыркнул. Бросил на меня уничижительный взгляд, а кто-то, кто явно недолюбливал сухопутного, расплылся в довольной улыбке.

— Ну, знаете ли! Да кто вы вообще такой?

Вместо ответа я уселся на мотоцикл. Вжикнул молнией, напялил каску и краги. Мурзин протиснулся меж господ и умастился в люльке. Шлема ему, к сожалению, не досталось.

— Я, господа, Рыбалко, Василий Иванович, — обвел я взглядом любопытствующих. — Купец и фабрикант из Питера, приехал в Порт-Артур с благословения самой императрицы Марии Федоровны. Всего пару дней как здесь. Если будет надобность или просто интерес — заходите, всегда буду рад. Напою чаем или чем покрепче. И, кстати, этот мотоцикл продается. Как и остальные.

И с этими словами я ударил по кик-стартеру. Славу богу, движок схватил сразу, и я резво газанул в сторону вокзала, окатив людей ароматами из глушака.

Погоревший театр находился за пределами Нового Города. И действительно, добираться до него было не самой удобной дорогой. И недаром что извозчики раньше ломили за него такую цену.

Новое здание было почти построено. Возводили его целиком из дерева, торопливо. Вездесущие китайцы сновали по стропилам, колотили молотками, затаскивали на крышу доски и где-то уже подкрашивали. Бригадир — русский мужик с красным лицом от вечной гипертонии, прикрикивал на рабочих, руководил процессом. Луженая глотка костерила рабочих с такой мощью, что мы слышали его метров за сто, не смотря на рык мотора. Вот мы подъехали, молча посмотрели на строительство, да и развернулись, ибо ловить на сейчас пока что нечего. По сведениям Мурзина, Мирославский сейчас в отъезде, набирает новую труппу. А как приедет, так и займет театр новой постановкой. Нет, снять это помещение в аренду у меня в ближайшее время не получится. Надо искать что-то другое.

— У Тифантая можно попробовать, — подсказал управляющий, стуча зубами в подпрыгивающей на камнях люльке. — Возле китайского базара у него стоит театр, можно его посмотреть.

— Большой?

— Да как сказать. Обычный. Поедем?

Я развернулся. В Старом городе нашли китайский базар, посмотрели на неказистый театр. Тоже из дерева. И здесь на нас уставились любопытные глаза, только на этот раз я не стал глушить мотор, а лишь постоял с минуту, поглазел, да убрался восвояси без всякого сожаления. Маленький театр был, не понравился он мне.

Следующим днем у меня дошли руки до нашего производственного участка. Пока Юн копошилась на улице и развешивала с утра постиранное бельишко, а мои архары уматали присматривать брус для бани, я взял Мурзина за 'шкурку'. Прямо спросил его:

— Тебя когда Козинцев нанимал, то ты план постройки с ним согласовывал?

— Тю-ю, — усмехнулся он. — Василь Иваныч, Козинцев только и успел, что купить этот участок, да меня нанять. А сам план уже я заказывал и его же согласовывал.

— Где план?

— Хотите видеть? Что ж, я вам его принесу. Да только он ни на йоту не отличается от того что я построил. Вот! Но признаюсь вам как на духу — это моя ошибка. Хотел как лучше, Козинцеву почтой отправлял на согласование, да только не дождался я ответа. Бетон тут был, гм..., дешевый, срочно надо было его покупать. Иначе потом вдвое дороже он бы нам обошелся. Каюсь, не рассчитал я свои силы, замахнулся на великое, да вышло малое. Деньги все потратились, а я построить не сумел. Вы уж звиняйте.

— Звиняйте! — передразнил я его. — Ух, зла на тебя не хватает!

Ну вот что тут с ним сделать? Морду набить? Выгнать? А смысл? Обратного уже не отыграть, а сам управляющий мужик ушлый и исполнительный. Такого просто так не выгоняют. К тому же неожиданно для себя выяснил, что Мишка-то оказывается, не только участок для производства в Новом Китайском Городе прикупил, не только дачный участок на самой окраине Старого Города, но и еще один дачный участок недалеко от берега моря. Я удивленно спросил:

— А здесь что он собрался строить?

— А это вам следовало Михаила Дмитриевича лично спрашивать. Мне он говорил, что дом хочет здесь поставить. Да только бессмысленно это. До города больно неудобно добираться и долго. Пару верст до туда, а шоссе все извилистое, да с ухабами. Я взял на себя смелость, основное жилище для вас в городе построил. Господа офицеры, конечно, землю под дачи расхватили и летом в самую жару там обитают, да только все одно — неудобно. Единственное что хорошо — воздух свежий и спуск к морю удобный. Летом скупнуться можно. И двадцать вторая батарея рядом и первый форт. Если хотите, можем съездить, я вам покажу.

— Ты там ничего не построил?

— Нет, земля пустая стоит. Только забором обнес и все. Лучше здесь, у многих офицеров высших чинов, кстати, тоже домики здесь стоят. Если что, могу показать.

— Ого, а как же тогда Козинцев здесь землю захватил?

— На лапу дал, да и повезло просто. Подоспел к моменту когда землю для дач нарезали.

— Ладно, понятно. Тогда гроб нес, проверять буду, — проворчал я и Мурзин с готовностью понесся за бухгалтерией.

Тщательная проверка в течение целого светового дня показала, что все, что он тратил, он тратил на нужное дело. На рабочих, на материалы, на инструменты. Все бумажки были на месте, все цифири сходились. Жалование Юн тоже не забыл вписать, а вот свое жалование он получал почтовым переводом от Козинцева. Нашлось расхождение в суммах около пятисот рублей, что, в общем-то, казалась суммой невеликой. Взятки же надо было платить, да и бетон этот по чистосердечному признанию управляющего оказался ворованным. Опять же пришлось дать немного денег тому, кто помог закрыть глаза на небольшое уточнение стенки каземата в одной из батарей. Кирпич, кстати, тоже был частью скомунизден. Потому-то Мурзин и замахнулся на такое грандиозное строительство, ибо думал, что сможет купить все по дешевке. Однако ж, просчитался, дешевый материал неожиданно закончился, а интендант, с которым была налажена торговая связь, оказался переведен в другое место.

— Ты вообще какого черта стал так основательно строить? Козинцев тебе что говорил? Строит площадку для установки нескольких станков и выделить место для большого склада. Склад можно было построить из дерева. Какого хрена, спрашивается, там стены в полметра толщиной?

— Василь Иванович, я ж как лучше хотел, — он почти и не оправдывался. Так, для проформы высказывал свою точку зрения, ибо давно мне все рассказал. — Сами говорите, что война с япошками будет, а если они бомбить станут? Кирпич он лучше, чем доска, все сохраннее будет. Да и воровать меньше будут. Попробуй кирпич расковыряй, а доску вырвал и выноси что хочешь.

— А-а, ну тебя. Брехать только и умеешь, — махнул я рукой. Я его не выгоню, он это понял. Даже жалование не урежу, потому как по сути не за что. Не своровал ведь, да и не доказательно это. Но вот дополнительных денег я ему подкидывать не стану, обойдется. — Ладно, ты мне скажи, сколько надо денег, чтобы завершить строительство и как быстро его можно закончить?

— Я просил десять тысяч, — с готовностью выдал он, но поймав мой недовольный взгляд, добавил. — Но вы же не хотите заканчивать как я думал? Тогда дешевле, намного.

— Сколько?

Он не ответил сразу, подумал. Затем сообщил, что для сметы ему нужен новый план строительства. Я примерно обрисовал, что хочу видеть. То, что он уже возвел, разделить на три части и одну треть выделить под производственные нужды. Остальное под склад. Химики временно будут ютиться в комнатенке построенной на складе, а потом им надо будет строить отдельное помещение. И лучше всего в самом безопасном месте, там, где и людей почти не будет.

— Ну, тогда тыщи в три уложимся. Если из дерева, — прикинув, сообщил он. — Только, Василь Иваныч, вы уж будьте добры, выдайте мне план строительства на руки. Что б, значица, претензий ко мне вы более не имели.

— На месте я тебе покажу, как делать надо, — заверил я. — А оплату материалов и расчет с рабочими будешь производить через меня.

Он кивнул.

— А ежели того этого? В смысле подешевле достать получится, то тоже через вас расчет?

— В смысле? — решил уточнить я, хотя уже догадался, о чем он. — Опять ворованное?

— Ну, зачем сразу ворованное? — с хитринкой в глазах ответил мой управляющий. — Бережливо сбереженное. Так как, тоже к вам бежать? Хотите, чтобы офицеры к вам сами ходили?

Дилема, однако. Мне быть запятнанным скупкой ворованных материалов не хотелось вовсе. И тратить деньги на то, что можно получить за гораздо меньшее, тоже не нравилось. Я колебался несколько секунд, затем решил:

— Никакого ворованного материала. Работать по чесноку.

— Как-как?

— Работать честно. Я ясно выразился?

— Куда ж яснее, — развел он руками. — Предельно понятно вы выразились. Мне теперь и шагу в сторону ступить нельзя.

К строительству Мурзин приступил спустя пару дней. Нагнал с пару десятков китайцев, нанял несколько русских мужиков, что понимали в строительстве и сам стал контролировать процесс. Груз, что лежал горой посреди площадки, наглухо обнес колючкой, да приставил сторожа, чтоб никто ничего не свистнул. Доски и бревна, напиленные из корейского леса, привозили несколько дней кряду и сгружали рядом. Доска и брус были влажные, не просохшие и работать с ними было тяжело — пилы застревали, а топоры вязли. Конечно, плохая постройка выйдет из такого леса, но нам много и не надо. Простоит до конца осады и ладно.

Китайцы получали до удивительного мало. Каждая пара рук обходилась нам в сорок копеек в день и полфунта риса. Маленькие росточком, черные лицом, эти работнички вкалывали так, что я диву давался — откуда у них только силы берутся. Впрягутся вчетвером, взвалят сырое бревно на плечи и тащат словно мулы, только лбы утирают. А потом поднимают, кряхтя и громко поругиваясь на своем, на китайском. И Мурзин, даром, что работодатель, часто подставлял им свое плечо, не гнушался тяжелой работой. Казалось, даже получал от этого удовольствие.

Я ходил иногда на стройке, перешагивал через обрезки и распущенные на дранку бревна, присматривал вполглаза за процессом. Китайцы, вечерами выстраивались к Мурзину за дневной платой и я, по головам пересчитывая трудяг, выделял деньги. Наверное, моему

управляющему было обидно за мое недоверие, но тут уж ничего не поделаешь. Он хоть и расписал мне, куда подевались неучтенные пятьсот рублей и я ему верил, но все же стоило слегка показать мое недовольство. Он-то как никто другой должен знать, что за выданные деньги всегда приходится отчитываться. Взятки-взятками, а недостачу никто не отменял.

Китайцы передо мной раскланивались, ломали спины. Приговаривали 'белый хасяина' и старались понравиться. Некоторые старались настолько сильно, что я их поневоле запомнил — Вейдун Ху и Чжиган Лай. Первого запомнил из-за его веселого нрава — он, замечая меня, всегда растягивал рот в широкой улыбке и, дико картавя, кричал 'доблый хасяина, доблый' и, отвешивая мне низкие поклоны, старался приблизиться ко мне. В первые разы меня это шокировало, а потом привык. Тем более что окружающие, почти и не обращали на это событие никакого внимания. Другой же китаец, уже мужчина в годах, под четвертый десяток лет, запомнился мне своим именем — Чжиган. Очень уж созвучным оно оказалось с 'джиганом'. Или с 'цыганом', если угодно. Этот тоже ломал передо мной спину и так же подбивал под меня клинья, проявляя свою хитрую натуру. Говорил хорошие слова, благодарил меня за работу и щедрую оплату, но при вечернем расчете всегда вымаливал у Мурзина и у меня дополнительную плошку риса. Показывал пантомимой — дети, мол, маленькие, шесть штук. Кушать хотят, пожалей, добрый господин. Но у моего управляющего не забалуешь. Он хоть и подставлял свое плечо под бревна, не чураясь запаха китайского пота, но всегда был непреклонен и рассчитывал его на общих основаниях.

На стройку приходили разные люди. В основном пытались наниматься — тем мы давали отказ. Лишних ртов кормить не хотелось. Приходили офицеры, что флотские, что сухопутные. Смотрели на стройку, комментировали меж собой, да разглядывали мой мотоцикл. Подходили ко мне, знакомились, выспрашивали сколько стоит техника. А узнав, присвистывали и отходили в сторону. Цена кусалась. Заломил я за 'Руслан' полторы тысячи рублей. Дорого, намного дороже, чем продавался в Питере. Но ты попробуй туда съезди, да купи и тогда поймешь что дороже. Никакого полезного знакомства с офицерами я не завел — не те чины подходили, прапорщики, капитаны, да ротмистры. Ни один генерал или адмирал меня не посетил. Впрочем, я этого и не ожидал.

Приходили и купцы местные. Кто попроще, кто позначимей. Узнавали, чем собираюсь торговать, какое производство налаживать. Понравился один — коренастый дядька, сильно хыгающий. Лет под пятьдесят, с пенсне на сизом носу. Представился Семеном Матвейчем Зайцевым. Тот сразу, как оценил привезенные запасы и осмотрел технику, спросил:

— И сколько же такое чудо бензина с маслом кушает?

Я пожал плечам.

— Признаться, не задавался подобным вопросом. Мои инженеры замеряли, да я вот что-то запомнил.

— Наверное, много, — решил дядька, после недолгого раздумья. — А бензинчик откуда возить собираетесь?

— С бензинчиком трудно, — сознался я. — Я привез с собой несколько тонн, на год, думаю, хватит. А там посмотрим.

Он снова задумался, потом сообщил:

— На Сахалине нефть, слышал, есть. Может из нее бензинчик делать, а? Как думаете, Василий Иванович?

— Можно и из нее, да только не с руки мне этим заниматься сейчас. Других забот много. Отстроиться, вот, надобно, да станки по местам расставить.

— Ага, ага, — он снова пропал на несколько секунд, задумался. Затем вернулся. — Я смотрю вы и троса сюда привезли в немалом количестве, — он покачал головой. — У нас тут один торговец из Америки ими приторговывает, так что получается вы ему прямой конкурент. Не боитесь?

— Чего бояться?

— Разорит он вас.

— Кишка тонка, — усмехнулся я. — Я троса сам произвожу, сам же их и продаю. Сомневаюсь, что у него дешевле, кем бы он там ни был.

Зайцев оценил мою решительность — слегка кивнул, словно соглашаясь.

— Я вот чего думаю. Может наша компания вашим бензинчиком займется? Если вы не можете и не хотите его производить и продавать, то мы бы с превеликим удовольствием. Нефть мы достать сможем, бензин сделать, тоже, думаю, сможем. Нам бы только знать, как много вы своей техники здесь продать планируете? Вот ваш этот красивый мотоцикл он сколько стоит? Дорого поди?

— Дорого, очень дорого.

— А вон те подешевше, значит? — кивнул он на еще не разобранные ящики с мопедами.

— Ну, да, Намного дешевле 'Руслана'. За триста рублей продаю. Привез с собой десяток но если торговля пойдет, то организую поставки. Хотя, честно признаюсь, не особо верю я в здешнюю торговлю. Народа на Дальнем Востоке мало, продавать особо некому. Китайцы с корейцами те вообще нищие, готовы за плоску плохого риса спины не разгибать. Японцы... Думаю, что и японцы не особо богаты.

— Ну, вы так-то за японцев не думайте, — возразил он мне. — Простые люди те, конечно, бедноваты, но вот их аристократы вполне себе состоятельные господа. Могут себе позволить потратить на интересную технику часть своих сбережений. Они сейчас вообще покупают все, что плохо лежит. Из Америки, да Англии, все самое новое к себе тащат. К цивилизации приобщаются.

Я не мог ему возразить. Наверное, так и было на самом деле. Видимо есть у японцев что-то такое в крови, что заставляет их стремиться находиться на острие прогресса.

— Ну, так что? — напомнил он. — Значит бензином вы торговать не собираетесь?

— Нет, не собираюсь, — ответил я. — И если вы наладите его поставку, то я буду только рад.

— Что ж, полагаю, мы договоримся, — обрадовано заявил купец. — Вы мне только обещайте, что будете привозить сюда свою технику. Не вот эти ваши дорогие мотоциклы, а вот эти, которые самые дешевые. Я и их у вас буду скупать. Не по триста рублей, а дешевле. Например, за двести, как оптовый покупатель. А я уж вашу технику пристрою, у нас торговля по всей Сибири и Дальнему Востоку налажена. Что вы на это скажете?

Я не дал ему ответа сразу. Надо было подумать, посчитать. Потом нашел Зайцев на складах купца Чурина и выразил свое согласие, с тем лишь условием, что первая партия мопедов будет не менее ста экземпляров и по цене в двести двадцать. Иначе невыгодно получалось сюда их везти. Он тоже не дал ответа сразу, несколько дней советовался, перебрасывался по Дальнему Востоку телеграммами, и лишь затем согласился. Мы ударили по рукам и закрепили договор сытным обедом в 'Звездочке'.

Как-то вечером я читал местную газетку, сидя на лавочке, и краем глаза наблюдал, как мои солдаты лихо возводят баньку. Ошкуривают скобелем бревна, топором выбирают пазы,

и венец за венцом укладывают сруб. Работали они лихо, с удовольствием, чувствовалось, что соскучились по труду. Щепка так и летела из-под острых топоров.

Из двери показалась Юн, поклонилась мне низко и доложила:

— Господин, плисол. Тли плисол. Белый офицела плисол.

— Кто же?

— Плисол, плисол, — так и продолжала твердить Юн. С русским базовым у нее совсем плохо. Лишь элементарные фразы и несколько десятков слов. И этим ограниченным словарным запасом она пыталась мне что-то сообщить. Мурзину было гораздо легче — тот китайский худо-бедно знал и мог выразить носителю свою мысль. А мне вот тяжеловато ее понимать.

— Ладно, иду, — бросил я газету на лавку и поднялся. Юн скрылась за дверью, и я последовал за ней.

На пороге перед входом толкались три человека. Двое военных, один в штатском. Одного из них я узнал — один из тех, что рассматривал мой 'Руслан' возле телеграфной станции. По лицам видно было, что слегка поддатые, гражданский так тот вообще был красен лицом и постоянно утирался платком. В руках одного из троицы была темно-зеленая бутылка шампанского.

— Господа?

— Доброго, вам, вечера, Василий Иванович, — начал говорить тот, которого я запомнил. — Вы нас, верно не знаете, и наверное вы весьма удивлены нашему визиту. Но, помните? Вы сами приглашали к себе в гости. Просили заглядывать. Мы понимаем, с нашей стороны не очень-то вежливо, но что делать? Вечера скучные, служба рутинная, а в 'Варьете' напиваться надоело. Ну вот, мы и решили нанести вам визит вежливости и познакомиться поближе. Вы не против?

— Ну что же, как можно быть против? Проходите, с превеликим удовольствием с вами познакомлюсь, — и, посторонившись, жестом пригласил войти.

Громко позвал Юн, потребовал накрыть на стол и притащить холодного вина несколько бутылок. И пока она суетливо исполняла приказание, гости представились:

— Подпоручик Иванов, Дмитрий Яковлевич, — склонил голову тот, что любовался 'Русланом'.

— Подпоручик Кузнецов, Андрей Андреич, — представился другой.

Ну и третий, тот, что гражданский, подал голос:

— А я Пудовкин, Алексей Захарович. Между прочим, работаю в 'Новом краю'.

— Журналист?

— Ага, — пьяно кивнул он. И признался, — работаю не покладая рук, пишу о всякой ерунде, аки пчелка. Сплетни всякие собираю, слухи, словно нектар из цветков. Тьфу.... Но некоторые, — он весело кивнул на Кузнецова, — сравнивают нас с мухами. А вы сами знаете, где мухи летают. Понимаете, как мне это надоело? Вижу, что не понимаете.

Я пожал плечами.

— Труд журналиста на первый взгляд вещь легкомысленная. Знай, вынюхивай, да записывай. Но если посмотреть поглубже, то можно понять, как им порою приходится нелегко. Ведь за лживые слова могут просто побить, да и в суд могут подать. Поэтому журналисткой братии приходится тщательно подбирать слова, так, чтобы и не обидеть и донести до читателя правду. А это нелегкий труд. А еще эта треклятая цензура, которая ищет тайный смысл в безобидных фразах.

— Во! А я о чем! — радостно воскликнул журналист. Мои слова нашли в нем живой отклик.

— Что ж, господа, тогда прошу присаживаться. Не обращайтесь внимание на бедствующий вид в моей конуре, я лишь недавно приехал. Обжиться еще не успел, да, наверное и не буду. Потерплю и так.

Они расселись. Тут же хлопнули шампанским, разлили в бокалы поставленные моей служанкой. Иванов, как самый говорливый из троицы, поднял бокал.

— Предлагаю выпить за знакомство! — с пафосом произнес он и первым опрокинул в себя шипучку. — Василий Иванович, честно признаюсь, читал о вас в 'Вокруг Света' и никак не думал, что придется с вами встретиться. Чертовски приятно с вами завести знакомство.

— Польщен, — ответил я, улыбнувшись. — Честно признаюсь, я долго привыкал к тому, что меня узнают на улице посторонние люди. Но сейчас ничего, привык. А вы, господа офицеры, смотрю из инфантерии?

— А то, — с гордостью ответил Кузнецов. — На пятом форту мы сидим.

— И как служба идет?

— Идет потихоньку, грех жаловаться. Строимся номного, от начальства по шапке получаем, мы солдатикам ихние тумачи передаем как по телеграфной линии. Все как обычно. Скучно только здесь. Рутинка. Нам по шапке, мы по шапке. Перед нами ножкой шаркнут, так и мы перед генералами нашими расшаркиваемся так, что подметки отлетают.

Подскочившая служанка сметала на стол холодную закуску и быстро выпорхнула вон. Второй подпоручик, Кузнецов, проводил ее взглядом:

— Что-то больно молода она. Девочка почти.

— Да нет, девка в самом соку, — ответил я. — Просто порода такая. Думаю, что до самой старости так и будет обманывать мужиков, притворяясь девочкой.

— Сколько же ей лет?

— Говорит семнадцать. Сирота.

— Однако.... А хотите, Василий Иванович, мы вам экскурсию по Артуру проведем? По самым увеселительным местам? С кафешантанками вас познакоим, они не то, что ваша служанка. Настоящие барышни, на любой вкус. И подержаться есть за что и пощупать. Поедемте в 'Варьете'?

— А поедемте, — неожиданно поддержал я. Действительно, за почти два месяца пути я изрядно утомился и мне требовалась разрядка. Но не проститутку захотелось снять, а банально выпить. Так, чтобы душа загуляла. Раз в год-то можно!

— Вот это правильно! — поддержал Пудовкин. — Но только, господа, прежде надо допить шампанское. Не гоже пропадать благородному напитку.

То, что произошло потом этой ночью я буду вспоминать всю свою жизнь. Я ушел в отрыв. Напился до потери сознания. Куралесил по всему Артуру так, что у меня потом при встрече с совершенно посторонними людьми, спрашивали, как я выжил после подобного? Сначала мы поехали в 'Варьете'. Двухэтажный ресторан, хозяином которого являлся полный грузин, был забит под завязку. Свободных столиков в наличии не имелось, но это не стало особой проблемой. Подсев к трем знакомым Кузнецова, мы снова опрокинули за знакомство, потом закусили. Потом повторили и завели 'светскую' беседу, перемежая ее приемом пищи и созерцанием сцены, где уже вовсю выплясывали девицы. Все пристойно, никакой пошлости. Танцы шли фоном, лишь для того, чтобы посетители не скучали. Ну а потом, когда мы утолили первый голод и слегка захмелели, подпоручиком было предложено

покинуть это скучное заведение и отправиться по злачным местам. Туда, где и выпивка дешевле, и еда проще и девочки фривольнее. Туда, где кружевные панталоны на крутых девичьих бедрах никого не стесняются и показываются по первому требованию.

Короче, мы поехали в бордель. По сути это было именно так, хотя по формату заведение вполне вписывалось в красивое 'кафешантан'. Едва мы присели, как сразу же к нам подлетел любезный тип и услужливо стал выяснять, что нам требуется. А требовалось нам, по заверению подпоручика Кузнецов пять бутылок водки, полный стол закуски и музыку с танцами. Что и было исполнено. Я решил взять все расходы на себя, что было встречено моими спутниками громкими восторгами и овациями. Погулять на халяву любили все, а то, что я купец состоятельный, ни для кого секретом не являлось.

В общем, напились мы. Сильно. Мы кутили, лапали девчонок, швырялись едой и задирали соседей. Никогда не думал, что офицеры, честь и гордость русской императорской армии, могут вести себя как обычные гопники. Если смести всю эту словесную шелуху, типа 'голубчик', 'уважаемый', 'господин', то по смыслу как раз и выходило, что 'базар' господ офицеров почти полностью идентичен 'базару' любителей выпить на лавочке возле подъезда. Кузнецов так нажрался, что схватив за китель своего собутыльника, пьяным и охрипшим от ора голосом его вопрошал:

— Вот ты мне скажи, ты и я 'благородия'? — и сам же отвечал, — Благородия! А солдат нас не уважает! Не уважает! Боится — да! Но не уважает. Он нас презирает. Я сегодня Лемехову в рыло дал, за то что морду свою кривил. Я под ружье его на три часа поставил. И знаешь что? Ты думаешь, он потом меня уважать стал? Нет! Я потом ему еще раз рыло дал, собаке. Будет знать как на офицера смотреть без уважения.

Его сосед, такой же как и он подпоручик, пьяно кивал и почти не слушал. На его коленях сидела ярко напмаженная барышня и он увлеченно тискал ее за грудь. Та ойкала, хихикала и жеманно кривлялась, всем своим видом показывая как ей это нравится. Потом подпоручик запустил руку ей под пышную юбку и с возбужденным ржачем ущипнул за ляжку.

— И не говори, Андрей Андреич, — вторил ему Иванов. — Солдат нынче пошел дерзкий, никакого уважения к начальству не имеет. Тот же Лемехов. Я ему третьего дня так в морду дал, что он даже упал. И что? Думаешь его это образумило? Ничуть!

— Вот и я говорю, что солдат бить надо. Солдат должен иметь уважение к нам господам и не сметь дерзить. А Лемехова, если он опять на меня косо посмотрит, то я его на губу сошлю. Пушай помаринуется, сука. Как вы считаете, Василий Иванович?

— Как ты слишком жестоко со своими подчиненными обходитесь, — признаться, я уже был порядочно захмелевшим. Но пока еще мог говорить внятно. — Бить солдата, — я мотнул головой, — нет, считаю, что это слишком. Подумаешь, посмотрел криво.

— Нет, Василий Иванович, — взвился Кузнецов, — вы не правы. Солдат должен бояться своего офицера. Только офицер знает, как надо служить солдату, только офицер может им командовать. Без офицера солдат ноль!

— И только офицер может сгноить солдата на губе, — продолжил я гнуть свою линию.

— Если за дело, то может, — чересчур уж энергично кивнул подпоручик. — А если мне солдата в бой вести, а он мне дерзить будет? Какая же тут война.

— А если вы его в бой поведете, а он вам в спину стрельнет? — в свою очередь ответил я.

Он даже не смог мне сразу ответить. Пьяно уставился на меня, казалось даже, от

крамольной мысли слегка протрезвел. Затем спросил:

— Зачем ему в меня стрелять? Как можно?

— А за то, что ты ему все время по шам. Да на губу через день, да опять по шам. Солдат от такого обращения звереет. С ним надо без рукоприкладства. Строго по закону, ни более. Тогда и солдат будет знать, что его ожидает за проступок. А в морду за кривой взгляд это, извините, я считаю перебором.

— Да что вы знаете, Василий Иванович? Может мне еще и объяснять солдату какой у роты должен быть маневр?

— Да! Да, должен! Как говорил Суворов — 'Каждый солдат должен знать свой маневр'. Тогда и воевать он будет лучше. Вот я помню, когда служил, был у нас один сержант. Еврей, здоровый такой, морда шире этого стола. И злой, сука, духов любил бить. Каждый день их лупил, но делал это аккуратно, так чтобы синяков на морде не оставалось. Его все ненавидели и духи и деды. Гнилой был насквозь, подставить мог сослуживца за здорово живешь. И знаешь, что дальше было?

— Что?

— Деды разрешили духам темную ему устроить. И после отбоя ему накинули одеяло на голову и как следует отпинали. Он потом зубы свои по всей казарме собирал. И не посмотрели, что сержант и все могли под трибунал пойти, до того он всем надоел. И после этого он присмирел, а капитан, как узнал, сам ему врезал по морде. Потом звания лишил. Деды над ним потом весь остаток службы ржали, тот так и ходил один, никто с ним не общался.

Мой треп слушали все собравшиеся за столом. Я, пьяный, решил дать себе вольность и слегка вбросить собственную историю. Расслабился, так сказать. Конечно же, я совершенно отдавал себе отчет, что мой рассказ никак не вязался с нынешней действительностью, но мне захотелось так пошутить. История правдивая, единственное, что я изменил, так это национальность сержанта. В моем прошлом это был бурят. Здоровый, широкомордый, с кулаками-гирями и лошадиными зубами. С внутренней улыбкой я наблюдал за подпоручиками, как те морщат лоб. Кузнецов потом, придвинувшись вплотную, спросил:

— Я извиняюсь, Василий Иванович, а вы в какой армии служили? Во французской? Тогда может мы с вами парле франсе?

Я со смешком поднял руки:

— Нет уж, увольте. На дух не переносу их корявый язык.

— Тогда где же? — не унимался уже хорошо поддатый подпоручик.

— Хорошо, если вас это успокоит.... Французский иностранный легион, — без заминки соврал я. И, не давая подпоручику опомниться, стремительно перевел тему. — Мерзкая служба, мерзкий устав.... Господа, а не прокатиться ли нам на моем мотоцикле?

Предложение было встречено громогласными возгласами. Офицеры повскакивали с мест, куртизанки с оханьем свалились с колен на пол.

— Да, господа, поехали кататься!

И мы дружно вывалили на улицу. Офицеры не забыли прихватить с собой всю выпивку, и пока мы добирались до моего дома, дружно прикладывались прямо к горлу. Да и я, чего уж греха таить, тоже по пролетарскому, ни на кого не оглядываясь. Приличия были забыты, на улице уже темень и тишина, нарушаемая лишь нашими криками и восторженными повизгивания куртизанок от щипков офицеров. Извозчики, предлагавшие свои услуги, были посланные куда подальше.

Наша пьяная компания ворвалась во двор моего дома. Мотоцикл с коляской стоял, накрытый парусиной. Юн испугалась нас и из дома выходить отказалась. Мои архары, вывалились наружу с интересом, но узрев 'мамлеев', не стали подходить, а так и остались стоять на веранде, наблюдая за нарастающей вакханалией. А я, уже хорошо поддавший, выкатил мотоцикл за ворота и ударил ко кикстартеру. 'Руслан' взревел как застоялый жеребец и задрожал всем телом, требуя немедленной поездки.

— Ну, кто первый?

Первый влез в люльку Кузнецов. За мной уселся другой подпоручик и я прежде, чем дать газу, спросил новых знакомых:

— Господа, негоже нам раскатывать здесь на мотоцикле. Место тихое, спальное, многие генералы, адмиралы, да полковники с семьями изволят здесь отдыхать. Нам беспокоить их сон никак нельзя. Скажите, а нет ли здесь места, где можно накататься всласть и при этом не причинить никому неудобства?

— Есть, — подал голос пьяный Кузнецов. — По Старому городу можно. Там все одно почти все китайцы живут, да простые работяги, чего нам об их благе заботиться?

— Логично, — со смешком ответил я, и мы покатали по направлению к Старому городу. Я господ офицеров жалеть не стал, дал машине полный газ.

Я катал их по очереди целый час. Гонял мотоцикл в хвост и гриву, выкручивал обороты на максимум. На ходу запивал прямо из горла и с каждой минутой все больше и больше хмелел. Орал громогласно на весь город и горланил песни из моего будущего. Хулиганил, в общем. Впрочем, как и мои спутники. Они по очереди прыгали на заднее сидение, а в люльку усаживали мамзелек и демонстративно распивали водку. И так мы с шумом и гамом гоняли по городу, сначала по Старому, а затем переместились в Новый Китайский. Распугивали собак и вообще мешали отдыхать простым людям. Хорошо, что ГАИ еще не придумали и потому я мог предаваться вакханалии совершенно безнаказанно. Редкие полицейские выглядывавшие на громкий шум, никаких действий не предпринимали. Лишь провожали взглядом и махали на меня рукой.

А потом случилось то, отчего у меня потом целую неделю сильно болела спина, а на лбу появилась огромная шишка. Уже глубоко за полночь, когда и я и мои собутыльники едва держались на ногах, кому-то из подпоручиков пришла в голову славная мысль — проверить у мотоцикла максимальную скорость. Место, где можно было разогнаться, искать долго не пришлось — мост через реку Лунхэ подходил идеально. Поверхность ровная, состоящая из сшитых досок. Длину моста измерить не составляло труда, только с секундомером вышла заминка. В нынешних карманных часах секундная стрелка отсутствовала напрочь, так что замерять время прохождения моста приходилось на глаз, отсчитывая на пальцах. Я стартовал со стороны железнодорожного вокзала.

— Готовы? — хрипло прокричал я, предаваясь безудержному веселью.

Компания сгрудилась у конца моста, под тусклым электрическим фонарем. Крикнули хором в ответ:

— Да!

— Ну, тогда считай, Андреич, — деловито сказал я подпоручику в люльке и тот, сведя к переносице брови, сосредоточился.

Я дал газ, набрал скорость и выскочил на ровную поверхность.

— Тридцать четыре версты! — возбужденно загалдели офицеры, когда с грехом пополам произвели расчеты в блокноте.

— Мало, давай еще раз, — отрезал я, недовольный результатом. Тридцать четыре это вообще ни о чем. В Питере Пузеев как-то уже замерял результаты и тогда на 'Урале' выходило что-то близко к пятидесяти верстам в час.

Я развернул мотоцикл, опять уехал к железнодорожным путям и уже оттуда рванул. Здесь был небольшой уклон, совсем крохотный, но он-то как раз и позволил мне набрать еще большую скорость. Пролетев мимо компашки, мне выдали результат:

— Тридцать девять верст, Василий Иванович, целых тридцать девять!

— Мало, — еще раз заявил я. — Должно быть больше! Андреич, а ну вылазь.

— А как тогда время замерять? — хитро спросил подпоручик.

— Я сам считать буду.

Кузнецову вылезать из люльки не хотелось и потому его, сопротивляющегося, со смехом вытащили. Девушки потом повисли на нем, звонко зацеловывали и запустили холодные ладошки ему под китель. И предлагали дружно всем погреться об жаркое молодое тело. Ночью со стороны моря тянуло прохладой и сыростью.

Пудовкин, журналист из местной газеты, подсказал подпоручику:

— А давайте, я встану с той стороны моста и махну рукой, когда Василий Иванович на него заскочит. А вы здесь время считать будете?

— Ладно, давайте, — нехотя согласился тот и дернулся в сторону от женщин, — Да уберите бы свои руки, мешать только будете!

Так и сделали. Журналист встал под фонарем в самом начале моста, а я опять отъехал к железной дороге. Крикнул:

— Захарыч, ты готов?

— Да, готов, — хрипло проорал мне Пудовкин.

И тогда я, поправив на голове тяжелую каску, со всей дури дал газу. Мотоцикл дернулся, выбросил из-под заднего колеса гравий и рванул вперед. Я выкручивал обороты на максимум, не жалел дорогую технику. Из глотки сами собой вырвались строки из старой песни:

— Во-от! Новый поворот-от! И моторrrrr ррревет....!

Да, я был дико пьян, не припомню, чтобы в жизни так напивался. Дорога перед мостом была еще и с небольшим изгибом и будь я хоть чуть-чуть менее пьяным, то выскочил бы на настил без труда. Но не сейчас. Глаза застила хмельная пелена и дорога передо мной изогнулась крутой трепыхающейся змеей. Я лихорадочно дернул руль, зачем-то еще добавил оборотов и выскочил на мост. Мотоцикл повело в сторону, сделал пологую дугу и врезался в ограждение моста. И я, словно выпущенный из катапульты, перемахнул через руль и ограждение, и по пикирующей траектории полетел в реку. Слово калейдоскоп промелькнуло перед глазами, даже понять ничего не успел. Только почувствовал звонкий и оглушающий удар по шлему. Еще один куда-то в спину, а затем я ушел под воду. Обжигающе холодная вода отрезвила. Она проникла под одежду, затекла в сапоги, которые тут же потянули вниз. Я забился, попытался встать, но не смог нащупать ногами дно. Я потерял всякое представление о том, где находится верх, где низ. Не мог понять, тянет ли меня вниз или выталкивает вверх. Я барахтался, бился, пытался выплыть, чтобы глотнуть воздуха и не мог. Не понимал что происходит. В рот попала соленая вода и меня пронзила догадка — течение вынесло в бухту.

'Похоже — конец' — пронеслось в голове и тут же следом — 'Как же глупо'.

Отчаянно хотелось вдохнуть. Легкие уже раздирали, горло били конвульсии, и я

держался лишь на остатках еще не сгоревшего в крови кислорода.

Неожиданно ноги коснулись чего-то твердого. Спасительное дно! И все сразу встало на свои места. Инстинкты сработали сами по себе. Резко оттолкнувшись, я свечкой ушел на верх и наконец-то смог жадно вздохнуть. Мой шумный выдох и судорожный вздох сразу обозначил мое местоположение. Сквозь барабанный бой в ушах услышал:

— Вон он! Живой!

С моста кто-то прыгнул. В несколько гребков подплыл ко мне, ухватил за одежду. И тут же потянул к берегу. Через несколько секунд, когда я более или менее пришел в себя, сказал:

— Я сам!

Спасатель обернулся. Это был Пудовкин, тот, который журналист. Вот уж не ожидал от него.

Уже на берегу, лежа спиной на камнях, я сказал:

— Спасибо.

— Да ладно, чего уж там, — ответил он и стал стягивать с себя мокрую одежду. Стащил все, вплоть до кальсон, не постеснялся спускающихся сверху дам. Отжал ее и оделся. — Чего же вы так?

— Да как-то так, — пожал я плечами и последовал его примеру. Скинул разбитый шлем, который сохранял форму только из-за армировавшей его проволоки, стянул одежду и отжался. Холодно по ночам и вода холодная, пробирает до костей.

Сверху сбежали мои собутыльники. Заквохтали вокруг, заохали. Пожурили меня, а дамочки пожалели. Одна из них запустила пальцы мне в волосы на голове:

— Ой, какая шишка!

Я тронул ушибленное место, поморщился от боли. Потом поежился от дуящего бриза и напялил на себя отжатую одежду. Мокрую, неприятно пристающую к телу и забирающую из тела тепло. И задрожал, сначала мелко, словно барахлящий холодильник, а потом все крупнее и крупнее, как мотор Тринклера. Хмель опять вернулся в голову, картинка перед глазами затуманилась.

— Надо бы пойти согреться, — предложил один из компании. — В баню бы.

— Можно к нам, — предложила та барышня, что запускала свои длинные пальцы в мои волосы. — У нас печка натоплена. Чаю горячего с медом и вареньем сделаем.

И мы отправились снова в кафешантан. Бросили изувеченный мотоцикл на мосту и пешком, отбрасываю остановил короткие тени от высокой луны, побрели по Новому Городу. Кафешка уже была закрыта, но для нас сделали исключение. Дамочки громко постучали, в окно высунулась недовольная мужицкая морда и после пары неслышных фраз на ухо, морда побежала отпирать дверь. Но внутрь пустили только мокрого меня, журналиста и всех девиц. Военные остались снаружи. Они для приличия повозмущались, а потом пьяной гурьбой пошли в другое место.

Чай мне сделали. Горячий, ароматный. В фарфоровых розетках подали малиновое варенье и мед. Дамочка с длинными пальцами стянула с меня всю мокрую одежду и укутала тут же в длинный пушистый халат.

— Сюда садитесь, дорогой Василий Иванович, — ворковала она, подставляя стул к жаркой стене. — И вы тоже садитесь, — обратилась она к журналисту. — Здесь тепло, вы согреетесь. И пейте чай с вареньем, обязательно пейте. Иначе заболете. А я сейчас вашу одежду развешу.

— Я лучше домой пойду, — невнятно возразил я. Тепло подействовало на меня коварно — стало развозить. Тошнота подкатила к горлу, а едва я прикрывал глаза, как мир вокруг принимался танцевать в безумном хороводе.

— Ну, какое может быть домой в такой одежде? Не ровен час заболете. Вот просохнет, тогда и пойдете. Да и хмельной вы очень, как я вам могу такого отпустить? А вдруг вас еще ограбят?

— Да кто меня ограбит? Разве только что китайцы, да у тех кишка тонка против меня.

— Да хоть бы и китайцы. Подкрадутся сзади, трахнут по голове камнем и ограбят. Не смотрите, что город — все одно могут ограбить.

И она ушла, унеся с собой все мокрое. На мне остался лишь халат. Даже кальсонов на мне не было.

Вскоре она вернулась. Чай мною был уже допит, варенье с медом из розетки вылизано.

— Пойдемте, я вам постель разобрала. Перина там теплая, пушистая. Пойдемте. Василий Иванович, вам в тепло надо.

Все-таки пьяный человек, это совсем другая личность, нежели трезвый. Не гуляй у меня в крови алкоголь, не мучай меня приступы тошнотворных "вертолетиков", я, может быть, и возразил ей, настоял бы на своем и пошел до дома прямо в мокрой одежде. А так, только лишь кивнул, уронив голову, и направился во внутреннюю комнату, развевая полами длинного халата и сверкая белоснежными ляжками. И стесняться дамочки не стал, скинул с себя теплое и прямо голым провалился в перину с головой накрывшись мягким одеялом. Скукожился в позу эмбриона и, высунув наружу лишь один нос, моментально провалился в забытье.

Утро меня наказало жутким похмельем. Сильнейшей головной болью, диким сушняком

в горле и тошнотой. Утреннее солнце ослепительно било в глаза, заставляя щуриться и отворачивать голову. Я и отвернулся, прикрывшись ладонью и болезненно поморщившись.

— Василий Иванович, — вкрадчиво позвал женский голос откуда-то из-за спины. — Вы уже проснулись?

Я медленно повернул голову на звук. Возле окна на стульчике сидела барышня. Подомашнему одетая, но уже с прибранными в прическу волосами. Смотря в небольшое зеркальце, она неторопливо наносила макияж.

Я ее смутно помнил. Лицо узкое, изящное. Можно сказать, что аристократическое. Волосы черные как смоль, отливают на падающих лучах цветной радугой. Но вот ее длинные и нежные пальцы мне отчего-то запомнились. Именно эти пальцы мне вчера так нежно и заботливо ощупывали разбитую голову.

Она оторвалась от зеркала, посмотрела на мою мятую физиономию, что выглядывала из-под одеяла.

— Вижу что проснулись. Болеете? — заботливо поинтересовалась она. И не дожидаясь ответа, продолжила. — Подождите, я вас сейчас подлечу.

И вышла из комнаты, придерживая на голой груди расстегнутый китайский халат. Через минуту вернулась, держа в руках рюмку до краев наполненную коньяком. От одного вида алкоголя у меня все внутри перевернулась. Сел на кровать, прикрыв наготу одеялом, и мотнул головой:

— Нет, не буду. Лучше рассола какого принесите.

— Выпейте, вам поможет, — попробовала настоять она, но я отстранил ее руку. И рюмка, капнув на пол, нашла пристанище на широком подоконнике. — Ну ладно, как хотите.

Через пару минут она мне притащила целую банку соленых огурцов. Вот к ней-то я и припал, высосав почти весь рассол. Пил жадно, большими глотками, орошая пустыню в глотке. В горле, кстати, покалывало, так, словно стала проявляться простуда после вчерашнего купания. Когда же я отпал от банки и вернул ее хозяйке, я спросил:

— Не помню как вас зовут....

— Лизетта, — ответила она.

— Гм, а по-русски?

— А если по-русски, то Елизавета. Можно просто — Лиза.

— Понятно.... Послушайте, Лиза, а как там с моей одеждой? А то я тут оказывается абсолютно голый. Не хочется пугать вас своими телесами.

Она как-то загадочно мне улыбнулась с легким прищуром, затем вышла. А вскоре вернулась, неся аккуратно сложенное, высушенное и выглаженное белье.

— Может мне еще и отвернуться? — с ехидцей спросила она, глядя на мое замешательство.

— Будьте так любезны.

— Ой, — громко выдохнула она и отвернулась. Затем, глядя в узкое окно, сказала. — Чего вы стесняетесь, Василий Иванович? Я там уже все видела.

— То есть как?

— А вы ничего не помните?

— Н-нет, — неуверенно сказал я. — Я что, с вами переспал?

— Да, — кивнула она и неожиданно повернулась. Я уже успел натянуть кальсоны и затянул завязки. — Я всю ночь грела вас. Вы так сильно дрожали, так потели. Я думала, что

вы серьезно заболели. Как вы себя чувствуете?

— Что-то я не понял, переспали мы или нет?

— Я же говорю — да! Я провела с вами ночь в одной постели. Чего непонятного?

И все равно, я не понял. Мы вкладывали разный смысл в слово "переспали", потому я и остался в недоумении. И тогда я ее спросил тем самым емким словом, которое неприлично произносить в хорошем обществе.

— Ах, вот вы о чем? — всплеснула она руками, забавляясь. — Нет, в этом смысле у нас ничего не было. Я просто грела вас своим телом.

— Ух, слава богу, — вырвалось у меня.

Она сделала вид, что обиделась. Пришлось пояснить:

— Я женат, у меня ребенок.

Но все равно, для нее это был не аргумент. Хотя... Видимо, она решила поиграть в женщину. В женщину, которую все желают. В женщину, которая вроде бы и не продается за деньги.

В общем, если ее реакция меня и удивила, то, на фоне сильного похмелья, ни капли не задела. Я снова к ней обратился:

— Лиза, скажите. Насколько я помню из вчерашнего, то хозяином "Варьете" является грузин? Так?

— Да, это так.

— Тогда не будете ли так любезны и не сходите к нему? Попросите сварить для меня хаш. Это то ли грузинское, то ли армянское лекарство от похмелья, я точно не помню. Он должен знать, как оно делается. Заплачу ему сколько попросит.

Она не поторопилась. Обернулась ко мне, с укоризной посмотрела и сказала:

— Глупостью маетесь, дорогой Василий Иванович. Лучше коньяку выпейте и все пройдет. А к грузину вашему я не пойду и просить я его не буду. Если хотите, то идите сами. Одежду я вам высушила и почистила. Ваш друг, кстати, уже час как проснулся и о вас спрашивает. Опохмелился уже, между прочим.

— Это кто же?

— Да этот, который из газеты....

Журналист уже сидел за столиком кафешантана, потягивал пиво из запотевшей бутылки и явно ожидал моего выхода. И едва увидел меня хмурого и скособоченного, радостно подскочил, захлопал по плечам:

— Ну как вы? Все хорошо? Сильно болеете, не простыли после вчерашнего? А то Лизетт говорила, что вас озноб сильный бил, как бы вы не слегли.

— Да нет, все хорошо, — хмуро ответил я и присел на стул.

Выпитый рассол хоть и помог, а все одно — голова трещала так, словно дровосек-садист решил разбить ее на узкие полешки. Наверное, и вправду, в моем состоянии лучше опрокинуть в себя рюмочку-другую. Мое состояние уловил и Пудовкин. Без лишних слов откупорил холодную бутылочку пива и пододвинул ко мне. Я, преодолевая отвращение, сделал несколько глотков. Журналист одобрительно улыбнулся, а я, прикрыв глаза, принялся ждать улучшения. Но здоровье, как ни странно, не поправилось. Голова так же и продолжала нещадно болеть, а не до конца вышедший из крови хмель, с новой порцией опять забродил в моих мыслях.

— Спина что-то ноет, — поймал я себя на новом ощущении. — Посмотри, что там?

Он глянул и присвистнул.

— Вы, похоже, когда в реку ныряли, об какой-то камень здорово приложились. Синячина на полспины. А на голове шишка огромная.

Я аккуратно дотронулся до места, куда он показал. И вправду, налитой рог был просто огромным. А вытребовав у журналиста карманное зеркальце, еще и убедился, что шишка имела бордово-красный цвет, и пересекала ее поперечная и глубокая ссадина. С такой головой при обществе не покажешься — не прилично. Придется теперь ходить в широкополой шляпе.

— Крайне неудачно вы вчера в реку нырнули. Мы вас отыскать никак не могли. Хорошо, что фонарик карманный у нас оказался, мы им светили. Смотрели там, куда вы под воду ушли, а там вас нету. Давай потом по всей ширине искать, вдруг вы куда отплыли, а все одно не могли найти. Только когда вы из воды вынырнули, мы услышали. Далеко же вас в бухту отнесло, саженой на пятнадцать. М-да, дела были бы... А мотоцикл ваш сломался.

Я выслушал его с кислой миной. Пудовкин сейчас заливался соловьем. Настроение у него было хорошее, да и пьяненький он уже был, и по всему чувствовалось — если продолжит похмеляться, то с удовольствием и со знанием дела уйдет в долгий запой.

— Я, наверное, домой поеду, — сказал я, прерывая его словоохотливость. — Отлежаться мне надо.

— А, ну это конечно. Лизетт вас так выхаживала, так за вас переживала. Вам бы ей спасибо сказать.

Я поднялся с места. Поблагодарил Пудовкина за помощь, за спасение и приглашал в гости. Лизу тоже поблагодарил. Искренне, от всего сердца. И вложил в ее ладонь пятьдесят рублей. Влажные, из не просушенного кожаного кошелька. У меня там до всех гуляний было около пятисот рублей, сейчас же оставалось около сотни. Славно погуляли.... И, наверное, Лиза обиделась на мою расплату, но я этого не заметил. Не в том состоянии я был, чтобы что-то замечать.

Весь божий день я проболел. Провалялся в кровати, мучаясь головной болью, которая так и не хотела проходить. Тошнота к тому же давила, комок подкатывал к горлу, а спину сковал тугий огненный обруч, который на малейшее движение начинал жечь до самых потрохов. Юн исполняла мои капризы, приносила пить, обильно кормила и ставила холодные компрессы на огромную шишку. Славная девчушка, старательная. Хоть и мала росточком и по виду еще ребенок, а работает по-взрослому, безо всяких скидок.

Следующим днем я более или менее пришел в себя. Голова все так же раскалывалась, и постоянно тошнило. Похмелье давно прошло, а это значит, что я, при нырке через перила моста, получил хорошее сотрясение мозга. Я, гримасничая от боли в спине и опираясь на спасительную трость, стал потихоньку выползать на свет божий. Мои архары уже возвели сруб бани и сейчас заканчивали крышу. Увидев меня, Петро громко поприветствовал:

— Доброго утрачка, Василий Иванович. Как ваше самочувствие?

— Нормально, — отмахнулся я.

Под парусиной в углу забора стоял мой покалеченный мотоцикл. Даже под покровом было видно, что переднее колесо у него сплющено, спицы обломались и словно ошетилившийся еж встали веером.

— Это кто его сюда притащил?

— Мы и притащили, — честно ответили парни с конька. — Прибежал ночью ваш

подпоручик, шары на выкате, и кричит на нас пьяный — "убился ваш начальник до смерти, идите, забирайте его мотоциклу". Ну, мы и прикатили его. Полицмейстер вчера присылал человека, интересовался вашим здоровьем.

— И все?

— И все. Сказали, что вы в порядке он и ушел. Попросил только передать, чтобы вы более по ночам не катались. Алексеев у него спрашивал кто тут куралесил по всему Артуру.

— Ну и?

— Ну и все..., - закончили рассказ парни.

Я, кряхтя, подошел к "Руслану" и сдернул парусину. Зрелище, что передо мной открылось, было жалкое. Согнутое колесо, лопнувшие спицы, погнутая вилка и свернутый на бок руль. Хорошо же я врезался и неудивительно, что так сильно приложился головой об перила. Хотя, рама оказалась цела, коляска на месте и движок с коробкой, судя по всему, целые. Но все равно ремонтировать мотоцикл было бессмысленно. Легче новый привезти.

За неделю я худо-бедно восстановился, а значит, пора было приниматься за обычную работу. Мурзин почти закончил возведение стен производственного помещения, и сейчас там расставляли оборудование. Склад тоже почти завершили и отделение для химиков также почти было готово. Единственно, самих химиков пока не хватало. На пароходе они должны были приплыть со дня на день. И они приплыли. На английском судне, дополнительно привезли с собой химикаты и оборудование необходимое для работы. Было весьма кстати. И встречать мне их пришлось не Порт-Артуре, куда заход кораблям иностранных держав был запрещен, а в Дальнем, который нынешний министр Витте назначил главными торговыми воротами на Дальнем Востоке.

Дальний, в моем будущем китайский Далянь, был тем еще городом. Вроде и большой, денег вложено в него немало, и грузы через него проходили большие, а вот гражданского населения почти и не было. Сплошь чиновники, портовые рабочие и строители и военные. Простых мещан, которые переселились сюда по собственной воле, почти и нет. Китайцев, как и в Артуре полно. Здесь они также используются в качестве тягловой и копательно-кидательной силы. И по сравнению с Порт-Артуром Дальний казался неживым городом, в том смысле, что простые люди зарабатывать деньги стремились как раз в городе, где на рейде стояли военные корабли.

Хотя, при том скепсисе, с которым описывал мне Дальний Мурзин, я должен был признать, что город выглядел красиво. Те же стройные европейские улицы, грамотная планировка, мощеные улицы. Новый Город чем-то напоминал Кронштадт. Китайских кули полным-полно и... ни одного номерного извозчика. По крайней мере, я, за все время, что мы там были, так никого из них мы поймать не смогли. Нет, лошадиных упряжек было достаточно, но это были не те извозчики. По каким-то причинам люди предпочитали перемещаться по городу на рикшах, да и груз на них же возили. И это очень сильно отличало город от Артура, где извозчиков, готовые заработать легкую деньгу, было преизрядное количество.

Целый день я следил за разгрузкой зафрахтованного судна. Пятерых химиков с багажом и груз на десять тысяч пудов пришлось отправить в Артур на поезде. Мурзин договорился об аренде нескольких вагонов и нам опять пришлось потратить целый день на погрузку в товарняк местной эпохи. Следующим днем нанятый паровоз оттащил наш товар на станцию в Артуре и уже там-то мы окончательно пристроили весь наш груз. Пришли в основном

химикаты в стеклянных бутылках, толуол, да кислоты различные и, слава богу, ни одна бутылка не оказалась разбита. Все дошло в целости и сохранности.

Для химиков пришлось снять китайскую фанзу не далеко от производственного помещения. Хозяин неказистого на вид домика принял гостей радушно, поместив всех в единственную комнату, где и сам спал, бросив соломенный матрас на пол. Для пятерых человек, конечно, тесновато и крайне неудобно, но на первое время сойдет. Да и сами химики все осознавали, видели убогость китайской части Порты-Артура, и потому с пониманием отнеслись к просьбе подождать несколько дней, пока для проживания не отыщется что-то более подходящее.

Еще несколько дней ушло на обустройство химической лаборатории. Васильев, старший из химиков, руководил процессом, расставлял столы и оборудование, распоряжался запасами. Цель, что я ему поставил, была одна — как можно скорее начать производство тротила и нарастить по максимуму объемы. И не смотреть на запасы сырья, я, если на то будет нужда, выделю сколь угодно денег и куплю все что надо. Хоть в России, хоть в Китае, если там найдется. Да хоть в той же Японии. А то ведь прав был адмирал Алексеев, четыре пуда в сутки слишком мало для наших нужд. Васильев просил дать неделю, чтобы начать работу.

Конечно же, я без разговоров дал ему требуемое время. И первый пуд он мне выдал по истечению этого срока. Прессованные таблетки мы складировали в деревянный ящик, уложенный изнутри воощеной бумагой, и опечатали. И вот тут встал вопрос, где же нам хранить эту взрывчатку? На общем складе слишком глупо, да и опасно. Тротил сам хоть и не взрывается, но зато горит весьма жарко, так, что хрен потушишь. Пришлось навестить местные органы правопорядка и решать эту проблему. В итоге решили так — все, что мы производим и все, что имеет отношение к взрывчатке, тротил ли, боеприпасы ли, остается в нашей собственности, но увозится храниться в участок, под замок, куда доступ обычным воришкам и поджигателям был ограничен. И получить имеющееся я мог только через полицмейстера и никак иначе. И отчитываться о расходе взрывчатке. То бишь, захоти я испытать свое новое оружие, то будь добр, извести об этом власти и таскай с собой повсюду наблюдающего полицейского или жандарма. И те будут вести учет. Геморрой, конечно же, но никуда от этого не денешься. Единственно, что выход тротила из химикатов они почему-то под контроль не поставили, что значительно нам облегчало жизнь. Но поставили возле дверей дежурить полицейского, который следил, чтобы ни грамма за пределы склада вынесено не было.

Через неделю мы накопили пятнадцать пудов прессованной взрывчатки. И пора бы нам уже приступить к снаряжению мин для наших будущих минометов, да вот беда — самих-то минометов у нас и не было. И стрелять было не из чего. Даже захоти мы (а мы озаботились и привезли в Артур около двух тысяч корпусов мин со взрывателями от малокалиберных снарядов) и начини боеприпасы, то все равно, отстрелять бы мы их не смогли. Поэтому приходилось ждать. Мишка прислал завуалированную телеграмму, из которой я понял, что они снова принялись за изготовление минометов. А на это уйдет время до нескольких недель. А затем отправка, и на этот раз поездом. А это еще полтора-два месяца. В общем, чтобы не терять время, я озадачился производством ручных гранат. Через Мурзина мы нашли литейную мастерскую, где я и затребовал изготовить пятьсот корпусов гранат по типу лимонки. Это было просто и изготовление элементарное, сложнее было с запалом. Но и это решилось не так чтобы трудно. Схему я помнил, от руки набросал чертеж, нашел в Артуре

одного инженера и вместе с ним, мы за неделю сварганили с десяток штук. Сложнее было рассчитать длину фитиля, который играл роль замедлителя, но и с этим мы справились опытным путем. Отрезали нити стопина, поджигали и по секундам считали. Общепринятую задержку в четыре секунды я пока ставить не решился, а замедлил до десяти. Побоялся делать меньше на опытных образцах — безопасность важнее.

В общем, когда у нас все было готово и нам была необходима лишь взрывчатка, вдруг возникли небольшие сложности. Полицмейстер, сволочь, отказался мне выдавать мой тротил. Пришел Мурзин ко мне домой, и возмущенно-удивленно сообщил:

— Не дает он, Василий Иванович.

— То есть, как это не дает?

— Да вот так. Говорит, что не верит нам. Начитался про то, что вы социалист и либерал и боится теперь, что вы взрывать все вокруг будете.

— Он что, сбрендил? — удивился я.

— Не знаю, да только все одно, бумаги нам не подписывает, а без них я не могу ничего получить. Вояки в арсенале тоже руками разводят, говорят — раз нету бумажки, значит нету и вашей взрывчатки.

— Что за бред? Какой арсенал, он-то тут при чем?

— Я, Василий Иванович, понимаю так, что полицмейстер побоялся держать взрывчатку у себя под боком и отправил ее военным.

—, - только и выругался я. — Ну ладно, ссыт он ее у себя держать, а почему не выдает-то?

Мурзин даже как-то укоризненно посмотрел на меня и повторил моими словами:

— Ссыт он. Вдруг вы наместника взорвете?

— Да блин! — возмущению моему не было предела. Я вскочил и чересчур уже эмоционально выругался, а потом, когда волна схлынула, спросил. — Мне что, к нему самому надо идти? Доказывать ему что взрывчатка мне для дела нужна?

— А сходите, — подтвердил мою мысль Мурзин. — Так лучше будет. Кто я для него — никто, простой наемный работник, которому и деньги-то на производственные нужды не доверяют, не то что взрывчатку, — поддел он меня. — А вы придете к нему и все объясните. Если надо, то и взятку ему попробуйте дать, говорят, он ее любит. А еще можете сразу к Алексееву сходить, уж он-то фигура куда как значительнее полицмейстера. Если уж он разрешит, то и никто вам запретить и не сможет. Я правду говорю, идите сразу к наместнику.

— М-да, ты абсолютно прав. Наверное и вправду пойду-ка я к наместнику, пожалуюсь на самоуправство. Да и подарок пора задаривать — самое время.

И я, оставив Мурзина, пошел на склад. Прихватил там пустой корпус от гранаты, запал и на всякий случай попросил наших химиков заныкать с десяток фунтов тротила. Ну а после этого, погрузив подарок на рикшу, я немедленно двинулся в сторону двorca наместника.

— О-о, Василий Иванович! — как-то чрезмерно весело приветствовал меня Алексеев. — Проходите, присаживайтесь. Чрезвычайно рад вас видеть. Как ваше драгоценное здоровье?

— Спасибо, хорошо, — отвечив я, присаживаясь на мягкий стул. Честно, едва не расплылся в улыбке, вспомнив мультик про Простоквашино, тот момент, когда родители дяди Федора читали письмо — "а здоровье мое не очень, то лапы ломит, то хвост

отваливается". С трудом прижал расплзающиеся до ушей губы.

— Читал, читал я о ваших приключениях, — заявил он довольно. — Да что там читал — слышал я, как вы ночью весь город на уши поставили. Как гоняли на своей мотоцикле и как в реку свалились. В газете было все подробно и красочно описано.

М-да, и я эту газету тоже читал. Пудовкин, на потребу публике в красках описал мои приключения. Все в подробностях, почти ничего не скрыл. И я не держал злость на журналиста. Тот еще утром, когда я выползал из комнаты Лизетт, напрямую спросил можно ли печатать. Я разрешил. Единственно, что просил, так это не указывать, что я ночевал у проститутки и попросил слегка приукрасить то, как мы испытывали "Руслан" на скорость. И пусть я заявленных пятьдесят верст не достиг, но ведь на последнем заезде всем казалось, что я разогнался очень быстро. И доедь я до отсечки, вполне возможно, что я превысил данные по паспорту. Пудовкин не задумываясь согласился с моими условиями, ведь чуть-чуть приукрасить, это не обмануть. Ну и описал наши приключения во всех красках.

— Как же вы так, дорогой Василий Иванович, а? — с укоризной глядя на меня, вопрошал наместник. — Приехать едва успели, а уже в такую историю вляпались. Едва не погибли. Нехорошо.... Чтобы я потом Марии Федоровне писал, как бы оправдывался?

Я развел руками:

— Это роковая случайность и не более.

— Прошу вас, больше не надо случайностей. Мария Федоровна просила меня присмотреть за вами и после ее повеления отправить вас живым и невредимым обратно в Петербург. Заметьте — живым и невредимым! А как я могу ей подобное гарантировать, ежели вы так себя безрассудно ведете? Как дите мало, честное слово. И подпоручики эти..., - он с прищуром посмотрел на меня. — Может все же скажите, кто они? Кто с вами ночью гулял?

Ну, это он уже так на понт брал. При желании, он без особого труда мог разузнать имена всех причастных лиц, но не делал этого. Ибо..., ибо, с точки зрения местных нравов, офицеры могут иногда себе позволить подобного рода развлечения. Напиться, наораться и подраться для отдыхающего низшего чина — это опция, всегда включенная по умолчанию.

— Ну, хорошо, не хотите говорить — не надо. Голова-то ваша уже не болит? Все-таки хорошо, что вы были в этой вашей как ее там...?

— В каске, — подсказал я.

— Во-во, хорошо, что догадались голову свою побережь. А то бы проломили ее за здорово живешь и все. И нету более раба божия Василия Рыбалко.... Ну, ладно, хватит об этом, а то мне и так все уши прожужжали. Говорите с чем пожаловали?

— Ваше Высокопревосходительство, разрешите пожаловаться. Что же это такое делается? — начал я театральное представление. — Я, значит, с трудом наладил производство, вложил в оборудование, в материалы и в своих людей десятки тысяч рублей, произвел взрывчатку для своего оружия. А ваш полицмейстер, взяв ее на охранение, отказывается мне ее возвращать. У меня производство из-за его самоуправства встало, я терплю колоссальные убытки, а начальник полиции и в ус не дует. Поместил мой тротил под замок в арсенал, и теперь я, чтобы его получить, должен обивать ваши пороги и тратить ваше личное время. Ваше Высокопревосходительство, прошу вас повлиять на самоуправство

полицмейстера. Он не имеет права присваивать мое имущество.

— Ого, да вы что? — удивился Алексеев. — Прямо так взял и присвоил? Разве он может? Мне кажется, что вы что-то недоговариваете, ибо полицмейстер является человеком кристально честным и обирать купцов он ни за что не будет. Вы абсолютно уверены, что он присвоил ваше имущество?

— Ну а как еще это можно расценивать? — развел я руками. — У нас была договоренность, что я буду отдавать ему всю свою взрывчатку на хранение. И по первому моему требованию, он будет мне ее выделять на производственные нужды. Все под контролем, с полным учетом. И вот, мне понадобилось начинить свое новое изобретение тротилом, мои люди к нему обратились и что же?

— И что же?

— Вдруг, оказывается, что полицмейстер договаривается с кем-то из военных и мою взрывчатку перевозят в арсенал и запирают на замок. И теперь, чтобы мне ее получить, необходимо чтобы полицмейстер соблаговолил разрешить мне ее выдать, а он не разрешает. Отказывается!

— Ну..., я-то думал.... Теперь я понимаю, что он у вас ничего не воровал. Верю, что он так поступил из лучших побуждений. Все-таки тротил опасное вещество. Не дай бог взорвется, многих людей покалечит.

— Так в том-то и дело, что тротил просто так взорваться не может! Ему обязательно нужна детонация. Его можно бить, резать, кидать и ничего ему не будет. Его можно даже в печку кинуть вместо угля, и он будет просто гореть. И он не взорвется. И полицмейстер об этом знает, так как я лично ему это демонстрировал. И вот теперь, он отказывается мне его отдавать. Ваше Высокопревосходительство, прошу вас, повлияйте. У меня производство остановилось, я терплю колоссальные убытки. Каждый день простоя мне вылетает в круглую копеечку!

Он не сразу мне ответил, смотрел на меня толи с укором, толи с издевкой. Мои театральные стенания его не впечатлили, а жаль. Алексеев первый человек на Дальнем Востоке и что-то требовать от него просто бессмысленно. Его гордость и самолюбие не позволят пойти наглomu просителю на встречу. Здесь можно только взывать к справедливости и то, очень аккуратно, так, чтобы не задеть его чрезвычайно широкое эго.

— А зачем вам взрывчатка? Может вы кого взорвать попытаетесь?

— Упаси боже! Никого я взрывать не хочу и не буду. Кроме япошек в предстоящей войне, конечно же. Вот все мои усилия только на это и направлены. Ну, возможно, моя взрывчатка может еще понадобится в Корее. Например, чтобы горы там рвать или еще для чего. А полицмейстер ставит мне палки в колеса, вот так и приходят в голову мысли, что он не на нашей стороне.

— Но-но, — предостерегающе повысил голос наместник. — Вы бы поаккуратнее кидались словами.

Мне лишь пришлось склонить голову, извиняясь за резкие слова. А затем я вытащил из кармана пустой корпус от будущей гранаты с запалом и положил перед ним на стол

— Вот, Ваше Высокопревосходительство, мое новое оружие. Изобретение которым я горжусь по праву. Чрезвычайно смертоносная игрушка и для наших военных может весьма пригодиться. Имею желание сделать удобную гранату, такую, что сможет уничтожать японцев на пятидесяти сажнях, а не могу. Не могу, потому как мне не выдают мою же собственную взрывчатку. И я не могу ее начинить, испытать и предоставить на ваш суд.

Он скосился на ребристую и неокрашенную чугунок. Помолчал несколько секунд, а затем словно нехотя взял ее.

— Тяжелая, — покачал он ее на ладони. — Помнится из истории, что в прошлом гранаты уже использовали. Мне как-то даже показывали подобное. Как ядро пушечное с фитилем. М-да... И что же, вы считаете что вот такую дуру можно далеко запустить и не покалечиться от взрыва? И неужели такая малышка может убить на пятидесяти саженях? А вместо фитиля у вас какой взрыватель?

— А взрыватель вот он, — я указал на лежащую глухую трубку с кольцом. — Он вкручивается в тело гранаты, а срабатывает только после броска. Внутри встроен замедлитель на несколько секунд. Этого времени хватает, чтобы боец успел укрыться от разлетающихся осколков.

Он и взрыватель подержал в руках. Покрутил, разогнул усики чеки и едва ее не выдернул. Я его предостерег:

— Не стоит, это опасно. Может повредить пальцы.

И он поспешно положил все на стол.

— Думается, что сделали вы штуку весьма опасную для солдат. Не дай бог в руках у них будет взрываться, так и японцам с нами не будет нужды воевать. Голыми руками придут брать.

— Не совсем так, — возразил я, вкручивая запал. — Граната, если не выдергивать кольцо, вещь безопасная. Ею можно даже гвозди заколачивать и она не сработает. На боевой взвод она становится только после броска, когда отлетает вот эта вот скоба, которая является предохранителем. По нашим прикидкам, взрывчатки для одной гранаты понадобится примерно около восьмой части фунта, а разлет осколков составит около ста саженей. Это оборонительный вариант гранаты, использовать которую можно только из укрытия. Но можно сделать и наступательный вариант. Она будет отличаться от этой только тонкостенной рубашкой, и поражать неприятеля будет способная не осколками, а лишь своим фугасным действием. При наступлении и при взятии укреплений такая граната будет незаменима.

— Ну, какие уж у японцев укрепления, — отмахнулся наместник. Потом подумав некоторое время, решил. — Ладно, я распоряджусь, чтобы полицмейстер не мешал в ваших начинаниях. Сколько вам понадобится взрывчатки, чтобы провести все испытания и продемонстрировать готовые образцы военной комиссии?

— Пуда вполне достаточно.

— Будет вам пуд, — пообещал он. — На этом все? Более никаких просьб ко мне не будет?

— Никак нет, Ваше Высокопревосходительство. Никаких просьб. Только представительский презент. Не прошу рассматривать как взятку, прошу лишь оценить мой труд и честно высказать свое мнение. Из Питера я привез с собой немало товаров. В том числе и собственные телефоны. Более совершенные, нежели ныне продающиеся телефонными компаниями, и гораздо практичнее. Разрешите продемонстрировать?

Он весело засмеялся, затряс бородой — оценил подход. Но все же отказываться не стал:

— Ладно, несите. Что вы там хотите показать?

Новенький телефонный аппарат произвел на него хорошее впечатление. Удобный, небольшой, в карболитовом корпусе с насыщенным темно-красным цветом с коричневыми прожилками. Художники в Питере нарисовали удачный дизайн, так что моя техника

выгодно отличалась от современных деревянных ящиков. Я тут же перекрутил жилы с его телефона, что висел на стене, благо все инструменты я предусмотрительно захватил, протянул провода до стола и водрузил новенький аппарат перед его удивленной физиономией. А потом довольно передал снятую трубку наместнику. Тот взял ее, с небольшим сомнением несколько раз ударил пальцем по рычажку, куда ложилась трубка и, дунув в трубку, сказал:

— Барышня, а соедините-ка меня с дачей генерала Белого, — и, облокотившись на подлокотник и прижав трубку к уху, принялся ждать. Через полминуты раздосадовано пробормотал в трубку. — Нету? Никого? Что ж, жаль. Ну да ладно, тогда буду в штаб звонить, — и положил трубу на аппарат. Поднял на меня глаза. — Знаете, а ведь действительно, так намного лучше. Не надо вставать и бежать куда-то. Да и слышно гораздо лучше.

— Наша разработка, — горделиво сообщил я. — Из нового материала, такого больше ни у кого нет. Мы единственные, кто его производит. Подождите, у меня есть вот еще что.

Я залез в портфель с которым пришел, и как заправский купец выложил перед Алексеевым свой товар — пеналы, футляры, коробочки, мундштуки, электрические розетки и вилки и еще много чего. Широким жестом продемонстрировал:

— Вот, и это все мы делаем из карболита. Например, вот этот пенал для письменных принадлежностей можно брать с собой в дорогу. А вот в этом можно носить спички с папиросами и они не промокнут. А вот эти корпуса у нас покупает Сименс для своих приборов. Берут очень много, так, что мы не справляемся и нам пришлось строить завод. А вот футляр для очков, тоже очень полезная вещь.

И наместник с интересом перебрал все вещи. Покрутил их в руках, даже понюхал и положил на место.

— Все это здорово, но зачем вы это показываете мне? Вы что-то хотите здесь строить для производства? Если так, то — дерзайте, моего разрешения для этого вам не требуется. Если развивать торговлю, то тем более. Или вы просто хвастаетесь?

— Нет, боже упаси, я не хвастаюсь. Мне бы хотелось, что все это и еще многое другое из подобного материала было испытано вашими солдатами и моряками. Абсолютно бесплатно! Я могу выделить несколько десятков образцов подобных изделий и отдать во флот. Там есть все условия, чтобы они смогли пройти суровые испытания соленой водой и тяжелым трудом. Ну а после, мне бы хотелось увидеть результаты того, что с этими изделиями станет, для того чтобы понять где их слабые стороны. Я не прошу денег, прошу лишь вашего благоволения, чтобы капитан одного из кораблей разрешил своим матросам придти ко мне и получить что-нибудь из этого для жестких испытаний. Как говорится, лучшие эксперименты нам предоставляет сама жизнь.

— Ну что ж, думаю ничего страшного случится, — пробормотал он и добавил. — Хорошо, я распоряжусь и завтра же к вам придет капитан миноносца... ну, допустим, "Грозового". Шельтинг, да.... Или нет, незачем ему расхаживать по пустякам, пускай пришлет кого другого вместо себя, — он посмотрел еще раз на меня с хитринкой в глазах. — Теперь вы довольны? Более у вас никаких ко мне дел не имеется?

— Теперь никаких.

— Что ж, тогда не смею вас задерживать, — добавил он и кивком бороды попросил меня удалиться. Видимо я ему надоел. И когда я выходил, то в еще незакрытую дверь услышал, как наместник взялся за трубку телефона и произнес. — Барышня, полицмейстера

мне....

На самом деле вся эта суета вокруг изделий из карболита мне была совсем не нужна. Вернее, если сказать точнее, суету вокруг карболита я создал лишь для того, чтобы таким образом навести новые контакты с флотскими. Конечно, мог бы и по старинке — через общих знакомых или через ресторанную пьянку, но пить-то мне уже не хотелось. Я нынче заделался трезвенником.

Полицмейстер прислал ко мне хмурого полицейского. Одного, без сопровождающих. В черном кителе с трехзвездными погонами генерал-полковника, если сравнивать погонами в моем будущем. Только у пришедшего звезды на погонах были чуть помельче, да обрамляли их две красные продольные полосы.

Нашел меня полицейский на складе, мрачно пройдя сквозь суetyщихся китайцев, и не очень дружелюбно спросил:

— Вы господин Рыбалко?

— Да, я. А вы...?

— Помощник исправника Зверев, — глухо представился он. — Господин полицмейстер просил вам передать, что вы можете завтра забрать вашу взрывчатку из участка.

— А-а, хорошо, я понял. А сколько ее будет?

— Пуд, как вы и просили. Надеюсь, вам этого хватит? — едва ли не со злобой спросил он.

— Да, пуда нам должно хватить.

— Замечательно. Тогда, спешу откланяться, — закончил он и, крутанувшись на месте, стремительно вышел.

А я, смотря ему вслед, недоумевал — неужели Алексеев здешнему полицмейстеру хвостов накрутил? Я не в курсе их взаимоотношений, но, судя по реакции Зверева, что-то у них там не в ладах.

— Чегой-то он, Василий Иванович? — спросил меня стоящих рядом один из химиков. — Как будто зол он, как бы чего плохого не приключилось?

— Не обращай внимания.

— Как же не обращать? С полицией шутки плохи, — попытался было занять химик, но я от него отмахнулся. Чего толку нить?

— Васильев где?

— Здесь где-то, а что?

— Скажи ему, что завтра с утра поедем забирать тротил. Чтобы у него все готово было. И это, скорее всего к нам приставят глаза, чтобы мы никуда эту взрывчатку не заныкали, так что, отгородите там местечко, так, чтобы никто подойти не смог. А еще лучше стену еще одну поставьте на небольшую комнатку. Там и будем снаряжать гранаты. Хотя ладно, это не ваша забота. Я сам сейчас найду кого-нибудь.

Химик кивнул и ушел.

Взрывчатку мы получили следующим днем без каких-либо проблем. Просто приехали на извозчике, вместе с Васильевым, старшим среди химиков, зашли и, расписавшись в парах бумаг, получили свой ящик. И в придачу в нему пару полицейских низших чинов, для того чтобы те зорко следили за расходом. И сразу же отправились до нашей лаборатории.

Собственно ничего сложного в снаряжении гранат тротилом не было. Знай себе

насыпай прессованные таблетки в корпус и запирай их там заглушкой. Потом, перед броском нужно будет лишь вкрутить запал и все — грозное оружие к бою готово.

Целого пуда нам оказалось много. Около десяти фунтов оставшихся в ящике, полицейские забрали обратно.

На следующий день было решено провести испытания. По совету полицейских мы выехали за пределы города и нашли пустое место. Небольшая впадина меж двух горок не позволит разлететься осколкам и причинить кому-либо вред. На испытаниях присутствовал я, Мурзин, Васильев, как старший среди химиков и помощник исправника Зверев с парой подчиненных.

— Итак, как вы будете взрывать ваше устройство? — спросил недовольный Зверев.

— Думаю, вкопаем шест, к нему привяжем гранату, а кольцо дернем шнуром. Все мы спрячемся вон за тем обломком скалы.

— Никого не посечет, если взорвется?

— Нет, не должно. Замедление у гранаты мы сделали десять секунд, так что если что, то мы всегда успеем укрыться.

— Если "что" что? — спросил Зверев.

— Если у кого вдруг руки кривые будут, — пояснил я. — А если честно, то в запале мы уверены, но не до конца. Так что на всякий случай давайте с вами укроемся.

— Что ж, давайте укроемся.

Мурзин кайлом раздолбил почву, воткнул в яму ствол от подрубленного дерева и бечевкой привязал гранату. Я же, привязал к кольцу веревку и протянул ее до нашего укрытия.

— Все готовы? — спросил я, оглядывая нашу компанию.

— Все.

— Все здесь?

— Да, все-все, — проворчал Зверев. — Можно дергать.

— Хорошо. Тогда я сейчас пойду усики отогну, а вы меня здесь ждите.

С предельной аккуратностью я разжал загнутую чеку. В последний раз проверил как держится на шесте граната и осторожно отступил назад. Взял в руки бечевку.

— Ну, дергаю, — предупредил я и потянул шнур.

Раздался громкий хлопок капсуля в запале, и мы застыли в ожидании. Десять секунд тянулись целую вечность. Я отсчитывал время на пальцах, загибая их:

— Один, два, три..., - громко произносил я и люди, прижавшись к скале, напряженно следили за моими руками, — семь, восемь, девять...

И тут она рванула! Оглушительная волна ударила в скалу, прокатилась по ней, поднимая пыль и, отразившись, затекла к нам, надавив на уши. И осколки частой дробью затарабанили по камням. Один из них рикошетом залетел к нам.

— Ого! — воскликнул Мурзин. — Взорвалась, Василий Иванович. Ей богу, взорвалась!

— Так ради этого мы и старались. Неужто ты не верил?

— Верил! Только все равно неожиданно!

Вы вышли из своего укрытия. Зверев хмыкнул и поднял с земли рваный металл.

— М-да, — только и сказал он, почесав в стриженном затылке. Видимо он до последнего момента не верил в наше изобретение.

Мы подошли к месту взрыва. Ствол дерева, к которому была привязана граната, вылетел из своего гнезда и лежал теперь расщепленный и сломанный наполовину. Тут же отыскивали

еще несколько осколков и по ним поняли, что насечки на корпусе особой роли не играют — сама граната разорвалась в хаотичном порядке и абсолютно не правильной формы. Но все одно, массивная чугунная оболочка могла натворить много дел, разорвись она рядом с человеком.

— Однако, Василий Иванович, — в голосе Зверева вдруг прорезались чуть-чуть уважения. — Скольких же человек такая штучка может жизни лишит и покалечит?

— Много, если кинуть удачно.

— М-да, много, — он подобрал еще несколько горячих осколков, попытался собрать из них пазл. Но не получилось и потому он сунул их в карман. Надо полагать потом покажет своему начальнику. — А сколько вы гранат с собой взяли?

— С полсотни штук. Думаю, нам хватит чтобы понять, что изобретение состоялось.

— Ага, состоялось. А скажите, сколько взрывчатки уходит на одну такую штучку?

— Мы остановились на пятнадцати золотниках. Или, если угодно, шестьдесят четыре грамма, плюс-минус.

— Ага, а вернули вы нам обратно десять с половиной фунтов. Это получается, что вы сделали..., сделали..., - он задрал голову и принялся подсчитывать в уме. Но я ему помог:

— Не мучайтесь. Мы сделали двести штук. Понимаю, понимаю, — перехватил я его удивленный взгляд, — хранить у себя мы гранаты не собираемся. Все до единой отдадим вам, но... у меня возникает вопрос, а не отнимите ли вы у нас наши изделия? Скажет ваш начальник, что я социалист и собираюсь взорвать наместника, и опять зажмет, не отдаст?

Он замялся, не нашелся сразу что ответить. Наконец, через некоторое время, укоризненно сказал:

— Знаете, Василий Иванович, после звонка наместника, господин полицмейстер немного на вас..., как бы это помягче сказать.... В общем, он немного недоволен. Это правда. Но забрать ваше имущество просто так он не может и это тоже правда. На хранение — да, под замок, чтобы у вас ее банально не украли — да, но отобрать у вас — это нет. Все что надо он будет выдавать вам по мере необходимости, но, вы сами понимаете, только под полным контролем. И никак иначе.

— А если я захочу продать свои гранаты, ну, допустим, китайцам? Полицмейстер препятствовать не будет?

— Как можно? Конечно, не будет. Вы, главное, такое страшное оружие нашим ухарям не продавайте, а то попадут ваши гранаты в руки бомбистам и все — опять кого-нибудь взорвут. А все следы потом в наш Артур приведут. Вы уж поаккуратнее. Мы очень надеемся на ваше благоразумие, — он на несколько секунд замялся, а затем задал давно интересовавший его вопрос. — Василий Иванович, вы же на самом деле не социалист? Правда?

Похоже, моя слава заботливого промышленника, начинает мне мешать. Все мои действия, все мои нововведения, нынешний народ воспринимает с точки зрения своей невысокой колокольни и моментально приписывает меня к тем, кто хочет поколебать устои монархии. Вот и Зверев, похоже, на пару с полицмейстером заочно поставили на мне "проклятое" клеймо и, видимо, поэтому у меня возникли сложности.

— Нет, я не социалист. Я простой купец и промышленник. И если вас успокоит, то я захож в двор Императора и бывало имел с ним самим встречи.

— Да-да, что-то подобное я слышал.

— И я в довольно неплохих отношениях с Марией Федоровной, с матерью Николая. И

при дворе я осуществляю синематографические съемки императорских праздников и выходов в свет. Сами понимаете, какая это ответственность и возможности. Так что взрывать кого-либо или просто свергать монархию не в моих интересах. Лично для меня гораздо выгоднее поспособствовать тому, чтобы трон Романовых в грядущих событиях устоял.

Вроде доходчиво объяснил и Зверев, кажется, успокоился. Только через несколько минут, когда мы устанавливали вторую гранату для пробного взрыва и едва мы остались наедине, он вкрадчиво поинтересовался:

— Слышал также про вас, что вы можете видеть еще не случившееся. Войну вот с японцами предсказываете, об этом уже все в округе знают. А вот скажите, про какие грядущие события вы только что говорили?

Э-э, — не сразу понял я, о чем речь.

Ну, вы сказали, что для вас важно, чтобы трон Романовых в грядущих событиях устоял. А какие это события? Неужели японцы нас расколошматят?

Я вздохнул. Оглянулся вокруг. Мурзин, Васильев и оба полицейских низших чинов уже спрятались за валуном и лишь украдкой выглядывали, опасаясь случайного взрыва. В руках у меня был новый шнур, который я опять привязывал к кольцу и готов был уже с ним отойти. Зверев поглядывал на меня, в ожидании откровений:

Э-эх, господин Зверев, ну, зачем вам эти пророчества? Что они вам кроме недоверия могут дать? Я и так уже много наболтал перед Марией Федоровной, что заслужил ее ссылку. Что же мне теперь и здесь распускать слухи? Увольте, не хочу. Мой язык иногда меня подводит, а отправляться в ссылку еще дальше я

не имею никого желания. На Сахалин говорят, отправляют самых отъявленных негодяев, а я с ними встречаться никак не хочу.

— Я понимаю вас, очень понимаю. Но вы и меня поймите, у меня служебный интерес. Печаталось тут одно время столичное трепло в газетках, так вот он тоже, как и вы каркал нам войну с япошками. Смешно даже, читали мы его всем отделом, вместо театральной комедии. Но, теперь-то я начинаю замечать, что в чем-то он был все-таки прав. Например, вот, этот выскочка говорил, что если вдруг японцы смогут высадить свой десант на полуострове, то Порт-Артур окажется в осаде и долго ему не продержаться. От полугода до года времени он давал времени, а потом все — капитуляция. Смешно конечно, но, я тут не так давно прикинул и по всему выходило, что не так уж этот писака был не прав. У нас же фактически ничего к осаде не готово. Один второй форт закончен, а к

некоторым даже и не приступали. О какой обороне может идти речь, если наши вояки не изволят чесаться?

Ну, я, наверное, с этим писакой соглашусь. Порт и вправду не готов к обороне.

Да, не готов. Я флот наш стоит все время на рейде, редко когда в море выходит на учения. И не стреляют почти, а матросам откуда выучку взять? А япошки, говорят, готовятся очень старательно и деньги для войны по подписке с населения собирают. И говорят, что дело это продвигается очень активно, народец их на патриотическом подъеме. Вот и выходит, что не сладко у нас будет, объяви они нам войну.

Хм, Роман Григорьевич, вся загвоздка-то в том, что они нам войну объявят без объявления войны.

Это как?

Нападут без предупреждения и все.

А разве так можно? — удивленно спросил Зверев. — А как же международные....

Да наплюют они на них вот и вся их международность. Они хоть и хотят выглядеть как белые люди, да все одно их варварская и азиатская сущность вылезет наружу. Подойдут ночью к Артуру на миноносцах и подорвут несколько кораблей на внешнем рейде. Вот так.

Зверев замолчал, нахмурил брови. Все-таки дал я ему то откровение, о котором он спрашивал. Не хотел, а все одно проболтался.

Но как же так? — спросил он меня, встревожено. — Если это так, то надо что-то делать? Если вы говорите правду, то вам надо во все колокола бить, наместника уговаривать чтобы он принял меры.

Я вздохнул. Посмотрел на него с легким укором, покачал головой.

— Все мои знания грядущего, для всех людей не более чем болтовня. И всерьез мои слова восприняли лишь вы один. Боюсь, что до тех пор, пока начертанное не осуществится, никто мне не поверит до такой степени, чтобы что-то предпринимать. Ну, в самом деле, подумайте сами. Ну, подойду я к Алексееву, распишу ему все что произойдет. А дальше? Почему он должен мне верить? Кто я для него? Шут гороховый, болтун придворный, эксцентричный купчик? Нет, Роман Григорьевич, пока что-либо сделать здесь я бессилён. Японцы нападут на нас в начале следующего года, это я знаю наверняка и этого не избежать, но, не смотря на эти знания, мне не спасти наш флот. И они высадят десант на полуострове, так, что придется нам тут сидеть в осаде много месяцев. И вот тут я, могу кое-чем помочь. Да вот хотя бы вот этими штучками, — я кивнул на

привязанную к шесту гранату. — Представляете сколько бед они причинят японцам, когда они будут лезть на эти сопки в атаку? Так что, Роман Григорьевич, давайте на время закроем тему никому не нужных откровений и продолжим с вами делать то, что нам по силам. И буду вам очень признателен, если вы мне в этом нелегком деле поможете. Ну или хотя бы не будете мешать мне с моими изобретениями и деловыми предложениями. Вот сегодня мы с вами испытываем гранату, а потом будем стрелять из миномета. И вы сами увидите какое это будет полезное и смертельное для японцев оружие. Представляете, вот мы с вами стоим здесь, со всех сторон окруженные сопками, а миномет моей конструкции сможет бить отсюда японцев, которые будут располагаться, ну, например, вот за той горой. Представьте какой урон можно будет нанести этим варварам, при этом самим находясь в абсолютной безопасности. Ведь сюда ни одна их гаубица не закинет.

Так то оно так..- покивал головой Зверев, соглашаясь, но тут же возразил. — Но как вы узнаете куда надо стрелять, если отсюда вы не будете видеть противника? Я, конечно, не очень сильно разбираюсь в военном деле, но как мне кажется у вас должны возникнуть в этом случае большие сложности.

Совершенно верно, — хитро согласился я. — Именно — сложности. Но это если подходить к стрельбе из укрытий с нынешними взглядами. А представьте-ка, что вон там на высоте висит шар воздушный, а на нем наблюдатель. А у наблюдателя телефон, соединенный с минометным расчетом, и он в режиме «реального времени» будет корректировать огонь. И заметьте, в отличии от артиллерийских батарей, минометному расчету не требуется дальномеров. Им требуется лишь подробная карта.

Он мне не ответил. Лишь задрал голову вверх и представил плывущий по небу воздушный шар. И от воображения своего даже присвистнул.

— А еще лучше, Роман Григорьевич, в пару к воздушному шару изобрести летательный аппарат тяжелее воздуха и с помощью него вести воздушную разведку. Пустить такой кружить по небу и выискивать место расположения японцев, а потом по этим самым места

накидать через сопку мин с пару сотен. Вот мы жизни японцам-то зададим, они уж и не рады будут, что к нам сунулись, — и я даже глупо хихикнул, от внезапно возникшей идеи. А она мне действительно чертовски понравилась. Самолет, конечно, мне сделать не под силу, но вот мотодельтаплан вполне возможно. А что? Вместо алюминиевого каркаса вполне подойдет крепкий бамбук, а на ткань можно пустить китайский шелк, пропитанный лаком. Присобачить мотор от разбитого «Руслана», выстрогать

пропеллер и айда в небо.

Ну, вы тоже скажете «аппарат тяжелее воздуха», — возразил Зверев. — Разве такое возможно?

Возможно, Роман Григорьевич, возможно, — самоуверенно заверил я его. — И я его сделаю, обещаю вам. А пока берите-ка этот шнур, да тяните его, а то что-то мы с вами заболтались. А я, как вы спрячетесь, разогну у кольца усики. И смотрите не дерните раньше времени, а то не будет у вас больше откровений грядущего и летательных аппаратов тяжелее воздуха.

В тот день вы подорвали почти весь запас наших гранат. Первые штук двадцать мы, как и раньше, привязывали их и дергали кольцо шнуром, а затем, убедившись в надежности, стали кидать гранаты вручную. И это был весело. Звереву даже понравилось ощущать тяжелый ребристый шарик в руке и чувствовать его смертоносную мощь. И кидал он ее далеко, с широким размахом и глухим вскриком. После броска и хлопка капсуля во взрывателе прятался неспешно и демонстративно храбрясь.

Что-то больно долго ждать надо, — проговорил он оценивающе. — Вот полезет японец, а наш солдат в него кинет гранату. Так тот, пока она не взорвалась, сумеет укрыться от нее. Плохо это, короче надо делать.

Да, я с вами согласен, — кивнул я. — Более того, японец может эту гранату обратно метнуть. Я думаю так, что по стандарту лучше всего задержку делать в четыре-пять секунд, тогда и солдат после броска успеет укрыться и японец обратно ее не отшвырнет.

Тогда зачем вы сейчас сделали такую долгую задержку?

Простая предосторожность, Роман Григорьевич. Но, если вы готовы, то я могу вам дать запалы с четырехсекундной задержкой. Вы готовы?

А то ж! Давайте их сюда. Я не побоюсь.

Ради бога, вот вам три штуки. Только умоляю, не геройствуйте и сразу прячьтесь, иначе посечет вас осколками. Ну а мы, отойдем-ка чуть подальше, вы уж не обижайтесь.

И я, кивнув Мурзину, Васильеву и полицейским, отошел еще дальше и спрятался за другой валун. Ну а Зверев, вкрутив запал в первую гранату и выдернув чеку, по-ухарски, с хеканьем зашвырнул лимонку во впадину и неспешно скрылся за защитой. Граната рванула, взбив сухую пыль, осколки запрыгали по камням. Помощник полицмейстера одобрительно показал нам большой палец и сразу же принялся вкручивать укороченный запал в следующую гранату. И вторая лимонка полетела по крутой и высокой дуге, но на этот раз Зверев почему-то не поспешил укрыться, а остался стоять и смотреть куда она упадет. И от этого вида у меня замерло сердце.

Ложись! — закричал я ему что есть силы.

Он обернулся на меня и в этот момент граната взорвалась и осколки с жужжанием рванулись на свободу. Зверев вдруг вздрогнул, схватился за бок и медленно осел наземь. Меж его пальцев показалась кровь.

Мы пульей подлетели к нему. Зверев лежал на спине и охал, морщась от боли.

Что? Как? Сильно? — только и смог спросить я, вставая перед ним на колени. — Дай посмотреть.

Ой, насмерть меня, ой убил я себя, — запричитал полицейский. И с ноткой театральности выдал, — Сам себя убил, как глупо! Помира-аю, братцы. Спасе-айте меня-я.

Да дай ты посмотреть, — снова сказал я и, попытался отнять его ладонь. Но Зверев не дался, зажался, второй рукой начал меня отталкивать.

Ой, умираю, в самое сердце попа-ало-о, — нараспев заунывно заскулил он.

Я кивнул его помощникам и они, поняв меня, ухватились за руки и насильно развели их. А я, склонился над раной.

Надо китель снять, — сказал я, поняв, что рассмотреть мне никак не удастся. И полицейские послушно расстегнули своему начальнику пуговицы и повернув того на бок, стали осторожно снимать китель. Зверев еще громче заохал, запричитал:

Что ж вы дела-ае-ете, изверги. Больно же. Ой, убиваете, ой, умираю. Ой, богоматерь уже вижу-у.... Идет ко мне, руки свои простира-ае-ет.... Черна лицом и низенка-а, к чертям меня утащить хоче-ет....

Я кинул взгляд туда, куда он смотрел и увидел на гребне холма старуху-китайку, которая приложив к глазам ладонь наподобие козырька, с любопытством наблюдала за нашей возней. И на богоматерь она совсем не была похожа, что там у Зверева от шока произошло в голове?

Ну а пока с него стягивали верхнюю одежду, я сумел оценить его театральные способности. Конечно, судя эмоциональным воплям, ни черта он не умирал. Да, больно ему было, но явно несмертельно. Кровь сочилась из раны, и любое прикосновение рядом с ней отзывалось в его столах и причитаниях настоящим страданием. Но, опять же, не смертельным страданием.

— Ну-ка, поверните его.

Я осторожно прикоснулся к ране. Зверев взвыл, дернулся, чем причинил себе еще больше мучений.

Да подержите же его!

Его прижали к земле. Я разодрал окровавленную рубашку и моему взору предстала сама рана. Осколок, пройдя по касательной, распорол Звереву левый бок грудной клетки, развалил кожу и мышцы надвое, и выбил маленький кусочек ребра. Само ребро, если не считать глубокой ямки, осталось целостным, но, по-видимому, все-таки надломленным. Это и причиняло боль раненому, заставляя орать. Адреналин в его крови все-таки частично притуплял боль и потому он мог еще орать и сопротивляться. Но скоро его отпустит и вот тогда он замолчит и не сможет произнести ни слова. Будет лишь стонать и цедить слова сквозь зубы — сломанное ребро будет мешать нормально дышать.

М-да-а, — с выдохом облегченно произнес я и отодвинулся назад. — Отпустите его, там ничего страшного. Не помрет.

Точно не помрет? — даже с какой-то долей сожаления переспросил один из полицейских.

Если только от заражения. А так рана не смертельная. Но ему ко врачу надо бы зашить и тугую повязку наложить. У меня, кстати, дома зеленка есть, надо бы за ней тоже сгонять. Она антисептик хороший, ему поможет.

А-а-а, понятно. Ну, тогда я побежал что ли за извозчиком? — разочарованно сообщил полицейский и тотчас убежал.

А Зверев, услышав, что ничего страшного с ним не случилось, замолк, посмотрел на меня внимательно, и, не заметив в моих глазах фальши, переместил взгляд на рану. Кое-как скособочился, вытянул шею и удостоверился в моих словах. И вот тогда он взял себя в руки и снова превратился в грозного служаку.

Рану надо перемотать, — сообщил он в пространство.

Нечем, — осек я его. — Хотя..., — кивнул второму полицейскому на одежду Зверева. — Ну-ка рви ему рубаху на бинты.

А сам достал из кармана чистый шелковый носовой платочек. И вот этим платком я заложил разошедшуюся рану, а поверху туго обвязал импровизированными бинтами.

Примерно через час прикатил извозчик. На него мы и загрузили уже отошедшего от адреналина и скулящего от боли Зверева. Отвезли в Артур ко врачу, который, обработав рану, зашил ее и туго обтянул бинтами. Я его потом лично отвез домой, «обрадовав» его супругу и детей, чем переполошил весь дом. Объяснил, что случилось, убедил, что все на самом деле не так страшно, как глава семейства прикидывался, и пошел было домой, да меня не отпустили.

Настойчиво упростили отужинать, а я и не отказался, потому как в животе червячок уже настойчиво ворчал.

Мурзин у меня через несколько дней после происшествия с ранением уехал во Владивосток. Там люди, что нанимались на работу, установили уже станки для производства нашей колючки и медленно включились в работу. И сейчас требовалось слегка присмотреть за процессом и дать указания местному директору. Большого и не требовалось — производство там небольшое, работников не более десяти человек. Проволоку тянуть и вить «егозу» можно и с таким малым количеством.

Ну а пока Мурзин находился в разъездах, я продолжил работать здесь. Совершенно неожиданно нашлось помещение для кинотеатра. Алексеев,

прознав о том, что я с собою привез ленту о царском костюмированном бале, через своего адъютанта, вызвал к себе. Тем же днем я был у него в рабочем кабинете:

Здравствуйтесь, милейший Василий Иванович, здравствуйтесь. Прошу вас, проходите, присаживайтесь, — любезно приветствовал он. — Как ваша жизнь семейная, как дела купеческие да фабричные?

Я умастился на крепком стуле и облокотился на стол.

Дела наши купеческие идут весьма неплохо, — ответил я, внимательно поглядывая за его ехидными глазами. — Деньга делает деньгу, а купец ею погоняет. Чем быстрее деньга обернется, тем больше купцу прибыль. А семейные мои дела нынче в простое. Одинок я здесь, супруга-то в Питере осталась.

Он усмехнулся.

Однако, сказывают, что вы весьма быстры на амурные приключения. Уже и бабенку себе справную успели найти.

Ого, это ж какую? — удивился я.

Ну как же, — в свою очередь удивился Алексеев. — А мадмуазель Лизетт как же? Знаем, знаем мы все о ваших приключениях! — добавил он и весело погрозил мне пальцем. — Только вы смотрите, восточный гарем мне тут не устройте. А то у вас у молодежи только одно на уме — как бы от жены побыстрее сбежать и под новую юбку залезть. А мадмуазель Лизетт барышня хорошая, это правда, господа офицеры проверяли ее и потом нахваливали.

И он заразительно засмеялся, а меня покорило от его шуточки. Лизка хоть и проститутка, а все же у меня осталось о ней хорошие воспоминания. Добрая она была. Я потом заходил к ней, чтобы еще раз сказать «спасибо» и она меня опять напоила чаем. Присела рядом за столик и поджала щеку кулачком. И тогда, уже на трезвую голову я вдруг понял, насколько она красива. Черные прямые волосы, собранные в высокую прическу, утонченное аристократическое лицо, полноватые, но четко очерченные, словно карандашом, губы, которые можно было пожелать самой Анжелине Джоли, и стреляющие лукавым огоньком черные, бездонные глаза. И я, если б не знал кем она работает, мог бы в нее влюбиться. Тем днем она со мною просто сидела, смотрела на меня и с какой-то грустинкой в глазах слушала мою болтовню. Отказалась от денег, которые я ей еще раз давал в качестве благодарности. Через час ушел от нее и каким-то невероятным образом забыл поставленную в угол трость. Что важно, сексом мы не занимались — она не намекала, а я, будучи верен своей жене, не хотел. А

следующим днем она сама пришла ко мне домой и через моих архаров вернула забытую вещь. Видимо, отсюда и поползли нехорошие слухи, потому-то мне шутка Алексева и не понравилась.

— Должен вас огорчить по поводу мадмуазель Лизетт, — ответил я наместнику, разочарованно прочистив горло кашлем, — у нас с ней нет никакого романа. Очень жаль, что до вас дошел такой непроверенный слух. Лизетт всего лишь работает в кафешантан, а я человек солидный и к тому же женатый. Мне нет никакого резона пачкаться в таких слухах.

— Гм, вот как? Ну что ж, тогда давайте забудем об этом недоразумении, — он откинулся на спинку кресла и сложил на животе руки. — Действительно, копаться в грязном белье нет никакой чести.

Он вздохнул, помолчал секунду, гипнотизируя меня, а затем произнес:

Ладно, давайте к делу. Я слышал, что вы при дворе сняли какую-то там занимательную синему? Такую, что иностранные послы, после ее просмотра, доносили о ней своим хозяевам и, что важно, не скупилась на похвалу. Синему описали в таких превосходных степенях, что ее захотели посмотреть при английском дворе. Наш государь Император отправил туда копию, но что-то у них там не задалось....

Я усмехнулся, понимая, что именно у них не задалось. Мало было отправить копию ленты — для ее качественного просмотра необходима была именно наша аппаратура. А е-то на туманный Альбион отправить никто не догадался. Алексеев заметил мою едва видимую ухмылку, запнулся, а через пару секунд продолжил:

... так вот, что-то у них там не задалось и при Английском дворе посмотреть синему так и не получилось. По слухам, теперь туда отправили одного из ваших работников, чтоб значит он там во всем разобрался, — он сделал продолжительную паузу, пытающее поглядывая на меня. Хотел, чтобы я сам догадался о чем пойдет дальше речь, но, не найдя в моих глазах понимания, вздохнул и продолжил. — Мне тут через фельдъегерскую службу пришло письмо от..., ладно..., не важно кого. В-общем, должен вас спросить — у вас имеется еще одна копия этой синемы?

Возможно, — аккуратно произнес я. — А о какой конкретно синеме идет речь? Я для Императора снял две ленты.

Речь идет о бале. У вас есть она?

Да, эта лента у меня с собой.

И тут Алексеев шумно и с облегчением выдохнул. Хлопнул довольно по столу:

Замечательно, просто превосходно! Вам необходимо срочно же отдать эту пленку мне, а я ее отправлю в столицу. А там через дипломатическую почту ваша пленка уйдет прямым в Лондон. Слава Богу, что она хоть у вас сохранилась! Это большое везение.

Подождите, — непонимающе подал я голос. — Помнится, мы для Императорского двора сделали десять копий. Что с ними случилось?

Он вздохнул и развел руками:

Сгорели ваши копии. Все разом.

Как так?

Подробности мне неизвестны. Только ваша чудом и сохранилась. Поэтому прошу вас передать ее мне, а я отправлю ее в столицу.

Но постойте, а негатив, что был у нас в архиве? А та копия, что Император уже отправил в Лондон?

Алексеев развел руками.

— Я этого не знаю. Знаю только, что и эту копию посмотреть нет никакой возможности. Господин Рыбалко, надеюсь, вы понимаете какой важности просьба Императора? Отказывать никак нельзя.

Я обреченно кивнул. Тут уж действительно не откажешь. А ведь мне было жалко отдавать последнюю копию своего выстраданного фильма. Я столько сил на него положил, столько нервов. А что если и эта лента исчезнет? Что тогда? Все труды прахом?

— Сгорели ваши копии. Все разом.

— Как так?

— Подробности мне неизвестны. Только ваша чудом и сохранилась. Поэтому прошу вас передать ее мне, а я отправлю ее в столицу.

— Но постойте, а негатив, что был у нас в архиве? А та копия, что Император уже отправил в Лондон?

Алексеев развел руками.

— Я этого не знаю. Знаю только что и эту копию посмотреть нет никакой возможности. Господин Рыбалко, надеюсь вы понимаете какой важности просьба Императора? Отказывать никак нельзя.

Я обреченно кивнул. Тут уж действительно не откажешь. А ведь мне было жалко отдавать последнюю копию своего выстраданного фильма. Я столько сил на него положил, столько нервов. А что если и эта лента исчезнет? Что тогда? Все труды прахом?

И я Алексееву высказал все свои опасения. Расписал в красках все свои страхи и попросил его поспособствовать тому, чтобы лента в Питере прежде попала в наши руки и мы смогли сделать с нее новый негатив взамен утерянного. И наместник, недолго думая, заверил меня, что укажет мою просьбу в письме к Николаю. Ну а перед тем, как передать ленту, он с укором произнес:

— Вот вы, дорогой Василий Иванович, столько времени уже в Артуре, а свои знаменитую синему мне так еще и не показали. А я, между прочим, и обидеться могу.

— Ваше Высокопревосходительство, — вздохнул я, — я б с радостью вам бы ее продемонстрировал, но не могу по двум обстоятельства. Первое — я в Артуре не могу найти подходящее помещение для обустройства удобного просмотра. Те здания, что я подыскал для этой цели не подходят, слишком уж неудобные и маленькие. Вторая же причина это личный запрет Императора на показ этой ленты народу. Сами понимаете, послушаться я не могу.

Но наместника оказалось просто так не провести. Он волевым жестом осек меня и произнес:

— Если вам Император запретил показ, то зачем вы взяли сюда свою синему? Уж не затем ли чтобы показать ее мне? Не надо юлить, я, все-таки не простой народ. Во мне течет императорская кровь! Поэтому, прежде чем вы передадите мне свою ленту, я приказываю вам мне ее показать. Чтобы мне знать о чем там речь идет, о чем зашумел британский двор. И если для вас нет подходящего помещения в Артуре, то поищите его в Дальнем. Уж там-то выбор куда как больший. И прошу вас настойчиво — сделайте это в кратчайшие сроки, — совсем уж жестко закончил он.

Залу для своего фильма в Дальнем я нашел без особых проблем. Там тоже был свой театр, захудалый, непопулярный, но помещение имелось вполне подходящее. Владельца даже уговаривать не пришлось, тот с радостью позволил арендовать зал на два месяца, а сам с труппой снялся с места в поисках лучшей доли. Говорили, что подался в Харбин. Там тоже много русских охочих до развлечений.

Обустройство у меня прошло по накатанной. Оборудование расставлено, экран

расправлен и натянут, кресла для важных персон выставлены так, чтобы всем было удобно наблюдать. Я сам встал за аппарат, положил под патефонную иглу подходящую пластинку и, дождавшись, когда Алексеев со свитой умят свои зады, начал показ.

Происходящее на экране восхитило их. Это действительно было великолепно. Нарядные костюмы, горделивые и величественные лица, великолепные, осанистые фигуры. И Император с Императрицей сняты с самой лучшей стороны. Ни тени усталости, ни толики раздражение — лишь ясные взгляды и приветливые улыбки. Много крупных планов, много танцев и веселья. И хоть мое кино было немым и пластинка не особо выручало, но действие на экране всех так захватило, что казалось зрители словно слышат ту музыку. А может просто по танцевальным па они догадывались, что именно сейчас играет и в такт неслышимой музыке, шевелили губами.

— Прам-па-па, прам-па-па...., тара-тара-та..., - только и слышал я шепот я сидевшего недалеко от меня статного генерала. Видимо, жизнь того покидала по балам, да по танцулькам, так, что эти музыкальные мотивы, словно армейские устав, навсегда засели в его голове.

Час пролетел как одна минута. Промелькнули последние кадры, экран залился белым светом, и я поспешил отключить проектор. Потом махнул рукой и в зале разгорелась хрустальная люстра.

— Ну вот, это все, — произнес я, глядя на затылок наместника.

Тот словно очнулся, дернул головой.

— М-да..., однако.... Однако не зря вашу синему так расхваливали при дворе. Свое дело вы знаете туго. Я словно сам побывал на балу.

— Я очень старался, Ваше Высокопревосходительство. Никак нельзя было сделать посредственно, пришлось прикладывать все силы. Император тоже весьма лестно отзывался о моей картине.

— Да-да, картина производит впечатление. Она очень сильно отличается от всего, что я когда-либо видел. Насколько я понимаю, здесь все дело в вашей технике?

— Не только, но в весьма значительной части.

Он встал, одернул примятый мундир и прошел мимо поднявшейся свиты. Остановился напротив меня и с укоризной высказался:

— Представляете, господа, и вот эту вот синему от нас хотели скрыть! Не хотели нам показывать! И если бы я не настоял, то мы бы ее никогда бы и не увидели. Представляете?

— Каков хитрец! — вставил кто-то. И с осуждением спросил. — А почему он не хотел?

— Ну, думаю, не стоит его сильно пенять, — пресекая возмущение, ответил наместник. — Был прямой запрет на показ ленты для широких масс от Его Величества. Сами понимаете, господин Рыбалко никак не мог ослушаться. Но я-то, как носитель царской крови, не мог позволить пропустить подобное. Потому и взял на себя смелость и разрешил господину Рыбалко показать нам ее.

И его свита удовлетворилась ответом. О том, что Алексеев являлся внебрачным сыном Александра Второго не знал разве что глухой. Отсюда и привилегии у адмирала, отсюда и наместничество. Слышал, что со стороны матери у него в крови гуляет армянская кровь и потому иногда в его речи можно услышать едва уловимый акцент. Но так это или нет, мне доподлинно неизвестно, а всем слухам верить нельзя. И да, совершенно непонятно, почему Алексеев до сих пор не женат и не обзавелся детьми. Казалось, что такого в эти времена быть не должно, однако ж — вот, наглядный пример. Заядлый холостяк собственной

персоной.

— Ну, а теперь, когда вы нам показали царскую балу, что вы нам еще собираетесь продемонстрировать? Не скромничайте, уж мы-то все читали о том, что вы показываете в столице. Пора бы и нашему захолустью приобщиться к новому искусству.

Что ж, пришлось чуть расширить свой показ и своим высокородным зрителям прокрутить свою первую картину "Два сердца и крепкий кулак". С Серафимом Озирным в главной роли. Действо на экране увлекло их сильнее, чем предыдущий фильм. Серафим был великолепен, спасая возлюбленную, крошил врагов направо и налево. Выбивал зубы, крутя вертушки, и вышибал ногою кабацкие двери. Зрители на едином дыхании проглотили ленту и в конце, когда Серафим впился в губы спасенной возлюбленной, заплодировали. Подобного одобрения у меня даже в Питере не было — вот что значит соскучившаяся по зрелищу публика.

Вот так и организовались показы моих немногих фильмов. Раз в неделю я стал ездить в Дальний и устраивать там сеансы. И в виду того, что с развлечением в данной местности испытывалась сильная нужда, то не стало откровением, что все мои сеансы оказывались заполнены на сто процентов. Люди, прослышав о лентах, стали приезжать со всех городов. И даже китайцы, из тех, что побогаче, заявлялись на картину и специально для них мне пришлось нанимать переводчика, который отчитывал для них текст. В общем, неплохо получилось, и деньгу немного заработал и перед большой аудиторией засветился. После первого показа познакомился со многими высокими чинами и некоторые из них меня даже приглашали заходить в гости. Единственно, люди часто стали меня просить, чтобы я устраивал показы чуть почаще — хотя бы пару раз в неделю. Но пришлось отказывать. Я бы и рад, да только никто с киношной аппаратурой здесь работать не умеет и мне приходится делать все самому, а учить кого-либо у меня не было никакого желания — геморроя больше, да и недешовую аппаратуру жалко. Да и лент для показа у меня раз-два и обчелся. Хотя тут недавно Маришка телеграмму прислала в которой сообщала, что сняла новую ленту и копию уже отправила мне. Через месяц, думаю, я ее получу и тогда смогу продемонстрировать ее широкой публике. Да и Маришкин режиссерский талант заценю, она вроде испытывала к этому делу неподдельный интерес.

Вскоре из Владивостока приехал Мурзин, привез новости. Производство колючки там успешно запустили и никаких проблем с этим не возникло. Местный управляющий на отлично справился со своим делом, расставил станки, набрал персонал и по подробной инструкции обучил их. Так что теперь в дневную смену во Владике мы производили около двух-трех километров "егозы". Работали в четверть силы и пока только на склад — с реализацией были проблемы. Местным жителям колючая проволока оказалось не очень-то и нужна, брали ее откровенно мало. Военные пока тоже ее не закупали, но были Мурзиным о ней проинформированы. Так что как только начнется война, так о ней обязательно вспомнят и обязательно выкупят. Так что получалось, что производство проволоки для нас не приносило никакой прибыли, а лишь высасывало деньги. Мурзин с управляющим еще во Владике прикидывали, и получалось, что мне из своего кармана приходилось выкладывать ежемесячно от полутора до двух тысяч, только лишь для того, чтобы производство работало. Вроде бы и не большие деньги для условного миллионера, а все равно, при наличии ограниченного бюджета для наших с Мишкой хотелок очень чувствительно. Я, после озвученных сумм лишь скрипнул зубами и на незаданный Мурзиным вопрос ответил, что

работать следует в прежнем режиме, не ускоряясь, но вот с реализацией надо бы что-то придумать. Егорыч, выйдя на представителей Тифонтая сумел договориться с ними и начал продавать им нашу "егозу" в небольших объемах. Это нам чуть-чуть помогло, но не совсем. Производство даже на таком этапе следовало делать как минимум безубыточным. Я сел напряженно думать и вскоре понял, что без военных мне это производство не вытянуть. А они, пока жареный петух в зад не клюнет, не проявят никакого интереса. Вот и выходило, что производство колючей проволоки без будущей войны мне поддерживать бессмысленно, а до войны этой еще много месяцев. И все эти месяцы я буду вынужден терпеть убытки. В общем, расстроился я слегка и ходил несколько дней немного не в своей тарелке. А потом вдруг спустя какое-то время мне в голову пришла замечательная мысль — а почему бы не отправить нашу "егозу" в Штаты? Так, по моим представлениям, для нашего изделия будет самый рай. Большие пространства, прерии и многочисленные фермеры с их тысячеголовыми стадами. Уж им-то сам бог велел использовать колючку в качестве ограждения своих территорий. Ну а раз так, то выпала нам нужда искать в Артуре американского купца Смита. И хоть он ведет преимущественно торговлю в Японию, но и в Артуре и в Дальнем у него имелись неплохие лавки. Вот через него-то мы и организовали худо-бедно продажу нашей "егозы". Без особой прибыли, но и без убытков, так что чуть позже, спустя пару месяцев после запуска, содержание производства во Владивостоке мне стало обходиться всего в двести-триста рублей, а иногда и вообще в какую-то сотню, что для нас являлось очень неплохим результатом. И это при том, что сама колючка по чуть-чуть все-таки накапливалась на складе. Да и производство таким образом немного увеличилось, что благоприятно сказалось на конечной цене изделия.

А спустя пару недель после приезда из Владика моего помощника, в Дальний прибыл поезд в котором целых два вагона были отданы под мои товары. И мопеды там, и кислоты и партия "Монополии" для развлечения Мурзина и, что самое важное, три десятка минометов восьмидесят второго калибра и не начиненных тротилом мин к ним количеством под три тысячи. И вот это было самое интересное. Мины уже имели заложенный пороховой метательный заряд и отдельно были расфасованы в шелковые мешочки порох, для того чтобы без особых сложностей можно было увеличить дальность стрельбы. И отдельно же в ящиках в количестве десяти тысяч Мишка отправил взрыватели, которые, насколько я понял, были взяты от вполне обычных снарядов малого калибра. И это было хорошо, потому как мне не нужно было ломать голову и заново изобретать велосипед. И со всем этим грузом приехал сопровождающий человек.

— Вот, Василий Иванович, для вас передали два письма, — и сопровождающий груз мужчина, отдал мне два пухлых конверта. — Одно от вашей супруги, а другое от вашего компаньона. Я поеду обратно через три дня, так что, если вы хотите, то могу передать им ваш ответ. Если вы не желаете воспользоваться местной почтой.

— Ого, спасибо, — даже растрогался я, принимая два пухлых и жестких конверта. — А почему же они сами почтой не воспользовались?

— А зачем? — в ответ спросил мужчина. — Я бы все равно быстрее доставил, что они. Все одно на одном поезде с почтовым вагоном ехали.

— Понятно. Хорошо, когда поедешь обратно, то не забудь зайти ко мне. Я напишу ответ.

— Хорошо, Василий Иванович, — кивнул сопровождающий.

Дома я прочитал письма. Первое вскрыл то, что было от супруги. В конверт оказались

вложены несколько фотокарточек, где Маришка с дочкой на руках позировали на память для любимого папки. Потом общая с тестем, с тещей и с братьями и с их семьями. Не знаю, как ей это удалось, видимо приходилось самой ехать в Москву, а Дмитрия вызывать из Нижнего. На этой фотографии они все сидели чинно, благородно. Даже Савва, что все время меня недолюбливал и пытался конкурировать, натужно улыбался. Странно для него это было, необычно. А вот тесть, Степан Ильич, кажется, сдал. Заметно было, что он сильно осунулся и за какие-то полгода-год постарел. И вымученная улыбка лишь усугубляла. Позже из письма я понял, что он в тот момент сильно заболел и по-настоящему приготовился умирать. Вызвал к себе из Питера дочь, из Нижнего сына и приказал всем сделать финальную семейную фотокарточку. И как его потом не отговаривали, как не увещевали — все оказалось впустую. Тесть, в свойственной ему жесткой манере, приказал всем замолчать и строевым шагом идти в фотоателье. Что и было исполнено всеми беспрекословно. Так и появилась эта фотка, где все, согласно приказу улыбаются, и только лишь по грустным глазам можно было догадаться, что веселья там нет никакого. После этой фотографии прошел еще месяц и... тесть вдруг пошел на поправку и помирать отказался. Маришка в письме подробно описала, что она чувствовала в тот период, как целых шесть недель прожила у отца дома, за ним ухаживая, обстирывая и откармливая.

В целом письмо на две третьих состояло из женских эмоций. Супруга у меня хоть дама и эмансипированная и в будущем борец за права женщин, а все одно — женщина. Эмоции в те дни над ней возобладали.

Оставшуюся же треть письма она посвятила сугубо деловыми вещам. Сообщила, что с большим трудом сняла еще один фильм с высоким названием "Справедливости ради". С Ваниным и Озирным в главной роли. Опять. И опять фильм случился про мордобой с малой толикой любви. И выпустила в прокат. Фильм собрал полные залы, и за лентой опять приехали из других городов и из-за рубежа. Она полностью окупилась и даже неплохо заработала. Но вот пресса, по признаниям Маришки, заметила смену режиссера и написала, что эта лента по зрелищности намного слабее прежних работ. Но даже при этом фильм был заметно выигрышнее тех картин, что предлагали конкуренты. Те, на волне нашего успеха, попытались скопировать наш стиль, да только плохо у них получилось. Их герои не цепляли, ногами махать не умели, да и вообще были деревянными как лавка. Эти картины смотрелись намного скучнее и зритель голосовал рублем. Очереди в залы на нашу ленту, по словам супруги, выстраивались даже на улице, в то время как в других синематографах наполняемость была на уровне сорока-пятидесяти процентов. Опять же, значительную часть зрителя привлекала к себе плавность картинки. Технологичность ленты все-таки брала свое.

Втрое письмо было от Мишки. И в нем так же была фотокарточка с ним и с его супругой. Одна-единственная, но на ней Мишка был весь из себя красавец. Настоящий буржуй. В дорогом костюме, в высоком цилиндре и блестящих штиблетах. И Анна Павловна под стать ему — в пышном и, судя по тому как оно сидело на теле, явно очень дорогом платье. Я, когда достал фотку из конверта, даже хмыкнул — мой друг, привыкший к богатой жизни, не чурался показывать свое состояние людям. Еще в нашем мире он предпочитал носить брендовые вещи, а здесь же, за неимением таковых, стал обшиваться только у первоклассных портных. Что и сказывалось на его виде, сильно выделяя из толпы подобных. А если еще учесть и его богатырское телосложение, то не было ничего удивительно, то женщины часто кидали на него заинтересованные взгляды.

Все эти фотографии я потом обрамил рамочкой и повесил у себя в доме на стену.

Мурзин в тот же день их подробно изучил, покопал головой и, между прочим, заметил:

— У вас очень красивый друг. Статный.

— То есть? — не очень понял я высказывание своего помощника.

— Ну, говорю, что такой многим нравится. Высокий, сильный, одет хорошо, выбрит гладко. Красивый мужчина. Наверно и французской водой пользуется и пахнет вкусно.

Я тогда Мурзину ничего не сказал, промолчал. Но отточку в уме сделал. Заподозрил своего помощника в симпатиях к своему полу. Но на самом деле это было не важно. А важно было то, что Мишка написал в самом письме.

Портянка, что он мне прислал, разместилась чуть ли не на десяти тетрадных листах. И из них я узнал, что на самом деле произошло с царственной лентой. А все оказалось очень просто — на студии произошел пожар. Самый обычный из-за самого обычного окурка, брошенного подсобным рабочим. Нынешние пленки производятся из очень горючего материала и по каким-то стечениям обстоятельств кем-то были нарушены обязательные правила утилизации бракованной пленки и та, вместо специальных контейнеров, оказалась брошенной в обычную урну. В эту же урну полетел и окурочек. Там обрезки ленты вспыхнули как сухой сноп соломы и их не смогли потушить. Огонь перекинулся на стены и недалеко от этого места находился наш еще небогатый архив. Вот он и занялся огнем и все, что там хранилось, сгорело в мгновение ока. Приехали пожарные и они смогли спасти половину павильона. Но все картины и негативы оказались уничтожены. За простые ленты Мишка не особо переживал — их копий оказалось достаточно сделано, а вот царские ленты мы потеряли безвозвратно. И лишь моя копия сохранилась. Даже ту ленту, что была отправлена в Британию, запероли местные киномеханики. Пленка застряла в проекторе, порвалась и от мощной лампы также занялась чадящим пламенем. Попытка затушить ленту водой явилось роковой ошибкой — едкий газ заполнил залу и людям самим пришлось искать спасения. Вот так и получилось, что я стал единственным обладателем бесценной киносъемки, которую потом будут изучать далекие потомки.

На остальных листах письма Мишка вкратце пересказал то, что нового случилось у нашей компании.

Моллер, открыл новые отделения банка в Москве и в Нижнем Новгороде и вскоре собирался отправиться в Харьков. Мельников потихоньку запускает карболитовый завод. Наша компания все-таки оплатила требуемую сумму англичанам за оборудование и то через пару месяцев после моего отъезда приплыло в Питер. Мендельсон же отправился в Лондон, чтобы судиться с недобросовестным производителем, который неожиданно повысил цены на свои работы. Вроде и сумма переплаты для нас была условно незначительной, а все одно — справедливость требовала разобраться и наказать. Дело у него там долгое, на несколько месяцев, так что, судебный иск он будет подавать не сам, а наймет подходящих юристов, которые уже имели подобные дела. Шабаршин, наш профсоюзный лидер, все также "мутит" народ и все также достает Мишку и Попова очередными идеями. Из последних идей — построить столовую. Дело, конечно, хорошее, но на данном этапе для нас совершенно ненужное. Для нас было проще, когда рабочие носили с собой "тормозки" и где-нибудь в уголке перекусывали. Да и сам народ привык к подобному и не до конца понимал предложений Шабаршина. А еще, следуя моим распоряжениям, он продолжал спаивать попа Гапона. И его подчиненные, войдя в азарт, моментально бросали все дела и бежали на проходную, чтобы первым встретить будущего возмутителя спокойствия. А встретив, чуть ли не силком тащили того за стол и наливали, наливали, наливали. И, по заверениям Мишки,

Гапон, устав бороться с ежедневным похмельем, стал все реже появляться у нас и меньше баламутить рабочий люд. Зубатов, сидя в своем кабинете, грозно окрикивал, но ничего поделать не мог — все-таки Гапон спивался хоть и с нашей помощью, но все же вполне самостоятельно. Кстати, Мишке пришлось устроить на свой завод нескольких рабочих, что работали информаторами, да и отчеты о своей деятельности он писал регулярно. И все оказалось не так страшно — за все месяца, что мы стали работать на охранку, ему лишь раз пришлось съездить к Зубатову и держать перед ним ответ. В остальные же разы, он передавал отчеты через простых жандармов, которые и так имели доступ на наши предприятия в любое время. Мишка написал, что однажды те, даже устроили облаву на одного из рабочих. Явились ночью и на обеденном перерыве взяли того с запрещенной литературой. А вместе с ним и тех, кому он промывал мозги. И это явление не было чем-то неординарным. Крамольные мысли уже начали хождение в мятущихся умах.

прода от 1 декабря

Так же Мишка затеял постепенный перевод производства подшипников на наши земли. Вместо того, чтобы укрупнять производство в Германии, он, наоборот, все увеличивающиеся объемы переводил на наш новый цех в Новгороде. На пока еще пустующей территории карболитового цеха. Привез из Швайнбурга новенькие станки, перетянул нескольких специалистов и пустил их катать шары, да обучать вчерашних крестьян. В планах, что он вкратце описал, было поставить полноценное производство подшипников различного вида, так, чтобы мы в полной мере смогли обеспечить потребность страны. В мире уже началась автомобильная эра и подшипники будут разлетаться как горячие пирожки. К тому же Первая Мировая уже через десяток лет, а нам к этому времени следует как можно больше оторваться от зависимости в комплектующих. Ведь, насколько я теперь понимаю, в мою историю этого времени автомобили строились зачастую из заграничных деталей — почти ничего у нас в то время не было. И теперь, когда мы стали работать в этом направлении, и нам стала понятна проблема, мы постараемся разорвать эту зависимость. Завод подшипниковый вот прикупили и переводим производство на свою территорию, движки мотоциклетные производим, вполне достойного качества и Тринклер у нас изобретает. Перед самым моим отъездом, мы с Мишкой посидели, подумали и поняли, что нам как воздух в будущем будут необходим новые двигателя. Тот, что являлся разработкой Густава Васильевича, хоть и был неприхотлив и работал на сырой нефти, а все-таки не имел будущего. Нефть не то топливо, чтобы на него ставить. Она бывает разной — жидкой или густой, тяжелой или легкой. Да и на морозе она ведет себя не лучшим способом — тяжелые фракции густеют и забивают топливопровод. А вот двигателя на солярке или бензине это уже совсем другое дело. И они в полной мере нам помогут в производстве наших будущих автомобилей, как легковых, так и грузовых, тракторов, танков и самолетов. Может и для флота что сделаем.... В общем, Мишка дал Тринклеру новое задание — сделать пригодный автомобильный движок, который будет работать на бензине. Для начала..., а потом и для соляры разработать, но то движок будет уже для тяжелой техники. И Густав Васильевич, по словам Михаила, с головой углубился в разработку. Пропадал с утра до вечера в своей лаборатории и со своими помощниками все что-то выдумывал, вычерчивал и вырисовывал. Пообещал в течение полугода что-то выдать. Кстати, по поводу конфликта Тринклера и господина Дизеля. Из письма Мишки я узнал, что приходили-таки к нам люди от нашего конкурента и требовали прекратить всяческую работу над проектом Густава Васильевича. Угрожали, обвиняли в воровстве. Вели себя вызывающе и нагло, давя Менельсона авторитетом и важностью. Но наш Яков Андреич был уже не тем юношей, на которого можно было с легкостью повлиять. Он заматерел, приобрел уверенность и знания и он, выслушав все претензии, отправил представителей Дизеля обратно ни с чем. Отказал им во всех требованиях и, предчувствуя скорые судебные иски, приказал своим подчиненным готовиться к обороне. И, по словам Мишки, перед тем как отправиться в Лондон, Яков спокойно утверждал, что ничего у Дизеля не выгорит и Тринклеру и нашей компании ничего не грозит.

И еще что интересно — у нас появился новый инвестор. Граф Сумароков-Эльстон, он же князь Юсупов, проникся-таки Мишкиным предложением вложиться в электронику и, после месячного раздумья, согласился выкупить сорок процентов акций нашей дочки, что занималась производством радиотехники. Вложил ни много, ни мало почти четыреста пятьдесят тысяч, чем очень нам помог. Мишка говорит, что к нам стали обращаться иностранные компании и интересоваться покупкой радиопередающих и принимающих устройств, с той целью, чтобы и в других городах за границей наладить эфирное вещание. После нашего представления газетные заметки в восхитительных тонах напечатались по всему миру. И вот, приезжая к нам, люди сталкивались с тем, что мы не могли удовлетворить спрос. И если увеличить производство приемников мы могли без особых усилий на средства собственного банка, то вот с передающим устройством большой мощности подобного сделать мы уже не могли. Для этого требовались дополнительные финансовые вложения, а с этим у нас до сих пор туго. Наш банк, хоть и развивается успешно и довольно неплохо аккумулирует средства, а все же на данном этапе развития он в первую очередь вкладывает в себя и потому свободных средств он как бы и не имеет. А тут я еще, отъехав на Дальний Восток, выдернул из банка двести тысяч, чем сильно его обескровил, да Мишка, подбрасывая нам товары, отрывает от предприятий денежные ручейки. В общем, вклад Феликса Феликсовича для нас оказался весьма и весьма кстати, и первая заграничная радиостанция вскорости обещалась открыться в Нью-Йорке. Заменой вышки там послужит один из шпилей небоскреба Парк Роу Билдинг, высочайшего здания в мире на данный момент. Наши же монтажники поедут все монтировать и настраивать. Задаток в тридцать тысяч рублей золотом американцы уже перевели и сейчас все наши усилия оказались сосредоточены в этом направлении.

его обескровил, да Мишка, подбрасывая нам товары, отрывает от предприятий денежные ручейки. В общем, вклад Феликса Феликсовича для нас оказался весьма и весьма кстати, и первая заграничная радиостанция вскорости обещалась открыться в Нью-Йорке. Заменой вышки там послужит один из шпилей небоскреба Парк Роу Билдинг, высочайшего здания в мире на данный момент. Наши же монтажники поедут все монтировать и настраивать. Задаток в тридцать тысяч рублей золотом американцы уже перевели и сейчас все наши усилия оказались сосредоточены в этом направлении.

Так же Мишка вкратце упомянул, что флотские после нашей публичной демонстрации радио заинтересовались все-таки новыми передающими системами. Прибежали обсуждать покупку нескольких экземпляров. Оно и правильно. Нынешние, Поповские, били всего на десяток верст или чуть более, а наши передающие устройства, не только позволяли работать с голосом, но еще и передавали в несколько раз дальше. А если уж вести переговоры на морзянке, то и того больше. В общем, беременная корова, коей мне представлялись наши министерства и бюрократы в них обитающие, зашевелилась и стала подниматься с ссаного места. Хоть и ушло на это много времени, но все же.... И поводом для этого я там думаю, послужило то, что к нашим радиоустройствам стали проявлять интерес иностранные державы. Пока прикрываясь абсолютно гражданскими мотивами и желанием приобщиться к прогрессу, но, тут уж все всё понимали — покупки иностранцами передающих и принимающих устройств будут в первую очередь изучаться на предмет установки на военные корабли. И вот в качестве первого эксперимента наших моряков была установка радиооборудования на недавно сошедшем со стапелей новейшем крейсере «Авроре». И по скупой строчке в Мишкином письме я с удивлением понял, что оказывается сразу после

укомплектования «Аврора» должна была в составе отряда из нескольких кораблей отправиться как раз на Дальний Восток. Укомплектование крейсера приблизительно должно было закончиться в конце лета, в начале осени, но из-за наших работ это срок мог затянуться. Насколько — не знаю. Может на месяц, может на два. И вот тут я растерялся. Подумал, что мы, таким образом, повлияли на историю и невольно ослабили морскую группировку в Порт-Артуре. И таким образом вместо того, чтобы помочь в этой войне, сделали как раз совсем наоборот и лишь усугубили предстоящую блокаду военной крепости. И эта мысль не давала мне покоя несколько дней. Но потом я понял — чему быть, тому не миновать, и успокоился. Все одно все наши корабли будут заперты на рейде и бездарное командование все одно просрет все возможные преимущества. Так что, по этой логике, «Аврора» в Порт-Артуре ничего не решала. Но вполне возможно, что, пройдя переоснащение, крейсер примет участие в Цусимском сражении и хоть там чем-то сможет помочь. А попади сюда «Аврора» все равно ничего не могла изменить — руководство флота ничемное. Макаров в начале войны должен подорваться на mine, а, насколько мы с Мишкой помнили, именно на него наши историки возлагали большие надежды. И с этой стороны будет лучше именно спасение адмирала, нежели прибытие нового крейсера. Но вот как спасти адмирала я пока не знал. Я даже не знал, когда он погибнет и что этому будет предшествовать. Ну, подорвется на mine — это да. Но вот на каком судне? В какое время суток? Выводить он будет корабли с внутреннего рейда или как раз наоборот? Да и что это за мина будет я тоже не знал, ибо нынешние вояки минами называют не только те, что якорились на грунте, но и те, что являлись самыми банальными торпедами, которые в морской среде носили название «мины Уайтхеда». В общем, при известном конечном результате, мне были неизвестны пути ведущие к этому результату. И пока я не видел способа это решить. К тому же, и самого Макарова в Артуре пока нет, как нет и Верещагина и когда они придут, я не знаю.

Ответные письма я, как и обещал, отправил тремя днями позже. Вручил подробно исписанные листы, вложенные в два конверта, сопровождающему и прибавил большую фотографию на жестком картоне, где я, стоя на горе Перепелочной, позировал на фоне старого Китайского города и внутреннего рейда. И строго наказывал, что б он доставил эту фотку до моей супруги без единой вмятины. Сопровождающий клятвенно обещался выполнить просьбу. Ну а я, опережая письма, послал Мишке телеграмму, в которой просил начать подписку по сбору денежных средств. Идея эта была давно обсуждена с Моллером и тот, заверил, что ничего сложного в этом деле не было. Главное — обозначить идею, ради которой население понесет деньги. Такую идею, ради которой глава семейства решит, что можно разок чуть-чуть ужаться в средствах, но рубль-другой в помощь отправить. Война с японцами, конечно же, повод хороший, но пока лишь призрачный и до тех пор, пока она не наступила, деньги на эту идею собирать было бессмысленно. Поэтому, в телеграмме я просил Мишку самому там что-нибудь придумать. Мне-то, конечно, должно хватить тех средств, что я с собою взял, а вот у него, на обеспечение моих запросов могли банально закончиться свободные деньги. А просил я еще многого.

Прошло уже несколько месяцев как я протираю штаны в Артуре. Суетился, что-то решал, производил и продавал. Склад и отстроенные производственные помещения потихоньку забивались произведенными и привезенными товарами. Лавка, что Мурзин открыл тут же, работала без перерыва, постоянно что-то продавая. То мопед там уходил богатому китайцу,

то хромированный велосипед сановному японцу на забаву, то канцелярия небольшим оптовым ручейком утекала, принося неплохую прибыль. «Монополия», опять же, хоть и медленно, но верно продавалась. Но это надо сказать «спасибо» самому Мурзину, ибо это только он, в своем желании устроить местный турнир, толкал населению настольную игру. И сам же, по истечении месяца продаж устроил соревнование, выпросив у меня на первый приз сто рублей. И я ему выделил эти средства — пусть народ развлечется.

Ну а я, меж тем, озаботился строительством давно обещанных укреплений. И тут, решив самостоятельно набросать простейший ДОТ, неожиданно для себя понял, что лучше бы к этому делу приобщить какого-нибудь специалиста. Ибо, начертав на бумаге общий план, я столкнулся с той проблемой, что сам не могу определить какую толщину бетонных стен мне необходимо сделать. Таковую, чтоб и прямое попадание японского фугаса выдержала и желательного не одно, и при этом не потратить впустую деньги. И вот с этим вопросом я обратился к своему помощнику:

— Слушай, Егорыч, помнишь, я тебе говорил, что хочу укрепления строить? Такие чтоб японцу кровь портить и прямые попадания крупнокалиберных снарядов выдерживать?

— Да, помню такое, — не отрывая от головы от «Монополии», ответил Мурзин. — А вы уже созрели?

— Да, созрел. По правде говоря, давно пора было озаботиться, но все как-то руки не доходили.

— Ну, да, дел столько у вас было, — то ли с иронией, то ли с пониманием пробормотал он. — Кстати, а когда мы ваши мины будем отстреливать? Пора бы уже, да и Зверев интересовался. Не терпится ему.

— Скоро отстреляем, пусть еще недельку подождет. Но ты с темы-то не слезай. Я просим тебя подыскать человека, который может мне в этом деле помочь. Получилось кого найти или нет?

— Ну как вам сказать, Василий Иванович. Тех, кто поможет нам построить ваши укрепления полно, что в Артуре, что в Дальнем. Как вы говорите — проблем нет никаких. А вот тех, кто помог бы вам рассчитать все — тут увы и ах. Я никого не смог вам отыскать.

— Как же так? — удивился я. — А как же тогда форты здесь строятся?

— Обычно и строятся. Присылают им план уже со всеми расчетами, вот по ним они и строят. Если хотите чтобы по вашим чертежам произвели расчет, то специалистов вам здесь не найти.

— Что? Вообще? Ни единого человека? — не поверил я ему. — Да быть такого не может! Да здесь просто обязаны быть военные инженеры!

— Конечно, есть такие. Генерал Кондратенко, например. Да только он бывает здесь короткими наездами и заниматься вашими проектами он не будет. Нет, ну вправду, не будете же вы его просить вам рассчитать ваши ДОТы?

— А званием и чином поменьше? Зачем сразу генерал?

— Ну, вот вам еще один — Величко, Константин Иванович. Полковник, самых что ни на есть настоящих инженерных войск. Он, кстати и приложил руку к созданию плана оборонительных сооружений. Да только и его вы не сможете привлечь к вашим проектам. Он здесь и не бывает совсем, да и кто вы ему? Ну а кто-то поменьше — таких я даже и не знаю. Может и найдется какой капитан, да только я сомневаюсь в его компетентных. Построить-то он вам построит. И построит со всем своим старанием и прилежностью, да только вот рассчитать вам толщину стен он вряд ли сможет, — и, просветив меня, Мурзин

снова уткнулся в правила настольной игры, видимо считая, что разговор исчерпан. Но я так не считал — меня не устраивал такой подход. ДОТы-то мне надо делать!

— Ты, Егорыч, от проблемы-то не уходи, — раздраженно сказал я. — Мне все равно, кто будет привлечен, да хоть сам наместник, но решить эту проблему надо! Деньги не проблема, я готов заплатить за проект. Ты мне главное найди такого человека, чтобы он смог мне все грамотно спланировать. И приведи ко мне, чтобы мы с ним все обсудили. И Данил Егорыч, я прошу отнестись к этому делу крайне ответственно — не в игрушки играем. На носу война.

Он глубоко вздохнул. Распрямил спину, отодвинул в сторону коробку. Затем повернулся ко мне:

— Хорошо, Василий Иванович, я понял. Найду я вам такого человека, вы только время дайте. Но мне, возможно, придется отъехать в Харбин или во Владивосток.

— Делай как нужно. Но прошу, со временем не тяни.

— Понятно. Разрешите прямо сейчас начинать? — с легкой издевкой отвечал он и, не дожидаясь моего ответа, стал демонстративно собираться. Сложил «монополию», сунул коробку подмышку и, пролетев мимо миниатюрной Юн, вышел вон. И мне показалось, что он даже обиделся. Да и хрен с ним — дело важнее.

Его не было две недели. Все-таки уехал в Харбин и притащил оттуда молодого человека, почти студента. Уж не знаю, как он его нашел, но паренек показался мне грамотным. Звали его просто — Сергей Иванов. Я подробно объяснил ему, что хочу видеть и показал набросок. Парень взял его, рассмотрел и, придя на следующий день, предоставил мне свой чертеж, который очень сильно отличался от моего. Я удивленно почесал репу, но парень не растерялся и подробно мне все рассказал. Вот тут перекрытие должно быть такой толщины, вот тут стена должна быть такой, вот здесь галерея с казематами, а вот тут лестница на нижний этаж и выход. И набросок-то его выходил куда как более глобальным чем мой.

— А нельзя ли сделать попроще? — задал я вопрос, после его объяснений. — Больно дорого вижу получается.

— Исхода из ваших желаний у меня выходит только это. Но если вы желаете, то можно нижний этаж возможно, придется отъехать в Харбин или во Владивосток.

— Делай как нужно. Но прошу, со временем не тяни.

— Понятно. Разрешите прямо сейчас начинать? — с легкой издевкой отвечал он и, не дожидаясь моего ответа, стал демонстративно собираться. Сложил «монополию», сунул коробку подмышку и, пролетев мимо миниатюрной Юн, вышел вон. И мне показалось, что он даже обиделся. Да и хрен с ним — дело важнее.

Его не было две недели. Все-таки уехал в Харбин и притащил оттуда молодого человека, почти студента. Уж не знаю, как он его нашел, но паренек показался мне грамотным. Звали его просто — Сергей Иванов. Я подробно объяснил ему, что хочу видеть и показал набросок. Парень взял его, рассмотрел и, придя на следующий день, предоставил мне свой чертеж, который очень сильно отличался от моего. Я удивленно почесал репу, но парень не растерялся и подробно мне все рассказал. Вот тут перекрытие должно быть такой толщины, вот тут стена должна быть такой, вот здесь галерея с казематами, а вот тут лестница на нижний этаж и выход. И набросок-то его выходил куда как более глобальным чем мой.

— А нельзя ли сделать попроще? — задал я вопрос, после его объяснений. — Больно дорого вижу получается.

— Исхода из ваших желаний у меня выходит только это. Но если вы желаете, то можно

нижний этаж

убрать, но тогда людям будет негде отдыхать. А вообще, прежде чем приступить к обсчету, мне надо бы посмотреть на место, где предполагается строительство. Без этого что-то решить будет сложно, даже, я бы сказал, абсолютно невозможно. Может, исходя из местности, нам удастся понять на чем мы можем сэкономить? Например, на нижнем этаже. Или же можно будет найти место, где нам не придется выбирать грунт. И еще, вы говорили, что хотите поставить в ваши форты пулеметы, да?

Я, хмуро рассматривая набросок, кивнул.

— Тогда как быть с вашими минометами? Как их надобно располагать? Мне, для того чтобы это решить, надобно знать как они ведут стрельбу.

— Нет, про минометы не беспокойся. Они должны стоять на другой позиции, в тылах. Возможно даже на другой горе... А что же до места..- и вот тут я замолчал, прикусив отросший ус. Не было у меня пока места, и договоренности о строительстве моих ДОТов не было. А это значит, что мне снова выпала нужда переться к наместнику. Но мой поход к нему ничего не дал. Он, как и в прошлый раз, отклонил мою просьбу, сказав, что никто не позволит что-либо менять в уже утвержденных и воплощающихся планах строительства крепости.

Двумя днями позже я, ища выход из положения, встретился с генералом от артиллерии Белым, Василием Федоровичем. Мне он уже был знаком, он как раз был одним из тех, кто смотрел царскую ленту с балом. Он меня тоже узнал и любезно пригласил отужинать вместе со своей семьей. И вот после ужина я обратился к нему с просьбой. Совсем небольшой — помочь мне с выбором места для будущего строительства моих сооружений. Всего двух-трех дотов, больше я не потяну. И определить места, где, по его мнению, будут происходить самые ожесточенные штурмы. Моя просьба его, конечно, озадачила. Слишком уж необычной она была. И поначалу он мне отказал, но чуть позже, когда я убедил его в своей искренности помочь в будущей войне, он, все же согласился. И вот, спустя еще несколько дней, он показал мне на карте три главных места, где, как он считает, японцы будут лезть, не считаясь с потерями. И самое главное место — это гора Высокая. Вершина, с которой весь Порт Артур для японской артиллерии открывался как на ладони. Поставь они сюда свои пушки, и смогут расстреливать город и гавань прямой наводкой. Или даже проще, достаточно будет здесь расположить корректировщика с телефоном и все — осаду можно будет считать законченной. И я, позже забравшись туда с Сергеем, убедился в истинности его слов — эта гора была стратегической вершиной. И что самое страшное — вершина эта была девственно голой. Здесь не было абсолютно ничего! Вот хоть прямо сейчас бери и строй! И главное — ведь никто мне не сообщал, будет здесь что-то по плану строительства или нет. Я потом у Белого поинтересовался по поводу планов, и он сообщил, что вроде бы ничего здесь строить не планировалось. Что для меня было странно. Вот, например, укрепление номер четыре с горы Высокой было как на ладони — тоже расстреливай, не хочу. Я, конечно не стратег и не мастер оборонительных сооружений, но вот такое положение вещей меня привело в ужас. А ведь, казалось бы, поставь здесь полноценное укрепление и эту высоту можно было бы держать сколь угодно долго.

И вот теперь, после всех этих знаний, я опять поперся к наместнику. И упрямил-таки его дать мне разрешение построить мои доты на двух-трех точках. Одну на горе Высокая, и две на Волчьих горах, откуда тоже можно было успешно вести огонь по японцам. И он, без особого энтузиазма пошел мне на встречу — все одно я там никому не помешаю, а вот перед

императрицей ответ держать надо было. Он хоть и царских кровей, а все одно, так же как и я, целиком зависел от воли монарха, его супруги и матери. В общем, через месяц мытарств и небольших взяток, обошедшихся мне в общей сумму в три тысячи, я добился-таки разрешения на строительство. Так что дело оставалось за малым. Сейчас середина июня, до войны больше чем полгода, и мы должны были успеть подготовиться. Я дал отмашку Иванову и тот, сунув в подмышку бумаги, полез исследовать вершины. И когда он через три недели сунул мне первый проект по ДОТу на Высокой, я с радостью поставил под проектом свою закорючку и Мурзин, со свойственной ему энергией, включился в работу. Нанял с сотню китайцев, что стали долбить кирками гору и, когда пришла пора, принялся к заливке. И причем, подошел к этому делу ответственно — от цемента, что производили наши вояки на территории второго форта, он решительно отказался, а стал закупать цемент английский, хоть тот и был значительно дороже. Покупал у Тифонтая, который, по непроверенным слухам перепродавал его японцам. И я не считал, что Мурзин таким образом напрасно тратит мои деньги. Перед тем как приступить к заливке мы провели эксперимент — замешали оба образца цемента, отлили из них небольшие блоки и, поместив в них заряд тротила, подорвали. И тот блок, который был отлит из английского цемента показал гораздо большую прочность. Он хоть и покрылся местами трещинами и с угла откололся небольшой кусок, но все-таки выдержал взрыв и не разлетелся на мелкую крошку как второй. Так что, экономия здесь был бессмысленна. Единственно еще, что я настоятельно попросил сделать, так это армировать бетон, использовать арматуру. Но так как арматуры здесь днем с огнем не сыскать, пришлось нам искать замену и использовать рельсы, коих немало скопилось на складах в Дальнем. И мне стыдно было признаться на людях — эти рельсы мы украли. Договорились с человеком, что был ответственен за хранение и он нам продал за полцены тридцать штук. И еще негодных рельсов с десятков, предназначенных для переплавки, мы смогли приобрести у него же за бесценок. И все они должны были пойти на ДОТ на горе Высокая, так что японцы зубы обломают ее штурмовать.

По моим подсчетам строительство только одного полноценного укрепления на Высокой должно было обойтись мне в пятьдесят-шестьдесят тысяч рублей. Гигантская сумма, фантастическая! Почти четверть моего наличного капитала, который уже и так порядком поредел. А ведь еще помимо этого у меня много чего было запланировано. Я позже телеграммой спросил Мишку, сможет ли он мне выслать в Артур денег или нет, и получил ответ, что в случае крайней необходимости я смогу рассчитывать на сумму всего-то в тридцать-сорок тысяч. Больше он выделить не может — с наличкой до сих пор было туго, все средства вкладывались в производства, а сбор денег по подписке еще не стартовал. Да и когда стартует, будет еще не понятно на какую сумму мы сможем рассчитывать. В общем, серьезно обмозговав это положение вещей, я, скрипя сердце, решил — на Волчьих горах основательных укреплений не делать, а ограничиться именно что ДОТами. Без казематов, без длинных галерей, без комнат для отдыха и прочего. Что и было поручено спроектировать сооружения под новые условия. И ограничение Сергею поставил — общая стоимость двух этих ДОТов не должна превышать сорока, максимум пятидесяти тысяч. И после окончания строительства у меня должно было остаться примерно семьдесят тысяч, плюс-минус, на которые мне еще нужно будет прикупить с десятков пулеметов, типа Максима. А он каждый мне должен будет обойтись в две-две с половиной тысячи. Они, конечно, есть и у наших вояк, но особой надежды на них я не возлагаю. Помогут патронами, вот и хорошо. Вот и получается, что особо-то шиковать я более не смогу. Ну, разве что, коммерцию здесь

по сильнее наладить и продавать тот же тротил, допустим, китайцам. Против этого полиция, я думаю, возражать не будет. И хорошо, что скоро ожидается прибытие в Дальний парохода, на котором находятся мои мопеды. Целая сотня штук, по цене в двести двадцать каждый. Две трети из общей суммы я должен буду отправить обратно в Питер, а вот треть смогу оставить здесь — и это получается, что у меня на руках дополнительно осядет около семи тысяч рублей. Плюсом к этому

небольшая прибыль с торговли всяческой ерундой. Не густо, но и то хлеб с тонким слоем масла.

Ну, а пока решается вопрос с укреплениями, я параллельно решил произвести пробные стрельбы из своих минометов. Как и прошлый раз, я под контролем полиции организован выезд на одну из сопкок и там развернут свой миномет. Там уже была готова позиция для стрельбы — сам миномет расположился в выкопанной яме, а мы все в компактном окопчике метрах в десяти. Зверев, оправившийся от глупого ранения, уже горел предстоящими испытаниями и сам вызвался закидывать мины в зев орудия.

— Вы уверены, Роман Григорьевич? Эта штука новая, еще не испытанная. Я, конечно, распорядится, чтобы туда поставили замедлитель как на наши гранаты и выстрел должен состояться через пять-шесть секунд, но все же? Может лучше по шнуру скинем? Так будет безопаснее.

— Да ну, Василий Иванович, зачем? Пять секунд это целая вечность, я успею в окопчик нырнуть, — самонадеянно заявил он.

— И все-таки, давайте первые несколько выстрелов сделаем дистанционно. Вдруг что случиться?

— Да что может случиться? Я уверен, что у вас сделано все прекрасно.

— И все-таки, Роман Григорьевич, я настаиваю и не позволю вам глупо рисковать жизнью. И вообще, была б моя воля, я б нас еще бронник навесил и каску нацепил.

Зверев понимающе улыбнулся:

— Еще одна ваша придумка? И когда нам их испытывать?

— Эх, если бы, — вздохнул я, понимая, что на моем веку успешного испытания бронежилетов мне не видать. А вот каску, пожалуй, можно сделать, главное металл нужный получить. Но это, опять-таки, не моя забота. Отправлю Мишке телеграмму — пушай думает. Может и успеет сделать что-нибудь до начала осады крепости.

В-общем, сделали мы так, как я решил. Подвесили аккуратно в стволе мину, продев шнур в заранее просверленное в толстом месте отверстие и, отползли в окоп. Миномет уже был настроен и по таблице нацелен на соседнюю голую сопку. Я отпустил шнур, мина скользнула к бойку и наколотый капсюль воспламенил стопиновую нить. Через пять долгих секунд оглушительно грохнуло и мина с шуршанием ушла ввысь.

— Ого! Она все-таки улетела! — восхищенно воскликнул Зверев, видимо до конца не веря в новое оружие.

Все задрали головы надежде увидеть снаряд. Но, конечно же, это было бессмысленно и потому, мы с господином полицейским, вооружившись биноклями, нацелились на соседнюю сопку, туда, куда по моим расчетам должна была упасть мина. Несколько долгих секунд мы всматривались в голую вершину.

— Что-то я ничего не вижу, — напряженно выдал Роман Григорьевич. — Она перелетела?

— Я тоже ничего не увидел. Не должна была перелететь.

— И разрыва я не слышал. Куда она подевалась?

Я не ответил. Пока непонятно было что произошло.

— Но ведь она точно вылетела из ствола? — выдвинул версию полицейский.

— Да, вылетела. Было слышно.

— Тогда где она? Может она просто не разорвалась? Упала куда-нибудь в мягкое место и не взорвалась. Может быть такое?

Ситуация так и не прояснилась. Тогда я, еще более тщательнее выставив по таблице угол миномета, сделал второй выстрел. И снова ничего, никакого разрыва на соседней сопке не последовало.

— Ни черта не понимаю, — озадаченно пробурчал я и сделал еще один выстрел. Контрольный. Но и в третий раз мы ничего не увидели. Тогда Зверев предложил сходить и посмотреть. И уже там, тщательно исследовав лысую вершину, мы нашли две из трех выпущенных мины.

— Они не взорвались? — удивленно воскликнул полицейский. — Как же так, Василий Иванович? Почему?

У меня не было ответа. Я не знал почему. Ведь все было сделано по правилам, да и сложного ничего в начинке мин тротилом не было. И те мины, что мы отстреляли следовало бы изучить, но, блин, мне было даже страшно к ним прикасаться. Кто знает, по каким причинам они не разорвались? Вдруг, только тронешь их, и они сдетонируют?

В тот день мы свернулись. На следующее утро я один вернулся на сопку и, заложив заряды тротила, подорвал опасные подарки. И вот только тогда, если судить по мощности, можно было с уверенностью сказать, что тротил в минах сдетонировал. И вот что это было? Как это можно понимать?

Позже я отослал Мишке телеграмму, вкратце описав ситуацию. И через две недели мне пришел краткий ответ: «вв не плавить!» Я пулей влетел в закуток наших химиков и потребовал показать, как они производили начинку мин. И действительно, тротил они плавили на водяной бане и бережно заливали в корпуса. Уж не знаю, как это влияло на детонацию, но факт остается фактом — первая же мина с затравкой из прессованного тротила разорвалась на соседней сопке, подняв в небо густое облако пыли. И это была победа! Зверев ликовал, как и я, восхищенно взмахивал руками и едва не пускался в пляс, выкрикивая:

— Ну, теперь конец япошкам, теперь-то они у нас попляшут! Ух, сообщить бы этому писаке Жириновскому! Вот он бы всех этих вояк отчихвости! Такое оружие, такое изобретение!

Он насилу успокоился. Удовлетворяя его детскую непосредственность, пришлось дать ему расстрелять два ящика мин. И тот, с азартом взялся за дело. Мне пришлось лишь объяснить ему, как следует контролировать прицел и напомнить о том, что следует соблюдать чрезвычайную осторожность. Не торопиться и вообще, не шмалять одну мину за другой. А то как бы мину на мину не насадить, а то я слышал, бывали такие случаи. Ну а после ликбеза я присел от него метрах в тридцати за огромный валун и стал разглядывать в бинокль разрывы на соседней сопке.

Весь ящик Зверев отстрелял за какие-то пять минут. Из двадцати выпущенных осечку дала лишь одна мина, да еще две не разорвались. Для полных статистических данных, конечно слишком малая выборка, но и по ней получалось, что процент неисправных боеприпасов у нас составлял около пятнадцати процентов. Много это или мало для

современной артиллерии я не знал, но, думаю, что получилось довольно неплохо. Убийственно, я бы даже сказал, получилось. И япошки действительно у нас наплачутся.

В общем, организовав еще пару раз такие экспериментальные стрельбы, я решил, что пора бы уже продемонстрировать мои изобретения господам военным. Собрал их на горе, где мы проводили испытательные стрельбы, организовал там шведский стол с выпивкой и разносолами. Расставил стульчики, столы и рассадил господ, приставив к ним нанятых лакеев. Вычурно получилось, но генералам, да адмиралам очень польстило. Кинокамеру поставил и генератор на движке от Тринклера, что вырабатывал для него ток, вынес в сторону. А за сам аппарат посадил своих архаровцев. Пришлось для этого их обучить, да потренировать. Так что — будут у нас съемки моих испытаний, да такие, что самому императору не стыдно будет показать. Жаль, что Алексеев куда-то на днях умотал, но и без него господ набралось немало. Генерал Белый присутствовал, ему-то по роду своей деятельности моя демонстрация была в самый раз. И первый комендант крепости Стессель, приехавший в Артур с неделю назад, также присутствовал. А ведь только недавно, после того как услышал его фамилию, я вспомнил, что именно на него после сдачи крепости повесят всех собак. Но будет он на самом деле виноват в этом или нет, я на самом деле не знал. Могло быть и такое, что комендант просто станет козлом отпущения, который возьмет на себя просчеты всех остальных высокопоставленных офицеров. Поэтому, вспомнив об этом факте, я не стал сразу записывать его в пораженцы, а постарался отнестись к нему нейтрально. Ну, по крайней мере, попробовал.

— Итак, господа, — начал я демонстрацию, выступив перед двумя десятками высокочинных господ. — Рад, что мне удалось собрать вас всех на этой горе. Признаюсь, это было для меня непросто, но поверьте, то, что я вам покажу, вас удивит. А кого-то, возможно, поразит.

— Надеюсь, не в самое сердце? — пошутил Белый. — А то наслышаны мы уже с ранении господина полицейского.

— Ну, то было всего лишь легкое недоразумение и то лишь по легкомысленности самого господина Зверева. У нас с вами подобного не произойдет, я это гарантирую.

— Ну-ну, — скептически поддержал его сосед. — Обещать-то все горазды, а как до дела, так в кусты. Господа сидели за столиками, вкушали разносолы. Приставленные лакеи подливали холодное винцо.

Чуть вдалеке, на спуске с горы стояло с десятков экипажей, что привезли сюда высокие чины.

— О, уверяю вас, мне в кустах скрываться незачем, — ответил я пожилому полковнику, — напротив, мне есть чем гордиться. Я создал то, что вас действительно удивит.

Но полковник махнул на мои слова рукой. Отмахнулся, можно сказать, и через губу, произнес:

— Хватит балаболить, мы здесь не на параде. И мы вас просим не задерживать нас на этом солнцепеке. Демонстрируйте уже.

Господа в ожидании представления уже успели тяпнуть и закусить и потому, разомлев под жарким солнышком, повели себя более чем раскованно. Кто-то даже и верхние пуговицы мундиров расстегнул, спасаясь от жары. К тому же и наместника здесь нет — кого стесняться?

— Подождите, не так сразу. Для начала хотелось бы вам вкратце описать, что за

удивительное оружие у меня получилось. Легкое, надежное, что немаловажно — дешевое и очень, очень смертоносное. Это оружие хорошо должно подходить в качестве ротной или полковой артиллерии. Его просто обслуживать, просто производить стрельбы, легко обучить персонал. Думаю, вы уже все догадались, о чем пойдет речь, ведь уже как две недели прошло с наших первых стрельб и слухи о новой артиллерии волей-неволей разнеслись....

Я хитро обвел присутствующих взглядом. Эти слухи я сам и распустил. Подговорил моих солдат, описал ситуацию и отправил трепать языком в ресторанах, смачно описывая удивительное оружие.

То, что эти слухи попадут прямиком к японцам, я не особо боялся — и так все узнают. Месяцем раньше или месяцем больше. Только узнав, все равно ничего ценного из пьяных рассказней не смогут почерпнуть, да даже если и смогут, то все одно ничего предпринять у них не получится. А вот до наших генералов по цепочке нижних чинов красочное описание дойдет. Дойдет и невольно притянет к себе интерес. А где интерес, там и внимательность. И пусть поначалу они не поверят невероятным рассказням, но на подкорочке-то отложится! А именно это мне и нужно было. Я не сомневался в том, что мои изобретения вояки не купят — снобизм не позволит, но вот когда японцы подойдут к сопкам и у них встанет вопрос ребром, то тогда и вспомнят о моих изобретениях. Вспомнят и придут, и купят. И еще закажут.

В общем, я заливался перед ними соловьем. Выставил на обозрение свой миномет, объяснил принцип работы системы, дал покрутить в руках муляж самой мины. Следом вручил им пустышки гранат и так же провел ликбез. И генералы, да полковники внимательно слушали и внимали. Кто-то кивал головой, кто-то лениво обсуждал изделие с соседом. Стессель вроде бы тоже принимал участие в процессе, но как-то без энтузиазма. Покрутил гранату, потрогал мину, а затем потерял интерес. Поднял к глазам бинокль и, воспользовавшись возвышенностью, принялся осматривать окрестности. Знакомился, так сказать, с полуостровом.

— Не пойму, пожар что ли? — сказал он вдруг через минуту-другую. — Вроде в Новом Городе.

— Где?

— Да вон, посмотрите. Дым идет сильный. Не из печи, точно вам говорю. Черный дым, клубами. Точно пожар там приключился.

И господа как один припали к биноклям.

— И вправду, вроде горит что-то. Но не видно ничего, дома загораживают. Что-то на набережной полыхает.

Военные отвлеклись от дела на добрых десять минут — гадали, что же там могло гореть. Но так и не смогли придти к единому мнению — то ли «Звездочка» занялась огнем, то ли чей-то дом. Отсюда не было видно — слишком далеко.

— А если «Звездочка» горит, то это плохо. Приличный ресторан был, кроме него разве что в «Варьете» посидеть можно, да в редких кафешантанах, — прозвучал обеспокоенный голос импозантного контр-адмирала.

— Да нет, не похоже, что «Звездочка». Не оттуда дым, — возразил ему другой. — Вообще следовало бы послать человека, чтоб он разведал. Чего мы тут гадаем?

— Господа, господа, давайте не будем отвлекаться, — напомнил вдруг Стессель. — Пожарная команда должно быть там уже работает. Посмотрите, дым уже белый и его значительно меньше. Верно уже тушат. Так что давайте не будем отвлекаться. Господин

Рыбалко, прошу вас, продолжайте.

И я продолжил демонстрацию. А Стессель, мгновенно потеряв интерес, снова припал к окулярам. Продолжил обозревать окрестности.

— Господа, а не настала ли нам пора бахнуть? — вдруг двусмысленно прозвучал вопрос какого-то полковника, которому порядком наскучила моя болтовня. — Ваше Высокопревосходительство, что вы на это скажете? Бахнуть или не бахнуть?

Стессель даже не оторвался от бинокля, буркнув разрешение. А какой-то генерал, пробасил:

— Бахнуть или не бахнуть? Вот в чем вопрос! Ха-ха, занятно. Прямо по Шекспиру получилось. Но, конечно же, я с вами полностью согласен. Бахнуть, действительно, не мешало бы, — и генерал сделал знак своему лакею и тот быстро наполнил две рюмашки и пододвинул кислую закуску. — Ну, вот и бахнули, — опрокинув в себя полета грамм и разгладив пышные усы, продолжил он. — А вот теперь пора бы и по-настоящему... а то все разговоры разговариваем. Ну как, господин Рыбалко, покажите вы нам, наконец, свое чудо-изобретение в деле или нет? Или нам тут до морковкина заговенья ждать?

И сказал он это с такой веселостью в голосе, что стало понятно — он ждет здесь не демонстрацию замечательного оружия, а цирковое представление. Не верил он всем пьяным рассказням, не доверял он. Все слухи делил на два и вычитал из результата столько же. Ну что же, похоже, настала пора действительно поразить высокочтимую публику в самое сердце, а то совсем разомлеют от выпивки.

— Господа, — прочистив горло легким кашлем, заявил я. — Посмотрите, пожалуйста, на ту сопку. Что вы видите?

Кто-то из вояк поднял бинокли.

— Щиты какие-то стоят. И что?

— Верно, щиты. Но только это не просто щиты, а ростовые мишени. Какие-то из них стоят на виду, какие-то находятся за защитой. Но не это самое главное. Там, на сопке вырыты углубления, такие, что отсюда и не видно. В реальных боевых действиях противника отсюда стрелковым оружием не достать — противник будет в укрытии. Я же своим минометом смогу его поразить и я это вам продемонстрирую. К тому же у подножия сопки есть еще несколько подобных мишеней, которые символизируют собой лагерь противника. Они стоят там в таком месте, где обычная артиллерия не сможет причинить никакого вреда. Но я и туда смогу закинуть минометный снаряд. Перекинуть по навесной траектории, через сопку и таким образом поразить противника.

— Позвольте, и как же вы их будете поражать? Вы же не видите лагерь? Разве можно вести стрельбу, не видя цели? А корректировать огонь как вы будете?

Это подал голос один из приглашенных контр-адмиралов. Ну, с ним-то все ясно — для них в приоритете контактный огонь, такой, при котором противник находится в прямой видимости.

— Полно-те, Роберт Николаевич, — возразил ему Белый. — Почему бы и не пострелять, если есть такая возможность. Тут я господина Рыбалко поддерживаю — идея хорошая. Да только как стрелять, если неизвестно где противник? Только впустую боеприпасы расходовать.

— Ну, с этой задачей вполне по силам справится воздушной разведке, — закинул я следующую удочку. — Но, господа, не об этом речь. Допустим, вы знаете, что на горе, на закрытой позиции сидит противник. И как же его достать? — я обвел их вопросительным

взглядом. — А вот я вам сейчас это и продемонстрирую!

И, не откладывая в долгий ящик, я подошел к своему миномету. Подправил сбитые углы наводки, достал из ящика мину и, вкрутив взрыватель, опустил ее в зев орудия. Мина скользнула вниз и, наколовшись капсюлем, выстрелила без задержки и по крутой траектории, с шуршанием ушла в небо.

— Господа, все внимание на сопку, — громко сказал я, хотя для этого уже не было нужды. Все как один приглашенные офицеры, устремили бинокли на противоположную сопку. Через добрый десяток секунд там вдруг поднялось облако пыли и через секунду-другую до ушей докатился грохот разрыва. Мина попала не точно в центр, а легла почти на самый край вершины. Но и этого было достаточно, чтобы даже отсюда стало заметно, как дернулась пара мишеней, пораженных осколками.

— Мимо, — констатировал Белый. — Недолет. Нужно дальше саженой тридцать и левее на столько же.

Я подкорректировал угол возвышения и опустил вторую мину. И вот она уже легла гораздо ближе к центру и несколько мишеней легли наземь.

— Вот, это дело! А ну-ка, господин Рыбалко, подкиньте еще парочку!

Генералу Белому явно понравилось увиденное. Ну, разве не красота? Фактически я ему давал возможность приобрести карманную артиллерию. И хоть калибр моих минометов ему до сих пор кажется не очень серьезным, но вот возможности, которые они давали, явно превосходили его ожидания. Отсюда и неожиданный восторг.

Я следом послал еще несколько мин, распустив пыльные бутоны разрывов в выкопанных на вершине окопчиках.

— А теперь, господа, предлагаю уничтожить цели, расположенные за сопкой.

— А давайте, — поддержал Белый. — Да только мы же не знаем, что вы там понаставили. А вдруг вы нас введете в заблуждение? Для начала надо бы проверить.

Что ж, с ним согласились многие и уже через несколько минут к подножию неслась пара адъютантов. Минут через двадцать они вернулись обратно и сообщили, что я не солгал и мишени действительно там установлены. И вот тогда я, подкорректировав наводку, сделал залп из десяти мин. Радостно так закидал, лихо. Уложился в полторы минуты, чем тоже удивил генералов. Ну и после этих стрельб мы всей компанией отправились рассматривать результаты.

У подножия выяснилось, что я положил мины не так прицельно, как рассчитывал. Слегка промазал, вспахав каменистую почву чуть дальше. Но и этого было достаточно, чтобы понять — по возможности доставать врага на закрытых позициях мое изобретение стоит вне конкуренции. Ни одно современное орудие на такое было не способно. И это впечатлило многих офицеров, и особенно генерала от артиллерии Белого. И именно его впечатление для меня было особенно важно. Как мне казалось — именно от его мнения будет зависеть поставки моих минометов военным.

— Но, господа, прошу заметить, — продолжал я свои объяснения. — Все, что я показал это не полные возможности этого вида оружия. Миномет — это система артиллерийской стрельбы, прошу особо обратить на это внимание, с закрытых позиций! Что это значит? А это значит, что вы можете поставить эти орудия куда-нибудь в яму, за бугор, за высокий бруствер и оттуда вести стрельбу. Конечно, стрельбу таким образом можно будет вести только по площадям, не прицельно, но это очень легко решается. И тут на главную роль должен выходить корректировщик с прямой телефонной связью. И вот только в этом случае

будет полностью раскрываться потенциал этого оружия. Можно сказать, что мои минометы могут сильно потрепать будущего противника.

— Ну уж, прямо уж с прямой телефонной связью. Вы еще скажите, как нам эту связь установить на поле боя. Знаем мы о надежности этих телефонов, — подал голос Стессель, кривя в брезгливости губы. — Треск один в этих телефонах, ничего не слышно, да и глотки надрывать надо, чтобы тебя на той стороне поняли. С этими телефонами всей маскировке наблюдателя конец.

— Ваше Превосходительство, это конечно так, — не стал я спорить. — Но почему бы не протянуть телефонную связь, например, на воздушный шар? И тогда плевать на то, что корректировщик орет в трубку, его и так все будут видеть. А еще лучше, Ваше Превосходительство, если корректировщик будет пользоваться моими полевыми телефонами. Специально разработанная модель, с улучшенными характеристиками. В такие трубки не надо орать, в них и так все прекрасно слышно. Вот и господин наместник мог бы подтвердить — у него как раз подобный аппарат на столе стоит. И он им активно пользуется.

Стессель не стал возражать, оставшись при своем мнении. Но вот Белый, принял мои объяснения к сведению и даже покивал в знак согласия. Я у него дома тоже поставил подобный аппарат, так что ему было с чем сравнивать.

Ну а после этого небольшого обсуждения, мне пришлось продемонстрировать и работу гранат. Но это прошло уже на спаде интереса. Гранаты — оружие для генералов хоть и новое, но вполне понятное. Я раскидал штук двадцать лимонок, пояснил разницу между оборонительной и наступательной гранатами и, в общем-то, на этом и закончит. Лишь собственноручно принесенный пронзенный осколками щит доказал господам смертельность игрушек. Интерес был потерян — солнце пекло просто нещадно и, господа, изнуряемые жарой и утомленные моей болтовней, мечтали уехать с этого холма куда-нибудь в тени. И Стессель, едва я замолк, также утомившись молотить языком, на правах коменданта крепости, попросил закончить представление. И едва прозвучала его просьба, как все потянулись к своим повозкам и незамедлительно поехали до прохлады города. Надеюсь, едва японцы нападут на крепость, все эти генералы вспомнят обо мне и прибегут закупаться.

Прошло несколько дней после моей демонстрации. Я продолжил заниматься рутинной, контролируя все торговые и производственные процессы, которые сводились лишь к контролю моего помощника, то есть Мурзина. И это дело было довольно-таки легким. Данил Егорыч, не смотря на всю свою ушлую деловитость, работал относительно честно и если и подворовывал, то делал это незаметно и малыми частями. Так что сильно контролировать его у меня не было никакого желания. Гоняться за копейками мне было банально лень. Да и бессмысленное это было занятие — нервы потрачу, а за руку не поймаю.

В общем, ранним утром, когда я вяло совершал тренировку, завалился ко мне Егорыч и присел на лавочку, что стояла вкопанной возле баньки. Закоптил папироской и, через минуту созерцания моих упражнений, выдал:

— Василь Иваныч, а помните вашу Лизетт? Ну, ты, у которой вы тогда ночевали?

— Ну?

— Она вам тогда еще трость заносила, что вы забыли....

— Да помню я. И что? — спросил я, с неохотой подходя к перекладине турника. А сам

почувствовал, как Мурзин приготовился пожирать меня взглядом. Я с голым торсом, слегка вспотевший, подпрыгнул и повис на турнике с широким хватом. Потом сделал медленно одно подтягивание, затем следующее. Пауза в диалоге затянулась.

— Ну, так и что ты хотел про Лизку сказать? — напомнил я, подтянувшись пару раз.

Он вздохнул. Зачем-то достал носовой платок и вытер руки.

— Так в больнице она лежит.

— А что с ней? Простыла? — выдал я первую возникшую мысль. В эти времена даже банальная простуда может свалить с ног и шутить с ней нельзя.

— Да нет, не простуда. Сгорела.

— Как! — ахнул я, слетая с турника. — Как сгорела?

— Обычно. У керосинки колба лопнула, да на нее осколки упали, а она лампу от неожиданности и опрокинула. Ну и загорелась.

— Сильно? Как сильно? Где она лежит?

— В Красном Кресте лежит.

— Блин, Егорыч, что же ты молчал? Почему раньше не сказал?

— Да я сам только что узнал. Вот и пришел к вам сообщить.

Я забросил тренировку. Наскоро обтерся мягким полотенцем и кинул его в руки Юн, а сам скрылся в доме, чтобы одеться. Следом зашла китаянка, стала подавать чистые вещи.

— Мулзин сто говолить? — обеспокоенно спросила она, видя мои лихорадочные сборы. — Плохо?

— Да, не очень хорошее, — пояснил я ей. — Женщина одна обгорела сильно.

— Сильно? — непонимающе переспросила девушка. — Обголела?

Я бессильно вздохнул. Как бы ей объяснить? И тогда я показал на стоящую на столе керосинку и пантомимой изобразил вспыхнувший огонь.

— Женщина одна обожглась сильно. В больнице лежит.

И она поняла. В ее глазах полыхнул ужас, а миниатюрные ладошки непроизвольно прикрыли вскрик:

— Лизетт? — почти без акцента переспросила она.

Я кивнул.

— Поддай пиджак скорее и трость принеси. В больницу к ней поеду, проведу. Может лекарств каких придется купить, мазей всяких. И поскорей.

До больницы Красного Креста мы домчались быстро. Без проблем нашел палату, где лежала Лиза. В палате кроме нее находилось еще три женщины и они, увидев меня, заулыбались.

— Лиза, Ли-из, — позвала одна из них. — К тебе пришли.

Ее кровать стояла в самом углу комнаты, там, где и окон-то не было. Сама девушка лежала нагой, наполовину укрытая одеялом. А то, что не было прикрыто, оказалось забинтовано. Правая рука, правый бок, грудь, бедро.... Страшное зрелище предстало перед моими глазами. Черные как смоль и когда-то красивые волосы опалились и там, где их коснулась температура, скрутились и местами потеряли свой цвет. Лицо..., лицо, слава богу, огнем оказалось не тронуто. Над кроватью нависал марлевый балдахин, по которому ползали жирные мухи, привлеченные запахом гниения.

На зов соседок девушка повернута голову и два блестящих от слез глаза уставились на меня. Сквозь гримасу страдания она улыбнулась мне и, боже мой, сколько в этой улыбке было нечеловеческой боли.

— Здравствуйте Лиза, — я не нашелся как ее поддержать. Все слова сейчас мне казались бессмысленны.

— Я пришел, как только узнал....

Она прикрыла глаза. Казалось, что даже беззвучно заплакала, но нет.... Спустя несколько секунд она снова взглянула на меня:

— Василий Иванович..., - тихо прошептала Лиза. Она даже не попыталась прикрыть свою наготу, настолько ей было плохо.

Я подошел к кровати. Рядом стоял жесткий табурет и вот на него-то я и присел. Чувствовал я себя растерянно, так, словно в ее трагедии была часть и моей вины. И снова я не нашелся, что ей сказать. Так и сидел, и молча смотрел в ее бездонные глаза и измученное лицо.

Наконец, глубоко вздохнув, я сказал:

— Все будет хорошо, Лиза. Ты поправишься.

— Не переживайте за меня, Василий Иванович. Мне почти не больно, — перебила она. — Доктора здесь заботливые, они тоже обещают, что я поправлюсь. Морфий мне колят; так что, вы не переживайте, Василий Иванович, мне действительно не больно. Только перевязки очень уж неприятные.

Она скрывала свои чувства. Охотно верю, что ей колят морфий и часть болезненных ощущений он снимает. Но всего лишь часть. Врачи в эту эпоху уже с подозрением относились к этому обезболивающему средству, прекрасно видя, как у больных развивается зависимость. И назначают его применение лишь в крайних случаях. Например, как в этих. Я не знаю, сколько по времени длится его действие, судя по всему не долго, так что, думаю, Лиза большую часть суток проводит действительно в страшных мучениях.

— Как же так, Лиза?

— Ну, вот так.... Керосинка пролилась..., - сказала она и в уголке глаз появилась слезинка. — Не переживайте за меня, со мной все будет хорошо.

И я до сих пор не знал, что ей сказать. Он хорохорилась передо мной, держалась, а я сидел истуканом на жестком табурете, терзал в руках трость и не мог найти для нее слов. На языке вертелись банальности, которые никак не могли ее поддержать.

— Да, Лиза, все будет хорошо. Ты не переживай. Тебя вылечат, ты вернешься....

Я едва не сказал глупость. Куда она вернется? В кафешантан? Работать кем? И без слов было ясно, что ее работа там закончилась и возвращаться ей некуда. И Мурзин говорил, что комната, которую она снимала, сгорела дотла.

И она промолчала. Тогда я вздохнул и решился:

— А знаешь, что, Лиза? Тебя, когда из больницы выпишут, приходи ко мне работать. По дому помогать, за китайкой моей присматривать, да по-русски ее учить говорить. А то, придет время мне уезжать, и как я ее заберу, если она ни бельмеса не понимает? Лекарства какие надо для тебя я достану, да и доктору заплачу сколько потребует. А в шантанку ты свою больше не возвращайся, никто тебя там, наверное, и не ждет. А я дам тебе работу, кров, ты только поправляйся.

И тут у нее по щеке покатились слеза. Одинокая, выстрадавшая. Позже я узнал, что приходившие подруги Лизы, передали слова хозяина, о том, что он ее видеть в своем кафе более не желает и вообще подумывает о том, чтобы повесить на нее ущерб от пожара. Вот она и лежала, терзаемая мыслью, что фактически осталась на улице, брошенная всеми. И работу со своим новым телом она больше найти не сможет.

Она согласилась потом прийти ко мне. Не сразу, не в тот же день, но согласилась. Через два с небольшим месяца болезненных перевязок, я лично забрал Лизу из больницы Красного Креста и отвез к себе домой. Доктору прилично заплатил, да одежду ей новую прикупил. Скромную, не такую, к какой она привыкла. И поселил в комнату с молоденькой Юн. Намного позже я увидел, как же изменилось ее тело. Та красота фигуры, что позволяла ей раньше работать проституткой, ушла, а на ее место пришли уродливые красные шрамы и грубые рубцы. Часть бедра, туловища и рука от кисти до плеча — все было изуродовано. Лишь лицо сохранило красоту. И Лиза очень сильно переживала из-за этого и, скрывая страшное, стала носить платья с длинными рукавами и, если предстоял выход на люди, то всегда надевала тонкие батистовые перчатки. Жалование я ей положил небольшое, но она и этому была рада. Но зато кормил ее и одевал за свой счет. Впрочем, подобные условия оплаты были и у Юн, а когда-то и у Анны Павловны, и у других служанок в Питере. Ничего сверхъестественного, так принято. А что по поводу Юн, так она подселению и не сопротивлялась. Мое слово для нее закон. Да и как мне показалось, она даже была рада разделить рабочие обязанности по дому, да и поговорить ей до этого было особо не с кем. Мурзин, который худо-бедно мог трепаться по-китайски, не в счет — с ним по-бабьи не поболтаешь.

В общем, пристроил я женщину, которая обо мне когда-то позаботилась. И хоть в прошлом она торговала своим телом, но для меня это сейчас не имело никакого значения. Спать с ней я не собирался, а на чужие домыслы мне не было никакого дела. Хотя я и так уже слышал, что приютила она меня после купания в бухте меня тогда не просто так, и не из жалости, а с целью найти покровителя. Что ж, наверное, так оно и было.... Но рассудив, я понял, что ничего криминального в ее желании не было — женщина, скорее всего, хотела просто-напросто вырваться из вечной нужды и обрести хоть какую-то стабильность. Ну а теперь, после такой трагедии, разве можно было ее гнать?

Нет, не можно. И потому я, как человек состоятельный, принял решение Лизу пристроить к себе служанкой и впоследствии увезти в Питер. Впрочем, как и Юн. Ну а моя дорогая супруга, надеюсь, меня поймет.

Август лета третьего года. Прошло несколько месяцев как я здесь и вроде бы много уже сделано, много уже денег потрачено, а все одно, мне казалось, что я прилагал недостаточно сил. Вроде и на Высокой китайцы кирками скалу выбирают, вроде бы и минометы на склад арсенала прихoduются и гранаты отправляются туда же, вроде бы и тротил мы химичим и скупаем все возможные химикаты, что здесь, что в Китае, что в Японии. И вроде бы торговля худо-бедно идет, а все равно, у меня было ощущение, что кручусь не очень быстро. Где-то я торможу. Идею про каски я отправил Мишке телеграмму и вскоре получил от него ответ, что они попробуют вручную изготовить с десятков штук нескольких вариантов и испытают их. И когда выберут более или менее удачный, то изготовят их несколько тысяч и вышлют поездом, постаравшись успеть до начала войны. Все это делается, все производится и Мурзин у меня не может найти минутки на отдых — как с самого утра впрягался в свои обязанности, так до вечера и пахал. Я ему своих архаров выделил, и они ему помогали по мере сил, сновали туда-сюда, передавали и мои и моего помощника приказания.

Все это было и к будущей осаде мы готовились. Но было одно «но» о котором я когда-то обмолвился, дал объявление в газету и... как-то упустил из виду. Проще говоря — забыл. А дело это было важным и куда как важнее чем производство гранат, минометов и колючей проволоки. Речь шла об авиации. Месяц назад я через Мурзина дал объявления в нескольких

региональных газетах, где написал, что с радостью приму к себе на работу энтузиаста воздушных полетов. Людей любых и тех, кто готов был рискнуть жизнью и стать первым в мире пилотом-испытателем и тех, кто мог обсчитать мне мою идею дельтаплана и его построить. Откликнулось с десятков человек. Кто-то из них написал письма, убеждая меня в своем искреннем энтузиазме, а кто-то просто приехал. И вот в третьем месяце лета у меня на пороге дома появилось два интересных человека.

На громкий стук в ворота вышла Юн и, коряво спросив о цели визита, доложила мне о приходе гостей.

— Кто-кто? — не понял я, напрочь забыв об объявлении.

— Инзинел Глазнов и еще один инзинел, — забыв фамилию второго человека, ответила китаянка.

— Инженеры? — удивился я, но, тем не менее, разрешил им пройти. И Юн, провела гостей в комнату, где я подбивал финансовые бумаги.

И вот эти два молодых человека, похожих друг на друга фигурами, предстали пред моим лицом. Один из них был совсем молод — явно только из-за студенческой парты выбрался, а другой чуть постарше. Тот уже успел где-то поработать и набраться небольшого опыта.

— Чем обязан? — спросил я дежурно, рассматривая визитеров.

Они были похожи не только фигурами, но и лицом. Оба курносые, рыжеволосые. Видно, что братья.

— Вы же господин Рыбалко? Мы к вам по объявлению, вот, — и тот, что был постарше, протянул мне газетку, что издавалась во Владивостоке. — Очень сильно желаем построить летательный аппарат тяжелее воздуха.

— Замечательно, — откинувшись на спинку стула, проговорил я. Газета мне была незнакома, но это не важно — Мурзин подавая объявления не только здесь и во Владике, но так же и в Харбине, в Чите, в моем родном Верхнеудинске, будущем Улан-Удэ и в Иркутске. — Итак, господа, приятно видеть увлекающихся воздухоплаванием людей. Вы, как я понимаю, инженеры?

— Да, инженеры.

— Молодые специалисты..., - констатировал я грустно. Хотя, чего я ожидал? Что ко мне прибежит умудренный опытом седовласый Кулибин? Конечно же, нет! Воздухоплавание как отрасль еще даже не зародилась и опыта в это время нет ни у кого. Ну а то, что пришедшие парни молоды недостатком не являлось. Скорее наоборот — больше энтузиазма в деле будут проявлять, и отвлекаться на дела семейные не станут. — Вас как зовут?

— Я Святослав Андреевич Грязнов, — представился старший. — А это мой брат двоюродный, Евгений Евгеньевич Загогуля.

Я улыбнулся, услышав необычную фамилию.

— Ну-с, господа инженеры, приятно познакомится. Присаживайтесь тогда, поговорим....

И мы поговорили. Юн организовала по чашке зеленого чая, сбегала за горячими булочками и удалилась. И за непринужденным чаепитием я разузнал о братьях все что надо.

Действительно, жили они во Владивостоке. Давно, еще с подросткового возраста, были увлечены идеей перемещений по воздуху. Мастерили воздушных змеев, клеили из бумаги воздушные шары и дирижабли, захлеб читали утопические рассказы, где фантазировались летающие аппараты. И пытались что-то построить. Но из-за нехватки денег, знаний и помещения, все их попытки были обречены на неудачу. А я им все это мог дать. Вот потому-

то они сюда и примчались, гонимые мечтой. Какой именно строить летательный аппарат они не представляли и даже не могли описать свое видение. Крыло как у птицы — вот, что они думали, а вот как это крыло должно работать, они сказать мне не могли.

В общем, после долгой беседы я принял их на работу. Положил жалование, выделили помещение и уже более обстоятельно обрисовал свое видение будущего летательного аппарата. На самолет я не замахивался — времени на его изготовление нет, да и аппарат был бы для нас слишком сложным. Не успели бы его как следует опробовать и внести необходимые усовершенствования. И потому я братьям нарисовал на листе бумаги модель дельтаплана. Треугольное крыло, с подвешенной по центру гондолой, в которой первый пилот должен был прятать тело. И треугольная рама, не знаю как назвать ее — то ли руль управления, то ли еще как. И пока что конструкция предполагалась без двигателя. Объяснил принцип воздухоплавания, о том, как должно работать крыло и как его обтекают набегающие потоки воздуха и как разность давлений тянет крыло на верх. Все это братья выслушали с открытым ртом, так что к концу беседы у меня сложилось впечатление, что я им открыл нечто новое, непознанное. Хотя, возможно так оно и было. Я на самом деле не знаю, на какой стадии развития находится наука о воздухоплавании, вполне возможно, что выдвинутая мною теория была для них чем-то революционным. Но, не в этом суть.

Братьев я поселил в городе, сняв им квартиру. Работать выделил временно на моем складе, отгородив им местечко дощатой стеной. Прикупил какие надо инструменты и «запер» их, потребовав выдать мне первую модель дельтаплана уже через месяц. И на самом деле в установленных мною сроках никакой гонки не было — принцип крыла им был уже понятен, так что им оставалось лишь более или менее грамотно ВОПЛОТРОПЬ задуманное жизнь или, проще говоря — набить шишек РІ набраться опыта. Лично для меня самая главная сложность представлялась в угле стреловидности будущего крыла и степень его изгиба. И здесь, без понимания аэродинамики, без нужных формул, нам оставалось лишь экспериментировать.

Как и предполагалось в качестве каркаса братья взяли бамбук, а в качестве обшивки шелк, который они обкрасили лаком. И получившаяся модель у них оказалась очень даже ничего себе. Уже через три недели они продемонстрировали мне первый вариант дельтаплана, который хоть и выглядел хлипко и ненадежно, но, тем не менее, из-за бамбукового скелета оказался одновременно и прочным и гибким. Мы потом затащили его на гору Высокую, набили гондолу камнями, зафиксировали ее веревками, чтобы не болтало, и под любопытные взгляды долбящих гору кайлами китайцев, запустили вниз, словно гигантский самолетик. И дельтаплан «версия один», пролетев по нисходящей пологой параболе метров двадцать, нашел свое пристанище среди горного отвала. И разбился, конечно, вдребезги. Вроде бы для всех наблюдающих это была очевидная неудача, но только не для нас. Я вообще ожидал, что наша первая версия спикирует прямиком в землю, а тут она даже пролетела какое-то расстояние. Так что не было повода отчаиваться и братья, после двух суток осмысления и вычерчивания, приступили к постройке нового экземпляра.

И вот, спустя какое продолжительное время они продемонстрировали еще три варианта. С крыльями различной ширины, различными углами стреловидности. И опять мы все это затащили на гору, но теперь уже без лишних свидетелей по очереди спустили вниз. И опять, сначала один, а затем и второй дельтапланы нашли свое пристанище у подножия горы, разбившись вдребезги. Третий аппарат я запускать не разрешил, понимая, что и этот никуда не полетит. И вот тут я в задумчивости присел на большой валун. Что-то не нравилось мне

то, что у нас получилось.

— Василий Иванович, что делать будем? Последний запускаем? — подал голос старший из братьев. Он, так же как и я находился в удрученном состоянии, а видя мое настроение, и сам уже засомневался в нашем проекте.

— А смысл? Он тоже разобьется.

— Значит, мы все делаем неправильно?

Я вздохнул. Нет, делали мы все правильно, в этом я был абсолютно уверен. Иначе бы не парили дельтапланы по небу в моем будущем, и не было бы более продвинутых мотодельтапланов.

— Трубу что ли придется строить? — задал я сам себе вопрос, и братья его услышали.

— Какую трубу? Что это такое? Вы только скажите и мы быстро все сделаем.

Я глубоко вздохнул. Настроение было такое, что хоть закуривай. Даже желание возникло поискать папиросы по карманам — и это при том, что я человек некурящий.

— Аэродинамическую..- пояснил я, прекрасно осознавая, что братья меня не поняли.

— А как это? Да вы только скажите как, а мы уж ее сделаем.

Я отмахнулся. Трубу построить это только на первый взгляд просто. А на самом деле она потребует много сил и средств. Да еще и применить ее грамотно нужно, а братья, работающие у меня на голом энтузиазме, правильно освоить ее не смогут. А это значит, что надо искать решение в другой стороне. Надо искать испытателя.

— Ребят, наше крыло просто обязано полететь, нет у него других вариантов. Мы все сделали правильно, не без ошибок, конечно, но все равно правильно. Ошибки у нас не критические....

— Тогда почему не летит?

— Пилот нужен. Тот, кто сможет крылом управлять, держать баланс. То, что мы с вами жестко привязываем крыло к гондоле неправильно. Оно и не должно так работать. А если не привязать, то дельтаплан без человека сразу же рухнет. Что мы, собственно, и видим. Нет, ребят, человек нам нужен. Пилот.

Братья переглянулись. Видимо и у них были подобные мысли, но по каким-то причинам мне их не высказывали. Наконец, младший тихо сказал:

— Я могу попробовать.

Я не сразу ответит. Все-таки ответственное решение и очень опасное предприятие.

— Ты понимаешь, что можешь разбиться?

Он кивнул.

— Да, понимаю.

— Разбиться насмерть, — уточнил я.

— Да.

И тогда я повернул к нему голову. Парень выглядел уверенно — решение пуститься в полет было осознанным. Да и брат его был настроен поддержать кузена.

— Василий Иванович, мы давно уже об этом думали, — решительно произнес младший. — И мы с братом еще на прошлой неделе поняли, что без человека крыло не полетит. И тогда решили, что кто-то из нас должен сам попробовать.

— Жребий кидали? — догадался я.

Младший утвердительно кивнул.

— Да, лететь должен я.

Я еще раз критически его осмотрел. Что ж, он был чуть худощавее своего старшего

брата, чуть ниже, а значит и чуть легче его. Если кому и испытывать, то только ему. Только вот опасно, очень опасно. А я жизнь ему гробить не хочу.

— Разобьешься ведь на хрен — камни кругом.

— Василий Иванович, мы же уже обо все подумали, — вдруг с энтузиазмом подскочил старший. — Прыгать надо не отсюда, а с Золотой горы и прямо в море. Там мягко, камней нету. А чтоб не утонуть мы подумали костюм сшить с карманами, а в карманы напихать пробки. Лодку быстроходную в море выпустить, чтобы того, кто полетит, из воды выловить. Василий Иванович, надо делать так! Так будет правильно!

— Ну, не знаю..- выдавил я из себя, прикидывая такую возможность. — Может вы и правы. А почему именно с Золотой?

— Так близко же, да и корабли с лодками из порта туда-сюда шныряют. Если что пойдет не так, то кто-нибудь все равно подберет.

— Ну, что ж. С Золотой, наверное, будет правильно, — с колебанием принял я решение и еще раз удрученно посмотрел вниз, туда, где валялись обломки наших дельтапланов. И братья, видя мое согласие, победоносно переглянулись. Все-таки желание построить летательный аппарат у них искреннее, не наносное.

С Золотой горы мы решили прыгать тремя днями позднее. А если конкретно, то приготовились мы совершить свой первый полет с Электрического утеса. Там и скала уходит вниз в море, так что человек об камни не разобьется, там и уступок можно легко найти, на который удобно встать и с небольшим разбегом спрыгнуть. Единственно, что было не очень хорошо, так это то, что на Электрическом утесе находилась артиллерийская батарея и просто там мы со своей поклажей появиться не могли. Пришлось выспрашивать разрешения у коменданта Стесселя. Через двое суток я заявился к нему в штаб, где он протирает штаны после сытного обеда и лениво перекидывался в картишки с офицерами, с которыми он успел за недолгое пребывание на посту коменданта крепости найти общий язык. Здесь же был и генерал Белый и вице-адмирал Старк, которого невесть каким ветром сюда занесло и еще пара высокородных офицеров.

— О-о, господа, посмотрите, кто к нам пришел! Да это же сам господин Рыбалко, великий изобретатель и любимец вдовствующей Императрицы! — с улыбкой приветствовал меня Анатолий Михайлович. — С чем к нам пожаловали? Опять что-то эдакое придумали, что поразит нас в самое сердце?

И он беззлобно засмеялся, а офицеры дружно подхватили его хорошее настроение.

— Да вы проходите, присаживаетесь. Вы уже отобедали?

— Да, Ваше Превосходительство, отобедал.

— Вот и мы уже отобедали, а сейчас отдыхаем. Может, опрокинете в себя рюмочку другую? Так сказать, для улучшения пищеварения?

— Спасибо, но, пожалуй, откажусь. После известных всем событий, произошедших со мной, я предпочитаю к спиртному не прикасаться. Дурной я становлюсь, на плохие подвиги тянет.

— Это что еще за события такие? — заинтересованно спросил Стессель. — Я ничего о них не знаю, может, поделитесь? Развлечете нас?

И судя по тому, как заулыбались присутствующие полковники, да генералы, рассказывать мне не было особой нужды. Позже, когда я уже уйду, они расскажут коменданту обо всех моих приключениях. В красках и с подробностями. Распишут так, что уши у меня будут гореть весь вечер. И потому я тактично ушел от ответа, переведя стрелки

на его друзей.

— Жаль, жаль. Если вам стыдно, то, тогда не буду вас пытаться. Но вы, же понимаете, что то, что не является тайной, все равно станет мне известно...? Ну, да ладно. Говорите, с чем ко мне пришли?

— Ваше Превосходительство, — начал я тему, — помните, когда я демонстрировал стрельбы из своего оружия, я вам говорил об авиационной разведке?

— Гм, ну да, что-то подобное звучало, — улыбнулся он. — Что, настало время и для этого?

— Да, настало. Анатолий Михайлович, я построил аппарат способный держать человека в воздухе. Пока только экспериментальный образец, и мы уже пробовали запускать его в воздух без человека. Но, он без него не полетел. Увы, чтобы полететь нам нужен пилот.

— Ну и? — не понимая к чему я веду разговор, спросил Стессель. Карты были забыты и отложены в сторону.

— Пилот у нас есть. Есть тот, кто готов рискнуть жизнью для первого полета. Но, Ваше Превосходительство, не все так просто. Первый полет очень опасен и прыгать здесь особо негде. Единственное место где это можно сделать безопасно это прыгнуть с батареи Электрического утеса. Прыгать будем прямо в море, там человек не разобьется.

Я замолчал и в комнате воцарилась звенящая тишина. Стессель смотрел на меня с прищуром, пыхтя папиросой, и большим пальцем изредка приглаживал седой ус. Наконец он, вытащив изо рта потухший окурок, произнес:

— Ничего не понял. Чего же вы от меня хотите?

— Разрешения прыгнуть с батареи Электрического утеса. Там будет безопасно. На испытателя мы наденем специальный костюм, в котором он не утонет, а внизу его будет подстраховывать лодка. К тому же, Анатолий Михайлович, я желаю снять наш прыжок на камеру и отправить фильм Императору и вдовствующей Императрице. Отчет, так сказать, о моем пребывании здесь.

— О-о, Анатолий Михайлович, мы же вам забыли сказать, — подал вдруг голос Белый, — здесь же в Дальнем господин Рыбалко организовал занимательную синему. Очень рекомендуем посетить, такое зрелище вы можете увидеть еще разве что в столице. Василий Иванович сам снимал, представляете?

— Неужели?

— Да-да, про летающего Серафима слышали?

— Про Фимку, что ногами зубы вышибает? — уточнил Стессель.

— Да-да, про него. Ну, так вот, Василий Иванович этого самородка нашел, всему обучил и снял. Представляете? А еще Василий Иванович сам может так же ногами махать. Слухи-то ходят! Солдатики его бывшие говорят, что он лягается как лошадь, только морды отлетают.

И мне тут пристало бы потупить глазки долу, засмушаться и залиться краской, но делать я этого не стал. Лишь кивнул, показав господам, что слухи не напрасные.

— Что же вы и вправду так же можете? — не поверил мне комендант. — Казаки оно понятно, народ этому делу обученный, они и джигитовкой развлекаются вместо обеда. А вы-то откуда узнали об этом? Кто же вас научил?

Я мысленно вздохнул. Разговор уходил в сторону, а я, признаться, уже и забыл, что людям врал по этому поводу.

— Так я ж родом в Верхнеудинска. Там один монах китайский меня чуть-чуть и подучил, когда я пацаном был. Ну а дальше сам где-то придумал, где-то подсмотрел.

— О как! — удивился Стессель. — Настоящий китайский монах? А они разве умеют так?

— Думаю, что не все. Но умеют. Тот монах говорил про монастырь Шаолинь. Не знаю, может врал, а может и нет. Давно это было, а я особо и не слушал. Меня кроме драк ничего от этого китайца РІ не интересовало.

— Ну, что ж..., - удовлетворил мой ответ Стесселя. Тот снова полез в портсигар, задымил новой папиросой. — В таком случае я обязательно съезжу на вашу синему. А то и вправду все уже прикоснулись к этому искусству, а вот как-то еще нет. Да и в Питере мне не довелось посмотреть, все некогда было.

Я кивнул, показывая, что принял его желание к сведению. И на ближайший сеанс я забронирую для его семьи лучшие места.

— Ваше Превосходительство, а что же с разрешением на полет с утеса? — напомнил я свою просьбу.

— Ой, господи, да прыгайте вы куда хотите, — махнул рукой комендант. — Только головы свои не сломайте и в казематы не лезьте. Кто у нас там командует?

— Капитан Жуковский вроде, — подсказали ему.

— Ну вот; я напишу капитану, чтобы он вас с батареей не гнал. И прыгайте, как хотите, синематографируйте там что хотите. Когда вы желаете это сделать?

— Завтра, если погода позволит.

— Хорошо. Давайте завтра. А знаете, что? В полдень я сам туда подъеду, и вы сможете мне все продемонстрировать. Но только прошу вас, чтобы вы сняли мой штаб на вашу синему. Хорошо?

— Конечно, Анатолий Михайлович. Разве может быть иначе?

На этом моя аудиенция оказалась закончена. Слишком все просто получилось. Стоило мне заикнуться и Стессель пошел мне на встречу. Хотя, вызывает недоумение, что он не попробовал хотя бы запретить мне съемку — как никак на стратегическом объекте мы будем шиться. А вдруг секреты какие шпионам японским продадим? Но здраво рассудив, понял, что у Стесселя были свои мотивы, а именно попасть на пленку и таким образом еще раз засветиться перед Императором. Ведь я же не зря об этом заикался.

Погодка следующего дня выдалась на редкость удачной. На небе ни облачка, жара занялась с самого утра, и каменистые склоны Золотой горы, словно под печкой, нагревались сами и нагревали собою воздух, который и должен был помочь нашему дельтаплану взметнуться вверх.

Прибыли мы на утес спозаранку. Едва солнце взмыло вверх, а мы уже тряслись в повозке и везли следом наш агрегат. Дорога на батарею была неудобной, тряской, извилистой. Заняла туда почти час, по нарастающей жаре, при отсутствии малейшего ветерка. На прыжок веры поехал не только я с братьями, но взял и Мурзина и двух своих архаров, что будут устанавливать киноаппаратуру и вести съемку. Вроде неплохо у них получалось это дело, без явных косяков, а большего здесь и не надо.

На самой вершине нас встретил капитан Жуковский, что настороженно поглядывал на сложенное крыло. Рядышком с ним толкались невысокого росточка штабс-капитан, на лице которого явственно читалось недовольство моим приездом, а так же поручик простецкого вида.

— Господин Рыбалко, я так понимаю? — спросил капитан сурово и явно не очень

любезно.

— Да, он самый, — ответил я, спрыгивая с подножки повозки. — А вы....

— Капитан Жуковский, командир пятнадцатой батареи. Я получил распоряжение относительно вас, так что все мои подчиненные к вашим услугам. Это все ваше оборудование или еще что-то привезти надо?

— Нет, это все. А что, капитан, вам и вправду было дано распоряжение нам помогать?

— Да, комендант приказал вас встретить и оказать посильную помощь в первом в истории управляемом полете. Что нам надобно делать?

Я вздохнул, окинув небольшой караван из четырех повозок.

— В принципе мы и сами все сделаем. Вы только покажите нам, где можно удачно подойти к краю скалы. И, капитан, мне было бы удобнее обращаться к вам по имени-отчеству. Как вас зовут?

Он хмыкнул. Потом ответил:

— Николай Васильевич.

— А я Василий Иванович. Приятно познакомиться, — и я первым протянул ему руку.

Ну вот, похоже, капитан слегка смягчился и настороженность в глазах немного потухла. Зато мое общение с Жуковским покорило штабс-капитана. Он едва заметно скривил морду и отвернулся.

— Ну, что же, Василий Иванович, тогда прошу вас, располагайтесь. Вот вам плац, на котором вы можете разложить ваше оборудование. Если понадобится, то можете расположиться в казарме. Думаю, вы здесь не долго пробудете?

— Нет, не долго. Не нужно беспокоиться. До полудня мы должны успеть все приготовления, а потом, когда сюда прибудет Стессель со своим штабом, то мы спрыгнем с утеса и все. И больше нам тут делать нечего.

Сама подготовка к прыжку не заняла у нас много времени. Расправили крыло дельтаплана, натянули расчалки. Архары мои стащили с обоза генератор и на краю скалы установили кинокамеру. Ну а мы с Жуковским прошлись вдоль обрыва утеса, выбирая наиболее удобное место. Не сразу, но такое нашлось. Пологий, с небольшим уклоном спуск, оканчивающийся пятиметровым обрывом, внизу которого навалом лежали скальные валуны, нисходящие прямо в море. И внизу, под нами ни одного деревца, ни одного чахлого кустика. Отсюда, если прыгать, будет большая вероятность, что дельтаплан при неудаче спикирует все же не на камни, а прямо в воду. Но такого не должно было случиться, жар от камней уже шел такой, что попади под него крыло, то его сразу потянет наверх.

— А вы не боитесь? — спросил меня капитан, после того как я выбрал место. — Рискуете же сильно. Разобьется ваш мальчик.

— Рискуем, конечно. И я, честно вам признаюсь, даже боюсь. Но все же верю в успех. Несущее крыло мы построили грамотно, и оно обязательно полетит. Лишь бы мой испытатель не сплюховал.

Капитан подошел к самому обрыву, осторожно глянул вниз.

— А я бы не стал сигать вниз, — признался он вдруг. — Жизнь одна и глупо ею так рисковать.

— Ну, да, — согласился я, — потому я и не прыгаю. Я хоть и не боюсь летать, а все же страшно.

На мою оговорку капитан не обратил никакого внимания. Я подошел к нему, встал рядом и еще раз внимательно осмотрелся. Внизу волны бились о скалистый берег, поднимая

густую, белую пену. Прыгать моему испытателю предстояло строго вперед, с небольшим разбегом. Дельтаплан после

прыжка сразу же потянет вниз и тут главное, чтобы Женька не растерялся и отдал руль управления от себя. Тогда он не встретится с валунами, а аккуратно воспарит над ними и, перемахнув, запланирует над морем. И вот тогда уже ему надо будет взять круто вправо и уходить на Тигровый полуостров. Расстояние-то всего ничего — меньше полуверсты, а попробуй преодолей. Тем более что от страха у парня будут поджилки трястись, словно разболтанные струны, а мозги от адреналина съедут напрочь. Я вздохнул, еще раз осмотрелся. Оглянулся назад. Там, за бетонной твердыней с торчащими стволами пушек, выглядывал нос нашего дельтаплана и, судя по доносившемуся гомону, притягивал к себе солдат. Слышались крикливые восклицания штабс-капитана, басок поручика, отгоняющего подчиненных. Мои архары, пользуясь моментом, снимали общие планы, вполголоса переговариваясь и косясь на меня. Видимо, решили поймать какой-нибудь красивый кадр с моей персоной.

Я посмотрел на часы. До приезда Стесселя было еще много времени и на солнцепеке стоять оказалось утомительно. Капитан заметил это и сказал:

— А пойдете-ка, Василий Иванович, ко мне. Я вам кваска свежего налью. Или пива ежели хотите.

— Кваса было бы неплохо, — согласился я и мы ушли с обрыва.

В комнате у Жуковского было прохладно. Холодный квас прекрасно утолил жажду и послужил темой для разговора. Вернее, осушая кружку, я заметил, что вкус у этого напитка просто превосходный и никакое заграничное сладкое пойло с ним сравниться не может. И тут Жуковский со мной ш согласился, приведя мне в пример... Кока-Колу! Которая, оказывается, нынче продавалась в аптеке как лекарство от расстройств нервной системы. И, насколько я понимаю, эта кола в составе своем имела экстракт из листьев коки! Легальный наркотик! И Жуковский меня убеждал, что сие пойло прекрасно бодрит и утоляет жажду и нашему квасу до него далеко. Ну, да, тут я был вынужден с капитаном согласиться, и попытался рассказать из чего же делают этот напиток и к чему это может привести. Нагнал на него жути, рассказывая, во что со временем превращается наркоман. И, причем я нисколько не преувеличивал. Еще в свое время мне попала на глаза старая, переведенная с английского газетная заметка, где добропорядочные жители городов жаловались на обпившихся кока-колы негров. А заметка была как раз из этих годов, в которых я сейчас обитаю. Так что, проблема наркомании уже была известна обществу, да только пока на нее не особо обращали внимание. И Жуковский мне... не поверил. Отмахнулся от мысли, что человека может сломать какой-то напиток. Мы просидели в его камере с полчаса, когда вдруг в дверь без стука залетел взбалмошный штабс-капитан и едва ли не проорал:

— Его Превосходительство едут!

— Далеко? — невозмутимо спросил капитан.

— С версту.

— Ну, это они еще с четверть часа добираться будут. А с ним еще кто?

— Штаб похоже его весь. Шесть повозок.

— Ну, что ж, хорошо. Ты иди, проследи чтобы порядок был, солдат построй. А мы скоро выйдем.

И штабс-капитан побежал исполнять приказание. Через открытую форточку окна стало слышно, как он нещадно дерет глотку, строя своих подчиненных, на кого-то орет за

ненадлежащий вид и на матах отправляет исправить оплошность. Мы через пять минут вышли, капитан встал рядом с шеренгой солдат, а я невозмутимо пристроился возле своего дельтаплана. А солнце, не смотря на конец августа, жарило нещадно....

Комендант притащился на сопку изнывающим от жары. Сидя в фаэтоне, вытирая взопревший лоб платком и лениво переговариваясь с соседом. Вот повозка вытащилась на плац и штабс-капитан, не жалея легких, рявкнул:

— Смир-р-рна!

Далее прошла стандартная процедура приветствия, доклада и осмотра. Всего со Стесселем приехало с десятков человек, почти все военные. Но среди них я увидел своего знакомого — Пудовкина. Того самого журналиста, с которым мы пили и того, что потом спасал меня из воды. Вот уж не ожидал я его увидеть, хотя, честно признаться, следовало бы мне его пригласить самому. Я кивнул ему, улыбнувшись, он сделал приветственный знак мне. На шее у него висел новомодный пленочный фотоаппарат, а в руках уже крутился остро наточенный карандаш.

А между тем «официальная» церемония оказалась закончена и Стессель со своим штабом и Жуковским размеренно двинулись ко мне.

— Здравствуйте, Ваше Превосходительство, — первым поздоровался я.

— Здравствуйте, здравствуйте, Василий Иванович, — кивнул он добродушно. Ему было жарко. И хоть верхняя пуговичка парадного кителя расстегнута, а все равно ворот оказался пропитан потом. Хоть он и вытирал шею платком, да только это не сильно помогало. — Я, так понимаю, вот на этом вы и хотите полететь?

Тот же самый вопрос читался в тазах и остальных присутствующих. Наш дельтаплан не выглядел той штукой, на которой можно воспарить над облаками. Слишком уж хлипко все выглядело, ненадежно.

— Именно на этом мы и полетим. Погодка сегодня удалась на славу, как раз для таких полетов.

— Ух, жарит сегодня и вправду что-то очень сильно, — и уже обращаясь к своим коллегам, спросил. — Тут всегда так летом?

— Близость к морю спасает, Анатолий Михайлович. Но обычно все же не так как сегодня. Хотя июль и август здесь, действительно, самые утомительные месяца, — ответили ему и продолжили в тему, — потому-то наши офицеры и раскупили землю под дачи возле Пресного озера. Там хоть чуть-чуть, но легче переносится летний зной. Да и город под боком, и штаб крепости в десяти минутах неспешной прогулки.

И этот кто-то так выразительно посмотрел на генерала Белого, что стало понятно, что эта шпилька была именно в его адрес. Собственно, повезло, что Мишка тогда смог оттяпать кусочек земли в том же районе. Действительно там было довольно неплохо. И хотя Пресное озеро на самом деле не было никаким пресным, но все равно рядом с ним частенько прохаживались местные дачники и бывало купались. Летом от него замечательно веяло прохладой. И потому очень многие желали бы приобрести там кусок земли и поселиться рядом с генералами, да адмиралами. Эдакая местная Рублевка. Вот и Мурзин говорил, что пока я сюда не приехал, к нему частенько подходили с просьбой продать участок. И деньги предлагали хорошие.

— Ну что ж, господа, думаю, не имеет смысла затягивать? — риторически произнес комендант. — Жарища-то какая! Чем быстрее все произойдет, тем быстрее мы отсюда уберемся. Василий Иванович, приступайте.

И я приступил. Вначале пришлось прочитать краткую лекцию о моем летательном аппарате, объяснить принцип его действия. Затем подвел своего храбреца и представил перед военными:

— Вот, познакомьтесь. Это и есть мой герой. Зовут Евгением Евгеньевичем Загогулей. Не смотрите, что молод. Храбрости он необыкновенной, ведь только он согласился на этот опасный эксперимент.

— М-да, — оценили его генерал Белый, — а с виду пацан пацаном. Тебе сколько годков-то, храбрец?

— Двадцать, — стесняясь высоких чинов, ответил Женька.

— Гм, а так и не дашь. Слишком уж молодо выглядишь. Ну что ж, тогда ни пуха тебе, ни пера.

И мой летчик-испытатель улыбнулся и выдавил из себя негромкое:

— К черту....

А Женьку пробивал мандраж. Я видел, что его начало мелко потрясывать, глаза испуганно забегали. Видимо только сейчас его проняло, только за несколько минут до прыжка он по-настоящему испугался. Потому пришлось спасти парня. Я взял его под локоток, отвел в сторону и вполголоса сказал:

— Не дрейфь. У тебя все получится. Мы построили все как надо, ошибок в конструкции нет. Подожди-ка..., - и я, положив ладони на его шлем, проверил затяжку. Так и есть, шлем болтался. И тогда я собственноручно затянул ремешок ему под подбородком. А потом еще и костюм проверил, прощупал поплавки в нашитых карманах. — Так, еще раз. Не бойся, ты не разобьешься и не утонешь. Крыло тебя через камни все равно перенесет, а там внизу тебя будут ловить три лодки. Ты главное, если в воду приземлишься, то сразу из гондолы вылезай, да смотри не запутайся. Если упадешь, сразу ремни режь. Все понял?

— Да, Василь Иванович, все понятно. Только страшно очень....

— Может, коньяка глоток сделаешь? Чтоб не мандражировал?

— Нет, не надо. Я лучше так.

— Ну и хорошо. Оно и правильно, — сказал я, на этот раз успокаивая скорее сам себя, чем своего испытателя.

Мы вернулись к аппарату. По договоренности с Жуковским двое солдатиков помогли поднести крыло к самому обрыву и придержали его там, пока Женька под него подползал. Мои архары прильнули к киноаппарату и уже вовсю стрекотали пленкой, снимая общие планы. Они тоже зря времени не теряли и пока я сидел с капитаном в его коморке, выбрали для камеры наилучшее место. Поставили ее так же на самом краю обрыва, с тем прицелом, чтобы суметь снять и сам прыжок, первое планирование, а затем и приземление аппарата на Тигровом полуострове. Стессель со штабом встали с другой стороны и как раз попадали в объектив. И комендант, пользуясь таким случаем, решил показаться во всей красе. Встал гордо, вздернул подбородок и заложил ладонь за пуговицу кителя. Ему бы еще вместо фуражки двуголку и не отличить от Наполеона.

Пудовкин вовсю щелкал фотоаппаратом. Перематывал спешно пленку, взводил и щелкал. То сам дельтаплан, то меня, то высоких господ, выбирая особо красивые ракурсы.

— Ну, Жень, ты готов? — спросил я, глядя на то, как парень повесил себе на плечи крыло и все никак не решался сделать первый шаг. Страшно ему было, жутко. Внизу камни и холодная вода, об которые разбиться насмерть ничего не стоило. Солдатики придерживали аппарат с двух сторон, ждали разбега. Эти тоже волновались, переглядывались напряженно.

— Сейчас, Василь Иванович, сейчас, — ответил парень и закрыл глаза. Зашептал неслышно молитву, а затем истово перекрестился. Собрался с духом, выпрямился и сделал шаг навстречу ветру. Солдаты шагнули следом, не давая крылу завалиться.

И вот Женька решился. Он ускорился, сначала на быстрый шаг, а затем и на бег. И уже у самого края он, словно прыгнув в воду с вышки, оттолкнулся. Зрители ахнули, когда дельтаплан взметнулся вверх, неся под собой привязанного человека, а спустя секунду ухнул вниз, туда, где камни. У меня оборвалось сердце.

Люди подбежали к краю. Все ожидали увидеть разбившееся об камни тело и обломки крыла, но их ожидал сюрприз. Дельтаплан, спикировав, набрал скорость и Женька, наконец-то совладав с собой, дал руль от себя и выровнял аппарат. Так он перемахнул опасные камни и воспарил над морем.

— Быть не может! — воскликнул кто-то.

Даже для меня, повидавшего много чего на свете, это было сродни чуду. Я хоть и знал, что наша новинка сделана грамотно, а все равно, было страшно за парня. За то, как он себя поведет в экстремальной ситуации. Но все обошлось и вот теперь он, нащупывая возможности аппарата, стал потихоньку закладывать вправо, к полуострову. И у него получалось! В какой-то краткий миг он даже смог поймать восходящий поток и его дельтаплан ощутимо толкнуло вверх. И все это заметили.

Это был напряженный момент. Поток воздуха ударил под крыло и аппарат, воспаряя вверх, опасно накренился. Еще сильнее вправо, разворачивая в скалу. Он даже еще не успел, как следует отлететь от мыса.

— Э-эх, — опять этот кто-то воскликнул.

Но не напрасно я с Женькой все эти сутки репетировал полеты. Не зря подвешивал его под потолком склада вместе с дельтапланом и заставлял отрабатывать маневры. Навыкигодились. И уже без сильного мандража Женька наклонил крыло влево и уверенно отвернул от скалы.

И он понесся над водой, словно стрела. Пролетал над кораблями стоящими на внешнем рейде, над мелкими шныряющими туда-сюда судами. Случайные зрители задирали головы и удивленно вскрикивали. Показывали руками вверх, охали словно малые дети.

Все-таки над морем не хватало восходящих потоков, поверхность океана нагревалась гораздо медленнее суши, и потому Женька не в силах был набрать высоту. Он не поднимался вверх по спирали, как я ему объяснял, а медленно планировал, потихоньку снижаясь. Вскоре он преодолел половину пути до полуострова и летел над водной гладью в метрах пятидесяти. И летел уверенно, четко выдерживая курс. Было видно, что ветер иногда бил его в крыло, сбивал с пути, но он каждый раз выравнивал аппарат и возвращался к намеченной цели.

А у нас, на Электрическом утесе все замерли. Отсюда хорошо был виден полет, прекрасно был виден весь Тигровый полуостров, за исключением его хвоста. Вот на хвост-то Женька, по-видимому, и нацелился. Он довольно быстро приблизился к оконечности полуострова и, чуть повернув, уверенно полетел вдоль прямого берега, до его загиба. Там было пологое и очень удобное для приземления место. Он летел уже почти над самой водой, едва ли не в десятке метров. Пронесся мимо лодчонок и малых кораблей и казалось еще чуть-чуть и заденет крылом какую-нибудь мачту. Но все обошлось. Женька уже шел на посадку, вытащил ноги из гондолы и приготовился к встрече с землей. В теории я объяснял ему как надо это делать, видел по телевизору несколько раз. Посадка при должной сноровке должна быть плавной и мягкой, такой, словно бы ты спрыгнул на пол с табуретки. Да только

это в теории, а вот на практике кто знает, к чему это может привести? Вот и Женька в последний момент вдруг передумал приземляться на каменистый берег, а решил садиться в воду. Отвернул аппарат чуть-чуть в сторону и коснулся ногами водной глади. И в ту же секунду дельтаплан словно дернули за хвост и он, кувыркнувшись вперед, с размаху клюнул носом море. А вместе с ним и Женька с головой ушел под воду. Но это было уже не страшно. Там глубины не было никакой, и уже через секунду мой парень показался над поверхностью и встал на ноги, торопливо разрезая ремни. А к нему уже бежали люди.

— Что ж, господин Рыбалко, должен вас поздравить, — пробасил за моей спиной Стессель. — Вы соорудили замечательный аппарат и парень ваш не робкого десятка. Поздравляю, поздравляю, — и он одобряюще похлопал меня по плечу. Этим не преминул воспользоваться Пудовкин, щелкнул своим фотоаппаратом.

А парня внизу уже обступили возбужденные люди. Несколько человек помогли вытащить дельтаплан из воды, а затем подхватили первого в мире пилота на руки и закачали, с радостными возгласами подбрасывая в воздух. С утеса не было слышно о чем они кричали, но и без того было понятно, что люди просто ликовали, радовались победе человека над воздушной стихией. К берегу полуострова стали подходить маленькие лодчонки, из них выпрыгивали люди и присоединялись к ликованию. И Женька взлетал в воздух все выше и выше.

По нашей договоренности в случае если все произойдет по плану, то с Тигрового полуострова нашего пилота и его дельтаплан заберет катер, который дежурил на выходе из бухты, и перевезет его к Артиллерийской пристани. И мы туда же подъедем и там его встретим. И потому вскорости, убедившись, что договоренность соблюдена, мы всей компанией уехали с батареи. Только пришлось подождать, когда солдаты Жуковского помогут моим архарам погрузить на телегу тяжелое оборудование.

Через час пути мы встретились. Женька уже устал от внимания, устал от поздравлений. Его и здесь окружила толпа, хлопала по спине, обнимала. Но при нашем появлении, при виде Стесселя, толпа вдруг осадилась, расступилась. Простые солдаты, понукаемые командирами, быстро организовались в шеренги, вытянулись во фронт.

Комендант сошел с повозки, одернул китель. К нему подбежал было командир с докладом, но он его одернул, не до того было. Мои архары спешно стаскивали оборудование с телеги и устанавливали камеру на треногу. Обязательно нужно было снять встречу Стесселя с героем, без этого никак. Вот все и ждали, когда мы подготовимся.

А я не стал ждать. Подошел к Женьке и сграбастал его крепко. На радостях оторвал от земли:

— Молодец, молодец, не растерялся, — сказал я ему в ухо. — Сумел справиться, долетел! Страшно было?

— Очень, — честно признался парень. — Прыгать очень страшно было, а потом ничего. Потом я все понял. Василь Иваныч, а знаете, это же так здорово! Нет ничего на свете лучше чем этот мой полет! Так дух захватывает!

— Да, знаю, знаю, — улыбнулся я. — Летать здорово. И летать не страшно, страшно приземляться. Вот погоди, с завтрашнего дня мы начнем с тобой мастерить мотодельтаплан, вот тогда ты налетаешься. А вот на этом, — я кивнул на лежащее на земле крыло, — я тебе прыгать больше не дам. Хватит и одного раза.

— Но, Василь Иваныч, это же безопасно, — удивился парень.

— Нет, Жень, это только кажется, что безопасно. А на самом деле нет. Так что, больше

о таких полетах и не мей. Вот приделаем у этой штуке мотор с пропеллером, вот тогда и налетаешься всласть. Все, и думать дальше забудь.

Он немного расстроился, но вида не подал. Лишь кивнул мне, соглашаясь и, поняв, что более ничего я ему не скажу, переключился на своего брата, что стоял рядом. И опять он принял новую порцию поздравлений и жарких объятий. Представляю, как Святослав переживал за своего кузена, как за него волновался.

А между тем, мои архары закончили все приготовления, дернули за магнето переносной генератор и сели за кинокамеру. Направили объектив на меня и громко сообщили о готовности. Стессель взглядом показал мне, что ждать более не готов и потому я дал отмашку. И камера весело застрекотала пленкой.

И вот комендант, расправив плечи, гордой походкой подошел к Евгению Загогуле. Следом за ним и штаб двинулся. Явно не привычные к кинокамере, люди смущались, вели себя не очень естественно. Даже комендант и тот подошел к парню на негнущихся ногах и каким-то ломаным движением протянул ему ладонь, явно желая поздравить. А потом так же механически и неестественно затряс.

— Ну, молодец, что тут скажешь! — произнес он, отпуская ладонь. — Настоящий храбрец! Посмотрите, господа, на этого героя. Редкой смелости человек. Ему бы медаль дать за примерную храбрость. Нет, вы видели, как он сиганул с той скалы? Это было что-то невообразимое.

Стессель по-отечески потрепал Женьку по плечу и, видя, что его собирается сфотографировать Пудовкин, на секунду замер. Потом, повернул голову и спросил:

— А скажи-ка мне, храбрец, каково это, когда паришь в небе как птица? Небось, интересно было смотреть сверху на мелких людишек?

Женька не сразу нашелся что ответить. Наверняка не рассматривал он окрестности сверху, а думал лишь о том как уцелеть. И потому он сморозил:

— На маяке видел, как смотритель кружку с чаем на себя пролил, когда меня заметил. Или не с чаем, я не понял.

И Стессель захохотал, положив руку на живот, затряс мелко пышными усами.

— Вы видели? Шутник, однако! Ну, ладно, тебя как зовут?

— Загогуля Евгений Евгеньевич, — напомнил парень.

— Ну, что Загогуля. Подвиг твой настоящий, без спору станет знаменит всему миру. Наградить тебя хочу. Орден или медаль, конечно, дать не могу, так что одарю деньгами. Сто рублей, господа! — громко сообщил комендант и демонстративно полез за кошельком. Достал оттуда свеженькую, хрустящую сторублевку, в народе именуемой "катенькой", и под стрекот камеры вручил герою. — Вот, тебе за твою смелость, за достижение!

Женька был явно смущен. Неловко принял деньгу, да и остался так с ней стоять под объективом. Положить ее было некуда, карманы на пошитом костюме были наполнены пробкой. Впрочем, он вскоре нашел решение — сложил купюру надвое и незаметно передал брату.

Стессель потом много чего еще говорил. Толкнул небольшую речь, еще попозировал перед Пудовкиным, походил перед строем случайно оказавшихся здесь солдат. Он не особо был говорун, но тут на него нашло небольшое вдохновение. И в конце, вдруг, сообщил, что было бы неплохо отпраздновать такое событие в ресторане. Что ж, его с охотой поддержали и вечером того же дня весь офицерский бомонд, виновник торжества и я под шумные поздравления с великим научным достижением, медленно напивались шампанским.

Стессель, кстати, благородно оплатил банкет. И я так думаю, расплатился он не из личных денег.

Ну а в промежутке между полетом и рестораном, когда мы наконец-то вырвались из всеобщего возбуждения и оттащили дельтаплан к себе на склад, меня выследил Пудовкин. Настойчиво взял под локоток, отвел в сторону, что б никто не слышал и с укоризной сказал:

— Что ж ты, Василий Иванович, ничего мне о предстоящих событиях не сообщил. Нехорошо получилось, я едва не пропустил твой прыжок.

— Извиняй, Алексей Захарыч, забыл. Честно, забыл. Закрутился, забегался. Столько надо было всего подготовить, обо все позаботиться, сил я твою газету забыл. Ты уж зла не держи.

— Не буду, — быстро согласился журналист. — Но только если ты мне обо все расскажешь. Как додумались до такого дела, как строили. И вообще.

— Эксклюзивное интервью? Что ж, конечно расскажу. Давай-ка сейчас ко мне до дома поедем, там я тебе за обедом обо все и поведаю. Кстати, и с пилотом моим поближе познакомлю. Ты о нем обязательно хорошее напиши, ладно?

— Конечно, напишу. Но вечером это поздно. Так не пойдет. Надо как можно быстрее. Номер с твоим рассказом надо пускать в печать уже через час, чтобы люди на ажиотаже раскупили весь тираж. А давай знаешь как сделаем? Ты мне сейчас вкратце пояснишь непонятные моменты, и я убегу писать статью. А вот потом уже вечером ты мне все в подробности и расскажешь? Хорошо?

— Ну, хорошо. Тогда спрашивай.

И он, достав блокнот и карандаш, по-быстрому меня обо все расспросил. Потом отошел в сторонку, присел на камушек и минут за двадцать накропал небольшую статейку. На первое время этого хватит, к тому же, как понял, газета делает в основном упор на фотографии. Основанная статья же выйдет следующим днем.

И уже вечером, когда по городу загорелись огни, газета появилась в продаже. Не смотря на внеурочное время, она разлетелась как горячие пирожки. Люди жаждали подробностей. И пока я в это время медленно надирался в ресторане, Пудовкин работал, пачкал бумагу, придумывая новую статью, уже более подробную. Как раз перед самым отбытием в ресторан, мы с ним посидели за чашкой чая, и я ему все объяснил. О том как пришла такая удачная идея, как мы воплощали ее в жизнь, как наш пилот решился на такой отчаянный поступок. И дал ему еще тему для многих статей, рассказал о будущем авиации. Многие фантастические вещи он описал, такие, что некоторые казались настоящей утопией. Например, о том, что уже через пятьдесят лет человек впервые покорив воздушное пространство, наконец-то вырвется в космос. Конечно, это будет уже не моя история, и не будет, я надеюсь, здесь Юры Гагарина и случится это не в шестьдесят первом году. А благодаря нашему вмешательству подтолкнувшего науку воздухоплавания на полшага вперед, чуть раньше. Да и СССР, я думаю, в этой истории уже не случится. Я так хочу. Уже хочу....

Новость о нашем полете разлетелась по миру со скоростью молнии. Евгений Загогуля стал мировой знаменитостью, а Пудовкин на этой волне существенно разбогател. Зарубежные журналисты потянулись в Артур и выкупали у издательства эксклюзивные статьи и фотографии. Ну и Женьке от них перепадало, когда его просили постоять возле дельтаплана, да без посредников рассказать о своих чувствах. Я же, пользуясь случаем, всю рекламу своих изделия. Нацепил на парня карблитовый шлем, надел косяку с

молнией, рядом припарковал дорожущего и презентабельного "Руслана", что сверкал хромом от ярких вспышек. Нам лишняя реклама лишней не будет, нам все сгодится. Да и я самого Женьку на фоне его популярности, затмившую всех ныне известных актеров и певцов, заставил сниматься в рекламе. Привлек Пудовкина и вместе с ним мы отщелкали снимки, в которых наш парень показывает, что только настоящие герои бреются станками "Жиллет", зажигают по городу на "Руслане" и всегда застегивают кожанку на молнию. Для журналиста это тоже был новый опыт и он ему понравился. Газета потом стала печатать эти рекламные снимки, чем расплачивалась за свалившееся с небес удачу.

Пленку, что мои архары наснимали, я проявил, снял несколько копий и без монтажа отправил Мишке. Тот разберется что с ними надо будет делать. Может киношку документальную по ней снимет, а может и сам фильм, включив в него настоящие кадры полета. Не знаю. Но что точно известно, так это то, что он обязательно продемонстрирует Императору наш полет и станет его агитировать на создание более серьезной авиации. И Николай, скорее всего, согласится и даже выделит денег. Что-то подобное я из своей истории помнил про экспериментальный танк, когда царь выделил, дай бог памяти, целых двести тысяч рублей. Но это было во времена вспыхнувшей войны, сейчас же в мирное время вряд ли это не прокатит. А вот когда японцы нападут на Порт-Артур! Вот тогда и можно будет тащиться к царю с шикарным предложением. И вот все эти свои соображения я изложил в письме и почтой отправил другу. От него, кстати, на второй день после полета получил поздравительную телеграмму. И от других людей тоже. И от знакомых в Питере и в Москве и от совершенно незнакомых. Телеграммы мы принимали десятками в день. И из России и из-за рубежа.

Но постепенно первичный ажиотаж спал и мы на третьи сутки наконец-то смогли вернуться к работе. И своим парням я сказал:

— Будем крепить мотор к нашему крылу.

Для парней это не было новостью. Они давно знали о моей цели и потому без возражений принялись за дело. Мотор я разрешил взять с разбитого мотоцикла, раму они соорудили так же из бамбука, а вот пропеллер.... С ним пришлось повозиться. Сейчас никто не знает какой профиль должен быть у винта и каких он должен быть размеров. И поэтому нам пришлось потрудиться. Вместе мы нарисовали то, что хотелось бы видеть. И наняли на время плотника, который из качественного бруса выстругал нам несколько штук пропеллеров. Нам оставалось лишь их проверить на тягу. А как это сделать?

Пришлось придумывать стенд. Тот мотор, что мы должны были поставить под крыло, мы временно поставили на ящик на колесах, закрепили его, а сам ящик через тугую пружину соединили со стеной склада. А под пружину повесили стальной прут, который по отклонению будет показывать нам тягу. Тягу не в килограммах, ни в фунтах, а в неведомой абстрактной величине, которую мы не стали приводить к общеизвестным системам. Ни к чему это, нам было достаточно лишь выбрать пропеллер с самым большим значением. И через два месяца, уже глубокой осенью, после череды неудач и небольших успехов, мы нашли-таки самый удачный вариант.

Но постройка крыла с двигателем это дело будущего, а пока я опять занимаюсь рутинной. Продаю свои товары, принимаю на склады новые, те что отправил из Питера Мишка, кручу киношки в Дальнем и произвожу тротил, тратя на химикаты почти всю выручку. На Высокой горе китайцы раздолбили вершину и там вот-вот должна начаться заливка бетона. Наш

проект ДОТа переделывался несколько раз, что-то добавлялось, что-то, наоборот, убиралось. Я лично ни черта не смыслю в оборонительных сооружениях, а тот парень, которого я нанял, хоть и был грамотен в этом плане, но, так же как и я, никогда не имел опыта в строительстве подобных укреплений. Вот и приходилось, время от времени переосмысливать наши планы, беседовать с понимающими людьми и, пока не поздно, пока не началась заливка, перерисовывать проект и заново пересчитывать. Так же, я был вынужден попросить чуть-чуть ужаться в объемах строительства. Наличка стала просто катастрофически утекать из рук и я стал бояться, что конечная стоимость проекта, сожрет все финансы. А этого допустить было нельзя. Я, хоть и радел за возводимое укрепление, но в первую очередь хотел пустить деньги на свои минометы. И в связи с этим мне пришлось отменить строительство дотов на Волчьих горах. Хотя и там нанятые китайцы выдолбили ходы на вершинах и тоже были готовы вот-вот приступить в заливке. Но пришлось наступить себе на хвост и ужаться. Тот цемент, что мы перекупали у Тифонтая, и тот, что должен был отправляться в Японию, влетал нам в копеечку. Но его покупка была суровой необходимостью, ведь именно он имел самые высокие характеристики.

Наконец-то в середине сентября я забрал из больницы Лизу. Ее ожоги поджили, местами выросла новая кожа и доктор, не видя более причин держать ее под постоянным присмотром, разрешил ее выписать. За то время, что она там лежала, никто к ней кроме меня и ее подруги, так же работающей в кафешантан, не приходил. Никого у нее в Артуре не было, никому она была не нужна. И потому, забирая ее из больнички, Лиза украдкой утирала слезы, благодарил бога за то, что ее не кинули.

С Юн она сошлась быстро. Различия в языках, в культуре и почти в десятке лет возраста не встали между девушками препятствием. Они сдружились. Поселилась у нее в каморке, стала помогать по дому. Окитайченная русская кухня мне уже порядком поднадоела, так что, ее стряпня мне и моим архарам пришлась по вкусу. Но все же самой грязной работой она не занималась. Полы, как и прежде, драила китаянка, помойные ведра выносила так же она. Но она взяла на себя покупки в городе. Юн, хоть и была на короткой ноге со своими соотечественниками, но все же главные товары здесь были в основном у русских купцов. Уголек там подкупить, тканей, мебели кой-какой и вообще. К тому же Лиза стала подучивать девчущку русскому языку и та, вскоре более или менее внятно заговорила. Перестала так сильно коверкать слова.

Мои архары клеиться к Лизе не стали. Сильные ожоги на теле они успели тайком рассмотреть, и нашли их отталкивающими. Я к ней тоже не приставал, но совсем не по этой причине. Она хоть и была красива лицом, и до сих пор была привлекательна, но вот мое воспитание... Ну не мог я просто так скинуть порты и нырнуть в кровать женщины, которую толком и не знаю. Да и жена у меня есть, которую я люблю, и ребенок. Не знаю, можно было б сказать, что я однолюб, если бы не моя первая супруга с двумя дочками, что остались в моем будущем. В общем, Лизу как объект для развлечения и отдыха я не рассматривал. Но зато по вечерам мне стало с кем перекинуться словом. Она часто сидела в комнате под лампой, занималась рукоделием, а я, рядом за столом занимался или бумагами, или просто бездельничал. А часто я приглашал Мурзина, звал своих архаров и впятером мы занимали вечер, гоняя либо в картишки, либо в трик-трак, либо в монополию. И Лиза, кстати, довольно неплохо могла расписать пульку, запивая игру бокалом недорогого красного вина.

Однажды теплым сентябрьским днем у меня возникло желание посетить цирюльню. Надо было подправить прическу, красиво оформить усы. Парикмахер, у которого я постоянно стригся, принял меня радушно, усадил в кресло и, накинув белоснежную пелерину, спросил:

— Как всегда, Василий Иванович?

— Да, Дмитрич, как всегда. И бритвой пройдишь по щекам.

— Конечно, все сделаем в лучшем виде, — участливо кивнул он и взялся за инструменты.

Я любил здесь бывать. Небольшой салон на одного работника, широкое окно с видом на залив. Здесь было уютно, тепло и красиво. Об убранстве помещения позаботился явно любящий и понимающий это дело человек. Все было просто, но утонченно. Никакой пошлости в виде тяжелых красных штор и обоев с дурацким рисунком. Люстра над головой не из массивного хрусталя, угрожающе нависающего над головой, а аккуратная, небольшая и явно сделанная на заказ. Я бы сказал, что над люстрой как и над салоном поработал хороший дизайнер.

Мастер, в отличие от многих других, работал молча. Не трепался, ножницами щелкал быстро и уверенно. Что мне в нем и нравилось. Да и стриг он превосходно. Только на этот раз он хотел завести со мной разговор, я это чувствовал. Он открывал было рот, чтобы сказать что-то, но все никак не решался. Наконец, уже под самый конец, он сообщил:

— А я, Василий Иванович, со следующей недели уезжаю.

— Как так?

— Да вот, дом свой продал, в Омск перебираюсь. У меня брат там живет, да сестра. Да и родители мои там похоронены. Думаю, хватит уже мотаться, пора бы и осесть.

— Гм, жалко, — не стал лукавить я. — Мне нравится у тебя стричься. Честно, даже в Питере такой мастер ценился бы. А почему не в столицу? Может туда переберешься?

— Нет, Василий Иванович. Я уже думал об этом. В Омске у меня вся родня. И близкие и дальние, и братья и дядья. А в Питере у меня никого нет. Да и кому я там нужен? Я здесь дом уже продал и этих денег как раз хватит на дом в Омске. А в столице я сколько должен денег заплатить? Говорят там дороже все, не так как здесь. Оно и понятно — столица.

— Жалко, — еще раз сказал я. — Но если решение у тебя твердое, то я должен лишь пожелать тебе удачи. А когда ты здесь последний день работаешь?

— А что?

— Да вот придти хочу, постричься у тебя напоследок. А вместо тебя кто будет?

— Да..., - отмахнулся Дмитрич. — Японец какой-то, я его даже не знаю. С месяц уговаривал место мое уступить. Ну вот, значит, добился своего. Говорят, что мастер тоже он очень хороший. Можете у него попробовать подравняться.

— Посмотрим..., - уклончиво ответил я. Ничего против этого японца я не имел. Может и вправду к нему буду захаживать, ровнять прическу и усы.

Как Дмитрич и говорил, на его место со следующей недели заступил японец. Невысокого роста, полнотелый, приветливый. Лицо круглое как шайба и очень выдающиеся щеки. Если б не знал что он настоящий японец, обязательно ошибся бы в его национальной принадлежности. Я б даже сказал, что в его венах течет густая монгольская кровь, первостатейная чингизидская.

Когда я впервые к нему зашел, то он, раскланиваясь мне в своих обычаях, усадил на кресло и на хорошем русском языке спросил:

— Как желаете?

— Подравняй, — просто сказал я, разглядывая нового парикмахера в зеркало.

Тот кивнул, улыбнулся моему отражению и взялся за инструмент. Мастером он оказался превосходным. Ножницы сверкали в его руках, расческа летала по волосам, а отменно наточенная бритва с удивительной чистотой снимала грубую щетину. И сделал он свою работу настолько быстро и качественно, что мне понравилось. Понравилось даже больше чем у Дмитрича. После всех процедур, японец вытер мне морду мягким полотенцем, а затем пшикнул жгучим одеколоном. Я критически осмотрелся в зеркале. Ну что сказать — красавец! Даже раздражения после бритвы не осталось. За такую работу мне и трешки не было жалко.

— Вот, держи, — отдавая плату, сказал я. — Тебя как зовут?

— Сато Хирото, господин, — склонился тот почтительно. Но не так сильно, как принято у них перед господами. Совсем чуть-чуть, по японским меркам, можно сказать, кивнул мне.

— Хорошо работаешь, Сато.

— Спасибо, господин, — он склонил голову.

— Буду к тебе заходить.

— Хорошо, господин, — опять кратко ответил он.

В тот день я ушел в прекрасном настроении. Не знаю, что на это повлияло, то ли погода хорошая, то ли мастерская работа японца, чьи руки прямо-таки излучали теплую энергию. Через неделю вернулся, и снова, избегая лишнего многословия, постригся, подровнял усы и отскоблил щеки.

Но на третий раз, японец попробовал со мной заговорить. Снимая с головы лишние волосы, он, просто и без длинных предисловий какие обычно приняты у японцев, сказал:

— Господин, я восхищен вашими изобретениями.

Я заинтересованно бросил через зеркало на него взгляд.

— Это какими же?

— Дельтаплан ваш очень меня восхитил. А еще ваше радио, "Rusland" и ваша синима. Я смотрел в Дальнем про "летающего Серафима". Очень понравилось.

— Спасибо, — ответил я. И, признаться, мне польстили его слова. — А ты только про Серафима смотрел?

— Да, господин, только одну синему и видел. То, как он дерется это просто восхитительно. Я никогда такого не видел.

Он замолчал, продолжив работу, да и я, не зная о чем говорить дальше, не открывал рта. Вот, японец закончил работу, пшикнул одеколоном и получил свою плату. А я, накинув на плечи пальто, вдруг не захотел выходить под осенние ветра. Встал возле окна и как бы, между прочим, поинтересовался:

— А ты, Сато, хорошо говоришь по-русски. Где выучился, если не секрет?

— Не секрет, — улыбнулся он. — Я почти десять лет жил во Владивостоке. Там свой салон держал, там же и научился.

— Почти без акцента разговариваешь и фразы правильно строишь. Видимо учитель хороший был и большая практика...

— Скорее большое желание. Да и деваться мне было некуда, один в городе, где никто по-японски не говорит... Сами понимаете.

— Да, как же, прекрасно понимаю. Знаешь нашу пословицу "как в омут с головой"?

— Да, конечно знаю. Но только это не поговорка, господин, это Толстой написал, — и, заметив мое удивление, Сато пояснил. — Я многих русских писателей читал. Толстого, Чехова, Лермонтова. А "Вий" Гоголя моя любимая книга.

— На русском читал?

— На русском. Учился по ним говорить правильно. А то стыдно было с господами беседовать, я ведь, когда первые два года жил во Владивостоке, то только с портовыми грузчиками и говорил. А они сами знаете, как общаются.

— Как же, знаю. Они матом не ругаются, они на нем разговаривают... А почему из Японии уехал?

— Долгая история, — уклончиво ответил он. И было понятно, что по этой теме он распространяться не желает. Ну и ладно, мне, на самом деле, это было безразлично.

Я повернулся к окну, посмотрел на залив, в котором на якоре стояли военные суда различного водоизмещения. Почти все они были окрашены в белый цвет мирного времени, но вот два или три из них, были уже облачены в серую маскировочного цвета краску. Наши военные готовились к войне.

— Послушай, Сато, — сказал я, глядя на корабли на внутреннем рейде. — А что ты думаешь по поводу предстоящей войны? Нападут твои соотечественники на нас или нет?

Он хмыкнул. Впервые на его лице появилось что-то наподобие эмоции, какая-то тень недовольства пролетела. Но он тут же совладал с собой и как можно нейтральнее ответил:

— Я не знаю, господин. Многие говорят, что война будет, но многие им не верят. Я тоже в это не верю. Россия великая страна, большая. Куда до нее островной Японии? У нее просто ресурсов не хватит и людей. Мало в Японии людей.

— Но, тем не менее, Япония активно вооружается, — заметил я. — Суда новые покупает, оружие. Своих военных отправляет учиться за границу.

На что японец лишь развел руками:

— Россия большая страна..., а Китай и Корея маленькие.

И этой фразой он сказал мне все. Он, может на людях и говорит, что конфликта не будет, но сам в это же и не верит. Будет война, обязательно будет. И вот возникает вопрос... Если он в это верит, если знает, что японский флот атакует Порт-Артур, то зачем он выкупил салон у Дмитрича? С какой целью? Уж не затем ли, чтобы потом встретить своих соотечественников, не затем ли, чтобы наблюдать за жизнью крепости изнутри? Возможно, очень возможно. И вот на этой ноте мы расстались. Я пожал ему руку, поблагодарил за прекрасную стрижку и больше у него не появлялся. Может он и не японский шпион, но безопасность мне важнее. Я, находясь здесь, являюсь самым слабым звеном. Меня никто не защищает, за мной никто не приглядывает, за моей спиной никто не стоит. И потому, получить нож в спину в темном переулке мне было легче легкого. Но что еще хуже, так это то, что через меня шпионы могли разузнать и про минометы, о которых мы широко не распространялись, и про тротил, что наклепали уже с десятков тонн и про полевые телефоны, которые до сих пор я держу в загорелке и планирую достать только с объявлением войны. Информация — вот самое главное богатство накануне войны. И пусть, Сато Хирото прекрасно видел, что на Высокой горе ведутся строительные работы, но он до сих пор не знает, что плачу за эти работы именно я. Он может догадывается, предполагает, иногда видя меня на стройке, но вот наверняка не знает. Поэтому мне нужно беречься, со вниманием относиться к новым людям и всегда держать наготове заряженный револьвер и трость свою никогда не забывать. А архаров своих пора использовать в качестве телохранителей, ведь как

раз для этих целей я их и взял. Хватит им всякой ерундой заниматься...

— Василь Иванович, а я вот тут что подумал..., - пристал ко мне Загогуля как-то вечером, когда я собирался пойти прогуляться до ближайшей кафешки и перекусить там слегка.

— Ну? — повернул я к парню голову. Я уже почти вышел из цеха, где всю мастерила новая рама для мотодельтаплана. На плечах уже висело тяжелое пальто, на голове теплая шапка, а в руках трость, которую я перестал оставлять дома. Мои телохранители ждали уже с той стороны двери, курили.

— Вот построим мы с вами наше крыло с мотором, а как мы его назовем? Как будем говорить о нем потом людям? Мотодельтаплан — слишком длинно и язык сломаешь. Мотокрыло — лучше, но как-то все равно некрасиво.

— Ну, да, немного неудобно, — был вынужден согласиться я. Все так и есть. У меня не было удобного названия тому изделию, что мы сооружали. В моем мире его тоже не было, а здесь я не соизволил придумать. Так что прав был Женька. — Некрасивое название мотодельтаплана. Это да. Но можно как и у Лилиенталя называть — планер. А с мотором — мотопланер. Но, думаю, ты другого мнения. Да?

Он улыбнулся.

— У Лилиенталя планер очень сильно отличается от нашего. И планирует он гораздо хуже, а восходящие потоки он ловить не может. Согласитесь? А управлять им было сущее мучение, я же помню, как в газетах писали о его гибели. Погиб от порыва ветра!

— Ладно, ладно, не развози, — улыбнулся я мысли парня. — Давай короче. Как ты хочешь назвать наш дельтаплан?

— Может "Чайка"? А что? Как раз — первый полет мы провели над морем, вполне подходит. И крыло, когда оно под потоком, то изгибается точно как крыло чайки. Я думаю, что название удачное.

— "Чайка"? — произнес я, посмаковав звучание на языке. Вроде бы неплохое название, символичное. — Что ж, название хорошее, пускай будет "чайка". А то, что с мотором тогда как будет? "Моточайка"?

— А что? Плохо?

— Да нет, нормально. Мотодельтаплан звучит хуже. Что ж, пусть так и будет. Хотя, признаюсь тебе, "Чайку" я приберегал для другого проекта. Ну, да ладно...

И Женька разулыбался. Расправил довольно плечи и убежал к брату делиться новостью. Ну и хорошо, ну и ладно. А вместо "чайки" я другому проекту я дам новое имя — "Волга" и будет у нас этот проект самым дорогим и эксклюзивным. Почти как "Руслан" в мире мотоциклов, почти как "Роллс-ройс".

Парни мои строили "моточайку" со всем усердием. Пропадали ежедневно на складе и все время что-то пилили, строгали, приспособливали двигатель. С техникой они были не очень в ладах, не доводилось ранее сталкиваться и потому я им часто помогал. Крутил ключами болты, пачкал руки в смазке и бензине. Не гнушался черной работой. Но делал это не часто, скорее я им показывал что да как, да объяснял. А однажды, когда мне все вдруг надоело, и душа захотела развлечений, я, взяв моток крепкой бечевки, сказал парням:

— А ну-ка, хлопцы, тащите-ка вашу чайку на набережную. Щас полетаем, устроим населению представление.

— Это как? — удивились они. Про мой строгий запрет на полеты они помнили.

— Да вы давайте несите и там меня ожидайте. А я через часик подъеду.

И они, озадаченные, потащились на набережную, неся на спинах сложенное крыло. Ну а я, выдернув со склада не проданный мотоцикл, помчался в Пудовкину. Будет для него еще одна тема для хорошей статьи.

И вот я прибыл, как и обещал, через час на набережную. Там уже, кроме моих авиастроителей и архаров, уже находился журналист с фотоаппаратом наготове и толпа зевак, предвкушающих зрелища. Крыло уже было расправлено и подготовлено и люди, пользуясь случаем, рассматривали его со всех сторон, расспрашивали братьев о полете. О том, что же им предстояло увидеть, они не догадывались и потому строили самые фантастические предположения.

Я подкатил на рокочущем мотоцикле к самой толпе. Люди расступились, пропустили меня, а затем сомкнулись, окружив со всех сторон. Самые активные тут же попытались вызнать у меня причину сборов.

— Подождите немного и все увидите. Сейчас все будет, — пообещал я людям.

Подошел Пудовкин. Довольно протянул ладонь:

— Здравствуй, Василий Иванович. Не забыл про меня на этот раз, да? Что ж, спасибо тебе большое.

— И тебе наш пламенный привет, Алексей Захарыч. И как можно про тебя забыть?

— Ну что, будет сегодня что-то интересное?

— Конечно, заостряй свой карандаш и пиши, что увидишь.

Он кивнул и последовал моему совету. Но прежде попросил людей чуть расступиться и дать сделать пару фотографий.

В общем-то, сделать я решил простое — привязать нашу чайку к мотоциклу и протащить ее вдоль набережной. Действие несложное, нехитрое и довольно безопасное. Для людей развлечение, для Женьки опыт, для Пудовкина репортаж, а для морских офицеров пища для ума. Ведь подобным образом чайку можно будет привязать к скоростному катеру и таскать по морю, в качестве разведчика. Мысль эта мне пришла буквально вчера вечером, когда рассматривал в лавке китайца воздушного змея.

Я осмотрел набережную. То место, где мы сейчас находились, не очень подходило для моей задумки. Рядом дома, на мотоцикле особо не разгонишься. Поэтому я сместил людей чуть дальше, почти на самое начало набережной и ближе к воде. Сказал Женьке, чтобы впрягался, а сам, достав бечевку, привязал один конец к своей технике, а другой затянул на планере, прямо за подвес мягкой гондолы. И грамотные люди сразу поняли, что я хочу сделать и самые бойкие из них включились в процесс, стали отгонять людей с дороги, расчищая мне место.

— В общем так, Жень, — сказал я своему пилоту после всей подготовки. — Сейчас с разгону ты взлетаешь в небо и летишь не высоко. Курс держи прямо над водой. А я тебя на мотоцикле буду тянуть. Отсюда и до моста мы с тобой проедем. Перед мостом остановлюсь, а ты потом аккуратно сядешь. Сможешь?

— Здорово, Василь Иванович, — в предвкушении полета, потер руки парень, — конечно смогу.

— Ну и прекрасно. Значит, делаем так. Ты с разбега, а я с мотоцикла. Как только почувствуешь, что крыло встало, отрывайся и потихоньку набирай высоту. Но не сильно. Если что пойдет не так — падай в воду. Там глубина небольшая, мы тебя вытащим.

Женьки кивнул и приготовился. Я ударил по кикстартеру и мотор взревел, выплюнув

густой, белый дым. Обернулся на парня, тот кивнул, что готов и я, дав небольшого газа, тронулся с места. Одновременно и Женька взял небольшой разбег, позволяя мне убрать слабинку бечевки. И когда она натянулась, когда он почувствовал, что его потянули, он, побежал уже вровень со мной, с одной скоростью. И дал слегка крылу приподняться. И вот тогда я уже выкрутил ручку газа до упора. И Женька оторвался от земли и на глазах восхищенной публики воспарил над землей.

Как мы и договорились, он поднялся над землей совсем невысоко и сразу же сместился в сторону, на воду. Я газовал, рвал мотоцикл вперед, но, вопреки моим ожиданиям, скорости я дать не мог. Крыло за спиной давало сильное сопротивление и к тому же отрывало заднее колесо мотоцикла от брусчатки, что еще больше ухудшало положение. Женька пролетел несколько метров по инерции прямо, а потом начал спускаться вниз. Попытка выровнять крыло к результату не привело, я не мог его за собой утащить с нужной скоростью. И парень догадался, что полета не получится, начал готовиться к приземлению. В воду садиться он не захотел, сместился к набережной и аккуратно приземлился. А я, увидав его маневр, сбросил газ и остановился. По толпе пробежал разочарованный выдох.

Это можно было назвать провалом. Буксир из моего мотоцикла получался никакой, ему не хватало мощности. А это значит, что и ставить на моточайку этот двигатель уже не имела смысла. Все равно он не сможет его вытянуть, хоть какой поставь на него пропеллер.

Но выручили вдруг Данил с Петром, мои архары. Они убежали куда-то, а через пару минут привели с собой смущенного молодого человека. Представили его пред моими очами и сказали:

— Вот, Василь Иваныч, у него есть мотоцикл. Он тоже на нем умеет.

Я встрепенулся:

— Правда?

— Правда. Я купил ваш "Урал" пару месяцев назад.

— Уже научился на нем?

— Да может он, Василь Иваныч, мы сами видели как он катался, — встрял Петро.

Парень кивнул, подтверждая сказанное.

— Сможешь помочь нам? — спросил я.

— Да, а что надо делать?

— Беги за своей техникой. Сейчас ее привяжем, как и мой мотоцикл и мы вместе с тобой протащим по небу наше крыло.

И парень радостно закивал. Он убежал и вернулся на своем мотоцикле минут через двадцать. Мы к тому времени вернулись на исходную позицию и в ожидании охотно беседовали с людьми, отвечали на их вопросы. Когда парень встал рядом с моим "Уралом" я перевязал бечевку, благо длины хватало, и мы предприняли попытку номер два. Синхронно медленно стартовали, убрали слабинку бечевки и потянули за собой крыло. На этот раз дело пошло веселей и Женька после короткого разбега взмыл в небо и уверенно ушел на пятиметровую высоту. Наши мотоциклы тянули его за собой, тяжело, натужно, на пределе своих мощностей, но тянули! И это была еще одна наша маленькая победа.

Так мы проехали всю набережную. "Чайка" прошла вдоль берега, пролетела над несколькими приставшими лодками и возле самого моста, когда мы притормозили, пошла на уверенное снижение. И снова Женька не захотел мочить ноги в холодной воде — он уверенно спланировал на брусчатку и приземлился, мягко ступив ногами.

И все опять повторилось как в прошлый раз. Толпа взяла героя на руки и принялась

подбрасывать вверх-вниз, вверх-вниз. Но на этот раз люди радовались не тому, что Женька пролетел по воздуху, а тому, что не убили, что остался жив.

В этой суматохе подсутился журналист. Подошел ко мне и вкрадчиво так спросил:

— Слушай, Василь Иванович, а что если я твоего хлопца поработать заставлю?

— Каким образом?

— Ну, буду его фотографировать со всеми желающими, а они за это деньги платят.

Прибыль пополам.

— Обезьянкой что ли? — улыбнулся я сравнению. — Да, пожалуйста, фоткай. Кстати, и я могу, если что, постоять рядом. Мне не трудно.

— Это было бы просто здорово, — растянулся в довольной улыбке Пудовкин и споро организовал конвейер.

С правой стороны от дельтаплана он поставил Женьку, с левой, восседая на мотоцикле, встал я, ну а все, кто желал запечатлеть на память свою физию, вставали по центру и гордо вздевали подбородок под щелчки затвора камеры.

На следующий день Пудовкин принес мне домой мою половину — двадцать шесть рублей. Небольшие для меня деньги, но все же деньги. На них много чего можно будет купить, на многое пустить. А потом журналист попросил меня продлить подобное сотрудничество. То есть, раз в неделю или чаще он будет организовывать подобные съемки. Что ж, и на этот раз я пошел ему на встречу, хоть и не особо верил, что подобная деятельность будет долго приносить прибыль. Через месяц, когда все желающие получат заветную фотокарточку, загнется. Но хитрый Пудовкин на этот случай предусмотрел запасной вариант — он пожелал выпускать открытки. Благо типография под боком, печатай — не хочу, а распространять их можно будет через почту, которая тоже находится в двух шагах, и договориться с ней не составит никакой сложности. Опять же, прибылью он обещал делиться. И я пошел ему на встречу, предоставил своего парня в его полное распоряжение. Ну а чтобы у него вдруг не случилась забывчивость, мы составили официальный договор, в котором я поставил ему ограничение — открытки он может печатать только в течение полугода, не более. Все равно скоро война, неразбериха и хаос и получить какую-либо выгоду будет проблематично. И подробно ему за чашкой крепкого чая рассказал о нашей конторе в Питере по выбиванию долгов. И показал на моих архаров, по виду настоящих головорезов, добавив, что подобные личности без моральных и религиозных устоев ходят по домам должников и заставляют поделиться честно заработанным. Но журналист на мои слова посмеялся, приняв за шутку, на что я, достав из чемодана специально припасенные газетные вырезки, дал ему почитать. И по мере прочтения Пудовкин менялся в лице и становился серьезным. И было от чего. В вырезках описывалось несколько случаев, когда наши хлопцы, находя должника, выбивали из него все до копейки, да с процентами. Жестко, беспощадно, иногда с членовредительством. Конечно, как я с Мишкой не объясняли им, что действовать надо легче, но своя натура у коллекторов, бывших солдат, брала свое и они иногда срывались. И вот этих заметок Пудовкину оказалось достаточно и он, покосившись на двух широких головорезов с ломаными носами, заверил, что будет в расчетах со мною будет откровенен как на исповеди и честен как перед прокурором. На том мы и ударили по рукам и разошлись. Уж я не стал говорить ему, что после каждых таких газетных заметок мы со всей тщательностью наводили разборки с распутившим руки и принимали соответствующие меры. Но если честно признаться, то факты насилия, просачивающиеся в прессу, добавляли нам имиджа и заставляли должников относиться к

выплатам со всей серьезностью.

Однажды глубокой ночью, когда небо было затянуто черными, низкими тучами, а город накрыла звенящая тишина, предвещающая надвигающееся ненастье, где-то в глубине китайских фанз, прозвучал дуплетом выстрел, прокатившийся по крышам построек, по пустым улочкам. Выстрел разбудил собак, поднявших истошный лай, за собаками проснулись люди. Высунувшиеся в окно головы пытались определить откуда пришел тревожный звук, но не могли — лабиринты построек скрадывали направление. Вот и я проснулся от несвойственного в это время суток двойного хлопка и лежа, еще не открывая глаз, пытался понять, что же это было. За забором забрежали собаки, поднимая соседей — генералов, адмиралов, да полковников. Лиза, запалив керосинку, заглянула в комнату, где дрыхли мои архары. Те так и не проснулись, спали богатырским сном.

— Василий Иванович, — позвала она шепотом через занавеску.

— Что, Лиза, — так же тихо ответил я, открывая глаза и пялясь на отблески света на шпоре.

— Кажется, стреляли.

— Не может быть, Лиза, кому здесь надо стрелять? Ночь на дворе.

— Нет, точно стреляли, я слышала. Я не могла перепутать.

— Даже если и так..., - вяло сказал я. Встать из теплой кровати не хотелось, в комнатах холодно, печь, натопленная с вечера к этому моменту, уже подстыла. — Лиз, иди спать. Это нас не касается. Стреляли где-то далеко, не у нас.

— Точно?

— Точно не у нас. Здесь стрелять дурных нету.

И вправду, кто станет шмалять ночью в дачном поселке, где проживают сплошь золотопогонники?

— Я, наверное, все-таки выйду, послушаю, — с сомнением ответила она через секунду и тихо вышла. Я услышал, как она накинула на себя теплые вещи и, скрипнув дверью, ступила на веранду и там, открыв окошко, замерла. А через минуту зашла и возбужденно зашептала:

— Василий Иванович, там горит что-то.

— Где? — я понял, что доспать уже не удастся. И встал, набрасывая на плечи халат.

— В Старом городе. Там зарево красное. Надо бежать тушить!

У Лизы теперь фобия на огонь. Пройдя через такие испытания, она с особой осторожностью обращалась с тем, что могло воспламениться. Даже спички она зажигала, максимально отстраня от себя коробок. Ну а про то, что где-то что-то может гореть, можно было вообще не говорить. Открытое, неконтролируемое пламя на нее наводило ужас.

Я вышел на веранду. И вправду, там, в Старом городе, где были сплошь китайские фанзы, что-то полыхало. Занималось алым пламенем, освещая округу.

— Как бы не ваши склады горели..., - подала голос Лиза.

— Типун тебе на язык..., - буркнул я, заходя обратно в дом. Спать уже было нельзя, надо бежать тушить пожар. И потому зайдя в комнату, я растолкал своих архаров:

— Подъем, живо. В городе пожар.

— А, что? — не сразу дошло до Данила. Он лупил глаза, крутил головой, еще не до конца проснувшись. А вот Петро, как настоящий солдат, вскочил в мгновение ока и стал натягивать штаны.

— Вы, оба, берете ведра, лопаты и бегом до пожара. А ты, Лиза, на коммутатор звони,

пусть пожарных вызывают.

Она убежала выполнять приказание. Я же, как и мои солдаты стал быстро одеваться. Сейчас осень, на улице первые заморозки, но возбуждение уже гуляло по крови, и я не чувствовал холода. Солдаты мои уже убежали, громяхая ведрами, а следом и я за ними, схватив в руки топор, то единственное, что мне попало на глаза.

Из коморки выползла заспанная и ничего не понимающая Юн. Совсем по-детски протерла глаза кулачком и тихо спросила у Лизы о причинах переполоха. А получив ответ, меланхолично вздохнула, сочтя, что это проблема принадлежит не ей и, поежившись, принялась за растопку печи. Часа через два-три наступит рассвет и мужиков, вернувшихся с пожара, ей предстояло кормить. Бытовуха...

Как Лиза и предположила, горели не китайские фанзы — огонь шел со стороны, где находились наши помещения. Еще на бегу я это понял и внутренне застонал. Неужели и тут мне предстояло гореть? Прямо рок какой-то.

Но, приблизившись к складу, увидел, что все не так страшно. Огонь, лизавший деревянные стены, уже был сбит и лишь закопченные и подпорченные доски рассказывали об инциденте. Толпа спасателей из всех окрестных домов возбужденно тусила возле склада и почти все из них были с ведрами, вилами и топорами. И подавляющее большинство из присутствующих являлись китайцами.

Заметив меня, подошел сторож, старик в неприметном тулупчике и с двустволкой на узком плече.

— Здравствуй, Моисей Давидыч, — уважительно поприветствовал я его. — Это ты стрелял?

— Я, Василий Иванович, — сознался старик.

— И куда же?

— Дак в поджигателей, — простодушно ответил он. — Заметил возню возле стены, окрикнул их, да и стрельнул когда побежали.

— Ну и как, попал?

— А тож! — в его голосе послышалась гордость. — Одного точно подстрелил, а другой утек, подлец.

— Правда?! — радостно воскликнул я. — И где же эта раненая сволочь?

— Дак вон же валяется, — он кивнул куда-то в сторону, в темноту. — Поди не подох еще.

А под забором действительно валялся налетчик. Почти не шевелился, прикидывался мертвым, но ничего, едва мы начали к нему подходить, он ожил и быстро-быстро что-то зататорил по-китайски, замахал руками.

— А ну-ка, хлопцы, — обратился я к Петру и Данилу, — под белы ручки этого товарища и на склады его. Моисей Давидыч, у вас же ключи есть?

— Есть, как же не быть. Я же охраняю! — с гордостью в голосе ответил старик и споро ушел в свою коморку.

И когда мы затащили брыкающееся и рыдающее тело, укрыли его от лишних глаз и зажгли яркий свет, я ахнул:

— Так я же тебя знаю! Ты же этот..., ну как там тебя..., а, вспомнил — цыган! Чжиган Лай! Это ты же у меня на стройке, падла, работал. Все добавки просил и про детей своих рассказывал.

— Разве, Василь Иванович? — прищурились хлопцы. — Вроде не он.

— Да он, он это. Грязный только как будто из выгребной ямы выполз и оброс сильно. Ну что, — обратился я уже к китайцу, — как твои шестеро деток? Не голодают?

Конечно, он меня не понимал, лишь смотрел на меня затравлено и незаметно пятился, зажимая окровавленную ляжку. А та, продырявленная над самой коленкой, выгибалась неестественно. Моисей Давидыч, видимо, засадил ему свинца в самую косточку, раздробив ее. И судя по всему, китаец теперь остался без ноги, такие раны в эту эпоху лечились очень плохо. И то, это если повезет. Сейчас, без антибиотиков, люди зачастую умирают не от потери крови и не от сложных ранений, а от занесенной инфекции, с которой бороться не было никакой возможности. Китаец пока держался, постанывал немного, слезу пускал, но особой боли не чувствовал — шок смазывал все ощущения. Но долго это продолжаться не будет и совсем скоро он прочувствует все сполна, все до последнего обнаженного нерва.

— Вот что, Петро, вот этому надо ногу пережать, чтобы он от потери крови не сдох. А ты, Данил, не знаю где и как, но достань мне опиум или героин. Любой наркотик. Понял? Без него этот подойдет, а нам его еще допросить надо.

— Сделаю, — деловито ответил Данил и умчался в темноту ночи. А я, найдя глазами нашего славного героя, попросил его. — Моисей Давидыч, вы же знаете где я живу?

— Конечно, знаю, как же не знать.

— Пожалуйста, тогда сбегайте ко мне и приведите сюда мою служанку Юн. Она будет за переводчика. И побыстрее, прошу вас.

Старик убежал, и я остался с Петром и китайцем. Он споро затягивал ремень на разбитой ляжке и аккуратно рвал штанину, обнажая рану. Как я и предполагал, кость у китайца разлетелась на осколки и собрать ее не представлялось никакой возможности. И скорее всего он подойдет от заражения крови в течение недели. Если только не отрезать эту ненужную уже ногу к чертям собачьим. Что ж значит китаец, когда поймет весь расклад, запоет соловьем и сдаст всех и вся, лишь бы выжить. Ведь только я способен оплатить ему операцию и только от моей воли сейчас зависит его жизнь. И с этой мыслью я присел на жесткий табурет и принялся ждать мою драгоценную Юн.

Встревоженная служанка прибежала минут через двадцать. С большими от испуга глазами, с белым лицом, она, едва зашла и заметила лужи крови, чуть не упала в обморок. Охнула, чирикнула что-то на своем и стала заваливать в руки Давидыча. А старик и рад поддержать в руках молодую девчушку. Приобнял ее за плечи, отвел к табуретке и аккуратно усадил. Потом похлопал по бледным щекам:

— Ну же, девонька, не время сейчас в обмороки падать.

И та вскоре совладала с чувствами, пришла в себя. Выпрямилась на табуретке, вздохнула и, косясь на кривляющегося на полу китайца, сказала:

— Что, господин, звал?

— Щас, Юн, подожди. Данил прибежит, принесет обезболивающее и мы начнем. Будешь переводить, что вот этот идиот нам скажет. Поняла?

Может она и не все мои слова уловила, но общий смысл до нее дошел и она утвердительно кивнула. А вскоре и мой солдат примчался, принес флакон с героиновым порошком, говорил, что по соседям пришлось побираться.

Я не знаю, какова должна быть дозировка, чтобы не отправить китайца на тот свет раньше времени, поэтому..., поэтому пришлось дать ему наугад. Насильно раскрыв ему рот, всыпал в рот четверть чайной ложки и отошел. Китаец подавился, закашлялся, но наркотик

проглотил. Сейчас надо подождать. А пока мы ждали обезболивающего эффекта, я снова обратился к сторожу:

— Моисей Давидыч, еще одна просьба. Пожалуйста, приведите сюда доктора, лучше хирурга. Скажите ему, что предстоит отнимать ногу.

Он пожал плечами но, тем не менее, ушел. Ну а мы, выждав несколько минут и заметив, как китаец стал чуть-чуть успокаиваться, начали:

— Юн, переводи.

Она со страхом и брезгливостью приготовилась:

— Скажи этому, что я послал за доктором, чтобы спасти его никчемную жизнь.

Она перевела и китаец закивал головой, затараторил. Юн внимательно выслушала и кратко доложила:

— Ему жаль. Ему больно и еще он плосит.

Я мотнул головой и Петро всыпал еще чуть-чуть порошка в уже подставленную пасть с гнилыми зубами.

— Кто тебя послал? Кто платил деньги?

— Он говолит — японец.

— Кто?

— Говолит — не знает. Не видель ланьще.

— Опиши, — потребовал я, суровея.

Первый японец, о котором я подумал, был Сато Хирото. И я ожидал услышать описание его внешности, но к своему удивлению ошибся. Китаец описывал мне совсем другого человека:

— Високий, в дологой евлпейски костюмь, очки. Говолит по-китаски.

— Как познакомились?

— На голе подосел, хотел сто лублей дать.

— Где подошел? — не понял я.

— На голе, где стлоите.

— На Высокой?

Юн переспросила раненого, тот закивал. Понятно, значит, и на Высокой горе он у меня поработал, да только я его там не помню. Там народу было столько, что всех и не увидишь. И кстати, раз японец выщепил этого гада после этих работ, то выходит, что для них не является секретом, из чьего кармана идет оплата. А это значило, что после неудавшегося поджога мне нужно с еще большей тщательностью следить за своей спиной.

— Второй кто с тобой был?

— Он его не знает, ланьще не видеть. Японец его поснакомить.

— Как зовут?

— Не знает. Плосто звал- блат Ли. Он был сталсий.

Юн очень старалась, переводила, подбирала слова и тщательно их проговаривала. И все же, акцент был слишком сильный и порою трудно было догадаться, о чем она говорит. Вот и сейчас я не очень понял ее последние слова:

— Что это значит, Юн? Я не понял.

— Он говолит, — еще как можно более отчетливее стала произносить девушка, — сто блат Ли сто надо делать говолить.

— Командовал?

— Да, — утвердительно кивнула Юн.

— А он точно китайцем был? Не японцем?

И тут у них завязался короткий диалог. Юн переспрашивала, "цыган" заторможено отвечал. Потом она сообщила:

— Китаец бил. Хань.

— Ладно. Где его можно найти?

— Он не знает. Говолит, сто в фанза лядом жить.

— Ладно, — я понял, что этого второго уже бессмысленно искать. Наверняка уже утек с авансом и перебирается сейчас куда-то вглубь своей страны. Если, конечно, он не является настоящим японским шпионом. Но и в этом случае, по месту его проживания мы уже никого не найдем.

— Зачем жгли мои склады?

— Не знает. Японец пликазать.

Я замолчал. Китаец, глядя на мою задумчивость, притих, видимо думая, что я решаю его судьбу. Но мне на него было плевать. Я вдруг понял, что эти диверсанты пытались вскрыть дощатую стену как раз напротив места, где мои химики-лаборанты производили тротил. Я уже видел и топор, валяющийся под стенами, и едва отогнутую доску. Повезло, что Моисей Давидыч их спугнул, иначе сейчас был бы вместо моего склада факел до небес. И забор с колючкой их не остановил, проволока была осторожно перекушена и разведена.

— Он сможет узнать японца, что обещал заплатить?

— Да говолит.

— Что-нибудь еще он не хочет сказать?

Юн ему перевела. Тот закрыл глаза, задумался. Потом сказал, а Юн перевела:

— Японец в Дальнем зивет.

— Где, знает?

— Нет.

— Как его зовут?

— Он не знать.

— Гм, а как же они тогда общались? — недоуменно спросил я, а Юн, пояснила:

— Господин его называть.

Ладно, все, что на данный момент нам надо, мы выяснили. Теперь дело за доктором. Он, кстати, уже пришел и ожидал за дверью. И едва я закончил, как его запустили. Он первым делом попросил больше света, а затем, когда его получил, и он смог как следует рассмотреть рану, сообщил:

— Ногу спасти не удастся. Нужна ампутация. Как бы гангрена не началась.

— Действуйте, доктор, — разрешил я.

— Тогда, прошу вас доставить больного в больницу Красного Креста. И как можно скорее.

Я мотнул головой и мои архары споро организовали доставку китайца в больницу. Там его и прооперировали, отняв ногу. За работу, конечно же, заплатил я. Хотя, наверное, не следовало.

Ну а пока Петро с Данилом катались в Красный Крест, я, наплевав на еще не прошедшую ночь, поперся в полицейский участок. Там, конечно же, из-за раннего времени никого не было. Лишь дежурный на экстренные случаи. Поэтому пришлось мне ждать Зверева в участке, где дежурный меня выслушал, посочувствовал и заполнил какие-то

бумаги. Потом напоил меня чаем и вот за этим успокаивающим делом медленно наступил рассвет. А за рассветом пришел и Зверев.

— Василий Иванович? — удивленно спросил он, едва меня увидел. — Какие обстоятельства привели вас к нам? Что случилось?

— Утра доброго, Роман Григорьевич. Я рад вас видеть, но признаюсь, не рад обстоятельству, что меня сюда привело. И мне бы сейчас помог сам господин полицмейстер. Я знаю, он меня недолюбливает, но дело тут чрезвычайной важности.

— Господина полицмейстера нынче нет в Артуре. Я исполняю его обязанности. Так что у вас случилось?

— Что ж, значит, видимо только вы меня и можете выслушать. Ночью выстрелы слышали?

— Нет, не слышал. А что, стреляли? Кто?

— Сторож мой стрелял, Моисеич. Двух негодяев спугнул, что хотели поджечь мои склады. Одного из них удачно подстрелил.

— Ого! И кто же надумал пустить вам петуха? Конкуренты?

— Нет, не они. Японские шпионы.

Зверев крикнул от неожиданного предположения. Покосился на дежурного, наострившего уши.

— А ну-ка, Василий Иванович, давайте-ка мы с вами пройдем ко мне в кабинет. Побеседуем более предметно.

Он отомкнул громоздкую дверь, и предложил мне пройти. Там, удобно устроившись на мягком стуле, я ему все подробно и изложил. Особенно красочно расписал ему допрос китайца.

— Гм, дело и вправду необычное. Я понимаю — конкуренты, в купеческой среде поджоги дело обычное, но тут... Это же не полицейское дело, не наше. Тут вам бы надо обратиться в охранку, а ее у нас, сами знаете, нету. Есть только жандармский корпус, да он тот только тем и занимается, что охраняет железную дорогу. Шпионов ловить им не с руки, — он вздохнул. — Эх, Василий Иванович, видимо и вправду не удастся нам избежать войны. Все к этому идет. Вот и японец ваш, беспокоится, значит, не нравится ему, что вы тут возитесь. Наверное, они про тротил ваш уже знают, как вы думаете?

— Наверняка, — согласно кивнул я. — Поджигали как раз там, где лежали наши химикаты. Там у нас небольшое количество тротила хранится, и если бы он загорелся, то...

— Да-да, взорвалось бы все к чертовой матери.

— Нет, не взорвалось бы, но горело бы знатно. Никто бы потушить не смог.

— Постойте, а разве вы не должны сдавать всю вашу взрывчатку? Почему вы ее у себя там храните?

— Это, если можно так сказать, производственные излишки. Неучтенка, ну или как-нибудь еще можно их назвать. В-общем то, что еще не отошло в арсенал. Но не в этом дело, Роман Григорьевич, дело в японце. Как бы мне его найти?

— А зачем, спрашивается, он вам? Допросить хотите?

— Ну, допустим...

— Ну, допустим, — повторив мои слова, прищурился Зверев, — найдете вы его, а дальше что? Допросите, узнаете правду? Ну, подтвердится, что он и вправду японский шпион. И что вам это даст? Что вы с этим дальше будете делать? Выявлять агентурную сеть? Подкидывать им лживую информацию? Что? — он усмехнулся. — Василий Иванович, вам

нет смысла его искать. То, что вас поджигал японец вы и сами под сомнение не ставите. Значит и так уже понимаете, что стали для них мишенью. Сегодня вас пытались спалить, завтра, не дай бог, вас попытаются пристрелить. Если это настоящий шпион, то вы, Василий Иванович, со своим дилетантскими подходами не сможете ему ничего противопоставить. Он поди уже затих в городе или скорее всего на время уехал. Залег на дно и сейчас выжидает, а когда страсти чуть-чуть поутихнут, то снова начнет свою деятельность. И даже если вы его поймаете и случайно убьете, то ничего вам это ровным счетом не даст. Поймите меня правильно, вы один против японской разведки не стоите ни ломаного гроша. Если они вами заинтересовались, то они с вас не слезут, а будут и дальше вам строить пакости. И если бы только пакости. И даже если вы найдете этого японца, то на его место быстро встанет другой. Вы ведь не думаете что он здесь один?

— Я все понимаю, — ответил я, — я один против целой страны не вытяну. Но и ни делать ничего я не могу. Как вы себе это представляете? Я, зная, что в любой момент могу получить диверсию или пулю, буду спокойно сидеть и ждать своей участи? Сегодня поджог, а завтра что? И пусть я не решу ровным счетом ничего, если найду этого японца, но, по крайней мере, сорву им на некоторое время планы. Хоть на неделю или две — не много, но и то хлеб.

Он мотнул головой. Со мной он был принципиально не согласен.

— Мой вам совет, не ищите его, не ворошите этот улей. Так будет лучше.

— Боже мой, да какое там лучше? Вы может сразу предложите сдать? Может и не кряхтеть нам и не тянуть все свои проекты, а просто поднять лапки и лечь, ожидая своей участи? Да как мы с вами воевать-то будем?

— Но-но, вы, Василий Иванович, не обобщайте, — предостерег он. — И вы меня наверное, не правильно поняли. Я вам советую не искать этого шпиона, не пытаться разворошить этот улей. Вы кто — купец? Вот и купечествуйте себе на новые капиталы, а в дела охранного отделения вам лучше не лезть. Конечно, охранки здесь нет, но мы-то здесь! И мы займемся этим делом, но без вас, без вашего участия.

— То есть вы ими займетесь?

— Ну, конечно же! Но только без вас. Настоятельно вам рекомендую не лезть в это дело, а лучше всего уехать из Артура. Вам, кстати, никуда не надо съездить? В САСШ, например? Я вот знаю, что вы там на Высокой строите укрепления и от вас самого слышал, что вы хотели купить пулеметы? Так почему бы вам не сплавить туда на месяц-другой? И из города вы исчезните, чем себя обезопасите и дела свои сделаете. Ну а мы уж за вашими складами приглядим, чтобы более подобного не происходило.

И я задумался. А ведь, в общем-то, идея о том чтобы скататься в штаты была не такой уж плохой. Прикупить с десятков пулеметов мне, действительно, хотелось, но что-то возникают у меня сомнения по поводу того, что мне удастся сделать это в именно в Америке. Какие там пулеметы? Я помню только Гатлинга — многоствольную бандуру, которая уже свое изжила. Пулеметы системы Хайрема Максими? Ну, так я уже узнавал — он хоть и американец, но живет сейчас в Британии и оружие свое клепают там же. Пулеметы Гочкиса тоже в Европе. Какие есть еще? Льюс вроде бы еще свою систему не изобрел, Шоша тоже, про Мадсен я ничего не знаю. Так что если и случится в Штатах прикупить пулеметы, то только через посредников и по завышенной цене. Но! В Штаты я могу сплавить не только за ними. Я, когда впервые задумался о воздушной разведке на Ляодунском полуострове и еще не пришел к мысли о строительстве дельтаплана, очень сильно склонялся к мысли о закупке

нескольких воздушных шаров, что очень сильно бы пригодились при обороне крепости. И вот как раз для их приобретения мне и был резон скататься в Америку.

— Чего затихли, Василий Иванович? — вырвал меня из размышлений Зверев.

— Да так, подумалось, что вы правы, — ответил я. — Может мне и вправду пропасть на пару месяцев?

— А пропадайте! — горячо поддержал он. — За дело ваше не беспокойтесь, у вас помощник толковый. Он все вам сделает. Я же позабочусь об охране вашего склада. Езжайте, Василий Иванович, и даже не думайте. А с японцами вашими мы сами разберемся. Вот этот подстеленный китаец, он сейчас где?

— В Красном Кресте. Думаю уже ногу режут.

— Вот, а когда отрежут я с ним обстоятельно побеседую. И уверяю вас, он мне расскажет много чего интересного. Куда как более чем он рассказал вам. Ну а после, — Зверев хищно улыбнулся и потер в предвкушении ладони, — ну а после мы займемся вашим япончиком.

— Это хорошо, — удовлетворенно ответил я и добавил. — А может вы тогда еще одним японцем займетесь? Сато Хирото его зовут, а работает он цирюльником. А?

Он меня убедил. Хотя "убедил" было не то слово. Ведь я и сам осознавал, что мне придется ненадолго сбежать из Артура и прокатиться за пределы страны. Еще три вещи у меня не сделаны. Это пулеметы, воздушные шары и... продовольствие. Длительная осада крепостей всегда сопровождается нехваткой еды и, подозреваю, что с Порт-Артуром случится тоже самое. Надо бы закупить круп, муки, мясных консервов и от цинги что-нибудь. Слышал, что от нее спасают лимоны с апельсинами, да еще такое "народное средство" как "сосновый отвар". Вот мне и надо будет до конца года договориться о поставке. Главное — грамотно распределить оставшиеся финансы.

Итак, приехав домой, я засел за финансовые бумаги. Но прежде, чем подбить бабки и распределить куда и на какие нужды их пустить, я спросил у своих архаров:

— Что с китайцем?

На что они, неопределенно пожав плечами, ответили:

— Сдали в больничку, денег заплатили. Сказали, что вы просили сохранить ему жизнь и лечить на совесть. Доктор сказал, что надо отрезать. Но предупредил, что высока вероятность что подохнет. Успел крови много потерять. Как-то так.

— Понятно, им теперь полиция займется, да я еще сегодня с военными поговорю. У них тоже должны быть свои интересы в этом деле. Может и они возьмутся его раскручивать.

— Да что говорить, Василь Иваныч, я б на их месте с этим китайцем не разговаривал бы, а по морде ему хорошенько бы съездил. Чего с ним церемониться? Мы вообще думаем, что зря вы его в такую хорошую больницу отправили — много чести. Любой коновал бы в две секунды отпилил его копыто. И порошок этот вы ему зря давали.

— Я смотрю у тебя, Петро, есть свое мнение, как нужно добывать информацию? Да? — с иронией спросил я.

— Ну а что? — в ответ усмехнулся он. — Китаец нехристь, чего с ним церемониться? Вот я когда служил, был у нас один офицерик говнистый, сопля зеленая, а все туда же... Так вот, тот не то, что с китайцами, со своими единоверцами не церемонился. Сразу в морду кулак совал, да наказания все изощренные придумывал. Так его не то, что простые солдаты, его свои же офицеры недолгоблывали. Презирали. А вы говорите — китаец.

Что-то Петра на разговоры потянуло. Видимо прошедшая беспокойная ночь на него так подействовала. Обычно он, выполняя поручения, никогда не ворчал, никогда не высказывал свою точку зрения. Работал четко, деловито, без вольностей. Он и сейчас исполнил все, что от него требовалось, да только вот спустя время вдруг позволил себе высказаться, так сказать, донести до меня свое личное мнение.

— Что-то ты слишком уже жесток на меры...

— Да ну, Василь Иваныч, что вы такое говорите. Это не я жесток, это люди такие. А китаец — тьфу на него и размазать. Нечего было с ним церемониться. Знал куда лез, — слишком уж эмоционально высказался Петро и отвернулся. Ситуация, видимо, задела его за живое. И мне были непонятны причины. Он сидел на стуле, за столом, демонстративно смотрел в залитое солнцем окно и нервно жевал ус. Казалось, еще чуть-чуть и он взорвется, вспыхнет как спичка. Сдерживался из последних сил.

Ситуацию разрядила Юн. Зайдя в дом с тяжелым ведром угля, она громко поставила его на пол, так, словно силы ее покинули и жалобно, как котенок, посмотрев на злящегося на не пойми что Петра, попросила:

— Петя, помоги.

Он обернулся и с некоторой неохотой встал. Подхватил ведро словно пушинку и с размаху ухнул уголь в короб, подняв черное облако пыли. Юн охнула:

— Петя, ну глянзю! Буду много мыть.

И Петр наш сконфузился, растерялся. Буркнул едва слышное "извини" и вышел с пустым ведром из дома. Ну вот, а еще говорил, что китайцы — нехристи и нечего с ними церемониться. А сам вон как на девчонку запал. Нравится она ему, хотя и сам себе в этом еще не признается. Да и Юн, похоже, парень наш симпатичен. Все время старается попросить его о помощи, да пытается с ним поговорить просто так. Видел я как они, сидя на лавочке за домом, увлеченно болтали о чем-то и через слово заразительно хохотали.

Данил, что был тут же в комнате, хмыкнул, прочитав всю ситуацию от и до.

— В Америку со мной поедешь? — спросил я его вдруг.

— Поеду, — ответил он с готовностью. — А зачем?

— Не все ли равно зачем? Меня охранять.

— Поеду, конечно, поеду. А Петро?

— А Петро здесь останется, дом сторожить, да женщин беречь. Ну и за Мурзиным присматривать.

— А сам щеголь?

— А сам Мурзин будет здесь за место меня. За строительством следить, да производством. В общем, делать то, что требуется от управляющего. Он мужик хоть и странный и ушлый, но в деловой хватке ему не откажешь.

— Ага, — кивнул Данил и добавил, — а еще трепаться нежно любит с мужиками красивыми. Тьфу, педераст!

Все-таки наш Мурзин оказался из противоположного лагеря. Как он это не скрывал, как не шифровался, но тем не менее, вылезло наружу его естество. Как-то по лету мои хлопцы заметили, как он пустил переночевать к себе какого-то мужика. Вроде бы ничего такого, но учитывая, что он снимал всего одну-единственную комнату в которой стояла одна-единственная кровать, а до этого они в ресторане поддавали в одиночестве и, глядя друг другу в глаза, чуть ли не ворковали, то и выходило, что управляющий мой — гей. Скрытный, но гей. Мои солдаты, когда описывали его гостя, разве что не плевались — высокий,

надушенный, волосы прилизаны и красиво уложены, усы нафабрены и выведены аккуратно, а рожа вся холеная, ухоженная. И сам он был одет с иголочки — ни единой пылинки на отглаженном костюмчике, ни одного пыльного пятнышка на зеркальных штиблетах. И описали, что вел он себя как женщина — манерно. И общались они на виду у всех подчеркнуто вежливо и выдерживали дистанция, но едва оказывались без посторонних глаз, как вся их напускная вежливость пропадала, а в голосах прорезались нежные, двусмысленные нотки. Да и сам Мурзин всегда любил одеваться как на свидание. Надевал дорогие, всегда выглаженные и вычищенные костюмы, обувь тоже саму что ни на есть дорогую. И усы свои гитлеровские, которые я до сих пор ненавижу, начесывал регулярно, укладывая волос к волоску. И в зеркало после этого смотрел с явным удовольствием, надувая губы уточкой, отчего усы становились торчком. В общем — тьфу, я в эти моменты тоже хотел плюнуть... Но если я, глядя на это, как-то более или менее гасил в себе неприязнь и внешне оставался спокойным, то вот моих солдатиков после такого открытия стало потряхивать. А как-то вечером, подвыпив, захотели ему набить морду, да только на его счастье, не смогли найти. Пришлось на следующий день провести парням внушение о том, что Мурзин — наш человек и бить ему гладкую физию только за то, что он не любил девчонок не есть очень хорошо. Надо быть чуть-чуть терпимее. Ну, хотя бы постараться... Они, конечно, честно старались подавить в себе возмущение, но через пару недель сорвались и Петро, приняв на грудь, полез выяснять отношения. И тут же во дворе моего дома, схватив того за лацканы дорогого пиджака, попытался научить его основным постулатам христианства. И уже хотел благословить крепким кулаком, да только Мурзин оказывается, сам кому хочешь мог преподать урок основы толерантности. Он без раздумий уложил моего парня коротким апперкотом, благо ручищи у него были как у медведя, а ладони жесткие и крепкие как доска. Глядя на это, хотел было и Данил за друга вступиться, да только подоспел я, разняв ощерившихся в хищных оскалах мужиков. И волей данной мне космосом запретил любое рукоприкладство. С тех пор парни Мурзина недолюбливали и частенько, за неимением возможности почесать кулаки, всячески показывали свою неприязнь. Впрочем, моего управляющего это не особо заботило. Как я понял, у него уже иммунитет на такие отношения.

— Василь Иваныч, а может возьмем с собой Петра? Убьет ведь он его нахрен! Не выдержит душа издевательств.

— Егорыч сам кого хочешь убьет, не смотри что смазливый. И я бы скорее за здоровье твоего друга переживал, чем за него.

— И все-таки, Василь Иваныч, не уживутся они вдвоем. Обязательно подерутся.

— А ты знал, что наш управляющий раньше в артели на колке дров стоял? Пять лет колуном ежедневно махал. Так что, не подерутся, у Петра нет никаких шансов. Егорыч его в бараний рог свернет.

— Ну, все-таки, Василь Иваныч?

— Нет, один из вас должен остаться здесь. Если хочешь, то поменяйся с ним местами.

И Данил прикинув что-то в уме, отказался. Решил плыть в Америку сам. Оно и в лучшем. Мне за Мурзиным присмотр нужен, а кто лучше всего это может сделать, как не человек который его очень сильно не любит? Так что, Петру написано остаться здесь, к тому же он бы и сам это выбрал. Что-то робкое намечается у него с нашей миниатюрной китаяночкой.

Итак, после этого разговора, я принялся подбивать бабки. Подсчитал всю наличку, прикинул, сколько нужно оставить для продолжения работ по тротилу, литью корпусов гранат и по строительству укреплений, и вышло, что с собой в Америку я мог забрать пятьдесят семь тысяч. Вроде бы и хорошие деньги, много можно было чего закупить, но когда я приблизительно подсчитал, во сколько мне обойдется десяток пулеметов, то понял, что денег у меня не слишком-то и много. После их покупки останется примерно около половины. А надо еще пару шаров купить. Сколько они будут стоить я не знаю, даже не предполагаю. Нынешние, насколько я понимаю, летают на водороде, а вот нужно ли еще покупать оборудование для его получения, тоже мне неизвестно. Или же мы сможем получить его самостоятельно? Насколько я помню, чистый водород получается элементарно. Нужна лишь обычная вода, растворенная в ней сода и электричество на погруженных в воду пластинах. И газ будет выделяться сам, успевай только собирать. А вот собирать-то как раз и было проблемой. Водород надо где-то хранить, чем-то его перекачивать. Так что, получалось, что оборудование покупать все же придется. А это еще деньги. И при таком раскладе, сколько же получается у меня должно остаться денег на закупку продуктов? Десять-пятнадцать тысяч? Мало, очень мало.

И вот прикинув все это, я поперся на телеграфную станцию, списываться с Петербургом. Трое суток продолжался мой диалог с Мишкой в ходе, которой я узнал, что сбор денег по подписке стартовал и худо-бедно идет. На данный момент собрано около семи тысяч рублей, которые я тут же затребовал в собственное распоряжение. Но это время — пока через почту дойдет. Так что, получателем этих денег я назначил Петра. Он не обманет и деньги все пустит на закупку круп, муки, консервов и апельсинов. Но все равно сумма слишком уж мала, чтобы серьезно запастись. Поэтому надо чуть-чуть ужаться и закупку пулеметов..., гм, не сократить, а, скорее всего, иметь в виду, что они не в приоритете. В приоритете воздушный шар, хотя бы один и продовольствие, с упором на длительное хранение и противощинготность.

Про то, что меня подождли в Артуре не узнал разве что ленивый. Новость разлетелась со скоростью молнии, и с той же скоростью люди определили виновных — недовольных китайцев, которых я якобы всячески зажимал, штрафовал, урезал пайки, и платил три копейки в день раз рублевую работу. И так же по слухам выяснялось, что мне, кровопийце, так и надо. Судачили в основном бабы базарные, все слухи распространялись через них. Ну и через самих китайцев, конечно же, которым не посчастливилось поработать у меня. Я хоть и платил им на общепринятом уровне, но вот рис в конце дня выдавал хороший, качественный. И чуть больше, что у других, что им очень нравилось. Отсюда и злые сплетни завистников.

В общем, когда я пришел в штаб крепости и поговорил со Стесселем, объясняя ему всю подноготную пожара, он меня спросил, а не выдумываю ли я? Что-то подозрительно выглядело мое объяснение. Какие такие японцы, о чем я? И цирюльник Сато Хирото работает очень хорошо и берет немного, чем многие офицеры весьма довольны. Так что, не надо тут выдумывать небылицы и списывать на неведомых шпионов мою банальную скупость... Вот и поговорили. Можно было бы после этого сходить и к наместнику, но у того Стессель ходил в друзьях, так что визит мог оказаться лишеным смысла. И более того — я мог получить Стесселя в личные недруги. А делать этого, по понятным причинам, не хотелось. Поэтому, я ушел от коменданта со смешанным чувством то ли охреневания, то ли возмущения. Не понимал я его, и понимать отказывался. Что за пофигистическое

отношение? Даже если я ошибаюсь, неужели просто нельзя проверить? Ведь на кону стоят жизни людей! Но, не смотря на это, больше лезть к воякам я не стал, хорошо хоть то, что моя полиция меня бережет.

Отъезжать в Америку мне предстояло через порт Дальнего. Билеты были куплены Мурзиным заранее, багаж собран, распоряжения отданы. Братья-пилоты остаются в Артуре и заканчивают постройку мотоцикла. Если я не буду успевать к завершению, они все испытают сами. Я им разрешил. Так же настоятельно рекомендовал сделать из своего испытания шоу, такое, что бы прогремело по всему миру. Нам как воздух нужна реклама и пиар. Да, наши "Русские Заводы" уже довольно известны по стране и многие узнают меня в лицо, но мне этого было мало. Надо было, чтоб и за рубежом нас узнавали и почтительно встречали. Ведь всего-то через каких-то десять лет состоится Первая Мировая, а нам жизненно необходимо до этого момента нужно понабрать в Германской империи и в Австро-Венгрии кредитов. На миллионы и миллиарды рублей, но для этого нам нужно крепкое имя, такое, чтобы перед нами раскрывались все двери. Лизе я поручил следить за домом, кормить Петра и обучать Юн языку. Петру — не драться с Мурзиным и присматривать за его делами. Ну а самому Егорычу я доверил распоряжаться капиталами и организовать закупку оговоренного продовольствия на пятнадцать тысяч. Он хоть мужик и ушлый, но в меру честный. Если и украдет, то сущие копейки. Да и ловить его на этом было бессмысленно.

И вот я опять стою готовый к отъезду и опять меня провожают мои люди. Мурзин, Юн, Лиза, Петро с Данилом и братья-пилоты. Корабль пришвартован, сходни спущены, на борт проходят редкие пассажиры. Корабль небольшой и в основном выполняет грузовые функции, но есть там и каюты для туристов, таких как я. В пути будем, по заверению капитана около двадцати дней. Долго, но таково судно — небольшое, тихоходное. Больше в ближайший месяц никто в Штаты не идет. Конечно, можно было попробовать с пересадкой сначала в Нагасаки, а затем в Йокогаме и тогда длительность рейса сократилась бы на пять дней, но я этого делать не стал. До такой глупости я еще не додумался.

Багаж мой невелик и состоит из трех чемоданов. У Петра и того меньше. Лиза просилась со мной в путешествие, но я отказал. Места на корабле мало, я с Петром и так буду жить в одной каюте. И вдобавок мне пришлось взять с собой переводчика, который так же поселится в соседней каюте. Так что Лизе просто не было места. Хотя я был бы не против чтобы она сопровождала. Девушка она красивая, а ожоги под одеждой не видны. Да и работающая она, в том плане чтобы постирать, почистить, приготовить. В штатах мне этого будет не хватать, я как настоящий буржуин уже привык к прислуге.

Переводчик — мужик в годах, степенный, не суетный. Зовут Андрей Прохорович. Много лет жил в Лондоне, так же как и я торговал. Но потом по неведомым причинам перебрался на Дальний Восток и осел в этом городе, приторговывая. Сюда же перетащил свою семью и сейчас, когда дети подросли и он смог оставить свое дело, решил в одиночку сгонять в Америку, посмотреть что там и как. А выгнав, что я ищу человека свободно владеющим английским, вызвался мне помочь. Что ж, я был не против и даже рад. С Андреем Прохоровичем оказалось вполне интересно, да и в картишки с ним можно было перекинуться и в шахматы он играл довольно неплохо. А еще очень сильно любил играть на гитаре, правда, в отличие от меня, только на семиструнке. Вон и саму гитару с собой взял, так что нам в путешествии будет чем заняться.

— Ну, что? Пора что ли прощаться? — обратился я к своей братии.

Пароход отходит минут через десять. Чемоданы унесены, Прохорыч уже стоит на палубе, машет рукой своей семье. Он весел и доволен, на меня же накатила какая-то легкая грусть. Не охота никуда ехать и нет никакого желания болтаться три недели по волнам. Но деваться некуда.

— До свидания, Василий Иванович, — сказала мне Лиза с тяжелым выдохом. — Вы уж там себя поберегите.

— Непременно, — пообещал я. — А ты здесь смотри за имуществом.

Она пустила слезинку и, достав платочек, промокнула уголок глаза.

— Ну же, не надо рыдать, — попросил я.

— Я не буду, — пообещала она и все-таки не сдержалась. Чувства нахлынули на нее и слезы покатались рекой. И она отошла в сторону, смущаясь.

— Ну, вы-то, надеюсь, рыдать не будете? — спросил я мужиков.

Те, конечно, мотнули головами. Но сделали это как-то вяло, без радости. Мурзин же полез обниматься. Сграбастал меня своими стальными ручищами и сдавил так, что я и вздохнуть не смог.

— Вы там поосторожнее, Василий Иванович, — попросил он, когда отпустил. — Я слышал в Америке одни бандиты и разбойники. На улицах среди бела дня грабят.

— Ну, это, конечно, враки, но все равно поберегусь, — пообещал я. — А ты за дело радей, на тебя надежда. И с работников не слезай, хотя, кому я объясняю... В общем, Егорыч, сделай все что я тебя просил. И с Петром не цапайся, умоляю тебя. Хорошо?

— Ну, так-то это не от меня зависит.

— Петро? — глянул я на остающегося архара. И тот лишь бессильно развел руками, он мне это уже обещал.

Корабль испустил протяжный гудок. Человек при сходнях меня поторопил:

— Проходи, пожалуйста, мы отплываем.

Я ему кивнул.

— Что ж, пора, — сказал я провожающим и всех по очереди обнял. И даже Юн не обделил вниманием, стиснул в объятиях и с задоринкой оторвал от земли. Она лишь пискнула что-то на своем, испугалась от неожиданности. А после заскочил на палубу и следом за мной затянули сходни. Я на прощание махнул рукой и корабль, отдав швартовы, дал ходу, вспенив за кормой воду. Вот и все, впереди Америка.

Сан-Франциско... Никогда я раньше не был в Штатах, никогда ранее не чувствовал на своей шкуре истинную демократию. Портовый город встретил нас неприветливо, пасмурной погодой и колючим ветром с мелким и противным дождем. Наше судно пришвартовалось, на пирсе приняли концы и мы, наконец-то после стольких дней болтанки по Тихому океану, сошли на твердый берег. Это было удивительное чувство, когда ты ступаешь на поверхность, которая под твоими ногам не пытается тебя опрокинуть и не пытается убежать у тебя из под ног. Я был рад прибытию, Платонов Андрей Прохорович, мой переводчик тоже был доволен, а вот Данил был на седьмом небе от счастья. Его всю дорогу донимала качка и морская болезнь часто выворачивала его желудок.

Портовые грузчики уже караулили возле пирса, ожидая найма на работу. Их бригадир подошел к капитану и неслышно договаривался о цене. Подошли и к нам, спросили, что надо сделать. И Прохорыч, показывая на багаж, распорядился нести его следом, что с

удовольствием и взяли на себя двое из грузчиков.

Все юридические формальности уже были соблюдены. На судно, едва оно пристало, в сопровождении пары полицейских поднялся пузатый чиновник и проверил у всех необходимые документы. Нас, туристов, было немного, всего семь человек, это если считать вместе с нами. Еще трое рвались в Штаты на постоянку. Но это были не русские люди — китайцы, сбегаящие из своей страны. Иммиграционная служба у американцев поставлена хорошо, эмигранты в стране приветствовались и потому китайцев сразу же отсекали от остальных и в сопровождении еще пары полицейских отправили на карантин. Нас же, туристов, пропустили без особых вопросов, в течение часа выдав все необходимые документы. В общем, Сан-Франциско встретило нас хоть и не очень дружелюбной погодой, но зато безо всякой волокиты.

Извозчика найти не составляло никакого труда. Едва мы вышли из здания, как сразу же заметили стройные ряды выстроившихся повозок, и возниц, что восседали на козлах и зорко высматривающих потенциальных клиентов. И едва они заметили наши персоны, как наперебой стали выкрикивать, предлагать свои услуги. Кто-то даже подбежал, горячо уговаривая воспользоваться именно их каретой. Но мы их проигнорировали. Чуть вдалеке я заметил автомобиль.

— Андрей Прохорович, — обратился я к переводчику, — а узнай-ка, пожалуйста, вон тот агрегат случайно не такси?

И он переадресовал вопрос грузчику. Тот что-то быстро затрепал с жутким акцентом, замахал руками. Видимо он был эмигрантом в первом поколении, так что моего весьма посредственного знания английского хватило понять, что это и в самом деле было такси.

— Тогда к черту извозчиков, поедем на это чуде враждебной техники, — сказал я и решительно двинулся к машине.

Водила, поняв, что мы движемся к нему, расплылся в дружелюбной улыбке, соскочил с места и охотно подтвердил то, что он готов отвезти нас куда угодно. Ну а потом, получив наше согласие, помог забраться на задние места. Что интересно, у автомобиля не было дверей в нашем понимании, пассажиры желающие ехать сзади, должны были забираться через дверку в корме салона. А это ни черта не удобно! Багажника как такового у машины не было, наши чемоданы пришлось устраивать в ногах и в проходе между задними сиденьями. Кое-как умастившись и запихав весь багаж, я кинул грузчику разменянный еще в Артуре четвертак. Пока не знаю насколько это много, но судя по тому, что тот удивленно охнул и что-то благодарно затараторил, кинул я ему не мало.

В будущем нам предстоит производство автомобилей. Нормальных, с моей точки зрения, седанов или, что более подходит для этого времени, универсалов. Поэтому мне было интересно, на каком же уровне сейчас находится автомобилестроение. Сам автомобиль, на котором мы поехали, являлся новеньким Фордом. Не Форд модели "Т", на котором Генри Первый сделал себе состояние и имя, а какой-то другой. Я о таком не помню. Новенький, в красной блестящей окраске. Он напоминал скорее переродившуюся карету с тентованным верхом и с тарахтящим двигателем. Водила, что интересно, восседал с правой стороны и, крутя баранку, прилагал довольно хорошие усилия. Ехала машина медленно, тряско, мягкие рессоры хоть и скрадывали грубую брусчатку дороги, но при этом сильно раскачивали корпус. Я, сидя сзади и чуть выше передних седоков, испытывал сильные чувства дискомфорта. Хотя, должен признать, на этом автомобиле передвигаться было куда как

комфортнее чем на извозчике. Те же самые фаэтоны, хоть и имели мягкие рессоры, но колеса при этом у них были деревянные. Не то, что у этого Форда. И с этой стороны мне было интересно, какие же модели популярны в штатах, что народ предпочитает покупать? Ведь, мы давно уже поняли, что Россия при ее огромных размерах и большом количестве населения, все же обладает малой покупательной способностью. Те же самые наши мотоциклы, раскупавшиеся на первых этапах весьма охотно, довольно быстро уперлись в потолок продаж и потому основная коммерция по ним у нас пошла за границу. В частности львиная доля зарубежных продаж пошла в Германию и Австро-Венгрию и совсем чуть-чуть в Великобританию и Францию. Там население чуть богаче нашего и мототехнику покупают гораздо решительнее. Вот и с автомобилями при конвейерном производстве будет так же самое. В России у нас продается очень малая часть и все наше внимание нужно будет сосредоточить на Европе, а лучше всего на Северо-Американских Соединенных Штатах. И вот именно поэтому мне стало интересно. Движок у этой модели, судя по вибрации под задом и быстро нагревавшемуся полу, находился прямо под нами и был тяговит. И сильно мощнее наших мотоциклетных. Конечно, это несравнимы вещи, но все же.... Узнать бы его вес и если он окажется удовлетворительным, то можно будет прикупить для нашей моточайки. Но, это чуть позже. Сейчас же — в гостиницу.

Я попросил через Андрея Прохоровича отвезти нас в нормальный отель, такой, чтобы по утрам просыпаться не искусанными клопами и по вечерам нам не докучали проститутки. Но и не в безумно дорогую. Я хоть и состоятельный человек и мог спокойно оплатить любое проживание, но все же решил чуть сэкономить. И водила, выслушав мои пожелания привез нас в китайский квартал и посоветовал вселиться в отель Глоуб. Что ж, по виду отель был неплох, в итальянском стиле. Не новый, конечно, но все равно неплох.

Заселились на верхнем этаже, взяв два номера. В одном, в том, что получше, поселился я, а в другой отправил Данила и Прохорыча. За один номер в сутки пришлось отдавать два с половиной доллара, что на наши деньги было что-то около пяти рублей. В принципе — терпимо. Сутки мы отсыпались, отходили от плавания, отжирались после однообразной еды. Ну и походили по городу, интересно же.... Так вот, я всегда честно думал, что Сан-Франциско как город портовый окажется грязным и неустроенным, с массой бедного и несчастного населения. Но нет, еще проезжая на Форде по прямым как палка улицам, я понял, что сильно ошибался. Вполне себе развитый город. На вскидку населения как десять городков типа Костромы или примерно как треть Питера. Средний такой город, в меру крупный и развитый. Улицы мощные, ходят трамваи, везде электрическое освещение и магазины, магазины, магазины. В любом доме на первом этаже обязательно была какая-нибудь лавочка. Народ в основной своей массе не богат, но одет значительно лучше, чем в нашей столице, да и может себе позволить чуть-чуть больше. Ну да, и мне почему-то кажется, что все свои потребности и в оружии и в продовольствии и в воздушных шарах, мы сможем решить здесь, никуда не уезжая. Кажется, именно Сан-Франциско является центром притяжения западного побережья Штатов.

Первым делом, когда я более или менее пришел в себя после схода с корабля, я отправил в Питер и в Артур телеграммы с адресом, куда мне следуют слать ответы. А после этого мы втроем посидели в ресторане при отеле, где оставили нескромные десять долларов. И за столом я обсудил с мужиками планы:

— Во-первых, нужен оружейный магазин. Надо бы туда съездить, поговорить и прицениться. Андрей Прохорыч?

— Хорошо, поспрошаю, — кивнул он, неторопливо насыщая желудок. — Здесь вольница, конечно, на зачем мы в Америку за этим оружием поехали? Ведь и у нас все прекрасно продается?

— Да, продается. И привезти могут все, что захочешь. Да только денег за услуги берут много. Я уже узнавал и в Артуре и в Дальнем, да и у китайцев — за доставку там такой ценник дерут, что выгоднее ехать самому. От четверти стоимости просят, представляешь? Так что, Андрей Прохорыч, закупаться пулеметами будем здесь. Здесь дешевле должно быть, потому как конкуренция жесткая.

— Что ж, ваше право....

— Затем, — продолжил я, — где-то надо про шары узнать. Тут их должны строить и оборудование для них. Интересно, а тут уже печатают каталоги производителей или нет? Если да, то дело облегчается.

— Василь Иваныч, я вас не пойму. Каталоги же обычное дело....

— Это-то да, обычное. Да только каталоги товаров это одно, мы и сами в них рекламу размещаем и товары по почте наши оптовые покупатели отправляют, а вот каталоги производителей другое. Жаль, что Козинцева нет, я этим вопросом не особо интересовался. Хотя.... Должны быть такие каталоги, просто обязаны, ведь как-то же нашел он Жиллета в этих Штатах?

— Ну, если должны быть, то обязательно будут, — философски заметил Прохорыч. — Василий Иванович, не волнуйтесь. Нам главное спрашивать у людей почаще, они всегда помогут. "Язык до Киева доведет" — не зря же есть такая пословица. Да ведь, Данил?

— А что, Данил? — встрепенулся мой охранник. — Я туда, куда Василь Иваныч. Что он скажет делать, то я и сделаю.

— Ой, да ладно, — отмахнулся Андрей. — Как собака сторожевая, честно слово.

Ну вот, опять. Я уже говорил моему переводчику, что Данил у меня как телохранитель, но он считал это моей забавой и причудой. Самому мне он об этом не говорил, но вот взял за привычку иногда подтрунивать над парнем. Не со зла, без обиды, так в шутку. Да и Данил, надо признать, не из обидчивых, многое пропускает мимо ушей, сосуществует с людьми по принципу "хоть горшком называй, только в печь не сади". Вот и на этот раз он не обратил никакого внимания на не очень приятную реплику.

Андрей Прохорыч оказался хорошим мужиком. Деловитым, с хваткой, любящий поговорить обо все на свете. Еще неплохо играл на своей семиструнке и мы в пути с ним изрядно надрали глотки, распевая под бутылочку вина различные песенки. Что из этого настоящего, что из моего будущего. Цоя я ему почти всего перепел, из того что помнил, Сектор Газа тоже с его пахабными частушками. Частушки, кстати, хорошо зашли, слушать их прибегали из соседних кают, да и матросики, краем уха слушали, да запоминали. И Прохорыч играя на гитаре, ржал, смахивая рукавами слезы. А еще любил он поговорить о будущем. О том, какое оно будет. Любил представлять механизмы разные, устройства электрические. Взахлеб рассказывал мне же о моем же проекте — голосовом радио и восторженно потрясал пальцем — до чего техника дошла, то ли еще будет! И я ему поддакивал, кивал головой и подтверждал — не то еще будет! Ну и рассказывал ему мое будущее, то где и телевизоры, и компьютеры и телефоны беспроводные и прочее, прочее, прочее. И про космос рассказал, про то, как человек вырвется за пределы атмосферы и на Луну слетает. Он мне, конечно же, верил или, скорее, сам понимал, что техника до этого обязательно дойдет, но только не особо соглашался со мною в деталях. Говорил я, например,

о том, что люди повесят в космосе спутники и через них будут со всем миром через радиоволны общаться, а он спорил со мною, доказывал, что сие невыполнимо, так как научно доказано, что эти самые радиоволны, якобы, не смогут пропустить всех желающих. И откуда он это взял, где слышал? Я, собственно, его и не переубеждал сильно, лишь запинаясь на его возражениях и спустя какое-то время продолжал далее. Но особо его поразили Интернет и компьютеры. Сама возможность получить доступ в мгновение ока к любой литературе, фильму или музыке приводила его в величайший восторг. Он пьяно хлопал в ладоши новым идеям, восхищался моим фантазиям, кричал "Браво, Василий Иванович Браво!" и пытался развить их дальше. Самостоятельно додумался до того, что через интернет люди смогут писать друг другу письма. Ну, я как бы не стал говорить, что это само собой разумеющееся, лишь поздравил его с прекрасной идеей для воплощения. Ну, а потом я рассказал ему о зарождающейся тематике трехмерных принтерах, которые на момент моего провала в прошлое, только-только заявили о себе и многим экспериментаторам взбудоражили головы. И сломал ему представление о мире, сообщив, что в далеком-далеком будущем, лет эдак через сто пятьдесят-двести, будут строить дома не так как сейчас из кирпича, бетона или дерева, а из некой пластичной массы, которую будут слой за слоем выкладывать руки роботов-манипуляторов.... А потом я вздохнул, заметив, что Прохорыч не понял мои слова, и объяснил ему, что такое роботы и робототехника. Ну и про станки с ЧПУ. В общем, всю оставшуюся дорогу до Америки ходил мой переводчик как чумной, ничего не соображая, а витая мыслями где-то там, в своем нарисованном и придуманном мире, который очень сильно отличается от моего.

Прохорыч, как оказалось, был человеком совсем не бедным. Он сам мне под конец пути признался, что в капиталах у него лежит почти сто сорок тысяч рублей, да в товарах и в магазинах столько же. А на вопрос, зачем же он нанялся переводчиком при таком состоянии, лукаво признался, что на это было две причины. Первая — на халяву и укус сладкий, а в Америку он и сам хотел скататься. А вторая — возможность провести со мною время, узнать поближе, да пообщаться тет-а-тет. Искал он, куда вложить свои капиталы, желал уйти из чистой торговли во что-то новое и перспективное. Потому, кстати, из Британии и уехал и осел в Дальнем, потому как здесь были все деньги Желтороссии и именно отсюда должна была идти вся торговля. Ну, я ему и сказал прямо — вкладываться либо в развитие автомобилестроения, либо в развитие авиации, а про Дальний следует забыть и пока не поздно вывести из него все активы. Прямо закрывать магазины и продавать имущество, ибо через полгода все равно все можно потерять. Он поначалу усмехнулся, вспомнив нашу примитивную Чайку, а затем, по мере того, как я стал ему рассказывать, чего же можно достичь в этих направлениях, призадумался. Вот и сейчас, когда мы отобедали и собрались было ехать на поиски оружейных магазинов, он мне сказал:

— А что же, Василий Иванович, а про ваши дельтапланы вы это серьезно говорили?

— Абсолютно. У нас через месяц-два самостоятельно полетит моточайка. Надеюсь, мы опередим братьев Райт. Я, к сожалению, не знаю когда они испытают свой убогий аппарат, но, насколько я понимаю как раз где-то на пороге нашей войны с япошками. С этого момента начнется бурное развитие авиации. Вы подумайте хорошенько над этим делом, прикиньте что к чему. Мы и сами будем развивать это направление, вложим в это дело немало денег. Да и царь, я думаю, выделит кое-какую сумму на подъем. Поэтому, если вы желаете, то мы можем с вами сложить наши капиталы и развивать это дело совместно.

— А зачем вам я? Понимаю, что у вас уже есть собственное видение того, как надо

делать эти аппараты. Я же в этом не понимаю ничего. Зачем вам я?

— Тут все просто, Андрей Прохорович, и нет никакого секрета. Нам нужны средства. Очень много. И мы готовы поступиться долей в проекте, лишь бы это дело можно было развить как можно скорее. Ну а то, что вы в этом ничего не понимаете, нет ничего страшного. В этом деле сейчас никто ничего не понимает. Но вы, — я многозначительно поднял палец, — очень успешный купец и вы знаете, как ладить с людьми и зарабатывать на сложных сделках. И вы мне интересны именно с этой стороны. Ничего что вы далеки от техники, вам, собственно говоря, ничего знать и не надо. Если вы вложите в наше дело деньгами, то мы не будем против того, чтобы вы стали директором компании. У вас будут толковые инженеры, которые придумают вам все что требуется, я буду на первых порах указывать направление, куда им двигаться, а от вас, как от директора, собственно, будет требоваться лишь коммерческое развитие проекта. Наладить почтовые перевозки, пассажирские, грузовые. Продать самолеты граждански лицам и военным. Ну, и сами понимаете, у нас есть собственный банк, у которого вы сможете кредитовать проекты. Но учтите, работать с нашим банком сложно, ему придется предоставлять на проверку все документы, а там работают такие ребята, что любую неправильно расходованную копейку они заметят обязательно.

— Гм, — хмыкнул он, — прямо так сразу и директором?

— Ну, а почему нет? Вот вы сколько уже в купцах ходите?

— Да почитай с самого малого. Лет тридцать.

— А с каких денег начинали?

— С десяти рублей, — улыбнулся он, на мгновение погрузившись в воспоминания. — М-да, непростое было времечко, но шибко веселое. Я тогда чуть ли не через день дрался, да носы другим разбивал, что пытались меня подмять и с рынка выжить. Эх, я прямо скучаю....

— А в Британию уехали зачем?

— Да, понимаешь, Иваныч, — он незаметно для себя перешел на "ты", и я его поддержал, — дело такое.... Скучно стало. Семей обзавелся, пацаны растут, магазины работают, денежку приносят. Я мне хотелось чего-то нового, вот и уехал туда. Думал, там интереснее будет. Но ошибся, там рутина еще больше. Конечно, пока язык не выучил, было сложно, а потом все опять пошло по накатанной. Потому и сорвался оттуда, думал, что в Дальнем будет поинтересней. Туда же Витте все деньги кидал, там порты развивал. Но, — он вздохнул, — видимо торговля все же не мое. Скучно мне.

— Ну, вот потому и директором тебе предлагаю. Дважды переезжать, да каждый раз налаживать торговлю это сложно. А запускать с нуля производство никак не легче, так что не сомневаюсь, ты справишься. У тебя огромный опыт.

Он не ответил, замолчал. Отвернулся и, глядя в широкое окно, задумался. На улице шла своя жизнь — бегали мальчишки с газетами, сновали туда-сюда извозчики, люди вышагивали по своим делам и тщедушные китайцы вели свою незамысловатую торговлю.

— Знаешь, Иваныч, — сказал он спустя минуту, — не хочу я связываться с авиацией. Ты уж извини, но меня это не цепляет.

— Жаль, — вздохнул я разочарованно, но, тем не менее, настаивать не стал.

— Но вот моторы строить мне было бы интересно. Они, как бы сказать..., приземленнее, более понятные. Я подумывал себе прикупить один мотор, но так и не решился. Сынов своих подговаривал, да только им не интересно.

— Подожди, — перебил я его, — надо уточнить, про что мы с тобой говорим. Говоря

"мотор" ты имеешь в виду конкретно мотор, то есть двигатель, или же автомобиль?

— Автомобиль, — уточнил он. — Вот смотрел я у тебя мотоциклы — красивые, ничего не скажешь. И разные они у тебя, и совсем простые, недорогие, и сложные. Я даже попробовал прокатиться на одном из них и мне понравилось.

— Что ж, автомобили строить мы тоже собираемся, — кивнул я. — Двигателя у нас уже разрабатываются, а все остальное мы начнем после войны. Я так думаю. Если желаешь вложиться капиталом в это дело, то я буду только рад. Ну и коммерческим директором или генеральным, если желаешь, можем тебя поставить.

— Коммерческий директор это как?

— За продажи отвечать.

— А генеральный?

— Самый что ни на есть главный, — и, предвосхищая его вопрос, добавил, — коммерческий под ним ходит, но продажи налаживает по собственному усмотрению. С генеральным согласуется лишь по ключевым моментам и направлениям сбыта. Как-то так.

Он улыбнулся, потом с усмешкой мотнул головой:

— Нет, Иваныч, если уж и вкладываться деньгами, то и отвечать я должен за них полностью. Так что я буду согласен только на генерального.

— Не вопрос, — поднял я руки. — Но учти, что контрольного пакета у тебя все равно не будет, а мы будем иметь право блокирующего голоса. Устраивает?

Он улыбнулся в очередной раз и уклончиво ответил:

— Знаешь, Иваныч, дай мне время подумать. А то все как-то быстро происходит.

— Как знаешь, я тебя не тороплю. Автомобилями, да и авиацией мы вплотную займемся только года через два. Но если ты надумаешь вложиться, то ждать мы не будем и все организуем в самые кратчайшие сроки.

— Я учту это, — сказал Прохорыч и этим дал понять, что говорить больше не о чем. Потому я, расплатившись, первым поднялся из-за стола и пошел на выход. Пора дела делать.

По Сан-Франциско мы перемещались исключительно на извозчике. Автомобильного опыта мне хватило и больше повторять не хотелось. Слишком уж было неудобно, на простом фаэтоне гораздо привычнее, хоть он и более тряский.

Первый попавшийся оружейный магазин мы отыскали довольно-таки легко. Сказали лишь кучеру что мы ищем, так он и отвез нас с готовностью. Собственно, это был даже и не магазин в привычном понимании, а так, обычная небольшая лавка с витринами. Хозяин встретил нас с шикарной улыбкой и, в мгновение ока признав в нас иностранцев, спросил:

— Что, господам туристам, надобно?

Мы осмотрелись. На витринах под стеклом и на стенах лежали и висели разнообразные пистолеты и ружья. И старые, давно вышедшие из обращения, и новые, пахнущие заводской смазкой. Так же и боеприпасы различных калибров чуть ли не россыпью лежали под стеклом. Ну и холодное оружие в виде различных ножей, кинжалов, сабель и прочего. Очень большой выбор, человек, желающий приобрести себе что-нибудь для защиты, наверняка не уйдет отсюда без покупки.

Прохорыч переводил:

— Интересуют пулеметы.

Продавец мотнул головой:

— К сожалению, пулеметами не торгуем. Слишком специфичный товар и стоит очень

дорого. Может господа желают что-нибудь другое? могу предложить замечательное ружье, прекрасно подходящее для охоты.

Я мотнул головой, а Прохорыч, не отвлекаясь на меня, самостоятельно повел нить беседы. Разговаривал с продавцом долго, что-то все время переспрашивая, уточная. Наконец, минут через пять, пояснил:

— Пулеметы очень специфичный товар, простые магазины ими не торгуют. Никто в этом городе вам их продать не сможет. Но есть официальные представители фирм, вот через них-то и можно действовать. Проблема в том, что все они находятся на востоке страны.

— В Нью-Йорк придется ехать? — прикинул я.

— Да, возможно. Но я попросил продавца связаться с ними через телеграф и узнать по поводу закупки. И если все выгорит, то ехать нам никуда не придется, он сам все купит и сюда привезет. Нам надо будет лишь выждать время.

— Это замечательно, — прикинул я перспективу застрять здесь на несколько недель. — А сроки?

— От месяца, — огорошил Прохорыч, — может больше. Ну, так что, Иваныч, договариваемся?

— Подожди, не торопись. Цена вопроса какая? И что за пулеметы он хочет предложить?

— Пулеметы системы Максима, — ответил Прохорыч, даже не спрашивая у хозяина лавки. — Ты же сам мне говорил, что эта система предпочтительнее.

— Да, лучше Максим. Сколько экземпляров будет стоить?

И Прохорыч опять обратился к продавцу, перебросился с ним несколькими фразами.

— В общем, цену он сможет сказать, как только спишется с представителями. Займет два-три дня.

— Ладно, пускай интересуется. В зависимости от цены мы сможем купить от пяти до десяти штук. И пускай он там про скидки поинтересуется как оптовым покупателем.

— Боеприпасы?

— Нет, не стоит. В Артуре их много, так же как и собственных пулеметов. Вот под эти патроны и нужен пулемет. Стандартный в три линии, винтовочный. Гм, скажи ему — семь миллиметров и шестьдесят две сотых. Я из Артура взял с собой ящик, так что могу ему выделить несколько штук как образец.

— Да, Иваныч, с этим делом лучше не рисковать. Надо бы за патронами в отель сбегать.

И я был с ним согласен. Данил, получив распоряжение, умчался, а мы с Прохорычем, в ожидании, осмотрели весь товар магазина. И продавец, услужливо нам демонстрировал образцы в надежде, что мы что-нибудь да купим. Собственно, так оно и оказалось. Мое внимание привлек один пистолет похожий на старый тэтешник, но только с чуть более узкой рукоятью и с более длинным стволом. Хотя разница вообще не существенная, я ее заметил только потому, что в армии довелось плотно пообщаться с Тульским Токаревым.

— Он говорит, что это новая модель, только недавно пришла из Бельгии.

— Как называется?

— Браунинг.

Я вложил рукоять в ладонь.

— Тяжелый.... Сколько патронов?

— Семь. Говорит, если примкнуть кобуру, то десять.

— Это как? Как у Маузера? А автоматический огонь из него вести можно?

Стрелять автоматом как с Маузера с этого пистолета было нельзя. Но зато примкнуть к рукояти деревянный приклад было можно и при этом емкость магазина действительно увеличивалась на три патрона. Но не в этом была главная ценность этого Браунинга — мне он понравился тем, что очень уж удачно ложился в ладонь и отсутствовал дурацкий барабан. Великоват, конечно, для скрытого ношения, но все, же лучше чем все то, что я до этого крутил в руках. Хотя после покушения на мою персону я пытался себе что-то подобрать, и вроде бы было несколько похожих экземпляров годных под это дело, но мне тогда ни один не понравился. Слишком уж игрушечными они выглядели. Этот же, напротив, имел вид более грозный и суровый, и зрачок ствола глядел смертельной, пугающей чернотой.

— Гм, интересно..., - обратил я внимание на оригинальный предохранитель пистолета, представляющий собой рамку, расположенную на торцевой стороне рукояти. Вроде как взял пистолет в руки, ладонью обжал рукоять и пистолет сразу же готов к стрельбе. Но кроме этого у него имелся и вполне обычный флажковый предохранитель. — Необычно сделано. А случайно не выстрелит?

— Нет, он говорит, что с предохранителя снимается только когда плотно в руку возьмешь. В другом случае никак.

— Это хорошо, а то самого себя подстрелить неохота. А кобура только деревянная есть?

— Нет, говорит, есть разные. Может подобрать конкретно под тебя.

— Ну что ж, давай тогда подберем, — с охотой согласился я. Все равно пока делать было нечего, а пистолет мне и вправду понравился.

И хозяин лавки, почуяв немедленную прибыль закрутился юлой. Нырнул под прилавок и выложил несколько видов поясных кобур. И тут же выпорхнул, и закрутился вокруг меня как фея, примеряя ремни, подгоняя под мою фигуру. И вроде бы все было классно, оружие на бедре лежало удобно, да только спустя какое-то время я понял, что не этого я хочу. А хочу я кобуру для скрытого ношения. И потому спросил через Прохорыча.

— А такая чтоб под одеждой носить есть?

Продаван мотнул головой, рассыпаясь в искренних извинениях. Подобной модели у него не было. И дело не в том, что в нынешнюю эпоху люди не прятали оружие — прятали и еще как, а просто вот мне не повезло. Конкретно сейчас и конкретно у него таких штук в наличии не было. Но он без особых проблем посоветовал нескольких мастеров, что очень быстро сделают для моих хотелок все что угодно. Что ж, это меня устраивало.

— Ладно, беру две штуки без деревянной кобуры. Магазинов запасных с десятков пусть положит и патронов пару сотен.

И пока я рассчитывался с владельцем магазинчика, пока тот упаковывал товар, почему-то бережно заворачивая оба ствола в вощеную бумагу, прибежал Данил. Видно что старался, запыхался немного. Высыпал перед носом американца с десятков патронов и с видом ответственного человека скрылся за моей спиной.

И вот, когда сделка деньги-товар состоялась, мы еще раз обсудили все наши договоренности и сроки. Дали свои координаты, где нас следует искать и вышли вон. Я был доволен покупкой. Оба Браунинга мне, конечно, были не нужны, и их я никогда не буду носить под одеждой парой. Просто второй я купил для Данила. Тот тоже в кармане пиджака постоянно таскал короткий револьвер и, так же как и я был им не доволен. О чем, выйдя из магазина, и сообщил:

— Знаешь, Данил, а вот это тебе от меня подарок, — и отдал ему один из свертков. — Ты давно что-то подобное хотел, я знаю.

И парень, чья ломаная физиономия наводила ужас у случайных прохожих, широко распахнул глаза и удивленно выдохнул:

— Мне? Василий Иванович!

— Тебе, тебе. Носи на здоровье.

— Ой, спасибо..., - он в своей жизни не часто получал подарки, вот и растерялся чуть-чуть. Взял пистолет как драгоценность, прижал к груди, а лицо воссияло. — Я о таком мечтал.

— Ну вот, мечты сбываются, — улыбнулся я и похлопал Данила по плечу. На самом деле подарок-то был так себе, ведь в первую очередь я здесь позаботился о собственной безопасности. — Ладно, рад, что угодил. А теперь нам надо бы к одному из мастеров скататься, что нам кобуры удобные сделали.

Найти ближайшего из списка не составило никакого труда и вскоре мы уже входили в его мастерскую. И снова Прохорыч вел беседу, лишь изредка спрашивая меня о мелочах. Мастер подивился на мою просьбу, но пообещал сделать безо всяких возражений. И потому лишь, сняв мерки, прикинув как должны облегать ремни, попросил придти через два дня. Что нас более чем устраивало.

Позже, этим же днем, мы нашли каталоги товаров, а не производителей, как я мечтал. Толстые книги на дешевой бумаге с многочисленными иллюстрациями. Сразу же купили их несколько штук и, не отходя далеко, присели за столик одной из кафешек. Ради приличия заказали какой-то еды и воды, и принялись за поиск информации — гуглили, если можно так сказать. Работали только я и Прохорыч, мы с ним листали страницы, слюнявя пальцы, Данил же просто пялился на прохожих. Все ему было странно и необычно. И люди здесь другие, и одеваются по другому и вели себя не так как в России. И что больше всего его поразило, так это пестрота людей. Тут тебе и белые, и красные, и желтые и черные. И ходят туда-сюда, снуют, делами своими занимаются и все вроде бы как на одном языке общаются, хотя и приехали все из других мест. Особо поражали Данила негры. Те тоже шныряли по улице, кто-то из них был одет побогаче, кто-то победнее. Но все как один из работяг, никто из них не был одет на господский манер. И очень сильное удивление у него вызвал тот факт, что негры-то, оказывается, не только черные как на картинках, а еще как шоколад, и как "какава" с молоком. Вот он и сидел за столиком, потягивая холодное пиво и пялился на будущих афроамериканцев с отвисшей челюстью.

— Ну что, Иваныч, нашел что-нибудь? — спросил Андрей Прохорыч.

— Да что-то пока ничего. Всякого мусора как грязи, а то что надо нету. А у тебя как?

— А у меня вроде что-то есть, — сообщил он, разворачивая ко мне свой каталог. — Смотри. Две небольшие фирмы продают что-то вроде того, что тебе требуется.

И действительно, среди множества различных объявлений, среди нагромождения текста, была едва видимая скромная рекламка. И если бы не небольшое изображение воздушного шара, то найти ее в этом каталоге было бы нереально.

— В Чикаго?

— А этот Чикаго он где? Где-то рядом?

— Да нет, это на востоке страны. Если не изменяет память, то где-то рядом с Великими Озерами.

— Далекое, однако. А эти вторые где-то в Солт Лейк Сити. Это ближе?

— Гм, не знаю. Но вроде бы да.

— И что, к кому будем обращаться?

— А что тут думать, Андрей Прохорыч, сразу к обоим. Там же адреса есть? Ну вот, надо только телеграмму отправить и ждать ответа. А потом уже съездим, если понадобится.

Он кивнул. Потом деловито вырвал страницу из уже ненужного каталога и, свернув, отдал мне. А я ее спрятал в карман пиджака.

— Ладно, Данил, хватит глазеть на негров, поднимайся.

— А что? Я ни что! А куда теперь поедем?

— Телеграммы надо отправить, на станцию поедем.

— Что ж, я с превеликим удовольствием, — охотно отозвался он и в несколько мощных глотков осушил бокал.

Дать телеграмму оказалось не слишком сложным делом и уже через полчаса два сообщения летели по проводам на восток Америки. Обратный ответ просили дать как можно скорее, потому как хоть телеграф хоть и быстрое сообщение, но все же на диалог в таком варианте уходит довольно-таки много времени. Собственно, первый ответ из Чикаго мы получили к вечеру следующего дня и в короткой телеграмме давалось краткое описание шара и его цена. Увидев сумму, я присвистнул:

— Две тысячи долларов?

— Разве дорого? — с неким сомнением поинтересовался Прохорыч.

— Я ожидал меньшей цены. Это же почти четыре тысячи рублей! Да, блин, на эти деньги можно два Роллс-Ройса купить!

— Два чего?

— Неважно..., важно то, что дорого, — конечно же, самого легендарного "Серебряного Призрака" от Роллс-Ройса еще нет, но эта марка мне пришла в голову совершенно не случайно. Ибо цена действительно была задрана сверх меры. — Нет, Андрей Прохорыч, нам надо дождаться ответа из Солт Лейка.

— Что ж, будем ждать, — покорно ответил мой переводчик. Но прежде чем уйти из телеграфной станции, мы послали повторный запрос. И вот уже после него, буквально следующим днем мы получили ответ. И вот он уже нас более или менее устроил:

— Ну вот, тысяча триста пятьдесят! Вот с этим уже можно вести дела.

— Что делать теперь будем?

— Я чувствую — ехать туда надо. Без личной встречи нам ничего не решить.

— Хорошо. То есть билеты на поезд надо покупать?

— Да, но прежде нам здесь надо бы с пулеметами определиться. Так что пока напиши им, что мы заинтересованы и готовы приехать. Посмотрим, что ответят.

— Хорошо, Иваныч. Или как здесь говорят — Окей!

С пулеметами возникла маленькая проблемка. А именно — представители фирмы Максима сообщили, что здесь, в Америке, пулеметы под патрон в три линии не продаются, но случайным образом имеется на складе в качестве образца лишь один экземпляр. И они их готовы продать его за тысячу долларов, лишь бы от него избавиться и не везти обратно в Европу. Это стало разочарованием.... Нет, конечно, я понимал, что здесь в Америке будут сложности с системами под русский патрон, но чтобы такие?

— Ладно, хрен с ним, — махнул я рукой и сказал Прохорычу. — Пускай он этот экземпляр выкупает.

— Хорошо. Только он за свои труды возьмет десять процентов. Придется ему заплатить задаток.

— Конечно, заплатим, пускай оформляет. Сколько доставка займет по срокам?

— Две-три недели.

— Хорошо, пускай так. Знаешь, Андрей, а поспрошай-ка ты у него что еще можно купить здесь под русский патрон?

Он кивнул и завел долгую беседу с продавцом. Тот прекрасно понял, что от него хотят и охотно объяснил.

— В общем, под русский патрон мы здесь ничего не купим, — сообщил спустя какое-то время Прохорыч, — Надо в Европу ехать или оттуда сюда заказывать. Есть здесь еще местный производитель — Кольт-Браунинг, так вот тот для Мексики переделал свои пулеметы под германский патрон и успешно им продает. Говорит, что может у них узнать, есть ли варианты под русский. И если есть, то можно будет их купить.

— Понятно. Но что-то я ничего не знаю об этих пулеметах. У него есть хотя бы картинки или каталоги?

— Нет, у него нету. Но он говорит, что они похожи на Максима. Только охлаждение воздушное. И на самом деле он рекомендует именно эту систему, как более удобную.

— Хорошо, пускай тогда узнает. Сколько времени ему понадобится?

— Два-три дня. Но если на той стороне проявят расторопность, то ответ придет уже завтра.

Я вздохнул. Все же, телеграф, при его замечательной скорости передачи сообщений, прекрасная вещь, только вот диалог таким способом вести трудно. Пока твое сообщение дожидается очереди отправки, пока его получит адресат, пока таким же образом придет ответ..., все это вытекает в часы и дни. Вот и сейчас, столкнувшись с этой реальностью, я чуть-чуть взгрустнул об еще не придуманном Интернете. Все-таки полезная будет вещь, что ни говори.

— Ладно, Андрей, пускай спрашивает. И закажет тот экземпляр Максима. Сколько он там задатка спрашивает?

— Пятьсот долларов.

— Хорошо. Пусть поторопится.

Я с ним расплатился и требовал от него расписку. А после этого вышел вон на залитую солнцем улицу. Настроение было не очень, а все из-за моего просчета. Ведь я действительно не подумал об этой проблеме, и в Артуре ни у кого не удосужился поспрашивать. А все моя самоуверенность, все моя привычка полагаться на послезнания и вообще. Вот и сел я в лужу, поехал за товаром, а товара-то и не было. С досады даже плюнул и, опершись на крепкую трость, склонил голову. Андрей Прохорыч растолковал мое поведение по-своему:

— Не стоит убиваться, Иваныч. Можно же и из Европы заказать. Привезут тебе эти пулеметы сюда, а ты их потом в свой Артур увезешь.

— Нет, Андрей, это не вариант. Таки образом цена у них будет золотой, да и сроки.... Уж легче будет, чтобы Козинцев их сам купил и переправил в Артур на поезде. Хотя, не успеет он уже ничего переправить.

— Почему же нет?

— Война скоро, я тебе говорил. А как она начнется, так весь Транссиб будет только военным грузом забит. И весь наш товар застрянет в Иркутске. Нет, Андрей, это не вариант. Козинцев, конечно, может их купить в Англии, да только он их нам уже не переправит. Разве

только морем да под иностранным флагом.... И только во Владивосток, а вот оттуда уже поездом. Получается, что возможен только такой вариант, да и тот вилами по воде. Есть риск не успеть.

— И что делать будешь?

— Козинцеву телеграммы слать. Надо бы с ним это дело обсудить. Ладно, чего уж теперь плакать. Поехали на телеграфную станцию.

С Мишкой я переписывался несколько дней. И вроде бы смог договориться, что он купит с десятков Максимов и морем переправит их во Владивосток. А уж оттуда я их сам заберу. Но это сроки, которые уже поджимали.... Пулеметов "Кольта" под русский патрон еще не существовало в природе, так что вся надежда теперь была только на моего друга и на его расторопность. Успеет купить их до начала войны — прекрасно, нет — что ж, будем отстреливаться от нападающих японцев из того что есть. В крепости, по первым прикидкам и так есть несколько десятков Максимов, так что и это не плохо.

Ладно, решив это дело, я отвязался от Сан-Франциско и стал мобильным. А значит, пора было двигаться до Солт Лейк Сити. Билеты на поезд мы купили тем же днем, и тем же днем, съехав с гостиницы, уже тряслись в вагоне первого класса. Путешествие было недолгое и уже к исходу вторых суток мы въезжали в Город на Соленом Озере. Без особых проблем нашли себе местечко, где можно переночевать и утром следующего дня, когда тело более или менее восстановилось после утомительного путешествия, отправились по нужному нам адресу. Извозчик, едва глянув на страницу из вырванного каталога, кивнул и неспешно повез нас до места.

— Это здесь? — поинтересовался я, рассматривая необычное место. Сельская местность, справа от нас высокая деревянная церковь, а слева, частный дом с большим амбаром на заднем дворе и с огороженным колючей проволокой полем.

— Да, Иваныч, адрес, вроде, тот.

— Да? А я представлял себе это иначе.

— И как же?

— Ну, думал, что будет какой-то цех, пусть даже небольшой. А тут, я смотрю — деревня. Фермеры одни.

— Да какая разница?

— Действительно — никакой. Ладно, пошли уже.

Я не знаю, как надо действовать в этой ситуации, как у них тут принято входить в дома. Классический фермерский дом американской семьи, строго белый, ухоженный. Перед домом невысокий заборчик с калиткой, перед входной дверью терраса, на которой стояло несколько стульев. За домом ходили какие-то люди — видимо владельцы, и ни на кого не обращали внимания. Работали, что-то перетаскивали, и женщина невысокого росточка, настирывала в объемном корыте, согнувшись в три погибели. Деревенская идиллия американского формата.

Заметив нас, неуверенно входящих в калитку, из дома показалась еще одна женщина. Совсем молодая девушка, в длинном черном платье и платке, покрывающим пышные волосы.

— Здравствуйте, — первым поприветствовал я, а Прохорыч принялся переводить. — Скажите, это здесь находится цех по производству воздухоплавательных шаров? Мы не ошиблись?

Она выслушала перевод, но почему-то не ответила, а, наоборот, сжала губы в тонкую полоску и убежала. И только когда она скрылась за домом, мы услышали ее громкий и возбужденный крик.

И тогда те мужики, что возились на заднем дворе, побросали свои инструменты и вышли навстречу. Трое мужчин, самому старшему из них около пятидесяти. Все в одинаковой одежде и, что удивительно, с бородами, никогда не видевшими ножниц и бритвы.

— День добрый, — опять поздоровался я и широко улыбнулся. — Мы насчет шаров, мы с вами списывались через телеграф.

Мужчины переглянулись. С заднего двора подошло еще несколько человек — две женщины и дети. Те приближаться не стали, остановились на расстоянии и внимательно нас рассматривали. Особое внимание перепало Данилу, что с его бандитской рожей неудивительно.

— Да, да, я помню, — кивнул старший и, протягивая руку, поприветствовал. — Добрый день. Как ваши дела?

— Прекрасно, как у вас? — это я уже сказал по-английски.

— Благодаря Богу все хорошо, — ладонь у него была жесткая, мозолистая. Гораздо шире моей и сильнее. Такими ладонями люди ради веселья гвозди в узлы заворачивают. — Меня зовут Джордж Креппе.

— Василий Рыбалко, — в свою очередь представился я. — А это мои спутники, Андрей и Данил.

— А это мои сыновья, — Джордж показал ладонью на мужчин, — Стефан и Майкл. Ну что ж, мы рады вашему приезду. Прошу проходить.

Странно, но нас пригласили не в дом, а на задний двор. Там, стоял амбар, классический, фермерский — высокий, широкий, с большими воротами, распахивающимися настежь. Вот туда-то мы и зашли и обомлели. Там, на деревянном полу, на раскиданной соломе лежал воздушный шар. Сшитый из шелка, пропитанный каким-то составом он мне показался огромным, просто гигантским. Он целиком покрывал пол амбара, а его корзина, свитая из гибких прутьев, лежала на боку, показывая свое нутро. И веревки путанными змеями тянулись от корзины до спущенной оболочки.

— Ого! — воскликнул я, не ожидая сразу же увидеть такое зрелище. — Какой большой.

— Вот, этот шар мы продаем, — через Прохорыча пояснил Джордж. — Прекрасный шар, замечательно летает. И совсем недорого.

— Что ж, очень хорошо. Если все так и есть, то мы его купим по цене, указанной в телеграмме. А вы его можете продемонстрировать и как быстро?

Американец не ответил сразу, прежде перекинулся несколькими фразами со своими сынами. Потом сказал:

— К сожалению, сегодня мы вам показать не сможем.

— А когда?

— Через два дня, нам нужно подготовиться. Сегодня понедельник, значит, в среду мы вам сможем показать.

— Прекрасно, — довольно улыбнулся я. Это и в самом деле было просто великолепно, нет нужды ждать. — Тогда мы приедем в среду. А скажите, это шар вы, чем заполняете? Водородом или горячим воздухом?

— Водородом, — перевел Андрей. — Баллоны с газом они купили.

— То есть, оборудования для его получения у них нет?

— Нет, только баллон.

— Жаль, жаль, — не скрывая своего разочарования, ответил я и покачал головой. А я надеялся, что к шару в комплекте и насос идет для закачки и установка для получения газа. Но, в принципе, и так неплохо. Думаю, что все необходимое мы сможем купить в этой стране без особых проблем. — Что ж, уважаемый мистер Креппе, тогда до встречи в среду.

Мы в тот день уехали, пересидели пару суток в гостинице, откровенно отдыхая, и вернулись на ферму в договоренное время. Издали увидели наполненный купол шара, выглядывающий над крышей амбара.

Креппе уже ждал нас, сидел на веранде дома в кресле-качалке и, не смотря на студеную погоду, выглядел вполне себе ничего. В его лохматой и длинной бороде пряталась довольная улыбка. Сыны его, стоя рядом со старшим, о чем-то негромко беседовали, иногда посмеивались. Эти тоже были весьма довольны предстоящей сделкой. Увидев нас, вся троица сошла с веранды, и двинулась навстречу. Перехватили нас возле калитки.

— День добрый, господин Рыбалко. Как ваши дела? — спросил американец.

Это я понял без перевода.

— Прекрасно. Как у вас?

— Тоже хорошо. Что ж, проходите, пожалуйста. У нас все готово.

Без лишних церемоний мы прошли во двор. И действительно, там, привязанный к опорам ограды, болтался шар, а корзина его, приподнятая на несколько сантиметров над землей иногда, от порыва легкого ветерка, подпрыгивала и опускалась, стучаясь о мерзлую землю. Тут же рядом стояло несколько баллонов, в которых и находился летучий газ.

Я в своей жизни видел вживую воздушные шары наполняемые горячим воздухом. Так вот, те были гораздо больше этого. Этот же был сильно меньше, где-то раза в полтора, и, не смотря на то, что его макушка болталась выше крыши амбара, все-таки он казался мне недостаточно объемным. И закралось сомнение о его подъемной силе. О чем я и сообщил:

— А сможет ли он поднять человека?

Прохорыч перевел вопрос, а затем ответил:

— Да, уверяет, что сможет.

— Проверить надо бы. Пускай он килограммов сто в корзину бросит и веревки ослабит. Если уверенно взлетит, то мы обязательно купим его шар. Если нет, то увы.

Андрей кивнул и принялся переводить. Но вдруг, запнувшись, переспросил:

— А сто килограммов это сколько по ихнему?

— А у них какая мера весов?

— Да черт его знает. Щас спрошу.

— Подожди, не надо. Если у него есть амбарные весы, то пускай он отвесит полтора меня. Или вот Данила. Вот так надо сделать.

Амбарные весы, конечно же, здесь были и сыны Креппе довольно споро навесили по мешкам зерна и бросили их в корзину. Потом ослабили веревку, и шар уверенно потянул вверх. И застыл метрах в десяти над землей, струной натянув веревку.

— Господин Рыбалко доволен?

— Да, — ответил я, не скрывая улыбки. — Мы его покупаем.

И Креппе как и я расплылся в широкой улыбке. Даже хлопнул в ладоши от удовольствия. И все его семейство мгновенно обрело хорошее настроение. Сыны переглянулись хитро, женщины что-то защебетали друг-другу на уши.

— Скажите, а эти баллоны с газом вы где покупали?

Тут состоялся небольшой диалог, в ходе которого мы выяснили, что газ они покупали в городе, там, где стоял небольшой химический заводик. То есть, самого оборудования для получения водорода у них не было. Но это было не так страшно. У меня у самого дома химии хорошие, те смогут получить газ без каких либо сложностей. Баллоны мы купим здесь же, а вот насосы придется поискать. Но что-то подсказывает, что и с этим у нас сложностей не возникнет. Америка, как говорится, страна широких возможностей различного вида предпринимателей и всяких производств тут пруд пруди. Хотя западное побережье в этом плане было немного беднее восточного. Но суть от этого не меняется.

Сделка состоялась. Креппе старший получил свои полторы тысячи долларов, мы получили воздухоплавательный шар. И пока его сыны спускали газ и сворачивали оболочку, Джордж как радушный хозяин пригласил нас к обеденному столу. Что ж, мы с охотой согласились, ведь погода на улице была мерзкой — холодной и влажной, и нам хотелось как можно скорее оказаться в тепле.

Вообще, Джордж Креппе, не смотря на свою суровую внешность, не смотря на то, что руки у него были крепче стали и семью свою он держал в строгости, оказался довольно-таки классным мужиком. Добродушным, веселым и весьма разговорчивым. Пока мы устаивались за столом и женщины подтаскивали нехитрые блюда, он все трещал без умолку, пытался через Прохорыча шутить. Но такое поведение, если судить по обалдевшим взглядам женщин, выбивалось из привычного, и отсюда я понял, что причина его хорошего настроения в удачной сделке, что он совершил. И тут же мне закралась мысль, а не переплатил ли я? Но делать уже было нечего, время назад не вернешь. Но узнать что да как я, пожалуй, мог.

— Господин Креппе, а скажите, это же ваш первый подобный шар? Я не ошибся?

— Да, первый, — не стал скрывать он. — Представляете, еще в прошлом году мой старший сын уговорил меня попробовать его сделать, ну я и согласился.

— И целый год вы его продавали?

— Эх, да, целый год. Сам не верю, что я пошел на это. Хотя мой сын и убеждал меня, что мы без труда заработаем денег, да вот на самом деле оказалось, что покупать его никто не хочет.

— Почему же?

— Народ у нас оказался приземленный. Никто не хотел воспарить под небом и быть ближе к богу.

— К богу? — не очень-то понял я его. — А почему к богу?

— Ну как же! Бог на небе, мы на земле. А оттуда сверху ему лучше слышно.

— Так вы за этим шар и построили?

— Ну да, а зачем же еще? — недоуменно спросил Креппе. — Вот, сын уговорил меня, а я подумал — почему бы и нет? Думал, что община будет покупать у меня шары, чтобы оттуда, сверху, общаться с богом. Но, похоже, не все разделяли наши мысли.

— А сами вы поднимались на нем?

Он вздохнул:

— Поднимался. Да только стыдно признаться — страшно мне было. Оно, конечно, с господом оттуда лучше общаться, да только какой смысл мне туда подниматься, если я там не о боге думаю, а том, как бы не упасть. А еще там ветра дуют, и шар все время качает. Вот, мы и решили продать его.

— Я так вижу, что вы человек весьма верующий.

— Да, очень. Вся наша семья состоит в общине.... А вот вы, господин Рыбалко, какой веры?

— Православный я.

— Да, да, слышал, слышал про такое, — закивал он головой. — Говорят все церкви у вас в золоте, красивые. И во что же вы веруете?

Я пожал плечами. Честно, я хоть и ходил регулярно в церковь и слушал там проповеди и проходил все необходимые обряды и церемонии, но по-настоящему в вопросы веры не углублялся. Потому и ответить-то мне Креппе мне было нечего.

— В троицу верим, — ответил я после небольшой паузы. — В отца и сына и духа святого. В Богоматерь веруем.... А вы, господин Креппе, какой веры? Католической?

Он улыбнулся и помотал головой, отчего его косматая борода заходила волнами.

— Нет, не католической. И не протестанты. Мормоны мы.

У меня едва не вырвалось — "сектанты?", но вовремя прикусил язык. Про мормонов я, конечно же, слышал. Но что это за вера, какие у них догмы и в чем отличие от того же католицизма, я не знал. Просто было в моем мире на них клеймо — "секта" и все. И я в этот вопрос не вдавался, мне было неинтересно. И так общения со "Свидетелями Иеговы" мне в том мире хватило. Кстати, эти тоже уже должны существовать и, если мне не изменяет память, именно в Америке они сейчас в своей основной массе и обитают.

Креппе, видя, что я слегка обалдел, решил, что можно бы и завести об этом разговор. Но едва он открыл рот, едва он повел тему своей веры, как я его перебил:

— Извините, но я бы хотел с вами поговорить о бизнесе.

— Что ж, давайте, — с легким сожалением ответил он.

— Как насчет того, чтобы сделать для нас второй шар?

— О-о, это очень хорошо, — кивнул он.

— Такого же плана, один в один. Вы сделаете?

— Да, сделаем, — он был доволен тем, что бизнес начал приносить деньги.

— Но не за тысяча триста пятьдесят тысячи долларов, а за семьсот. Что вы на это скажете?

— Семьсот?! — воскликнул он возмущившись. — Но это невозможно! Это слишком низкая цена. Нет, господин Рыбалко, за семьсот мы не сделаем. Только за ту же цену что и первый шар! Но из уважения к вам, мы можем дать вам скидку в сто долларов! Да....

На самом деле я, после того как прикинул стоимость материалов, прикинул объем работ, понял, что я очень и очень сильно переплатил. Да и цена в семьсот баксов была велика чрезмерно. Ну да, шелк дорогой, но не настолько чтобы драть такие деньги.

— Нет, господин Креппе. Я понимаю ваше желание заработать, но посудите сами. За эти деньги, что вы просите, можно купить хороший автомобиль или даже два. А автомобиль, — я покачал головой, — ну никак не может сравниться с воздушным шаром. Семьсот долларов это очень хорошая цена. Я понимаю, вы сделали первый экземпляр, совершили на нем много ошибок, сделали много исправлений, потому и цену выставили соответствующую, чтобы, значит, и окупить все свои вложения и заработать чуть-чуть. Но со вторым-то экземпляром, господин Креппе...?! Увольте, но на ваши условия я пойти не могу. Семьсот долларов и только так.

И Креппе нахмурился. Свел кустистые брови к переносице, уставился в тарелку. Недовольно пошевелил бородой.

— Прошу прощения, — вдруг сказал он и встал из-за стола, — я на минутку.

И вышел под недоуменные взгляды женщин, что стояли в другой комнате и ждали окончания переговоров. Уже не знаю, куда он направился и что делал, но только когда он вернулся минут через десять и с грохотом уселся на стул, громогласно заявил:

— Тысяча долларов!

— Нет, господин Креппе, только семьсот, — заявил я в очередной раз. Идти на уступки я ему не желал. Он и на этой цене неплохо заработает.

— Тысяча и не центом меньше!

Похоже, наши переговоры зашли в тупик. Я не собирался уступать в цене, Креппе тоже. Мне, собственно, и одного шара достаточно, так что я могу и обойтись, а вот Креппе возможность заработать вряд ли упустит. Пока он кочевряжится, гнет пальцы, но все-таки вскоре сломается и пойдет на мою цену. Я в этом уверен.

— Что ж, тогда мне очень жаль, — говорю я через Прохорыча. — На вашу цену я пойти более не могу, поэтому мы ограничимся покупкой всего лишь одного изделия.

Он кивнул, выслушав перевод, буркнул что-то нечленораздельное и ответил:

— Что ж, пусть будет так.

Наш обед плавно завершился. Что интересно, после сытных блюд, нам не принесли ни чая, ни кофе, а налили по стакану холодного молока. Мормоны, что с них возьмешь.

Сыны Креппе уже спустили газ из шара, свернули оболочку и сейчас, положив ее поверх корзины, осторожно обвязывали. Старались сделать так, чтобы не повредить пропитанный лаком шелк. И судя по тому, как они кряхтели, когда поправляли оболочку, было понятно, что груз получился тяжелый.

— Вы же помните в какой гостинице мы остановились? — спросил я у главы семейства.

Он утвердительно кивнул и сказал:

— Не беспокойтесь, мы поможем вам перевезти груз. Стефан поедет за вами.

— Хорошо, это было бы превосходно. Мы в той гостинице пробудем еще несколько дней, так что если вы передумаете, то ищите нас там. А потом мы вернемся в Сан-Франциско, и, думаю, остановимся в гостинице "Глоуб". И пробудем там пару недель, прежде чем вернемся в Россию. Если вы вдруг перемените свое мнение, то шлите телеграммы на адрес гостиницы на мое имя.

Он кивнул, принимая информацию к сведению. Чувствую, что он, упуская возможную выгоду, согласится на мою цену еще до нашего отъезда.

А между тем, сыновья окончательно упаковали шар, подогнали крепкую телегу, запряженную мощным конем, и, поднатужившись, завалили на нее груз. Однако ж, сыны были под стать своему отцу — такие же жилистые.

С Джорджем я честно расплатился — на виду у всех отслюнявил тринадцать сотенных купюр, добавил еще пять десятков и крепко пожал мозолистую ладонь. Настроение у семейства прибавилось, старший опять заулыбался.

Мы вернулись в отель. Владельцы отеля по моей просьбе наш груз временно взяли на хранение, поместили в подсобное помещение. Так же следующим днем мы нашли, где Креппе заправлял баллоны газом и купили там все нужное — заправленные баллоны, насос. И все, больше нам делать в Солт Лейк Сити было нечего и потому, заранее выкупив билеты на паровоз, мы принялись ждать.

Андрей Прохорович от великой скуки стал скупать местные газеты. И однажды ранним утром, за горячим завтраком, он, развернув одну из таких газет, удивленно воскликнул:

— О, Иваныч, смотри-ка — ты!

И показал мне первую полосу, на которой имелась статья с крупным заголовком, а в статье фотография, на которой был изображен мой пилот Женька Загогуля, а рядом с ним улыбающийся я и горделивый Стессель.

— Это что же, им почти три месяца понадобилось, чтобы эта новость до этих мест дошла? — удивленно спросил я, не вчитываясь в заголовок. Понятно было, что фотка эта приехала сюда после нашего прыжка с Электрического утеса.

Прохорыч прочитал заголовок:

— Да нет, Иваныч, слушай, — и он перевел то, что имело три восклицательных знака, — Первый в мире самостоятельный полет!

И не дожидаясь моего вопроса, углубился в чтение. И через несколько секунд воскликнул:

— Твои-то на моточайке влетели!

— Да ты что?! — едва не подскочил я, — Не может быть!

— Честно говорю, — и ткнул пальцем в громкую статью, — вот!

Я отобрал у него газету. Но, конечно же, кроме отдельных слов ничего из нее понять не мог.

— Ну-ка, переведи, — потребовал я и тот послушно зачитал:

— Вчера, двадцать девятого ноября в русской крепости Порт-Артур был совершен первый в истории человечества самостоятельный и полноценный полет человека на аппарате тяжелее воздуха. Евгений Загогуля, уже известный всем по своему смелому прыжку на планере собственной конструкции, сконструировал новый совершенный аппарат и, используя совершенную мощь моторов, поднялся на нем в воздух и совершил управляемый и весьма уверенный полет над заливом, рядом с которым находится русская крепость. На своем аппарате господин Загогуля поднялся на высоту сорока футов и пролетел в общей сложности более трехсот пятидесяти ярдов. После чего совершил безопасное приземление и был восторженно встречен своими соотечественниками. Тем же днем господин Загогуля был приглашен на встречу к наместнику Алексееву, где и был одарен почестями и получил вознаграждение в сумме около пятисот долларов. Стоит заметить, что сей управляемый полет, был запечатлен многими журналистами на свои фотографические аппараты, а так же на синематографический аппарат, известным своей безупречной плавностью съемки. По словам госпожи Рыбалко, полет, запечатленный ее аппаратом, вскорости должен будет появиться во многих синематографах мира. Поэтому мы сможем убедиться в грандиозном достижении человечества собственными глазами.

Он закончил краткий перевод и поднял на меня глаза. Вид у него был офигевший, впрочем, как и у меня.

— Не понял? — переспросил я. — Госпожа Рыбалко?

— Тут так написано, — ткнул пальцем Прохорыч в статью.

— Что там еще про нее?

— Так, так..., так, — он принялся выискивать в тексте упоминание о моей супруге, — Ага, вот еще.... Госпожа Рыбалка весьма в восторженных тонах отозвалась о сконструированном аппарате и пообещала что господин Загогуля отправится в кругосветное путешествие, с той целью, чтобы продемонстрировать всему миру мощь человеческого гения и любой желающий смог бы прикоснуться к этому великому достижению. По словам госпожи Рыбалко построенный господином Загогулей аппарат всего лишь опытный образец и в будущем его ожидает усовершенствование, с той целью, чтобы в воздух можно было

подняться не только одному человеку, но и любому пассажиру, желающего переместиться из одной точки мира в другую....

Андрей Прохорыч выразительно посмотрел на меня.

— Подожди, я что-то до сих пор не пойму. Моя супруга в Артур что ли приехала?

Он пожал плечами.

— Судя по статье — очень даже вероятно.

— Гм..., знаешь, Андрей, надо мне телеграмму срочно послать. Пойдем-ка....

И мы быстро сбегали до телеграфной станции. Там я накарябал поздравительный текст и спросил о своей супруге. И через двое суток получил подтверждение что — да, моя дрожащая вместе с маленькой дочкой прибыла в Артур и с нетерпением дожидается моего возвращения. Я громко выматерился прямо на людях, благо те моего языка не понимали.

— Какого хера она там делает? Какой черт ее туда потянул?

Но, конечно же, ответа мне никто не дал, лишь Данил предположил:

— Бабы они такие, Василь Иваныч, без мужика не могут. Видать соскучилась.

— Соскучилась, — раздраженно передразнил я его. — Она же знает, что скоро война, чего она приперлась. У-ух, зла не хватает....

Меня аж трясло. Не от того, что она приехала, не из-за того, что соскучилась... — это как раз понятно. А из-за того, что зная об опасности все равно приехала и привезла с собою дочку. Война уже меньше чем через два месяца, точной даты, к сожалению, я не знаю, но стрельба там будет вестись такая, что многие дома порушатся. И в мой дом может залететь случайный снаряд.

Через час, когда я более или менее успокоился, решил:

— Мне срочно надо отправляться в Артур. Поэтому ты, Данил, будешь здесь вести все дела, а ты, Андрей Прохорыч, ему переводить. Деньги я оставляю, список дел, что еще необходимо сделать, тоже. Данил, понял?

— Понял, как не понять, — пожал он плечами, а по глазам было видно, что парень заволновался.

— Не переживай, у Прохорыча опыт большой, он тебе поможет. Так ведь?

— Помогу, конечно.

— Отлично. Наш поезд когда?

— Завтра утром.

— Вот все втроем и поедем. Из Сан-Франциско я уже отправлюсь один, а вы будете делать то, что необходимо. Как купите все нужное, сразу возвращайтесь. Только не в Дальний и не в Артур, а во Владивосток. Так будет безопаснее. И обязательно на судне под иностранным флагом, неважно каким, главное не под русским. Оттуда уже поездом. Если успеете, то японцы еще не заблокируют полуостров, если нет, то.... Лучше бы вам успеть, поэтому все дела здесь делайте максимально быстро. Ну а я, как прибудем в Сан-Франциско, без промедления сяду на ближайший пароход.

Данил, поборов робость, деловито кивнул. Потом я ему набросал на листке список необходимых дел. Листочек он внимательно прочитал и надежно спрятал во внутренний карман пальто, туда, где у него в заплечной кобуре прятался новенький Браунинг.

Но уехать спокойно из Солт Лейк Сити нам не дали. Часа за три до поезда, в момент, когда мы выселялись из гостиницы, туда прибыл один из сынов Креппе.

— Василь Иваныч, гляньте, — тронул меня Данил. — Это же Стефан.

И точно, взрослый мужик, зайдя со света в темное фойе гостиницы, никак не мог настроить зрение. Часто моргал, глядя на нас, в попытках разглядеть лица. Наконец, привык, узнал нас и решительно, сломав шапку, подошел. Затараторил на своем.

— Что? — спросил я Андрея.

— Радует, что поймал нас на выходе. Говорит, что отец передумал.

— Прекрасно. Только кажи, что у нас времени нету. Если желает, то пускай едет с нами на вокзал. Там, пока поезд ждем и переговорим.

Он с готовностью кивнул и следом за нами двинулся на вокзал. Вот там-то, улучив малую толику времени, мы с ним и обсудили наши дела.

— Итак, что вам сказал отец?

— Мой отец, очень хорошо подумав, решил, что ваши цена хоть и чрезвычайно низка, но все же вполне допустима. Тщательно подсчитав все предстоящие расходы на постройку второго шара, он решил, что готов пойти вам на встречу и еще раз снизить цену.

Я хмыкнул.

— То есть все-таки за семьсот долларов он не согласен? А за сколько же тогда?

— За девятьсот, — серьезно сообщил он.

— Нет, господин Креппе, я на такую цену не пойду. Слишком уж дорого. Только за семьсот и не центом больше.

— Восемьсот пятьдесят, — мгновенно поправил ценник Стефан. И добавил, — это очень щедрое предложение. Вы же понимаете как нынче дорог шелк?

— Понимаю, но это ничего не меняет. У меня есть бюджет в две тысячи долларов, и выйти из него я никак не могу. Тут, либо я покупаю у вас один шар по вашей цене, либо два, но уже с сильным дисконтом. Либо так, либо никак. И заметьте, что предлагая купить у вас шар за семьсот долларов, я выбиваюсь из бюджета на целых полсотни. Поэтому, господин Креппе, если ваш отец не давал вам полномочий спускаться до этой цены, то давайте прекратим наши торги, и не будем портить друг другу нервы. Я все равно выше своей цены не поднимусь.

Он меня выслушал, задумался, а затем встал, пожал мне руку и вышел, пожелав мне на прощание счастливого пути. Что ж, видимо, будем довольствоваться тем, что уже купили. Возможно в Артуре вояки, получив в руки образец летучей техники, сумеют ее скопировать.

В Сан-Франциско мы опять заселились в гостиницу "Глоуб". И первым делом я на стойке поинтересовался телеграммами на мое имя. И получил из рук молодого человека несколько штук. И самая первая из них была от Креппе, в которой было всего несколько слов — "согласен на ваши условия". Я, прочитав их, высказался:

— Вот стервец, мог бы и сразу согласиться.

— Ну, Иваныч, он иначе не мог, — негромко произнес Прохорыч. — Он же должен был поторговаться, как же без этого.

— Ну да, должен.... Только времени много потеряли. Ладно, Данил, ты это..., съездишь потом туда, договоришься с ним о втором шаре. Сможешь?

— Конечно смогу, Василь Иваныч, даже не сомневайтесь.

— Заказывай у него точную копию первого. Пускай ничего не меняет, нас и так все устраивает. И проверишь его так же. Денег я тебе выделю достаточно. Как закажешь, возвращайся сюда, а ему скажи, чтобы высылал готовый шар до Владивостока, до нашей там конторы. Расходы на пересылку, конечно же, мы берем на себя.

Вторая телеграмма была из Артура и там говорилось, что в город приехала моя дражайшая супруга, где с неподдельным удивлением узнала, что меня там, оказывается, нет. Потому и была весьма недовольна и теперь настойчиво интересуется, когда сможет меня увидеть.

— Ладно, отвечу я ей, — с некой ноткой недовольства пробурчал я. — Я понимаю сама приехала, но дочку-то зачем притащила?

Но это я так, ворчал риторически, не требуя ответа от моих спутников.

Ну а третья телеграмма была из Питера.

— Неужели от Мишки? — с надеждой спросил я. — И вправду от него....

Я ожидал, что он сообщит о пулеметах, но нет, в тексте было лишь восторженное "Император поздравляет". С чем поздравляет, было понятно. Все-таки управляемый полет это та мечта, к которой так упорно стремилось человечество. И Николаю было отрадно, что первый такой отрыв от земли произошел именно в его стране. Это для него и повод для гордости и имидж перед другими державами. Так что вполне возможно, что затребуют моего пилота в скором времени в Питер и не будет мне никакой возможности отказаться.

Я улыбнулся. Показал текст моим спутникам. Те, прочитав его, разом охнули.

— Сам Царь? — не поверил Андрей Прохорыч.

— Я же говорил, что знаком с ним и за руку лично здоровался. Вот, теперь убедился?

— Ну, как бы..., я это..., не то чтобы не верил....

Он выглядел озадаченно. Действительно, еще по пути сюда я ему рассказывал, с какой стороны я вошел во двор, но он почему-то со скепсисом отнесся к моему рассказу. Не то чтобы не поверил — скорее подумал, что я сильно преувеличиваю.

Позже я дал всем ответ. В Артур отправил гневное послание, где отчитал свою супругу за неразумный поступок. Ответа ждать не стал, все равно поеду туда.

Прода от 1 апреля

В порту Прохорыч купил для меня билет до Дальнего. И в этот раз пароход был современнее того, на котором я сюда прибыл, и скоростнее. Сейчас он стоял под погрузкой, и отправление должно состояться завтра. Встретились с капитаном, расспросили по поводу груза. Можно ли взять с собой помимо тяжелого шара еще и дополнительную поклажу. Тот уточнил объем, вес и за дополнительную плату разрешил. Только поставил условие, чтобы грузы были чистыми и не пачкал, потому как его предстояло сложить в пустующие каюты. Это нас вполне устраивало.

Остаток дня мы провели в разъездах. Мотались по складам, скупали ящики с консервами. Брали тушенку, ветчину, птицу и рыбу. В общем — все мясное. Здесь этого добра навалом и гораздо дешевле, чем у нас на Дальнем Востоке. За рыбой, конечно, лучше бы скататься в сторону Аляски и прикупить ее там, так сказать, от производителей, но и здесь мой вояж по складам вышел неплохим. Потратил я на это дело тысяч десять долларов. Вроде бы много, но глядя на гору ящиков, понимал, что это капля в море. Нужно больше и намного. И кстати, здесь же прикупил с десятков мешков зернового кофе. Вкусного, ароматного, сводящего с ума, без примесей и мусора. Такой кофе в Артуре весьма ценился и охотно покупался офицерами и просто людьми с достатком. Да и я пил его в охотку, так что покупка была, что называется, впрок и в крепости она обязательно найдет своего покупателя.

Перед отплытием я передал Данилу по расписке почти все свои деньги и наказал, что и в каком количестве еще необходимо прикупить. Тот был предельно серьезен, запоминал и карябал карандашом в листочке. В его честности я был уверен, он сделает все как полагается. Андрей Прохорыч, впрочем, не был так уверен и шептал мне на ухо, что зря я так безоглядно ему доверяю. Деньги-то какие я ему выделил! Почти тридцать тысяч, а это, если сравнивать с моим временем, больше миллиона баксов! Было о чем задуматься. Но делать было нечего, тут либо ты полагаешься на человека, либо возвращаешься домой не солоно хлебавши. Эх, если бы только Маришка в Артур не приперлась! Но на самом-то деле я Данилу доверял не из-за того, что он был честен, а из-за того, что тот знал — укради он эти деньги и мы не пожалеем средств и времени, но достанем его из под земли и заставим все вернуть. Уж он-то как никто другой знал, как работают хлопцы Истомина, какие головорезы у него ходят по домам долги выбивать.

Само отплытие из Сан-Франциско прошло буднично, без жарких объятий и расставаний. Я, дав последние указания, пожал Данилу и Андрею ладони, кинул пару указаний и отчалил, крикнув напоследок с борта:

— Телеграммы регулярно шлите.

Они что-то крикнули в ответ, но я уже не слышал. Мой корабль, пеня грязную воду западного побережья, уводил меня из Америки.

В Дальний я прибыл спустя три недели. Двадцать один день я страдал в море. Корабль, попав в болтанку, скрипел, стонал, ухал и перевалился по волнам как усталый медведь, вздрагивал телом и дрожал, когда сильная волна била в борт. Боковая качка она самая противная — короткая и резкая. От нее в каюте все летает из угла в угол, а желудок,

измученный постоянной тошнотой, выворачивается наизнанку. На целых десять дней наш корабль попал в шторм. Не знаю насколько он был сильный, на сколько баллов — мне казалось, что на все десять. Но капитан, проходя по каютам и интересуясь самочувствием немногочисленных пассажиров, пояснил, что качает не так чтобы сильно. Скорее средненько. И пожелав мне терпения, удалился. А я, наконец-то нутром понял Мишку, когда он жаловался на длительные морские путешествия. Действительно, уж лучше самая жесткая турбулентность на самом старом самолете, чем эта размеренная и добивающая нутро качка.

В Дальнем меня ждали. Еще на подходе с палубы, я увидел своих встречающих. Тут и Петро и Мурзин, и мои братья-пилоты. И Маришка нарядная, а рядом с ней незнакомая женщина с моей дочкой на руках. Все они стояли на пирсе и ждали, когда судно причалит.

Когда я сошел по трапу, первым подскочил Мурзин и, горячо облапав, шепнул:

— Не ругайся сильно, твоя соскучилась очень и сама переживает.

— Ладно, — пообещал я и расцепил его руки.

Маришка подлетела ко мне радостная, счастливая — видно что скучала. Ну как тут можно сердиться? Она кинулась мне в объятия, припала головой к груди. Но сделала это так неудачно, что ударилась подбородком о рукоять спрятанного пистолета.

— Ой, а что это там у тебя? — вместо радостного "я соскучилась" спросила она.

— Не важно, — отмахнулся я и, жарко ее поцеловал. И честно сказал: — Рад, что приехала.

Она улыбнулась, смягчилась и на секунду прильнула — ожидала все-таки, что буду ее отчитывать.

— Ой, а это кто у нас такой большой стал? — при виде Дашульки у меня даже защемило сердце. Вот по кому я по-настоящему соскучился. По этой маленькой шалопайке и непоседе. — А ну-ка, — я протянул руки и женщина, на руках которой сидела моя дочь, покорно ее передала. Но дочь отвыкла от моих рук и, кажется, забыла меня. Едва я попробовал ее чмокнуть, как она запротестовала и сильно уперлась руками, требовательно воскликнув:

— Нет!

Она никогда не любила поцелуйчиков и росла недотрогой. Даже собственную мать к себе не подпускала и не терпела ее нежностей. Лишь иногда позволяла чмокнуть себя, но только тогда, когда ей этого самой хотелось. Вся в мать, такая же своенравная и независимая. Будущая суфражистка, не иначе.

— Давно ты здесь? — спросил я свою жену.

— Полтора месяца уж, — ответила она, лишь чуть-чуть опустив долу глаза, показывая, что все понимает. — Приехала на поезде, а тебя нету....

Я вздохнул:

— И как тебя только Мишка отпустил?

— А что Мишка? Кто он мне? Захотела и поехала....

— Ну ладно, не будем сейчас ругаться. Все равно рад, что тебя увидел. Егорыч, — обратился я Мурзину, — там, — я кивнул на начавший разгрузку пароход, — у меня багаж. Много вещей и груз. Позаботься.

— Ну, это уж как полагается, все сделаю как требуется. А вы, Василь Иваныч, езжайте домой, а то с дороги устали поди. А там дома Юн баньку вам топит, — с готовностью ответил он и двинулся в сторону парохода. Мимоходом махнул куда-то в сторону, и к нему сорвалось едва ли не с десятков ожидающих работы китайцев. Те быстро уловили суть

необходимого и вот уже через несколько минут с парохода стали стаскивать первые ящики. Егорыч потом вышел, покачал головой, мол — много всего.

А я и вправду послушался совета своего помощника. Без задержки двинулся домой. Но прежде подошел к своим братьям-пилотам, крепко пожал ладони:

— Ну, что могу сказать — поздравляю! Прекрасно все сделали, я в Америке статью про ваш полет читал. Ух, там вас хвалили!

— Спасибо, Василий Иванович, — заулыбались парни. — Представляете, всего на три недели мы их опередили!

— Кого их? — не очень понял я.

— Ну как же? Братьев Райт, конечно же! Вы разве не слышали?

— Братья Райт? — мне тут пришлось сделать недоумение. Я, конечно, знал кто это такие, да вот что-либо интересного про них я в этом времени не слышал. И если они за время моего пути смогли запустить свой самолет, то я об этом и не мог узнать. Потому и сделал недоуменное лицо. — А что такое с братьями Райт?

— Ну как же? Неужели вы и в самом деле ничего не знаете?

— Женька, не томи. Я в пути был три недели, из Сан-Франциско напрямик сюда, и новости я узнать ниоткуда не мог. Рассказывай.

— В общем, Василий Иванович, эти братья Райт построили свой планер, поставили на него мотор и взлетели на нем.

И мои братья заулыбались, ощерились довольно, ощущая себя победителями. Они выиграли в этой гонке, и вся слава и почет досталась им, а братья Райт, довольствовались лишь новостной заметкой. Полагаю, что и денежное вознаграждение от наместника мои пилоты бессовестно присвоили себе. Хотя я на эти деньги и претендую — они их заслужили за свой немалый риск.

— Ого, вот значит как? Выходит, мы не зря торопились?

— Выходит не зря. А еще нас сам Император поздравил телеграммой.

Я развел руками. Ну как тут можно не радоваться? И опять я их поздравил, крепко пожал ладони. Парни на самом деле очень сильно постарались и сделали все в самом лучшем виде. И на самом деле заслужили похвалу. А Женька тот и вправду герой, раз не убоился снова подняться в воздух на непроверенной технике, да еще и лететь над ледяной водой, искупавшись в которой можно было запросто подхватить воспаление легких, которое в эти времена всегда лечилось очень сложно.

— Ладно, вы мне потом все расскажите. А сейчас давайте уже поедем домой.

Я уселся с Маришкой в закрытую карету, хлопнул дверью, отгородившись ото всех, и приказал ехать. Хотел было взять с собою и дочку, да только та закапризничала, и слезать с рук незнакомой женщины отказалась.

— Это кто такая? — спросил супругу, кивая затылком на едущую следом карету. — Я ее не помню.

— Это Леся, наша новая няня. Хорошая баба, добрая и Дашка ее любит.

— А старая что же?

— Не захотела ехать. Вот и пришлось нанять эту.

— Смотрю, дочка у нее с рук не слезает.

— Да, не слезает, — подтвердила Маришка и где-то в глубине интонаций послышалась маленькая такая иголочка ревности.

Я улыбнулся, оглянулся назад на наш растянувшийся поезд. Несколько карет, стуча по

камням колесами, неспешно тащились по узкой и присыпанной легким снежком дороге.

— Мне кажется, что она меня забыла, — пожаловался я, на что Маришка махнула рукой:

— Ничего. Вспомнит.... А Мишка, кстати, от царя поздравления получал за наш полет. Да, он телеграмму мне сюда присылал. Я и на пленку все сняла и уже в Петербург ее отправила. Алексеев, представляешь, прислал ко мне своего адъютанта и потребовал, чтобы я в кратчайшие сроки передала ему копию пленки, чтобы он, значит, через фельдъегерскую службу переправил ее Императору.

— А копия? Копия-то у тебя есть? Ты ее смогла снять?

— Нет, нету. Оборудование-то все на студии в Питере. Я передала ему негатив, а с него смотреть нет никакой возможности. Поэтому, прежде чем ленту покажут Императору, она все равно попадет к Козинцеву в руки, а тот, сам знаешь, своего не упустит.

— Это точно, — ответил я, и мои губы растянула хитрая улыбка. Мишка и вправду выгоду не упустит. — Ну, расскажи хоть, как у вас все произошло? Женька не сплеховал?

Но она не ответила. Наоборот, раздосадовано, слегка стукнула узким кулачком мне в плечо:

— Я, между прочим, тебя десять месяцев не видела, а ты про своего Женьку. Ничего с твоим Женькой не случится, потом у него и спросишь. А я, если ты не заметил, соскучилась! — и прижалась ко мне, явно требуя жарких обнимашек. Что ж, это я мог ей устроить.

Был конец года. Я успел приехать в Дальний как раз под Рождество, который состоится буквально через пару дней. Небольшой подарок супруге я успел купить в Америке и сейчас он хранился у меня в кармане пальто. Небольшая золотая брошка с камушками должна понравиться Маришке и у меня был большой соблазн вручить ее прямо здесь, в карете. И я едва не поддался искушению, но вовремя остановился. Супруга заметила, хитро прищурилась и, прильнув, поинтересовалась:

— А что у тебя там?

— Где? — сыграл я недоумение.

— Ну, там, — она ткнула пальцем мне в бочину. — Что-то жесткое. Подарок мне, да? А покажи....

Я улыбнулся. Подарок, конечно, был, но не в том месте, куда она показывала. Поэтому я, просто расстегнул пальто, потом пиджак и продемонстрировал супруге новенький Браунинг. И от этого вида у Маришки сразу же пропало настроение.

— Вот, купил по случаю. Хорошая вещица, удобная. Мне в будущем должна пригодиться.

— Ох, опять ты про свою войну..., - ответила она недовольно. Помолчала некоторое время, а потом призналась. — Мне, между прочим, Данил Егорыч все про нападение на твои склады рассказал. И про то, как ты бедного китайца пытал, издевался над ним. А потом приказал ногу отрезать.

— Это тебе Мурзин так сказал? — удивился я. — Не может такого быть!

— Ну, не сам он. Он лишь сказал, что твои склады опять пытались сжечь..., - она замолчала.

— Ну и? Это все?

Она вздохнула.

— Я его потом как не просила рассказать, что случилось, да он больше ничего и не

сказал. И бабы твои тоже ничего не рассказали. Зато соседи меня прекрасно просветили. Там же столько глаз было, ничего не осталось сокрытым. Ты бы, Васенька, не был таким жестоким, а?

— Тьфу ты, Маришь! Нашла у кого спрашивать. Соседям только бы языком почесать, не смотри, что жены генералов, да адмиралов. Ты бы еще на базаре поспрашивала.

— А что, разве все было не так?

— Нет, не так. Я тебе позже расскажу, как дело было.

— Ладно, хорошо. А эта твоя проститутка? Зачем ты ее в дом взял?

Ну, вот что за допрос с пристрастием начался? Прибыть не успел, а уже начался вынос мозга. Маришка раньше подобной ерундой не занималась, и потому я решил, что это она просто от переживаний и ревности. Действительно, что она еще может подумать по этому поводу? Вот и пришлось мне объяснять свое решение, убеждать ее, что никакой подоплеки в этом нет. Лиза женщина, конечно, красивая, да только вот ее ожоги напрочь отбивали всякое желание.

— Ты ее без одежды видела? — после своего объяснения спросил я.

— Нет.

— Тогда советую посмотреть. Попроси показать хотя бы правую руку и ты все поймешь. Лизка у меня живет как работница, как служанка и не более. Да, пожалел ее, забрал из больницы к себе и поселил в комнату к Юн, и что? До пересудов мне нет никакого дела, хотя представляю себе, что тебе могли наговорить.

И глядя на ее, я понял, что ее уже просветили. Понарассказывали небылиц и баек, нашептали в уши гадостей, вот она и взревновала. Саму Лизу она до моего приезда решила не трогать и выгонять не стала. Как и признавать у нее правду. Что странно, с ее-то любовью к резким и решительным действиям....

— Да, но..., - попыталась было она гнуть свою партию, но я ее осек.

— Хватит об этом. Лизка просто у меня работает, никаких отношений у нас с ней нет, в постели я ее не любил и деньги ей за это не платил. И прошу тебя понять, обо мне могут говорить всякую гадость и могут вести за моей спиной пересуды — сплетники и завистники постараются. Лизка — да, она бывшая кафешантанка, развлекала господ. Но теперь это ее занятие в прошлом и она у меня в доме только как домработница и ничего более. Такая же служанка как и Юн. И ничего у меня с ней не было и быть не может, по одной простой причине, что я брезгую пользоваться женщинами, которых до меня полюбили сотни человек. Поэтому, Марин, прошу тебя, не выноси мне мозг по этому поводу и оставь в покое Лизку. Она хоть и бывшая проститутка, но судьба ей подкинула тяжелую долю. И ты на самом деле посмотри ее ожоги и успокойся уже враз и навсегда.

Похоже, моя отчитка обидела супругу. Она нахмурилась, но вняла моему совету и более этот вопрос не поднимала. А позже я узнал, что она и вправду потребовала Лизку раздеться и, уже оценив ее страшные рубцы и пятна, успокоилась по-настоящему.

До дома мы добрались без происшествий. Еще на пороге нас встретили мои служанки, и они забрали мои личные вещи. Следом прибыли братья-пилоты и Петро. Мурзин же остался в Дальнем следить за разгрузкой. С этим у меня проблем не возникнет.

— Мариш, в баньку бы, — попросил я, — ты просто не представляешь как я по ней соскучился.

— Да, Вася, я догадываюсь. Я знала, что ты ее попросишь, и потому приказала ее истопить. Юн, все готово?

— Готова, госпожа, давно готова, — часто закивала девушка. — Обед тозе готова, можна кушать.

— Может сначала покушаешь? — спросила меня жена. — А потом уже в баньку, а?

— Нет, сначала попариться, а потом и покушать можно. Грязный я, чешусь весь. Там на пароходе какая-то проблема с душем была, и помыться не всегда удавалось.

— Ну, как знаешь.

Маринка окинула всех мужиков взглядом, по-хозяйски так, по-купчески. И Петро, все поняв, слинял в дом и более в этом день мне на глаза не попадался. Да братья тоже, сославшись на срочные дела, предпочли уйти. Так что получилось, что в баню я пошел с супругой, где и предался после обязательной помывки любовным утехам. Соскучился я по ней, чего уж там.

А следующим днем, после неги в постели, после плотного завтрака, Петро, испрашивая разрешения у Маринки, присел рядом и спросил:

— Василь Иваныч, а Данил-то где?

— В Америке остался дела доделывать. Через месяц, другой прибудет.

— А-а, хорошо, а то я думал не случилось ли чего.

— А что может случиться?

— Ну как же, там же чума в вашей Сан-Франциске была. Думал, может он ее подхватил.

— Чего? Какая чума?

— Бубонная..., а вы что, разве не знаете?

— Нет, не знаю.... А ты откуда знаешь?

— В газетах писали. Я, когда вы уплыли, только тогда и вспомнил.

— Та-ак, — протянул я недовольно. Про чуму в Америке и я когда-то давно читал, но то, что она была в Сан-Франциско не помнил. Да и читал-то об этом пару лет назад и к моей поездке она уже наверняка сошла на нет. Да и не заметил я какой-либо истерии по этому поводу — люди жили своей обычной жизнью.

— Если вы хотите, то я могу вам газетку принести. Месяц назад там опять новые случаи выявили.

Лучше бы он этого не говорил. Маришка на него шикнула, обозвала болваном и в грубой форме потребовала заткнуться.

— А чего, Марина Степановна, скрывать-то? Вот же он, живой и здоровый, нечего волноваться.

— Ну-ка, Петро, тащи сюда эту газету, — потребовал я.

И он принес мне ее. Местная "Новый край", а в ней на развороте статья, о том, что в Америке продолжается угасшая было эпидемия бубонной чумы. Десятки трупов с характерно раздутыми лимфоузлами и полицейские рейды в неблагополучные районы города. Статейка была короткая, без фотографий, но и это мне не понравилось. Это что же выходит, что я и там рисковал не меньше чем здесь?

Позже я сходил к своему знакомому журналисту и переговорил по этому поводу. Он поднял архив своей газеты, ткнул пальцем в подходящие статьи и из них я узнал, что чуму в Америку завезли в Сан-Франциско китайские и японские эмигранты, а первое тело, пораженное болезнью, нашли, оказывается, в подвале гостиницы, где я и проживал! И это меня настолько потрясло, что прочитав эту уже протухшую новость, я впал в прострацию.

На самом деле я эпидемию чумы представлял иначе. Думал, что она косит своей косой

людей направо и налево, валит их с ног без разбора и поделать с этим ничего было нельзя. И лекарств от нее не было, только профилактика. И вся информация о ней у меня были лишь из средневековой истории Европы, куда чума пришла с востока через крыс и блох. М-да..., с востока.... То есть как раз из средневековой Индии и Китая, и выходит, что сама чума из Китая до сих пор никуда не делась. Я прекрасно помнил, что еще живя в Питере, читал заметки о пандемии, что разразилась на дальних границах Российской Империи и в Китае, но значению этому не придавал. Еще тогда не думал, что мне придется работать на Дальнем Востоке, а после я забыл. Теперь же вспомнил и ужаснулся. Для меня чума была той болезнью, от которой следовало бежать без оглядки.

Потом весь день я ходил словно потерянный, ошеломленный. Размышлял о болезни, что до сих пор бродила по округе и жалел, что до от нее нет лекарств. Чума, насколько я знал, вызывали бактерии, а значит, ее можно будет лечить антибиотиками.... А антибиотиков у нас-то и нет, и поторопить их появление смогу только лишь один я. В общем, под конец дня, я уже твердо решил, что вернувшись в Питер, плотно займусь этим вопросом и кину часть средств на поиски пенициллина.

Кстати, листая архивы "Новый Край", я поговорил с Пудовкиным по поводу состоявшегося полета и он, вдруг хлопнув себя по лбу, выложил передо мной сто тридцать рублей.

— Вот, это ваши.

— За что? — спросил я, уже догадываясь.

— Ну как, за фотокарточки с вашим Загогулей, за открытки. Все по-честному.

— Что ж, прекрасно, — я без зазрения совести забрал деньги и спрятал в портмоне. — Как продается?

— Неплохо, весьма неплохо. Когда ваш парень воспарил над бухтой и успешно сел, можно сказать, что весь город хотел с ним сфотографироваться. В очередь выстраивались, м-да. Но сто тридцать рублей это мало, могло быть больше. Супруга ваша вмешалась и запретила больше использовать вашего парня. А жаль.

— И что же она сказала?

— Ничего. Просто забрала его и больше его не отдавала.

— И ты ей на меня не сослался?

— Сослался, конечно же, да только она меня не послушала. Я так понял, что женщина она своевольная, что хочет то и делает.

— Ну да, есть такое немного..., - поддакнул я. — Но ты хоть успел его достаточно нафотать для открыток или нет?

— Нет, Василь Иваныч, не успел. Вы бы поговорили со своей женой, пусть бы она разрешила, а?

— А ты ей наш договор показывал?

— А как же! Да только она все равно запретила, и поделать я с этим ничего не смог. Это ты мне условия в договоре выкатил и штрафные санкции, а я вот как-то не подумал, что наш заработок может сорваться по такой простой причине. Ты бы с ней поговорил, а?

Я хмыкнул:

— Знаешь, Алексей Захарыч, ты просто бери моего парня и фотай его как хочешь. А супруге я своей скажу, чтобы не вмешивалась.

Он кивнул:

— Вот и славно. Тогда, чтобы время не терять, может я его прямо сейчас и заберу?

— Конечно, пользуйся. А супруге своей я сейчас позвоню. У тебя же здесь есть телефон?

Телефон, конечно же, был и потому, не теряя ни минуты, я позвонил домой и попросил Маринку не мешать Пудовкину в его работе. Пояснил ей по поводу наших договоренностей. И она с удивительной легкостью согласилась и пообещала в мои дела более не влезать. Есть у нее такая суффражистская особенность — потягивать время от времени одеяло на свою сторону. Вот и сейчас, пользуясь тем, что меня нет в городе, она решила приостановить все странные с ее точки зрения договоренности. И продажа фотокарточек с одним из моих работников, по ее мнению, как раз и казалось странным. Потому она и настояла на своем и подрубила дело Пудовкина на взлете. И сто тридцать рублей, хоть и казались большими деньгами за такое несерьезное дело, но на самом деле были лишь каплей в будущем море. При грамотной раскрутке парня, на этом деле можно было заработать десятки и сотни тысяч рублей. Да чего уж там, одна только картина с его полетом, должна была принести нашей кинокомпании ворох бумаги очень крупного номинала.

Прода от 10 апреля

— Слушай, Алексей Захарыч, а расскажи, как все прошло? Народа много было?

— Народа была тьма, — сказал он, повеселев, — И наместник со своей канцелярией, и Стессель со своим штабом и, кажется все офицеры крепости. И журналисты иностранные были, куда же без этого. Твой парень стартовал с рельсов и очень уверенно взлетел. Пролетел через всю бухту и сел на набережной.

— Как это с рельсов? А почему?

— Ну, не с тех рельсов по которым поездам ходят, а с самодельных. А почему..., не знаю. Тебе бы лучше самих их расспросить.

— Расспрошу, конечно же. Так говоришь журналисты иностранные здесь были?

— Да, английские, немецкие, французские. Американский тоже был. Твои-то их заранее оповестили, и те из крепости разъезжаться не стали. Вот и получили первоклассный материал.

Казалось, он был недоволен. Оно и понятно, очень уж ему хотелось иметь эксклюзивный материал, который можно будет продать другим изданиям. Но при таком подходе, получалось, что он, кроме публикации в собственной газете, ничего и не приобретал. Хотя, как он мне потом шепотом признался, все-таки именно его статью потом перепечатывали питерские и московские газеты и копейку он от них свою получил. Так что грех жаловаться.

Я потом сходил к своим парням, посмотрел на то, что они запустили в небо. Что ж, с момента моего отъезда они славно постарались. Чуть переделали крыло, изменили раму, на которую воткнули пару мотоциклетных двигателей. Соединять эти два движка через редуктор не стали — мороки много, а просто повесили на каждый из них под винту и поставили отдельное управление газом. Под центром тяжести крыла поставили кресло, а нос рамы по моему совету обшили парусиной, изобразив своеобразный обтекатель. Таким образом, лобовое сопротивление при полете нашей моточайки должно было значительно понизиться, а значит и сам полет должен был быть более уверенным.

Женька и Святослав были довольны своей техникой и, чего уж скромничать, весьма горды. Слава, что им перепала, еще не обожгла, и они ею наслаждались. Принимали подарки, поздравления, отвечали на поздравительные телеграммы и письма.

И опять я, осматривая плотное крыло, спросил:

— Ну что, страшно было как в первый раз или нет?

— Не то, чтобы страшно, скорее волнительно, — с улыбкой ответил Женька. — До последнего было непонятно хватит ли мощности моторов.

— Хватило?

— Хватило, но с трудом.

— А что за история с рельсами? Это еще зачем?

— Тут такое дело, Василий Иванович, — стал объяснять Святослав, — были у нас сильные опасения по поводу взлета. Скорость набрать для отрыва это же самое сложное. Ну, вот мы подумали тут и решили, что чтобы нам уверенно взлететь, нам нужен небольшой трамплин. И сделали на пирсе возвышение, а с него рельсы вниз, а внизу тот самый трамплин. Ну, вот так и взлетели. А в воздухе потому уже было просто. Пролетели мы над

водой до самого конца, а потом Женька посадил чайку на набережную, там, где мы приготовили место.

— То есть, насколько я понял, взлет был нечестный?

— Ну, если с такой стороны посмотреть, то да.

Но на самом деле это было не важно. Не имеет значение каков был взлет, самое главное тут как происходил сам полет. Уверенно ли держалось крыло в воздухе, можно ли им было управлять. Да и сама посадка имела огромную важность. Тут мало сохранить сам аппарат, тут важно сохранить жизнь пилота.

— Награду от Алексеева, слышал, получили?

— Да, по пятьсот рублей, — кивнули братья, — и приглашение на праздничный ужин в "Саратов". Василь Иваныч, тут это..., — запнулся вдруг Женька, — наместник говорил, что меня могут в Петербург с нашей моточайкой вызвать. Наместник убеждал, что император захочет на нас посмотреть и оценить нашу технику. Это, конечно, здорово, но как же тогда война? Кто тогда будет летать над япошками и портить им нервы?

— Гм, — хмыкнул я, — в неудачное время, однако.... Жаль, если такое случится, вы мне здесь нужнее. Действительно, кто же летать будет если не вы?

Они пожали плечами. Но, чуть подумав, я понял, что ничего страшного в этом не будет. Их поездка в Питер скорее принесет пользу. Ну, а чтобы не остаться мне в Артуре в дураках, я сообщил братьям:

— Нужно сделать еще один экземпляр. А лучше два. За месяц справитесь?

— Быстрее, — заверил Святослав. — По чертежам-то чего не строить? А двигатели, значит, нам можно будет с ваших мотоциклов брать?

— Да, без зазрения совести. Вы мне главное сделайте, а я уж нового пилота найду и ты, Жень, его всему обучишь. Я с Алексеевым поговорю по этому поводу, может быть Император отложит смотрины на месяц, пока мы нового пилота подготавливаем. Оно, конечно, здорово, что ты пролетишь прямо над макушкой Его Величества, но нам и здесь нужно воздух покорять.

— Конечно, Василь Иваныч, только будет к вам одна просьба.

— Какая?

— Вы, когда пилота будет подыскивать, не ищите их среди деревенских. Лучше из городских и из тех, что пообразованнее. На худой случай можно из рабочего, такого, что будет хоть чуть-чуть понимать в технике. И лучше брать худосочного и росточком маленького, тогда и моточайка взлетит легче.

— Хорошо, я понял. Так и сделаю. Но ты скажи мне, как твой полет был вообще? Уверенно моторы тянули? От бокового ветра чайка не упадет?

— Как сказать, Василий Иванович, мы, когда полет устраивали, специально безветренную погоду подгадывали. Крыло в воздухе держалось уверенно и двигатели тянули хорошо. Даже получалось постепенно высоту набирать. Со взлетом, я уже говорил, беда, а вот с полетом вроде неплохо. От легкого ветра наш аппарат не упадет — пилот запросто выровняет, а от сильного порыва падение возможно. Тут моторы мощнее нужны.

— Я, собственно, так и думал. Ладно, за неимение лучшего варианта будем пользоваться тем, что доступно. Но я тут Данилу в Америке задание дал, и он постарается привезти сюда пару новых движков из тех, что сможет достать.

— Ого, это же просто замечательно, — заулыбался Святослав. — А чьи моторы-то будут?

— Какие сможет достать. Но, я просил, чтобы он пробовал от Форда. Мы там прокатились на этом автомобиле и двигатель от него оказался достаточно тяговит. Оборотов там, правда, маловато, так что его только через ременной редуктор. Если движок по весу будет не слишком тяжел, то его можно будет применить вместо наших двух. Тебя, кстати, Святослав, в Питер-то забирать не будут?

— Нет, Алексеев только про Женьку говорил. Про меня ни слова.

— Ну, вот и хорошо. Значит, мы тут с тобой его и попробуем поставить. Лишь бы Данил его купить смог.

— Надеюсь, купит. А то вот ваша супруга привезла с собою новый мотор от Тринклера, да он оказался для нас неподходящ. Тяжел слишком.

— Ого, а я об этом ни сном ни духом. Что за мотор?

— Не знаем, Василь Иванович, мы не разбираемся. Поняли только что четырехтактный и на четыре цилиндра. Массивный очень и для автомобиля должен подойти. Ну или для катера. А для нашего дела он не очень. Может тот от Форда нам подойдет?

Я пожал плечами:

— Может и подойдет. Но сперва дождаться надо. А что, этот новый движок он где?

— Так здесь же, на складе. Где же ему еще быть?

И они меня отвели в закуток, туда, где стоял массивный ящик. Крышка с него была сдернута и потому я, заглянув, убедился, что мотор и вправду будет для наших дел не совсем удачен. По виду его масса тянула килограммов на сто пятьдесят или даже двести, а размерами он был.... Ну вот я помню размеры движка от пятьдесят второго газона, так вот этот был раза в полтора больше. И корпус его отлит из чугуна, так что, похоже, что вес его даже еще больше. И куда мне его тут пристроить?

Позже я Маришку спросил, зачем она его притащила. На что она ответила, что эту бандуру ей всучил Козинцев со словами, что я должен был разобраться. И тут же вручила мне отпечатанную на машинке инструкцию к движку, которую я немедленно и пролистал. Что ж из нее выходило, что сей мотор теперь является нашей новой гордостью и, работая на бензине, он выдавал на четырех литрах объема около тридцати пяти лошадей. А это очень хороший показатель для данного времени. Оборотов, правда, маловато, но тут уж никуда не денешься. Для стандарта двигателей моей эпохи здесь не хватало научной и материальной базы.

Ну а после я у жены спросил:

— Что ты еще привезла от Мишки?

— Да, черт его знает. В Питере он прицепил к моему поезду опломбированный вагон, дал мне сопровождающих, вот с ним я сюда и приехала. Твой Мурзин его здесь разгрузил, а что там было, я не знаю. Железки какие-то.

— А списки он тебе не передавал?

— Да, были такие. Все у Мурзина.

— Ага, а он мне как обычно не сказал.... Ладно, Мариш, завтра у него узнаю. А сейчас....

Сейчас канун Рождества. Мои женщины где-то раздобыли елку и нарядили ее игрушками, мишурой и свечками. Поставили ее во дворе дома, поставили рядом столы и накрыли их разными закусками. На улице, конечно, легкий морозец, но не такой, чтобы схватывал все моментально, и потому еда могла стоять довольно долго. Сейчас вечер и уже стемнело. До полуночи несколько часов и приглашенные гости стали потихоньку

подтягиваться. Все мои работники и мои знакомые, с которыми я завел дружбу за эти месяца в Порт-Артуре. Пудовкин пришел с супругой, Зверев тоже со своей половинкой. Кто-то из военных средних чинов, из тех, что до сих пор не обзавелись семьями. Многие из них не знали мою жену, и потому пришлось их представить. Ну а прежде, чем принимать гостей, я, отведя Маринку в сторонку, вручил ей подарок. Не стал делать так как было принято, сделал по-своему. Достал из кармана бархатную коробочку и с любовью вручил:

— С Рождеством Христовым.

Она охнула. С немым восторгом открыла ее и заворожено уставилась на сверкающую в огнях свечей брошь.

— Красота какая, — только и выдохнула она. Брошь и вправду была красива и денег я за нее заплатил немало. Если бы она не примчалась в Артур, я бы эти доллары потратил на что-то более приземленное, а так.... Мне не было их жалко, только иногда я думал, сколько же пудов консервов можно было выменять на такое украшение.

— Подожди, я сейчас.

Она убежала в дом. Затем через несколько минут вернулась, гордо неся на груди пальто приколотый подарок. Гости заметили блеск камней, оценили. А Маришка, подойдя ко мне, сказала:

— Раз ты мне раньше времени вручил, то и я тебе так же. Вот, это тебе. С Рождеством Христовым, — и жестом фокусника достала откуда-то такую же бархатную коробочку, только размером чуть больше. И я заулыбался:

— Что там, тоже брошка? Что-то тяжелое....

Она хитро улыбнулась. Лишь вздернула в нетерпении бровки, мол — смотри уже и восторгайся. Я эту коробочку открыл и на свет божий показалась.... Нет, не брошь..., показался массивный золотой набалдашник, по форме схожий с рукоятью моей трости, на плоской части которого драгоценной лазурной эмалью были выведены мои инициалы — "В.И.Р."

— Боже, Марин, — мне только и оставалось что охнуть.

— Это для твоей сабли, — пояснила она. — Истомин мне посоветовал. Говорит, что несолидно тебе с простой тростью ходить. Вот и съездил в Киев, там у мастера размеры забрал, а в Фаберже по ним и сделали тебе такую красоту. Нравиться?

— В Фаберже? — обалдел я. — Конечно нравится! Только как же я ее поставлю?

Подошел Мурзин. Видимо он слышал наш разговор, потому безо всякого стеснения, вставил:

— Я мастера здесь хорошего знаю, он вам поможет.

— Ювелир или оружейник?

— Ювелир, конечно же. Из жидов. Он все вам сделает как нужно и возьмет не очень дорого. Хотя, — он на секунду задумался, — с вас-то он возьмет как надо. Но и сделает быстро и качественно, комар носа не подточит.

— Что ж, прекрасно. Завтра же и отдадим, — сказал я, отдавая набалдашник Юн. Та спрячет его до нужного момента, сохранит. А после обратился к своим гостям: — Господа, предлагаю в канун светлого праздника стрелнуть в небо хорошим шампанским, — и, не дожидаясь ответа, сам взял в руки пузатую бутылку. Сейчас сочельник, канун Рождества. По сути — тихий семейный праздник и последний день поста. И я в данный момент сильно отхожу от традиций и праздную его как сам привык праздновать Новый Год — шумно и весело. Впереди новая эпоха, впереди война, революция и много-много крови и печали. Так

зачем сейчас грустить, еще успеется. И меня поддержали, с весельем подставили под льющееся шампанское хрустальные бокалы и выкрикнув громкие тосты за светлый праздник, выпили.

На второй день после праздника мне предстояло-таки разобраться с тем, что отправил мне в грузовом вагоне Мишка. Мурзин, который ведал его разгрузкой, отдал мне списки, и я, углубившись в его чтение, стал удивляться:

— Ага, двести пудов серной и сто соляной кислоты.... Годится. Так, двигатель Тринклера, помню такой, видел уже.... Корпуса мин со взрывателями, две тысячи штук..., что-то мало, и сами взрыватели количеством десяти тысяч. Так..., мопеды двадцать пять штук и разные запчасти. А зачем он их мне прислал? Я и старые продать еще не все успел, а война уже почти началась. Ладно, разберемся. Так, а вот это что? Каски?!

Мурзин кивнул:

— Да, каски. Железные с ремнями и подбоем.

— Семьсот штук. А почему так мало? Ага, каски без подбоя и ремней в количестве трех тысяч штук. А их-то он зачем мне прислал?

— Не знаю. Может, не успевал у себя их сделать, вот и отправил. Все же клепать металл вам здесь не надо будет, а ремни присоединить никаких сложностей. Я уже узнавал, мастера готовы взяться за пятьдесят копеек за штуку, это если ремни не из кожи и без подбоя. С подбоем дороже.

— Получается полторы тысячи? Ладно, годится. Деньги на это дело найдем. Подбой здесь и не нужен, лишний он. А ты можешь мне показать эту каску? Она рядом?

— Да, конечно.

Он куда-то отошел, потом вернулся и поставил передо мной обычный туристический котелок, который отличался разве что не такой уж сильной глубиной, да и по бокам стенок были пробиты четыре отверстия для крепления ремней. А вообще, сама каска была чем-то похожа на ту советскую, с которой наши деды фашистов били, только не такой глубокой и более... квадратной что ли? Не сферической как яйцо, а была скорее очень сильно зализанным кубом, не доведенным до формы шара. Недолго думая я надел ее и затянул под подбородком ремень. Помотал головой из стороны в сторону. Вроде бы хорошо держится, не болтается. И голову давит не сильно. Только тяжеловата, солдатам не понравится ее таскать и шея с непривычки будет быстро уставать. Ну, да ладно, такова уж солдатская доля. Командиры прикажут и будут таскать как миленькие.

— Так, а это что такое? "Пластины пуленепробиваемые"? Это как?

— А, щас, проще показать, — и он снова исчез в недрах темного склада и спустя минуту появился, неся в руках нечто тяжелое. Потом с грохотом бросил это нечто на стол передо мною: — Вот это и есть то самое.

А принес он мне стальную пластину размерами примерно двадцать пять сантиметров на двадцать и толщиной около семи миллиметров. По виду пластина кованная, края обработанные на наждаке, а в углах пробиты отверстия. Уж не знаю, зачем мне их прислал Мишка, наверное, думал, что я их использую для бронежилета. Но, судя по тому, с каким усилием Мурзин ее нес, использовать их по этому назначению будет сложновато.

— И сколько их?

— Двести штук. Я их туда в угол склада бросил, чтобы не мешались. Марина Степановна мне говорила, что у Козинцева это был эксперимент. Удачный или нет — не

знаю, но он отправил часть получившегося сюда. Что делать с этим он не пояснил, сказал лишь, что вы сами решите, куда их пристроить.

— И сколько такая пластина весит?

— Чуть более шести фунтов.

— А ну-ка, дай мне ее.

И, переняв из рук тяжелую пластину, я приложил ее к груди. Вроде получалось как раз. Она хорошо закрывала грудь от межключичной впадины до живота. Если и делать из них бронежилеты, то только для тех солдат, что будут сидеть в окопах. Да еще и уговорить их придется, так как бронник получится очень тяжелым. Лишние пять-шесть килограммов никто на себе таскать не захочет. И плюс ко всему этому еще и каска с килограмм.... В общем, чувствую, что этот товар военные у меня согласятся взять только тогда, когда жареный петух уже расклюёт им всю задницу. Ну, да ладно, время покажет. Может и смогу их уговорить.

— А еще, Василь Иваныч, мы в ваше отсутствие через китайцев закупили апельсинов, да лимонов.

— А где же они тогда? Что-то на складе я их не вижу, да и запаха не слышу.

— А они на складе у Чурова. Я с ним договорился об аренде одного помещения, вот туда мы их и сгрузили. А то здесь уже и развернуться негде.

— Понятно, Данил, когда купленное привезет, тоже туда придется пристроить?

— Да, больше некуда. А много он привезти должен?

— Да уж немало. Раз в десять больше того, что я привез с собою. Ладно, все это мелочи, разберемся. Ты бы мне лучше одного из мастеров, что готов каски эти обшить, привел бы, а? Пусть мне они еще и бронежилет сошьют, чтобы было что нам военным показывать....

Вот и наступил январь четвертого года, и время понеслось галопом. Со дня на день должна наступить война, а у меня много еще чего не сделано, много не учтено. Точной даты атаки японцев на наш флот я не помню, как не помню в подробностях и того как это произойдет. В памяти лишь отложилось, что атаке подвергнуться наши корабли, стоящие на внешней рейде, а вот как это произойдет? Вопросы, однако... Я, конечно, с флотскими общаюсь, разговариваю о предстоящей войне. Не все со мной откровенны, но большинство из них, уничижительно отзываясь о самих японцах и об их флоте, не верили в то, что мы будем биты. Даже при самом худшем раскладе, по их заверениям, мы сможем достойно ответить врагу и основательно выкрошить их зубы. Самоуверенность, помноженное на расовое превосходство, вот что слышалось в их голосах. И японцев многие из них называли макаками, которых русский матрос и солдат может скрутить одной левой. Что ж, если отбросить всю эту расовую шелуху, то, определенная правда в их словах есть. Рядовой русский служивый по сравнению с таким же японским рядовым был словно гигант Голиаф против щуплого Давида. М-да..., сравнение, что называется, не в бровь, а в глаз.

В общем, последние мирные дни у меня пронеслись словно гигантская карусель. Маришка, с которой я провел полторы недели, была в срочном порядке отправлена домой. Как она не сопротивлялась, как не уговаривала, а все же я настоял на своем и посадил ее на поезд. С дочкой я успел повозиться, она меня вспомнила, а вспомнив, перестала слезать с моих рук. И снова расставаясь, она словно поняла, что это надолго и, уцепившись за меня, заревела. Схватила маленькими пальчиками за мою шею, прижалась всем телом и, вздрагивая, редела навзрыд, оглашая перрон своим "хочу с папой!". Тяжело мне далось это

расставание. Дашку от себя отрывал, так, словно это была моя кожа, а сердце, наверное, в первый раз в жизни так сильно защемило. Да и слезы у меня сами собою навернулись, да только я их спрятал, смахнул незаметно пальцем. Ну а Маришка стесняться не стала, тоже всплакнула и все нацеловать меня не могла, мазала мне губы и щеки французской помадой. И целовала так, словно в последний раз, горячо и жадно.

Они уехали, оставив меня подсовывать палки в колеса истории. А вместе с ней укатил и мой герой Женька. Отсрочка в две недели, выпрошенная у Алексеева, закончилась и он, уезжая в Петербург, увозил с собой нашу двухмоторную чайку. Святослов же остался здесь, взвалив на себя постройку замены, а я, найдя щупленького молодого паренька, взялся за его обучение полету. Все так же как и с Женькой — подвесил его под потолком и раскачивал, объясняя принципы руления и поведения в воздухе. Парень не боялся высоты, а скорее к ней стремился. С упоением дожидался своего первого полета. А помимо обучения он, помогал строить под себя моточайку, ловко работал ножовкой и ключами, помогал настраивать движки. С техникой он был не знаком, но это не являлось проблемой. Святослав уже успел вникнуть в наши моторы и вполне уверенно мог с ними и управляться и ремонтировать, если возникала такая необходимость.

Чем конкретно Женька будет заниматься в столице я не знал. Но догадывался, что первым делом он там продемонстрирует свой полет перед Императором и его свитой. Пролетит сколько позволит погода и приземлится перед ним, а за свое геройство наверняка получит от Николая премию или подарок. В общем, попал наш парень в струю и когда он из нее выберется неизвестно. Слава его пока не тяготила, и он охотно шел с незнакомыми людьми на контакт и часто угощался в ресторанах за их счет. Заметил я, что и пропускал охотно рюмочку-другую за свое здоровье и ему это нравилось. А вот мне не очень — сопьется еще, дурак.

Пока Маришка была у меня в гостях, она рассказала мне главную новость. Теперь, оказывается господин Зубатов-то наш работник! И заведует у нас безопасностью и выбиванием долгов. Истомина пошел под его начало, чего уж там скрывать, с явным неудовольствием, но спустя пару-тройку месяцев, когда понял, что основная бумажная рутина с него спала, мнение свое поменял и перестал воспринимать Зуботова в штыки.

Вообще, скандал с Зубатовым разгорелся еще летом и я об этом читал в газетах. Выгнали его с позором из-за его заигрываний с рабочими и по сути сунули в зубы волчий билет. Запретили занимать чиновничью должность и он, глубоко переживая, удалился в свое "имение", где его спустя пару месяцев и подобрал Козинцев, сделав выгодное предложение. И Сергей Васильевич, после долгих размышлений, после тяжелого лечения полученной душевной травмы, согласился. Да и как тут не согласиться, когда и жалование положили в пятьсот рублей и сам ты заниматься более ничем не можешь. Да и устроиться более никуда не способен, ибо к нему как к бывшему работнику охраны никто доверия не испытывал. Да и не любили его, чего уж там. Не любили и рабочие, с которыми он заигрывал, не любили и фабриканты, которых заставлял идти на уступки. Первые не любили из-за того, что тот, создавая профсоюзы, по сути смог добиться от работодателей уступок совсем незначительных, косметических. Вторые же не любили по вполне понятным причинам — работодатели не видели никакого экономического смысла в навязываемых профсоюзах, а видели одни лишь убытки и нарастающие проблемы. Вот и остался Зубатов после своей отставки как бы меж двух огней, совершенно растерянный и неприкаянный.

Хоть и любил Сергей Васильевич поговорить по душам и втереться в доверие и

знакомых имел массу, а все ж — жандарм. А к жандармам здесь всегда относились с ярко выраженной нелюбовью. Что и выразилось в момент его отставки язвительными комментариями окружающих и откровенным злорадством. И даже его многие знакомые отвернулись и ограничились лишь скупым сочувствием. Вот тут его Мишка и подхватил. Я, честно признаться, тоже Зубатова не особо любил, но не мог не признать способность друга подбирать с обочины прекрасные кадры. Я не сомневался, что бывший глава Особого отдела нам ой как пригодится, с его-то опытом, талантом и связями! Хотя, признаться, с Мишкой я был не очень согласен, зря он Истомина подвинул, мог бы как-то по-другому организовать его трудоустройство. Ну да ладно, что сделано, то сделано.

Кстати, отставка Зубатова не сняла нас с крючка охранки. Мишка, как и прежде сотрудничал с нею, только теперь все стало происходить чуть более официально и чуть более реже. Он все так же передавал им отчеты, вводил на наши предприятия выгодных властям людей, помогал выявлять возмутителей спокойствия. Но была и еще одна польза от смены руководства — от нас отвалился поп Гапон. После громкого скандала тот как-то позабыл дорожку на наши заводы и за более чем полгода ни разу более не появлялся. Уж не знаю почему — то ли пить ему у нас надоело, то ли, ослабшее давление Зубатова позволяло ему более к нам не заходить и переключиться на более сговорчивых. Я этого не знал, да мне, на самом деле, это было безразлично. Главное факт, а факт таков, что он перестал у нас мутить воду и соблазнять рабочих своими сладкими речами, а значит через год есть большая вероятность, что он не потащит моих рабочих под царские пули.

По поводу охранки и отчетов.... Как это ни удивительно, но за все время пребывания здесь я так ни разу с надзором не столкнулся. Никто меня не контролировал, никто не опекал. Мне пришлось лишь по прибытию сюда отметить, да по отплытию в Америку сообщить, что отчалил. Вот и все мое сотрудничество. О том, как я здесь работаю, что именно делаю, никому не было интересно. Ни полиции, ни охранке, у которой здесь и отделения-то нормального не было. Так что получалось, у меня здесь были полностью развязаны руки.

А в середине января в Артуре что-то случилось. Что такое непонятно, странное. Какой-то слухок пронесся по городу, и на узких китайских улочках появилась суета. Потащились китайцы из города с баулами. Стали закрываться лавки, запирались дома, принадлежащие китайцам, и местный рынок опустел. И Юн моя торопливо засобиралась.

Я ее поймал за этим занятием. Заметил, как она складывала свой нехитрый скарб в корзину, готовилась к дальнему переходу. Помимо своей одежды, скидывала в платочек и еду. И Лизка ей молча помогала.

— Что случилось? — удивлено спросил я, заметив суматоху.

— Ой, Василий Иванович, тут такое дело, — вместо китаянки, ответила она, — японцы скоро войной пойдут. И требуют, чтобы все китайцы из города ушли, а кто не успеет уйти или останется специально, то тех они угрожают убить. Говорят, что головы всем оставшимся отрежут.

Юн закивала головой, запричитала:

— Японец плохой, злой. Голова лезать будет. Говолят сколо будет.

Я нахмурил брови. Отчетливо запахло войной. Об этих слухах я узнал впервые, но ничуть не удивился. Но вот что я совершенно не ожидал, так это то, что признаки войны стали настолько отчетливы. И господа офицеры их наверняка должны были заметить и по здравому смыслу предпринять все меры. Но насколько я знаю, таких мер до сих пор принято не было.

— Кто об это говорит, Юн?

— Все говолят. Все знают. Японцы говолят, смеются. Говолят если не уйдем, то убьет всех. Говолят лусских будут стлелять.

Она от меня ушла не задерживаясь. Я выплатил ей все деньги, что полагалось и она, тоскливо вздохнув, вышла за калитку. А Петро, глядя ей вслед, хмурился. У парня на душе кошки скребли. Она прошла метров сто, обернулась. Издалека она казалась еще меньше, даже не подросток — ребенок с большой корзиной. И Петро не выдержал, рванул к ней. Вырвал корзину из рук и потащил ее обратно. Та особо и не сопротивлялась, пошла за ним словно козочка на привязи.

— Я ее никуда не пушу, — грозно заявил мой солдат, представ пред моим взглядом.

— И что будешь делать?

— Пусть у нас остается. Скажете, что она ваша служанка и ее не тронут.

Я покачал головой.

— Я бы не был в этом так уверен. Загубишь девчонку.

— Нет! — заявил он твердо. — Я сам им глотки всем перегрызу.

Я кивнул. Что ж, понятно, что Петро влюбился в миниатюрную китаяночку без остатка, влип по самые уши. И потому не мог рассуждать здраво. Он ведь и вправду будет ее защищать, да только если японцы и устроят китайцам Варфоломеевскую ночь, то ничего он сделать не сможет.

Вступилась Лизка:

— Петя, отпустил бы ты ее? Ну что ты ее губишь?

— Нет! Она никуда не пойдет! Или я с ней уйду!

Он был решителен, смотрел на меня с вызовом. И я не мог ему приказать остаться — все-таки он вольный человек.

— Петя, ну подумай, — вкрадчиво сказала Лиза, — ну что ей здесь делать? Сидеть под пулями и гадать когда ей голову снесут? Отпусти ты ее.

Но он был упрям. Держал свою китаяночку за хрупкую ладошку и не отпускал. Она едва доставала ему до плеча и если бы встала за его спину, то спряталась бы ото всех. Она понимала что происходит, поглядывала на своего Петю глазами полными надежды и боялась. Уж не знаю, было у них уже что-то или нет, да только затаенная любовь вдруг вырвалась наружу.

— Вот что, Петро, — решил я. — Ей здесь оставаться нельзя, это понятно. Японцы головорезы знатные и местное население об это прекрасно помнит. Но если она тебе дорога, то ты сам устрой ее куда-нибудь, а после того, как здесь все закончится, заберешь. Или сам к ней уедешь. Как тебе такой расклад?

Он не сразу ответил, задумался. Затем с сомнением кивнул.

— Но куда я ее отведу?

— А сама она куда направлялась?

Она и сама толком ответить не могла. Просто уходила из города, куда глаза глядят. Сказала, что хотела было уйти обратно к родным, но туда добираться далековато, да и достойной работы там не найти. А в огороде копать ей уже не льстило.

— В общем так, Петро, даю тебе две недели. Сам езжай с ней, устраивай. Как устроишь, вернешься, а после войны заберешь свою ненаглядную.

Такой расклад его устраивал и он согласился. Деньги у него были и на жизнь хрупкой девушки вполне хватит. Да и у самой Юн кое-какие сбережения были, так что не пропадет.

— А лучше всего податься бы ей в Чифу, — вставил слово Мурзин, что до этого молча наблюдал всю сцену. — Там русское посольство, а Юн, как барышня, которая может говорить по-нашему там вполне могла бы пригодиться. Если Петр постарается, то сможет ее там пристроить. Ну а если не получится пристроить, то может кому из русских там в услужение пойдет.

— А что, неплохой вариант, — согласился я. — Ты как, Петро?

На том и порешили. Мой солдат согласился с таким вариантом и получил от меня одну неделю отпуска. Из своих денег я выделил девушке пятьдесят рублей, там они ей очень пригодятся и помогут протянуть без работы длительное время. Сам город Чифу находился с другой стороны Бохайского пролива, и было до него около девяноста-ста морских миль. Китайские лодчонки часто курсировали между этим городом и Артуром, потому и добраться до него не составляло никакого труда. И там, судя по всему, во время русско-японской заварухи будет относительно спокойно. Японцам туда лезть не имело никакого смысла — ведь в городе из наших кроме русского посольства и русских же купцов почти никого и не было.

Тем же днем Юн, сопровождаемая раскрывшим свои чувства Петром, отбыли на небольшом китайском судне. Девушка была грустна и задумчива, часто поглядывала на парни снизу, заглядывала в глаза. А тот лишь смущенно улыбался и бросал косые взгляды на наши фигуры. Мы их провожали с тяжелым сердцем. С Юн будет все хорошо и ей волноваться нечего, но вот Петро... Кто знает, успеет ли он вернуться и не нарвется ли корабли озверелых японцев?

Дни, неумолимо отсчитывающие время до начала войны, я провел в беготне и в разговорах. О том, что я пророчу войну, знали все, от простого обывателя, до самого золотого погона. И уже успели устать от моих пророчеств, потому-то меня в эти дни почти никто и не слушал. Война начнется с атаки наших кораблей стоящих на внешнем рейде, об этом я знал со стопроцентной точностью, но вот когда... Ни даты, ни время, ни то какие корабли непосредственно будут подвержены атаке, я не знал. И это очень осложняло мою жизнь. Вот потому-то в эти дни я без умолку трещал языком, навязывая свое общество морским офицерам. На внешней рейде постоянно находилось около десятка кораблей, броненосцы и крейсера. Капитаны этих кораблей мне уже были знакомы, иногда я с ними пересекался в ресторанах, иногда я сталкивался с ними в моем магазине при складе. Отношения были не более чем при обычном знакомстве — господа офицеры дружбу со мной водить отчего-то не желали, довольствуясь обычным знакомством. Но в эти последние спокойные дня, я их буквально атаковал, сам искал с ними встречи, навязывал себя, приглашал на обеды в рестораны и к себе в гости. Моя цель была одна — уговорить, убедить, подкупить.... Сделать хоть что-то, что поможет минимизировать будущие потери.

Беседуя с офицерами, беспрестанно подливая им шампанское, да водочку, я пытался выяснить каким образом японцы могут нас внезапно атаковать. Подкидывал офицерам эту задачу, напоминая, что японцы есть народ азиатский и варварский и они не будут соблюдать дипломатические формальности. Так вот, многие из офицеров сходились во мнении что для большей эффективности первого удара японцы будут использовать исключительно ночное время и непременно посредством минной атаки. То бишь, принимая во внимание, что нынешние торпеды здесь зовутся минами Уайтхеда, торпедированием. Вот и выкристаллизовался главный вопрос, как капитанам в этом случае сохранить свои корабли? Я задал им этот вопрос и те, не долго думая, сообщили, что в этом случае поможет противоминные сети, которые можно ставить на ночное время.

И уже имея решение этой проблемы, я пытался их склонить к принятию соответствующих мер. На первых порах откровенно уговаривал, но быстро понял бесперспективность моих усилий. Смысл уговаривать капитанов, если они и шагу ступить не могут без команды сверху? Они не то что сети не рискнуть выставить, они, при уже совершенном нападении, без разрешения и выстрела не сделают. И потому я немедленно побежал к вице-адмиралу Старку, начальнику эскадры Тихого океана. Я его знал шапочно, видел несколько раз, перекидывался несколькими фразами. И вот ему-то я выложил все свои подозрения и свое понимание. Он меня выслушал, в чем-то со мной согласился, но, давать команду на выставление противоминных сетей не поспешил. Более того, назвал еженощное выставление заграждений вредным для личного состава кораблей, ибо тот будет заниматься бессмысленным делом, потому как войны не будет! Сам Император Николай это сказал и иного мнения по этому поводу быть не может!

Вот я и ушел от Старка не солоно хлебавши. Тот отказался рассматривать японцев как будущих врагов и предпринимать какие либо меры. И более того, как я позже узнал, в тот же день он издал приказ о категорическом запрете выставления противоминных сетей до особого распоряжения. Зачем он это сделал? Почему? Видимо, считая что я могу каким-то образом повлиять на капитанов кораблей, он предпринял превентивные меры.

Предчувствие войны в крепости было уже у всех без исключения. Без китайцев город опустел, уполовинился. Я, кстати, зашел к Сато Хирото, чтобы поскоблить морду и застал его в хорошем настроении. На мой вопрос, чему же он радуется, он прямо мне сказал, что

вот уже скоро все закончится. Но что именно закончится, не уточнил, а тактично уклонился от заданного вопроса. Но это и так было понятно. Обратившись к Звереву, я опять же ничего по этому поводу не добился, ибо в Артуре японцы жили как обычные иностранные граждане и все они как один понимали что к чему и многие из них откровенно злорадствовали. То есть о том, что Сато Хирото был шпионом опять не было никаких доказательств. Но чуть позже через несколько дней я все же узнал, что наше руководство приняло грамотное решение и потребовало от японцев убраться из города. Разбираться, кто из них может быть шпионом, а кто нет, уже не было времени. Вот, Сато Хирото и покинул Артур, закрыв свою цирюльню на замок, а окна заколотив толстыми досками. Думается, он планировал еще вернуться, отсюда и забота о стеклах.

Что же по поводу защиты наших кораблей на внешнем рейде... Получив категорический отказ от Старка и его просьбу не вмешиваться, я все-таки продолжил свои попытки достучаться до капитанов кораблей. И беседовал с ними, и увещевал, и взывал к совести и здравому смыслу. Но все было бесполезно. Кто я им, чтобы ко мне прислушиваться? Выскочка из Питера, прорицающий всевозможные кары... И пусть я левым боком могу общаться со Вдовствующей Императрицей и денег у меня много и имя, известное многим, а все одно — нарушать распоряжение Старка, которое он выпустил следом за нашим с ним разговором, никто не желал. И тогда я решил просто подкупить капитанов. Посулил им по двести рублей каждому за каждую ночь, что они будут выставлять противоминные сети. Потом цену поднял до пятисот рублей, но никто из них не польстился на мои сладкие речи и обещания золотых гор, никто из них не хотел идти поперек воли вице-адмирала. Как потом мне сказал в кулуарах капитан броненосца "Пересвет", Бойсман Василий Арсеньевич — если бы не прямой приказ Старка, то все было бы возможно, а так..., сами понимаете. Так что, все мои попытки повлиять на сохранность кораблей при внезапной атаке, были провалены. А я закрепил за собой почетное звание паникера, прорицателя и странно назойливого человека.

Так и прошел январь — в суете, в беге, в бессмысленных разговорах. То, что война надвигается, чувствовали все и разговоры в январе у всех были только об этом. Но, как это ни странно, не смотря на ощущения надвигающейся беды, по-настоящему в эту войну никто не верил. И не понятно в чем тут дело, то ли японцев не воспринимали как стоящего противника, то ли многие поверили речам Императора, говорящего, что подобного обострения не допустит. А может и то и другое разом. А Николай, хоть подобное и говорил, но все же делами своими доказывал обратное. Из газет же я узнавал, что японцы до сих пор ищут с ним точки соприкосновения, чтобы на дипломатическом уровне урегулировать все возможные противоречия. Но тот по каким-то причинам избегал такой возможности и регулярно, раз за разом, отклонял предложения японцев. И вот как теперь я мог воспринимать Императора Николая? Как можно было его в будущем сделать святым? Я, конечно, понимаю, большевики его и его семью расстреляют и сделают это подло и гнусно, словно ваххабиты, вставшие на дорогу радикализма, но все же.... Разве можно вот так толкать страну в пекло войны и революции? Разве нельзя быть немного дальновиднее? Думаю, можно было б. Можно было бы с японцами договориться о разделе сфер влияния, и не говорите мне, что нельзя. У нашей верхушки в головах твориться черти что — вирус великодержавия усугубленный бактерией упрямого шовинизма. Ну, не воспринимали наши чинуши японцев за цивилизованный народ, потому и дипломатические сношения с ними

были через вздернутый подбородок и выпяченную губу. И подобное пренебрежение будущим противником я видел и здесь, в Артуре, даже у самых рядовых офицеров, что очень меня печалило.

А в один из дней я услышал от одного из морских офицеров новость. Оказывается, японцы разорвали с нами телеграфную связь, и теперь не было никакой возможности отправить сообщение в Нагасаки. Сделали это японцы неожиданно, без предупреждений. Просто перестали отвечать на запросы и все. И вот эта новость дала мне понять, что атака японцев состоится со дня на день. И опять мои попытки донести предостережение утонули в пренебрежении людей военных.

И в этот день я потерял покой. Ходил по дому сам не свой, вышагивал, нервно пристукивая по полу обновленной тростью. И все время поглядывал в окно, словно ожидая увидеть там что-то такое, что принесет мне облегчение. Но не находил этого и снова ходил по дому бессильно злясь, ругался вполголоса. Лизка напряженно подглядывала за мной, пытаясь угадать во что выльется моя нервозность.

Я попытался было почитать газету, но "Новый Край" словно рупор официальной пропаганды, лишь раздражал еще больше. Никаких опасений, одни уверения в предстоящем мирном разрешении противоречий. Словно и не видели они того, что уже творится под самым носом.

Я вышел из дома. Следом за мной потянулся Петро, недавно вернувшийся из Чифу. Мое напряжение передавалось и ему и потому он, следуя за мной, был предельно серьезен и поглядывал на попадающихся мне на пути людей исподлобья. Чем их откровенно пугал. Я прошелся по улицам дачного поселка и мимо Пресного озера двинулся на Этажерку. Там, часто прогуливались офицеры, отдыхали люди, там назначали свидания парочки. Этажерка — что-то вроде каскадной аллеи, террасы, со своими тропинками, деревьями, лавочками. Находясь на некотором возвышении над старым городом с нее можно было очень хорошо наблюдать то, что твориться внизу. И отсюда был прекрасно виден и док, и производственные площадки и военные склады, и ближние казармы. И даже штаб Стесселя можно было при желании рассмотреть. С нее же открывалась значительная часть внутреннего рейда и пролив, по которому в моменты отлигов и приливов шныряли суда с большой осадкой. А если повернуть голову направо и поднять вверх, то можно было разглядеть музыкальную ротонду, стоящую при дворце наместника, а так же саму крышу этого дворца.

Так вот, с этой-то Этажерки, сидя на лавочке я грустно смотрел на суету внизу. Внизу шла обычная жизнь, люди размеренно трудились, учились, жили. Извозчики, довольные исчезновением конкурентов-китайцев с их рикшами, возили пассажиров, а простые солдаты на плацу казармы под выкрики офицера вышагивали по плацу, старательно тянули носки.

— Василий Иванович, чего это вы в такой меланхолии? — услышал я откуда-то сверху и из-за спины знакомый голос. Я обернулся. Там, на уровне выше, восседая с незнакомой мне дамой, сидел подпоручик Иванов Дмитрий Яковлевич. Тот самый, с которым я когда-то пил, с которым потом куролесил по ночному Артуру на мотоцикле. Он, смотрел на меня сверху вниз и улыбался. — У вас что-то случилось?

— А, здравствуйте, Дмитрий Яковлевич, рад вас видеть, — кивнул я ему и учтиво поздоровался с его дамой. Потом ответил, — Да, вы правы, меланхолия на меня напала.

— Отчего же?

— Не поверите, подпоручик, от собственного бессилия. Ничего не могу сделать, чтобы

не предотвратить катастрофу.

— Вы про войну с макаками? — догадался он и ощерился. — Стоит ли переживать по этому поводу? Даже если нападут они на нас, то мы их быстро в бараний рог свернем. Пустое, Василий Иванович, не стоит об этом даже и думать.

— Люди понапрасну погибнут.

— Боже мой, Василий Иванович, — делано всплеснул он руками и его дама глупо захихикала, — да не берите вы в голову. Стоит ли об этом волноваться? На войне всегда присутствует смерть и поделаться с этим ничего нельзя. Да и не посмеют макаки на нас напасть, кишка у них тонка.

Я не хотел с ним разговаривать, тем более вот так, глядя снизу вверх. Потому и встал и, кивнув Петру, пошел под дорожке, желая уйти от знакомого подпоручика. Соглашусь, выглядело не очень вежливо, но тот, похоже и не догадался о моем намерении. Подумал, что я хочу подняться к нему. Потому и сказал мне в спину:

— Да, поднимайтесь сюда, отсюда город еще лучше виден, — а потом добавил: — А вы помните, я вам когда-то говорил про Лемехова?

— Лемехов? — остановился я и удивленно обернулся: — Кто это?

— Ну как же? Солдат мой, который смотрел на меня всегда дерзко. Вспомнили? Ну так вот, сломал-таки я его. Перестал он больше на меня свою морду кривить, — и он удовлетворенно засмеялся. — Не поверите, по ночам мне его гнусная рожа стала сниться, до того был нагл.

Я безрадостно кивнул:

— Я, поручик, пожалуй, пойду. До свидания.

— До свидания, Василий Иванович, — весело ответил Иванов и всем своим вниманием обратился к своей барышне, поясняя: — Вот, дорогая Евгения, я обещал вам показать господина Рыбалко, и я свое обещание выполнил. Теперь же ваша очередь держать собственное слово, — и он демонстративно подставил выбритую щеку под жаркий поцелуй.

В этот же день мне попала в руки свежая газета "Нового Края", где я прочитал броскую заметку о том, что японская военная флотилия вчерашним днем покинула порт Нагасаки и отбыла в неизвестном направлении. Удивительное, однако, сообщение, которое никак не укладывалось в мое понимание секретности. Потому, желая лучше все понять, я по телефону пообщался с Пудовкиным и выяснил, что к чему. Оказывается, саму новость его газета купила через английского журналиста, что в предчувствии надвигающегося развлечения, квартировался в Нагасаки и следил за японским флотом. И как только тот выдвинулся в открытое море, телеграммой отправил сообщение в свою газету, а та, перепродала эту новость остальным. Так что, сообщение было достоверное и его можно было принимать на веру. Вот такая тут секретность, вот такие шпионские игры. В общем, чувствую я, нападение состоится сегодня-завтра.

Этим вечером я в кровать не ложился. Более того, прихватив с собою Петра я, как стемнело, опять ушел на Этажерку и, устроившись на самом высоком ярусе, принялся ждать. Для сугреву мы притащили большой самовар и поставили невдалеке. Теперь я не замерзну и смогу в полной мере "насладиться" предстоящим зрелищем. Сам внешний рейд не лежал передо мною полностью, его закрывала собою массивная Золотая гора, но самый его краешек, всего несколько кораблей мне было видно очень хорошо. Был виден и броненосец "Победа", что стоял под загрузкой угля и был ярко освещен прожекторами.

Мы с Петром присели на лавочку, а чуть позже пришла Лизка, принеся с собою бутылку коньяка и мясную закуску в корзине. Здесь было холодно, легкий морозный ветерок незаметно вытягивал из тела тепло. Так что, в дополнение к горячему чаю, этот коньяк пришелся очень кстати.

Так мы просидели до полуночи. Ничего не происходило. Город спал, и звуки, раздававшиеся из бухты, разносились по всей окрестности четко и ясно. Где-то лениво брехали собаки, где-то пьяно орали заунывные песни, а где-то ругались и, казалось, причесывали друг другу морды кулаками. Ничто не предвещало беды.

Неожиданно на Этажерке появилась новая фигура. Она поднималась снизу неторопливо, с какой-то усталостью. Еще издалека эта фигура, заметив огонек от папиросы Петра, крикнула:

— Василий Иванович, это вы?

— Я, — крикнул я в ответ, узнавая голос. Это был Зверев, помощник исправника. — Поднимайтесь сюда, у нас горячий чай и бутерброды.

Он через несколько мгновений уже подходил к нашей лавке. Я с ним поздоровался за руку, показал на соседнее место, что услужливо освободила Лизка:

— Присаживайтесь. Хотите чаю?

— Нет, спасибо, — ответил он. — Не охота. Василий Иванович, а скажите, что вы здесь делаете в такое время?

— Концерт жду, — кивнул я в сторону ярко освещенной "Победы".

— Думаете, сегодня начнется?

Я кивнул, поежившись:

— Да, по всем признакам должно начаться сегодня. В крайнем случае завтра.

— Вы в этом настолько уверены? — спросил он с легким сомнением.

— Да, уверен, — твердо ответил я, протягивая Звереву горячую кружку. — Возьмите, здесь холодно. А я не знаю сколько еще предстоит просидеть.

Он присел рядом со мной. Кружку взял, но не отхлебнул, а поставил рядом с собою. Потом, как и Петро, дымно раскурил папиросу.

— А зачем самовар с собою принесли? — спросил он вдруг.

— Греться. Ночи-то холодные, зимние.

— Да я не о том, почему не примус с чайником? Они-то полегче будут.

— А-а, — понял его я, — они конечно легче, да только все равно воду сюда надо было нести. А в бутылках ее не натаскаешься. А в самовар ведро ливанул и пей себе всю ночь. Для нас с Петром его донести не составило никакого труда.

Он кивнул и более не проронил ни слова, так же как и я, замер, поглядывая на почти торжественную иллюминацию "Победы"

— Скажите, Роман Григорьевич, что вас-то потянуло на Этажерку? Неужели по мою душу?

Он хмыкнул:

— Понимаете, тут в участок звонок поступил, люди из окрестных домов просили прогнать пьяную компанию. Дежурный отзвонился мне, а я понял, что это вы здесь обитаете. Вот и пришел лично. Я все равно здесь недалеко живу, так что мне не составило никакого труда.

— А как поняли, что это я?

— По самовару. Пьяная компания его сюда не потянет, а остальным это без нужды. Вот

я и подумал, что скорее всего это вы сюда пошли как на наблюдательный пункт. И я не ошибся.

— М-да, вы оказались правы....

— А как поняли, что это я?

— По самовару. Пьяная компания его сюда не потянет, а остальным это без нужды. Вот я и подумал, что скорее всего это вы сюда пошли как на наблюдательный пункт. И я не ошибся.

— М-да, вы оказались правы....

Мы здесь сидели еще целый час. Негромко разговаривали, грелись и чаем и коньячком. Звуки засыпающего города постепенно исчезли, легли спать последние пьянчуги и отсюда, сверху стало слышно как на "Победе" бойко идет погрузка угля. В свете прожекторов было видно, как матросы, накидывая в огромные корзины черные булыжники, утаскивали их в недра корабля. И посреди этого шума было отчетливо слышно, как отборным матом ругаются офицеры, поторапливая уставшую команду.

Все произошло неожиданно. Мы отчетливо услышали несколько небольших хлопков, отразившихся от бортов кораблей и скалы Тигрового хвоста, и спустя почти минуту залив ярко осветился двумя большими вспышками. А через несколько секунд до нас докатилась двоякая волна взрыва. Она прошла над городом, вмиг разбудив собак и те, с азартом подняли заливиный лай. Где-то загорелся свет.

— Ну, вот и дождались, — пробормотал Петро, истово перекрестясь. Похоже, и он до конца не верил в мое пророчество.

Ему никто не ответил. Лизка в немом ужасе закрыло лицо руками, а Зверев нахмурился и как-то набычился. Дернулся было уйти, но остался. Он сейчас ничего сделать не мог.

На кораблях поднялась тревога. На "Победе" команда бросила корзины и побежала на свои боевые места. И меньше чем через минуту на корабле пришли в движение орудийные стволы, и частый огонь накрыл море. С нашего места не было видно куда они стреляют, но, судя по тому как ходили из стороны в сторону стволы, становилось понятно, что противника они не видят и ведут огонь наугад, стремясь не попасть в невидимого противника, а скорее отогнать его. Ночь была темна и в темном море при полном отсутствии луны не видно было ни зги.

Целый час продолжалась канонада. К огню "Победы" присоединились и другие корабли и ночной город сотрясали громогласные раскаты главных орудий, что басом изрыгали из своих чревов многопудовые снаряды. Потом все стихло, огонь прекратился и снова над городом установилась тишина, нарушаемая лишь лаем собак и криками, доносящихся со стороны бухты.

И в этой тишине, словно в каком-то фильме из-за Золотой горы вдруг показался другой броненосец. Он медленно, сильно просев на нос, прошел мимо "Победы" и, не отворачивая, с ходу залетел на берег Тигрового хвоста, скрежетнул дном об острые камни и замер, накренившись. Выбросился на берег словно больной кит. Это был броненосец "Ретвизан".

— Боже мой, боже мой..., - шептала Лизка, глядя на эту трагедию

— Все закончилось? — спросил меня Зверев.

— Не знаю. Вряд ли.

И вправду еще ничего не закончилось. Спустя какое-то время японцы снова пошли в

атаку, и снова наши корабли открыли огонь, но на этот раз они были готовы к отражению и по счастью ни одна вражеская торпеда не достигла цели. Нам сверху было видно на кораблях орудия малого калибра, защищаясь, били по воде в стремлении подорвать или хотя бы повредить несущиеся торпеды. И, похоже у них это получалось. Одна из торпед прорвалась через огненный заслон, но никого не поразив, воткнулась в берег полуострова и там детонировала, подняв в воздух фонтан студеной воды.

Вскоре и эта атака закончилась и снова все успокоилось. Японские миноносцы отошли от Артура и скрылись в темноте ночи. Наши корабли к тому времени подняли пары и, получив приказ, снялись с места, пустившись в погоню. Но это было уже бессмысленно, японцы ушли окончательно.

Ночь город провел в суматохе. Атака, взбудоражив население, заставила людей с тревогой наблюдать за вспыхивающими огнями орудий, прислушиваться к звукам стрельбы. Мы, спустя какое-то время спустились с Этажерки и пошли до дома. Зверев мое приглашение зайти и погреться, отклонил, сославшись на дела, и удалился. А я с Петром и с Лизкой, таща опустевший и остывший самовар, уныло брели по улицам. Мимо нас носились военные, бегали офицеры. В дачном поселке уже никто не спал и в каждом окне горел тревожный свет. Адмиралы, да генералы сейчас наверняка уже отбыли на срочное совещание у Стесселя и Старка, оставив своих родных с трепетом дожидаться новостей.

Меня заметили. Жена одного из полковников, что служил в крепости, высунувшись из окна, спросила:

— Что там стреляло, Василий Иванович? Неужто и вправду японцы напали?

— Напали, Марья Васильевна, напали, — кивнул я ей и пошел дальше, оставив женщину хватать воздух ртом. Видимо до сих пор у нее не было полной информации о происходящем. Но то, что я предрекал это нападение, она знала но, кажется, даже и сейчас не поверила.

— Врете вы опять все, Василий Иванович. Врете! — донеслось мне вслед, — Это же простые учения!

В ту ночь я не ложился — смысла не было. Крайняя канонада отзвучала уже глубокой ночью и после нее мы еще просидели на террасе больше часа. А потом еще некоторое время занял путь домой. Так что до рассвета оставалось недалеко, и встретил я его во дворе своего дома, медленно надираясь коньяком. Нет, я пил не от горя или бессилья, я цедил его мелкими глотками, поддерживая, таким образом, горячий ток крови в венах. Дома, конечно, жарко натоплено, но мне там пребывать не хотелось.

С рассветом я, прихватив Петра, пошел искать извозчика. Тот нашелся удивительно быстро, видимо ночное происшествие и ему не давало спокойно спать. И вот на нем мы отправились на полуостров Тигровый хвост, к берегу которого и пристал раненый броненосец. Ехать пришлось долго, больше часа, но зато когда приехали, солнце уже вовсю вступило в свои права.

Над морем стоял туман. Не такой сильный, чтобы скрывать собственную вытянутую руку, но вполне достаточный, чтобы спрятать два корабля выброшенных на берег к Золотой горе. Лишь по знакомым силуэтам я узнал их — броненосец "Цесаревич" и крейсер "Паллада". В заливе помимо поврежденных судов стояло еще с десятков, которые коптили небо черным дымом, поддерживая необходимое давление в котлах. И между ними шныряли бесчисленные катера, выполняя свою, неведомую посторонним людям миссию.

Ночное нападение осталось за японцами. Они повредили три не самых слабых корабля из Дальневосточного флота и, видимо, надолго вывели их из строя. При ближайшем рассмотрении "Ретвизана" стало понятно, что его повреждения достаточно серьезны. Торпеда, пришедшая на левый борт, вырвала в корпусе в районе торпедных аппаратов дыру. Само судно развернуло поперек фарватера, значительно его сузив. Вокруг броненосца сновали матросы, пытались что-то сделать. Осматривали при свете дня судно, заглядывали в рваную дыру.

Кто-то из офицеров увидел меня, вспомнил. И устало подойдя, не приветствуя, спросил: — Вы об этом все время говорили? — и кивнул головой на поврежденное судно.

Это был вопрос без ответа. Да, я об этом все время и твердил, пытаюсь донести до людей свои пророчества. Потому я просто кивнул. Офицер вздохнул:

— Плохо вы, однако, нам говорили... Могли бы и поубедительнее доводы придумать.

Мне не о чем было с ним разговаривать. Он простой офицер, меня знает лишь заочно, а я его не знаю вообще. Потому и ушел я к ожидавшему извозчику и скомандовал трогаться до дома.

Дома, не смотря на царившую в городе суматоху, я лег спать. Нырнул в холодную постель и почти сразу же провалился с тревожный сон. Думал, что нервы не дадут забыться, но крепкий алкоголь, гулявший в крови, подействовал как снотворное.

Проснулся от громяющей канонады. Лизка, прибежавшая будить, выпалила:

— Опять японцы!

— По городу стреляют?

— Вроде нет.

— Ну, тогда не переживай. Наши теперь готовы к атаке и не дадут себя сожрать.

— А если к нам снаряд упадет?

М-да, это был вопрос. Город японцы в будущем должны будут обстреливать, этого я не знал, но это подсказывала простая логика. И сюда снаряды могли прилететь только с юго-западной стороны и, то только в том случае, если японцы будут перекидывать их через весь полуостров и высокие сопки Ляотешаня. Что было не так просто, но все-таки вполне возможно. В остальных же случаях наше жилище надежно защищала Золотая гора, у подножия которой и находился наш дачный поселок.

— Где Петро?

— Опять на Этажерку полез. Говорит что оттуда лучше видно.

— Ни хрена там не видно, — проворчал я, недовольно. — Ладно, Лиза, не переживай, а лучше приготовь мне что-нибудь поесть. А как придет Петро, то ко мне его отправь. Есть у меня для него одно задание.

И она, внешне успокоившись, ушла греметь сковородками. Вскороости она накормила меня сытной яичницей с беконом по американской традиции и напоила крепким и ароматным кофе. После него я пришел в себя, взбодрился и вышел из дома на дневной холод.

В городе царил паника. Гражданские, поняв, что война все-таки началась, поспешили убежать из города и оккупировали железнодорожный вокзал. Тысячи людей штурмовали кассы и лезли в уже битком набитые вагоны. Полицейские и военные пытались навести порядок, жестко воздействуя на сошедшую с ума толпу, но это помогало мало. То же самое творилось на почтовой станции. Люди, что не рискнули убраться из города с первой волной, сейчас пытались отправить денежные переводы, чтобы хоть таким способом защитить свои сбережения. И в отделении банка творилась такая же чехарда. В-общем, при всем своем

налете благородства и высоких идеалах люди все-таки оставались обычными людьми и при опасности старались в первую очередь позаботиться о себе и своей семье.

Через несколько часов меня в переполошенном городе неведомым образом нашел Петро.

— Что вы хотели Василь Иваныч?

— Что с Этажерки было видно? — вместо ответа спросил я. — Кто и зачем стрелял?

— Японцы приблизились. Я думаю, хотели добить наши корабли пока те в куче стояли. Но наши им ответили, с кораблей по ним били, да батареи работали. Хорошо им вдарили, те сразу же драпанули.

— Ты откуда знаешь? Оттуда же это не было видно?

— Да-к я же потом на батарею на Электрическом утесе поднялся. У меня там знакомый артиллерист есть, так вот он мне все и рассказал.

— Наши корабли больше не подбили?

— Нет, не подбили. Жаль что и в японцев тоже не попали.

Я принял информацию к сведению. Уже неплохо, что наши флотские не встали в ступор, а Алексеев, Стессель и Старк стали что-то предпринимать. Позже я узнал, что еще ночью, после торпедной атаки, наши быстроходные корабли снялись с якоря и по собственной инициативе пустились в погоню за японскими миноносками. Конечно же никого не догнали, потому как долго разводили пары. Но факт того, что командиры судов, не дожидаясь команды сверху, проявили волю, весьма радует. Получается так, что чем ниже у человека чин, тем он более энергичен в своих начинаниях и пока командование находится в ступоре он готов взять ситуацию в свои руки.

— Так чего звали-то меня, Василь Иваныч? — напомнил о себе Петро.

— Ах, да. В-общем там, Петро. У нас есть еще один участок на берегу моря. Как раз между двадцать второй батареей и Первым Фортом. Там еще недалеко деревенька китайская из нескольких халуп, Мяосы вроде бы зовется. Так вот, там, рядом с нашим участком летние дачи у господ офицеров находятся. Вот на том участке тебе и надо будет поставить домик, такой, чтобы в нем можно было проживать и летом и зимой. То есть достаточно теплый и обязательно с печкой.

Петро деловито кивнул.

— Там нет смысла строить основательно, главное чтобы дом пережил следующую зиму.

— Хорошо, Василь Иваныч, построю. Только, скажите, зачем он вам?

— Там будет безопасно. Чувствую, что город будут бомбить, а у нас дача стоит рядом с дачами генералов, да адмиралов. Японцы как раз по ним и могут отработать.

— Думаете?

— Предполагаю. Всякое может случиться, я б на месте японцев именно так бы и сделал. Так что, на другом участке нам будет спокойнее и безопаснее. Там целей нет, и специально никто туда стрелять не будет. Разве что случайный снаряд может прилететь, да и то маловероятно.

— Хорошо, сделаю. Деньги?

— Выделю сколько надо. Нанимай работников и при первой же возможности приступай. Китайцы, конечно, сбежали из Артура, но не все. Кто-то еще остался.

— Да я лучше с Данилом его поставлю, — заявил Петро самоуверенно. — Впервой что ли? Только когда он уже приедет?

Я развел руками. С неделю назад мы получили от него телеграмму о том, что он,

закупившись всем необходимым, зафрахтовал невесть каким образом оказавшееся в Тихом океане судно под немецким флагом и готов был отплыть. Так что, судя по прикидкам, где-то через месяц-полтора, он уже должен появиться у нас. И это только в том случае, если японцы не блокируют полуостров с суши, чего они до сих пор не сделали. Что было для меня странно, высадить десант на сушу и отрезать главную крепость от подпитки с Большой земли — это то, что я сделал бы в первую очередь.

А через несколько дней пришла новость перехваченная телеграфной станцией и растиражированная местной газетой — в корейском городе Чемульпо против превосходящих японских сил дали бой знаменитый мне крейсер "Варяг" и канонерка "Кореец". Результат боя прошел уже по написанному в моей истории скрипту и не изменился ни на йоту — канонерка и крейсер, получив серьезные повреждения, были затоплены собственной командой. Команда "Варяга" потом будет возведена в статус героев, и их будут ждать великие почести и награды. Насколько я помню, они даже в Питере пройдут перед Императором, который их и наградит. Что вполне заслуженно. Простые матросы и вправду сражались с героизмом, достойным канонизации в памяти народа.

И с этого дня, с момента ночной атаки японцев, жизнь в городе резко изменилась. Все гражданские кто имел такое желание, в течение недели смогли покинуть город и некогда шумные улицы молодого и по-европейски красивого города, обезлюдели еще больше. Многие магазины и лавочки закрылись, многие услуги оказались недоступны. И хмурая напряженность поселилась на лицах немногих оставшихся, а сами улочки Артура наполнились концентрированной массой армейских и флотских шинелей. По-правде говоря, здесь всегда хватало служивого народа, но сейчас, в связи с бегством гражданского населения концентрация военных очень уж сильно стала бросаться в глаза, и это удручало еще больше.

У Алексеева, Старка и Стесселя потянулись одно совещание за другим. Там принимались какие-то решения, обсуждались важные вопросы и пересматривалась стратегия предстоящей войны. Господа до последнего момента не верили в надвигающуюся трагедию и потому особо не торопились с укреплениями. И вот теперь в полной мере осознав будущую блокаду, начали хоть как-то шевелиться. Через неделю после нападения вспомнили и обо мне. Прислали от Стесселя гонца и пригласили на беседу с комендантом крепости.

— Добрый день Ваше Превосходительство, Анатолий Михайлович..., - поздоровался я с комендантом, едва зашел к нему в кабинет. Там, помимо самого Стесселя находился и генерал-майор Белый и полковник Тахателов и еще много других офицеров. Все они склонились над картой, расстеленной на широком столе, что-то вычерчивали циркулем и черкали карандашом.

— А, господин Рыбалко, — оторвался от карты Стессель. — Проходите, проходите. У нас к вам накопилось много вопросов, которые вы нам, надеюсь, разъясните.

— Да, Ваше Превосходительство, я вас внимательно слушаю. Чем смогу — помогу.

— Прекрасно, прекрасно. Стоит заметить, что вы все-таки накаркали эту войну, — казалось, он меня обвинял в случившейся трагедии, но все прекрасно понимали, что я тут совершенно не причем. Потому и не обратили офицеры на выпад Стесселя в мою сторону никакого внимания. Лишь кивнули слегка, показав коменданту, что с таким утверждением можно было бы согласиться. И Стессель устало вздохнул: — Ладно, господин Рыбалко,

скажите прямо — вы же знали? Не догадывались, не предполагали, а просто знали? Иначе я не могу объяснить ваше настойчивое упорство.

— Сложно сказать, Анатолий Михайлович, — уклончиво ответил я, — знать — не знал, но очень серьезно верил. Японцы не могли отступить от своих планов, а американцы их в этом очень сильно поддерживали. Это простая геополитика, которую можно просчитать.

— Слово-то какое придумали, — хмыкнул он, — прям как университетский профессор. Ладно, у нас нет времени выяснять отношения — японец сильно на нас напал, уже заблокировал нам морские сообщения, а вскоре заблокирует и железную дорогу. Вы, предвидя эту войну, как-то готовились, что-то там у себя делали. Я прекрасно помню ваши минометы и что вы что-то там построили на Высокой горе. Ну что ж, вот и настало ваше время — рассказывайте, что вы уже сделали и, чем вы можете нам помочь.

Я к этому моменту готовился. Ожидал вызова к этим господам и потому без колебаний выложил перед господами несколько отпечатанных листов, на которых был полный список того, чем я располагаю и рядом с каждой позицией в этом списке была сноска с ценами. Я, конечно, решил помочь нашей стране, но только не ценой своего разорения. Хотя часть своего бы отбить — было бы уже хорошо. А то, что господа заплатят, я несколько не сомневался.

— Так, так..., - заинтересовано пробормотал Стессель, беря списки в руки, — а еще утверждали, что вы не желаете обогатиться на этой войне.

Он не требовал ответа, ему и так все было понятно. Весь товар что лежит у меня на складах я продам, возможно, даже с небольшой прибылью, а вот укрепления на горе Высокой я продать не смогу и потому они станут, да чего там станут, уже стали моим убытком. Так что, продавая свои минометы, мопеды, колючку и прочее, прочее я лишь отбивал часть своих убытков. И честно признаться, получив с военных деньги и таким образом опять приобретя финансовую свободу, я не хотел их засунуть поглубже в карман и дожидаться с ними окончания войны. Я и впредь желал потратить их на оборону нашей крепости. Но этого я им не сказал, а они не спросили.

— Минометы, меня они в первую очередь интересуют, — заявил генерал-майор Белый, — каково их количество?

— Полсотни штук, — ответил я.

— А какова цена?

— Полторы тысячи рублей за единицу.

— Угу, дешевле, чем наши пулеметы получается. Неплохо. А боеприпасы?

— Одна мина пять рублей. Но их не так много, поэтому вам можно будет наладить их выплавку на собственных мощностях. При необходимости я в какой-то мере смогу обеспечить вас собственным тротилом, но, думаю, неплохо будет получаться, если их снаряжать и мелинитом.

Наш миномет в производстве был значительно дешевле тех полутора тысяч рублей, что я запросил. Его себестоимость от силы была рублей полтора. А вот пулеметы, и это я знал достоверно, нашим военным министерством покупались по цене свыше двух тысяч рублей. Вот и выходит, что задрав, таким образом, цену, я несколько не обеднял военных — у тех в крепости и так денег куры не клюют, не отдадут же они их все японцам после окончания осады? Ну а цены на сами мины в два рубля были тоже с небольшой маржой, но уже не такой грабительской. Копеек пятьдесят за штуку я с них выгадывал.

— Полста штук это, конечно, хорошо, — заметил приободрившемуся Белому

Стессель. — А кто из них стрелять будет?

— Подберем из расчетов, невелика проблема, — ответил генерал. — Насколько я помню на демонстрации господином Рыбалко, у него и таблицы для стрельб уже имеются, и кое-какая тактика применения есть. Так что худо-бедно разберемся и научимся. А господин Рыбалко не откажет в помощи в освоении, если он уж так в своем оружии разбирается. Так ведь?

— Обязательно помогу. Даже смогу подсказать некоторые интересные идеи.

— Вот и хорошо. Анатолий Михайлович, мне нужны эти минометы все до единого и боеприпасы к нему. Надо бы дать указания о расчете.

— Хорошо, Василий Федорович, пусть будет так. А что до производства самих мин?

— Надо налаживать, — согласился с комендантом Белый. — Подозреваю, что во время боевых действий расход этих боеприпасов будет чрезвычайно высок. Я прав, Василий Иванович?

— Совершенно правы. Более того, считаю, что при обороне крепости мои минометы как раз и станут тем оружием, что будут сдерживать натиск японцев.

— Ну-ну, это вы уж хватили.... Но доля правды в ваших словах, конечно, присутствует. Ладно, давайте двигаться дальше. Что у вас там еще есть? Гранаты?

Я с господами офицерами провел несколько часов. Мы с ними прошлись по моему списку, по каждой позиции. Гранатами они особо не заинтересовались, но по моему настоянию взяли все-таки пару сотен на пробу и на обучение. Им главное понять, как это оружие поможет им в обороне и при первых стычках они убедятся в его эффективности. Потом и возьмут все скопом, так что по этому поводу я не переживал. Дальше колючка — ту ее взяли всего с четверть из моих запасов, так как и на своих складах они ее имели. Только моя "егоза" очень уж сильно отличалось от их простой проволоки. И опять же, пока они не попробуют и не сравнят в действии, всю не выкупят. Так что и по этой позиции опять буду ждать.

Наличию на моих складах продовольствия они обрадовались. Особо им понравилось, что запасы мои предусмотрены для длительного хранения. Апельсинам и лимонам в огромных количествах удивились, но когда я сказал, что эти цитрусовые прекрасно помогают от цинги, недоумение у них спало, но все равно выразили сомнение в необходимости подобных запасов. Не верили они, что осада дойдет до такой степени, что у простых солдат выползет эта болезнь. И тут они у меня ничего кроме консервов не выкупили, так что все апельсины и лимоны остались на складах. Сохранить их не проблема — у Чурова они лежали в отапливаемом помещении, так что те не померзнут и прекрасно доживут до самой осени.

Большое оживление вызвал воздушный шар. Стессель даже хлопнул в ладоши, воскликнув "Как кстати!". Его купили без колебаний, выложив три тысячи, окупив таким образом мои расходы на его приобретение. И, после недельной подготовки, обустроили место его расположения на горе Высокой, как раз за моими постройками. Троса для его удержания опять же купили у меня и с его помощью стали проводить частую воздушную разведку, поднимая шар в безветренную погоду до полукилометра. Оттуда прекрасно было видно море на целых полста верст, ну а чтобы поддерживать связь с наблюдателем они протянули телефон. Не мой полевой, запасы которых я до сих пор хранил, а какой-то старый из собственных сбережений.

По поводу воздушной разведки... Я им сказал, что с удовольствием им в этом помогу и они приняли информацию к сведению. В будущем, когда японцы подступятся по суше, мои услуги им очень пригодятся. Ну а Старку я выдал новую идею:

— Мои летательные аппараты можно использовать и на море и вести авиационную разведку вдаль от берега.

— Вот как? И каким же образом?

— Помните как я своими мотоциклами таскал за собою планер?

— Как же, прекрасно помним, — ответили они, уже догадавшись куда я клоню.

— Так вот, подобное можно сделать и с каким-нибудь быстроходным кораблем или катером. Соорудить на корме площадку для чайки, поставить катушку с тросом и телефоном и таскать по морю. Чайку надо будет сделать двухместной, так будет лучше. У судов мощностей намного больше чем у моих мотоциклов, так что с подъемом крыла сложностей не возникнет.

— Почему же двухместной? Вроде и один человек прекрасно справляется с управлением.

— Да, вот один и будет править, а другой высматривать в бинокль корабли и по телефону сообщать координаты.

— Гм, а идея хороша, — после секундной задумчивости произнес Старк.

— Хороша, только как все будет на самом деле? — засомневался Стессель. — А ну как не выдержит ваша конструкция и развалится в небе? Людей уробите.

— Сделаем усиленную раму, сложного ничего нет. Будет, конечно, тяжелее, но в данном случае это никак не скажется на планирующих свойствах. По сути это все равно, что воздушного змея за собою таскать, только им еще и управлять можно.

Они покивали головами. Сравнение было точное. И спустя несколько минут,

посоветовавшись, Старк выдал свое решение:

— Делайте свою двухместную чайку. Как быстро вы сможете ее нам предоставить?

— Гм, я думаю за три недели построим. Может и быстрее.

— Делайте. Мы ее испытаем и если она покажет свою эффективность, то купим у вас.

Какова будет цена?

— Думаю, чайка без двигателя будет стоить две тысячи. Но я бы лучше ее вам просто так отдал, безо всяких денег. Только лишь прошу дать мне возможность самому побывать на корабле и участвовать в пробном запуске. И кинокамеру свою я хочу захватить, чтобы, значит, мне было, что показывать Императору и его супруге.

Моя идея понравилась и потому он дал свое согласие. Для меня потеря этих пары тысяч не критичная, зато я получал уникальные кадры, на которых после войны смогу как следует навариться. И опять же, киноотчет для Николая дорогого стоит. Но в первую очередь, меня волновало мнение вдовствующей Императрицы. Ведь именно на ее поддержку я решил сделать ставку. Она имеет громадное влияние на своего сына, а значит, через ее фигуру я смогу добиться очень многого.

— А что же по поводу воздушной разведки, — добавил Стессель, — то, думаю, это будет прекрасным подспорьем для нашего флота и наши корабли впредь будут более информированы о том, кто же там на самом деле ведет стрельбу...

И после этих слов Старк сдвинул брови и поиграл желваками. Намек коменданта был понятен всем — глупая гибель двух кораблей крейсера "Боярина" и минного заградителя "Енисей" больно сказалась на имидже флотских. Через несколько дней после начала войны, наместник, желая защитить подходы к портам Дальнего и Талиенваня, распорядился выставить минные заграждения и, следуя его приказу, командир "Енисея" положил мины, а утром следующего дня, продолжая работу, наскочил на собственное заграждение и подорвался, погубив, таким образом, и сам корабль и около сотни членов экипажа. На звук взрыва, думая, что японские миноноски снова подошли к нашим берегам, выдвинулся крейсер "Боярин" и, опять же, подорвался на уже выставленном минном заграждении! Экипаж в этом случае, конечно, спасся, да только корабль, вопреки ожиданиям капитана, не затонул, а остался на плаву, а потом и вовсе оказался прибит к берегу. Его хотели было снять и отбуксировать в Артур на ремонт, да только пока чесались, его опять отнесло в море, где он и погиб, по-видимому, опять подорвавшись на минном поле. Блин, да в сталинские времена обоих командиров этих судов расстреляли бы на месте без суда и следствия! Так что, подколка Стесселя была понятна — неумелые действия командиров и откровенная трусость одного из них не лучшим образом ложились на моральный облик всего флота. И Старк, выслушивая упреки, терпел. По слухам его отчехвостил и сам наместник, так, что тот выбежал из его кабинета с горящими ушами.

— Ладно, господин Рыбалко, с вашими летательными аппаратами на море все понятно. А что вы будете делать с воздушной разведкой, когда японцы высадутся на полуостров? Насколько я понимаю, ваша чайка с моторами испытывает некоторые трудности в полете и ей будет трудно выполнить длительную и тщательную разведку. Вот как долго ваш агрегат может держаться в воздухе и на какую высоту он может забираться?

Это спросил опять же Стессель. Он пытался понять, как ему оборонять крепость и подходы к ней.

— С моточайкой не все так просто, — сознался я, — наши двигатели слабоваты для уверенных полетов. Но мы работаем в этом направлении, и думаю, что в мы сможем создать

новый аппарат способный прекрасно держаться в воздухе. А что по поводу разведки... Да, он для этого дела подойдет прекрасным образом. Будет достаточно и одноместного варианта... И, кстати, если у нас все получится наилучшим образом, то с самой моточайки можно будет на противника сбрасывать бомбы. Например, те же самые мины, что мы производим, если их скинуть на склады со снарядами, то эффект будет просто поразительным.

Для офицеров это было откровением. Ни о чем подобном они и не предполагали. Наступило минутное молчание, в ходе, которой я читал по их лицам осмысление данного факта, а затем Старк, первым подав голос, неуверенно возразил:

— Это же бесчестно...

— Что может быть бесчестного в том, что таким образом мы спасем, сотни наших людей? — по-еврейски кинул я в ответ. — И к тому же, свое бесчестие японцы уже продемонстрировали всему миру, когда напали на нас без объявления войны. Есть такая мудрая и точная пословица — как аукнется, так и откликнется. И она наиболее точно подходит к нашему случаю.

— Господин Рыбалко прав, — неожиданно поддержал меня Тахателов. — Мы будем сидеть в глубокой обороне, и японцы без особого труда нас зажмут. Не будет никакого бесчестия применять то, что поможет нам выстоять. Я бы, кстати, еще бы по проволочному заграждению и ток пустил.

— Ну да, ну да..., - задумчиво протянул Стессель, — еще и ток... Войны с каждым разом приобретают все более звериный лик. Глядишь, вскоре и пленным в их правах будут отказывать или, что еще хуже, брать их перестанут, а умерщвлять раненых и сдавшихся прямо на поле боя. Это, извините, уже не война получается, а какое-то варварство.

— Как это не печально, но мир все более ожесточается, — развел я руками. — Вспомните, как британцы буров подавляли? Помните их концентрационные лагеря? Так вот, это всего лишь цветочки будущего, настоящий ужас нас ждет впереди. И авиационная бомбардировка на этом фоне будет выглядеть не более чем адекватной реакцией на попытку уничтожения. Так что я не считаю подобное действие бесчестным и чем-то постыдным. Наоборот, постыдно не принять никаких мер для того чтобы сберечь подобным образом сотни наших жизней.

Старку мои слова не понравились. Он их принял на свой счет и потому, глянув на меня не добро, похоже затаил обиду. Ох, как бы мне это не аукнулось...

И вот после этого разговора, после непродолжительной дискуссии, Стессель со мною согласился и высказал желание приобрести мою моточайку для разведывательных целей. Что же касается авианалетов, то он в чем-то со мною был согласен, но не готов был так сразу принять эту идею. Ему нужно было время, чтобы ее как следует обдумать и смириться с моральной точкой зрения.

Потом наш разговор коснулся моих укреплений на горе Высокой. Стессель, после краткого словесного лавирования, скупо мне сообщил:

— Ваши укрепления мы уже осмотрели и пришли к мнению, что сделаны они более или менее грамотно. Не без греха, но в целом удовлетворительно. Стены и своды вполне могут выдержать попадания японских крупных калибров, сектора обстрелов определены правильно. Конечно, есть несколько нюансов, которые вы не учли, но мы их исправим. Надеюсь, вы понимаете, что ваши укрепления мы экспроприруем на нужды крепости?

— Безо всяких сомнений, — кивнул я. — Я иного и не предполагал.

— Замечательно. Тогда, вы немедленно должны передать нам все планы ваших построек на Высокой. И, кстати, возникает вопрос, а зачем вы сделали площадку на восточной стороне горы? Для чего она там?

— Для минометных расчетов, Анатолий Михайлович. С той целью, чтобы они поддерживали обороняющихся навесным огнем и работали по целям из защищенного места. Там они будут в полной безопасности — с запада их будет закрывать вершина горы, а с восточной и южной мы возвели небольшую стену и за нее ссыпали выбранный при земляных работах грунт. Таким образом, эту площадку будет невозможно рассмотреть и со стороны моря, и минометчики будут находиться в полной безопасности.

— Ага, тогда понятно. А то мы все гадали, зачем вы ее сделали. Позже вы нам покажете на месте, как вы себе это представляете, и мы серьезно изучим это нововведение.

— Хорошо, — согласился я. На самом деле это была моя отсебятина, моя придумка. Сама площадка была небольшой, всего на три-четыре минометных расчета, окруженная со всех сторон, кроме северной, защитой, которая не пропустит ни один артиллерийский снаряд. Там же имелось две комнаты, выдолбленные в скале, одна для отдыха расчетов, другая для хранения боеприпасов. — У меня еще имеется купленный пулемет системы Максима, — добавил я, — могу продать.

— Из Америки привезли? Под какой патрон?

— Под наш, под русский.

— Замечательно, за две тысячи триста рублей мы его у вас купим. Цена устраивает? Вот и хорошо. Какие еще вы нам сюрпризы приготовили?

— Полевые телефоны...

— Это как? А чем они от обычных отличаются?

Не скрою, я свои телефоны придерживал на складе, не пуская на продажу, понимая, что они не очень-то пригодны для гражданского пользования. Слишком массивны, в прочных арборитовых корпусах-ящиках, то бишь в фанерных, выкрашенных многослойным лаком и с прочными, неубиваемыми карболитовыми трубками. Один из них я притащил с собою и временно оставил в приемной вместе с Петром. И вот теперь, выглянув, я забрал тяжелый ящик и представил на суд. Офицеры, едва с ним ознакомившись, решили:

— Возьмем на испытания пять штук. Если покажут себя с хорошей стороны, то рассмотрим возможность приобретения. Какова их цена?

— Пятьдесят пять рублей штука.

— С ума сошли? За такой примитив?

— Испытайте их, Ваше Превосходительство...

— Ладно, испытаем. Но эти пять экземпляров вы нам предоставите абсолютно бесплатно.

Как я уже говорил ранее, они, взяв мои телефоны, не стали использовать их на воздушном шаре, а предпочитали орать в трубку в собственные. Что ж, на этом этапе господа военные сэкономили немного денег.

Дальше я пытался развести их на предмет защитных касок и бронежилетов. Идея была здравая, все это признавали, но и все же они категорически отвергли их использование, потому как весь этот наряд будет не по уставу, будет сковывать движение и создавать ненужную иллюзия безопасности. В то, что бронежилет это именно "броне", они почему-то не поверили. Да и я в это особо не верил и сами пластины на прочность не проверял. Согласен — мое упущение и потому на данном этапе я от военных отстал. После, когда

раскурочу из мосинки несколько бронежилетов и получу результаты, предложу их военным заново. К тому моменту они может и созреют до этой идеи. Каски также оказались отвергнуты, потому как те, уж совершенно точно не могли защитить от пули, и могли быть пробиты даже из не самого мощного револьвера. Тут я господам напомнил, что при взрыве упавшего снаряда солдата, сидящего в окопе, очень часто поражают именно приземляющиеся камни, от которых каска как раз и призвана защитить. Но и тут было все глухо — Стессель, упрямо, словно попка, мне твердил: "глупости это и не по уставу".

Мы в тот день много еще о чем говорили и много чего они у меня купили. Те же самые велосипеды и примитивные, но качественные мопеды они приобрели у меня под сотню штук. Мотоциклов с колясками взяли три штуки и моторикш тоже три. Моторикши я предложил переделать под санитарные нужды, господа почесали в затылках и согласились со мною и через пару дней прикупили еще пять штук. Потом их отвезли в мастерские при доке и вместо колясок поставили что-то наподобие деревянных, подпружиненных палатей, на которых будет возможно перевозить лежащих раненых.

Кстати, после встречи со штабными офицерами, я прямиком, пока позволяло светлое время, полетел в больничку Красного Креста и безо всякой компенсации подарил им десяток ящиков со своей зеленкой и плюс к этому присовокупил великое множество бинтов, марли, ваты, карболки и прочих лекарств, что почти уже год хранились на моих складах. Врачам это совсем скоро понадобится в неограниченном количестве. Они и сами это осознавали и благодарили меня, предлагали деньги. Но я отказался и лишь попросил их засвидетельствовать мой дар. Не с целью прославиться, а с целью отчета перед самим Императором и его горделивой матерью. Она, едва случится мною предсказанное рождение наследника и его выявленная болезнь, наверняка потребует моего немедленного прибытия и потребует от меня новых предсказаний. Ну и отчета о проделанных мною работах. Вот потому мне и нужны доказательства моей помощи, так что врачей я попросил мне в этом помочь и они с охотой попозировали перед фотоаппаратом Пудовкина, а статью, что напечатала местная газета, я аккуратно приколол к папке-скоросшивателя. А папка эта, между прочим, Мишкино нововведение, которое он пустил в производство вскоре после моего отъезда. В пару к нему он же запустил и дырокол, который хоть и не был "изобретен" нами и был в эту эпоху уже довольно известен, но выпускал он его полностью хромированным, чем выгодно выделял изделие на фоне остальных безликих. А папка-скоросшиватель, хоть и напоминала уже ныне существующие, но, опять же, на усиках и остальных металлических деталях имела хромовое напыление и в результате этого, ржавые следы не марали драгоценные документы. По сути, тут наших изобретений нет — только лишь усовершенствование, но и это, по признаниям в письмах моего друга, сразу же стало давать небольшой, но стабильный доход. Хромовое напыление нравилось всем, и это было нашим ноу-хау, которым мы спешили делиться.

Что же касается моих будущих предсказаний перед Вдовствующей Императрицей, то у меня их было много. И тем же вечером, после посещения больницы Красного Креста, я, не откладывая в долгий ящик, сел писать письмо с откровениями. Упомянул про те, которые я уже ей предсказывал, чтобы она не забыла, ну и написал новые, страшные и ужасные. Писал тщательно, не торопясь, в течение нескольких дней. А написав, отослал письмо на Мишкин адрес, с той целью, чтобы он мои пророчества прочитал и присовокупил к ним новые, которые я не смог вспомнить. Мария Федоровна, прочитав их, конечно, придет в истинный ужас. А ужаснувшись, а вскоре и убедившись в их правдивости, надеюсь, станет

воспринимать мое мнение с самым серьезным вниманием. И вот через нее-то я и смогу воздействовать на Николая, который на данный момент находится под полным влиянием властной матери.

Письмо я отослал обычной почтой. Оно обязательно дойдет, полуостров все еще не блокирован и сообщение с Большой Землей не прервано. Война только еще набирала обороты...

А вскоре после этого, после посещения мною почтового отделения, меня в пустом зале ресторана "Саратов" посетил некий ротмистр. Подошел сбоку, выпросил разрешения присесть и, не дожидаясь ответа, присел на стул напротив меня, откинулся на спинку и, сложив нога на ногу, стал рассматривать.

— Чего вы от меня хотите и кто вы такой? — спросил я недовольно, выпрямляя спину под его наглым и властным взглядом. Сам ротмистр был в тяжелой шинели, которую не удосужился снять при входе, в высокой черной папахе, натянутой до самых бровей. Густая, черная как смоль, борода закрывала его лицо до середины щек, едва ли не до глаз, и лишь один горбатый, покрасневший с мороза нос, прорезал заросли словно ледокол.

— Князь Микеладзе, — представился он, после секундного молчания, — начальник жандармского управления. Совсем недавно прибыл и приступил к своим обязанностям в крепости Порт-Артура, — он замолчал, с ухмылкой наблюдая за моей удивленной реакцией.

Через пару секунд я осознал сказанное:

— Гм, господин ротмистр, чем обязан вашему визиту?

— Рыбалко Василий Иванович? — то ли спросил, то ли утвердил он.

— Да, это я.

— Наконец-то я вас встретил, — осклабился он хищно и неспешно обнажил голову, стянув папаху. Потом так же лениво расстегнул несколько пуговиц шинели, явив на свет божий жандармский мундир. — Не поверите, дорогой Василий Иванович, я, получив распоряжения по поводу вашей личности, только и мечтал поскорее встретиться с вами.

— Чего же так?

— Должок за вами, помните?

— Какой же? — не без удивления спросил я.

— Отчет о вашей здесь деятельности вы мне должны предоставить. М-да, вы здесь почти целый год, а так и не удосужились этого сделать. Нехорошо это, неправильно. Вы, как наш..., — он демонстративно оглянулся — не подсушивает ли кто, и, на всякий случай, снизив голос, добавил, — ... вы как наш агент, просто обязаны были это делать. Писать нам отчеты — чем вы тут занимаетесь, с кем имеете общение, куда и за какой надобностью отлучаетесь. И помогать выявлять неблагонадежных людей. Нехорошо манкировать своими обязанностями, Василий Иванович, очень плохо.

— Господин ротмистр, а вы не ошибаетесь ли в моих обязанностях? — с усмешкой спросил я. Этот князь мне уже не нравился. Не нравилась его надменность, наглость. Хотя, признаю, жандармы они такие — профессиональная деформация личности брала свое. А этот еще и княжеских кровей, и судя по густозаросшей физиономии, орлиному носу, сильному акценту и говорящей фамилии — еще и грузинских. А у тех с сомнением было во все времена все прекрасно.

— Ничуть, — не подавшись на мой тон, ответил он. — У меня есть четкие инструкции по поводу вашей персоны. Там изложено все предельно ясно. Что вы должны, что вы

обязаны и сколько я вам за это должен платить. Целый год вы здесь сидели без нашего присмотра и жили вволю. Я не виню вас, я б на вашем месте сделал бы так же, да и любой другой, наверняка, тоже. В этом я вас прекрасно понимаю..., м-да. Кстати, не поленитесь завтра зайти ко мне в управление и получить ваше вознаграждение. Пятьсот рублей, между прочим.

Я не знал, как на него реагировать. Вроде бы — представитель власти и я, однажды попав в их руки, обязан ему подчиняться. Но вот глядя на наглеца Микеладзе, глядя на его противную ухмылку, пробивавшуюся сквозь заросли черной проволоки, я отказывал себе в этом "удовольствии". Подчиняться охранке здесь, в Артуре мне совершенно не хотелось. Да и по справедливости рассудить, что он мне мог здесь сделать? Пожурить? Покачать недовольно головой и отписаться своему начальству о том, что агент Рыбалко вышел из под контроля и отказывается предоставлять отчеты? Ничего серьезного он мне сделать не мог и сам он это должен был понимать. Все-таки я здесь с воли Марии Федоровны и князь, как бы ему это не хотелось, мне в этом месте и в это время совершенно не указ. Фактически — он для меня пустое место. И воздействовать он на меня никак не сможет — я не преступник, чтобы меня арестовывать и отнимать имущество. Я всего лишь агент охранки и ничего более и воздействовать на меня может, вернее мог, один лишь Зубатов. Ну а сейчас, в связи с его отставкой, тот, кто его замещает. Вот так-то.

— Уважаемый господин князь, — начал я говорить, желая отвести от моей персоны этого жандарма враз и навсегда, — я понимаю ваше служебное рвение, понимаю, что вы на новом месте готовы рвать и метать. Да, я агент охранки поневоле, по собственно глупости, это правда и я обязан работать с вашим подразделением. Но, уважаемый господин начальник, эту обязанность на меня возложили не вы и не ваши рядовые сотрудники, а некто более весомый. И вы уж не берите это на свой счет, но никаких отчетов я вам давать не намерен и никаких сношений с вашей конторой, кроме тех, что касается моих перемещений по стране, тоже. Я здесь нахожусь с воли Марии Федоровны, матери нашего Императора, так что, эти самые пятьсот рублей, что вы мне якобы должны, можете пустить на нужды вашего отделения. Все больше пользы будет.

Признаюсь, с моей стороны получилось хамовато. Не так я хотел ему дать понять, что не собираюсь с ним работать — опять подвел мой язык. Ведь хотел сказать более мягко и не так обидно. Но, теперь-то чего?

Князь, понятное дело, на мои слова обиделся. Покраснел лицом, надул щеки.

— Да что вы себе позволяете... Какой я вам "господин князь"?!

— Вас как по имени отчеству?

— Я для вас князь Микеладзе и вы должны обращаться ко мне "Ваше Сиятельство"!

— Хорошо, я понял, — кивнул я и повторил: — как ваши имя и отчество Ваше Сиятельство?

— Они вам без надобности! И не смейте больше меня называть неподобающе!

Боже, да он не на шутку разозлился. Он, сидя напротив меня, сверкал глазами, а крылья носа ходили ходуном, то раздуваясь, то опадая. Казалось — еще капля и он взорвется, выплеснет на меня свой гнев, отбросив в сторону всякие приличия. Признаться, я на мгновение даже пожалел о своих словах, но всего лишь на мгновение. Подняв ладони, я сказал удивленно:

— Как скажете, Ваше Сиятельство, как скажете....

И его эти слова, казалось, удовлетворили. По крайней мере он, перестал казаться таким сердитым. Позже, намного позже я узнал истинную причину его гнева. Оказывается, его рассердили вовсе не мои наглые слова, на корню отвергающие непосредственное подчинение ему. Его рассердила, как мне казалось, простая фраза — "господин князь". Для меня она не была чем-то серьезным, но вот для него, князя грузинских кровей, она оказалась оскорбительной. Кто мог знать, что такое обращение полагается применять исключительно к князьям татарским и к князьям инородцев? Вот и выходило, что этой фразой я сравнил его с татаринном.... М-да, нехорошо получилось.

— Впредь попрошу вас следить за вашим языком. Мне говорили, что вы несдержанны и теперь я в этом убедился.

— Прошу простить, если я вас чем-то обидел..., - попытался сгладить я острый угол, еще не зная истинной причины его недовольства.

— Хорошо, — кивнул он уже более или менее спокойно и снова напустил на себя надменный вид, так, словно он здесь единственный царь и бог. Откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу, а папаху, что до этого гневно мял в руках, расправил и поставил на стол, прямо перед моими блюдами. А вот это уже действительно, была с его стороны наглость. Ну и как завершающий штрих Микеладзе нарочито медленно полностью расстегнул шинель и распахнул полы так, чтобы я смог лицезреть его великолепный мундир.

— Итак, господин Рыбалко, — продолжил он, — не смотря на вашу грубость, я не держу на вас зла.... Потому продолжим. Вы, насколько я понял, отказываетесь от своих обязанностей?

— Что вы, как можно, Ваше Сиятельство? — не скрывая свое отношение к его жандармской принадлежности, ответил я. — Совсем нет, все что от меня требуется, я сделаю. Но не здесь, не в Артуре.

— А где же тогда?

— В Питере, там, где я живу и работаю. Здесь же я просто помогаю нашим военным выстоять перед предстоящей осадой крепости. И вот в связи с этим позвольте узнать, какие же отчеты вы от меня здесь хотите увидеть? Скольких рабочих я принял на службу, их имена и фамилии, их политические взгляды? Или вам нужна моя финансовая отчетность? Или может быть мне раскрыть свои промышленные секреты?

— Боже мой, зачем вы лезете в бутылку? — искренне удивился он. — Зачем мне ваши секреты, оставьте их себе и своим военным. Нам они ни к чему. А вот этот ваш подозрительный Мурзин и этот ваш тротил..., - он многозначительно на меня посмотрел.

— Ну, с тротилом никаких проблем нет, он на полном учете. А с Мурзиным что не так?

— Как же, ваш Мурин, между прочим, мало того что тайный педераст, так еще и в ячейке социал-демократов состоит.

— Эсдеков? Что за бред? Я бы об этом знал.

— Ага, значить то, что он педераст для вас открытием не является. Что ж, мы так и запишем.

— Господи, нашли же к чему придраться, — съязвил я, — хочет он быть содомитом, пускай будет. Не мое это дело, а церковное.

— Ага, ага.... Так, значит вы с ним заодно?

— Тьфу на вас, Ваша Сиятельство, надоели уже, — эмоционально ругнулся я, так, что офицеры за соседним столиком, что прислушивались к нашему разговору, в открытую повернули головы. — Педерастия не по моей части.

— Ага, но вы его все же покрываете.

— Да, господа, сколько можно?!

— Ладно, ладно, — наконец-то соизволил князь уйти с этой темы, — оставим это. Но давайте-ка с вами поговорим о том, что ваш помощник был замечен в общении с неблагонадежными людьми. Третьего дня его, например, видели, как он вел милую беседу с одним человеком, который уже был уличен в распространении запрещенной литературы. И что вы на это скажете?

— И этот ваш человек на свободе?

— Да, он уже отбыл свое наказание. Но такие грешки не забываются. Так вот, ваш Мурзин. Вы уверены, что если мы обыщем его квартиру, то не найдем ничего запрещенного? А представляете если найдем? Я же его тогда у вас заберу. Надолго заберу. И что вы потом делать будете, а? Как будете управлять своей империей без своего главного помощника?

— Плохо мне будет, чего уж там лукавить, — честно признался я, — да только не найдете вы ничего, потому как находить-то и нечего. Не состоит он ни в каких партиях, ему это неинтересно.

— Интересно-интересно, — с мерзкой ухмылкой заверил князь, — нам доподлинно известно, что он почитывает запрещенную литературу. "Искру" ту же самую он штудирует от корки до корки.

— Она-то как сюда дошла? — удивился я. — Да и выпуск ее уже вроде бы прекратился.

— Ага! — он победоносно воздел палец. — А говорите не в курсе. Все вы знаете, дорогой Василий Иванович, обо всем догадываетесь. Вы же у нас местный прорицатель, все обо всех знаете, будущее предсказываете, — он замолчал на время и, склонив голову, оценивающе посмотрел на меня. — Ну что? И что вы дальше делать будете? Вы уже видите к чему приведет ваше упрямство?

Честно, я себя уже с трудом сдерживал. Не будь Микеладзе княжеских кровей — послал бы его далеко и надолго, не посмотрел бы что при жандармском чине. Хотелось мне ему наговорить много "лестных" слов и, учитывая мой несдержанный язык, я б так и сделал. Но, невероятным усилием воли, прикусил его и смолчал. Мое молчание князь расценил по-своему:

— Ну, тогда я вам сам расскажу. Сейчас прямо из этого ресторана мы отправимся к

вашему Мурзину с обыском. Перевернем ему всю квартиру, и, уверяю вас, обязательно найдем и ту самую "Искру" и еще много чего интересного. И тогда мы его арестуем и не видать вам вашего помощника как своих ушей. А у вас на него много чего завязано, он и полезными знакомствами обзаведен, и управляющий он прекрасный. И без него вам будет очень тяжело. А потом мы, придем с обыском на ваши склады и тоже там много чего найдем. Ту же самую взрывчатку, что вы скрыли от учета, например. Ну а если не найдем, то парализуем вашу работу на долгое время. И вот теперь я вас спрашиваю — оно того стоит? Может быть вам лучше проявить небольшую покладистость и все-таки выполнить свои агентские обязанности? Они у вас совсем небольшие и незначительные, так стоит ли из-за них вставать на дыбы?

Он наслаждался своей властью, упивался ею. Сидел напротив меня на стуле, закинув нога на ногу, и с кривой усмешкой, пробивающейся сквозь черную проволоку бороды, наблюдал за моей метаморфозой. А я и злился, и негодовал, и в какой-то момент проявлял растерянность. Наконец, через несколько долгих секунд, я ответил:

— А понимает ли Ваше Сиятельство, что я, прямиком из этого ресторана отправлюсь в резиденцию наместника, и буду просить его о приеме? И понимает ли Ваше Сиятельство, что скажет наместник, когда он узнает, что того, кому покровительствует Вдовствующая Императрица, пытается зажать какой-то там жандарм?

— Гм, да, об этом я как-то не подумал, — с легким смешком ответил он. — Ну, давайте прикинем, что из этого может выйти. Вот вы побежите к Алексееву. Будете там кричать, что такой-то князь, негодяй и пройдоха, пытается вас прижучить и принудить выполнять свои обязательства. Алексеев вам поверит, вызовет меня, а я приду к нему с бумагами, где черным по белому будет написано, что вы, будучи еще в Санкт-Петербурге, пытались устроить покушение на господина Куропаткина, но были вовремя остановлены нашей службой. Наказание за это вы не понесли, но вам была вменена обязанность работать с нами, то есть, вы стали нашим агентом. Да-да, и эту бумагу я ему покажу, как же без нее. И покажу ему, что вам полагается ежемесячная премия за свою работу. Понимаете, что после этого скажет наместник, да? Ну и кто из нас потом окажется дураком? И еще, мне почему-то кажется, что наместник не знает о том, что вы устраивали покушение. Вот это для него станет новостью.

Он открыто надо мной издевался, понимал, что схватить меня за холку ему не составляет труда. Но и я понимал это. Понимал и противился. Здесь в Артуре быть в подчинение у этого наглеца я просто не хотел. Мне Микеладзе был противен. И я мог взбрыкнуть, скинуть со своего хребта князя и ничего мне за это не будет. Меня не арестуют, на меня никак не воздействуют, имущество не отберут. Лишь один Мурзин, по заверениям князя, являлся моими слабым звеном, но и в нем я был уверен. Мой управляющий, не смотря на свою любовь к смазливим мужикам, в политику не играл и всякие там эсеры, эсдеки, народовольцы и многие прочие ему были неинтересны. И даже более того, он как-то мне говорил, что плевать хотел на все подпольные партии, лишь бы власть царская была крепкой и разумной. Потому я и сказал князю:

— Ваше Сиятельство, думаю, стоит прекратить наш разговор. Я остаюсь при своем мнении, и работать с вами я не собираюсь. Единственно, что я буду делать для вашей конторы, так это сообщать вам, куда я собираюсь отбыть, как мне и было предписано при отправлении сюда. В остальном же — увы, мое сотрудничество с вашим отделением на этом заканчивается.

— Ага, — понятливо кивнул он, — что ж..., вы, видимо, или полный дурак, или очень

самоуверенный тип. И то и то для вас нехорошо, — он замолчал, пристально рассматривая мое лицо. Потом, словно спохватившись, прикрикнул кому-то: — Рогачев, Мурзина под арест, квартиру обыскать! — и, уже более спокойным голосом, ко мне: — Хорошего вам дня, Василий Иванович, — и, встав из-за стола, водрузил на голову массивную папаху. Кивнул мне сверху вниз с грозной ухмылкой и, на ходу застегивая шинель, вышел из ресторана.

Через четыре дня после этого разговора, я вместе со своим помощником, вместе с Мурзиным, встречал поезд из Владивостока. Тот, придя поздно вечером, притащил в крепость несколько арендованных вагонов. А вместе с поездом прибыл и Данил, в сопровождении переводчика. Привез с собою все то, что докупил в Америке.

Паровоз стоял на приколе, лениво пыхтел парами, а расцепщики, деловито орудовали, отцепляя наши грузовые вагоны.

Данил, усталый, но довольный, наблюдал за процессом, сверял пломбы на задвижных дверях.

— Как добрались до Владика, Андрей Прохорыч? — поинтересовался я у переводчика.

— В целом нормально, — ответил он, хмурясь. — Едва успели в город зайти.

— А чего так?

— Следующим днем там морозы сильные ударили, и море стало замерзать. Мы разгрузились за сутки и немец, даже толком не загрузившись, убежал. Боялся до весны там застрять.

— Понятно. А в море как было? Тоже шторма?

— Да нет, относительно спокойно было. Дошли до Владивостока ходко. Не знаю даже, что было бы, если бы мы не успели. Куда было деваться?

— В Чифу бы разгрузились, какие варианты еще есть? Японцы судно под немецким флагом пропустили бы без проблем. Правда потом у нас тут проблема бы возникла, как потом свой же груз оттуда выцарапывать.... Хорошо, что успели, мне меньше забот.

Подошел Данил:

— Все хорошо, Василь Иваныч, — доложил он, — все пломбы на месте. Груз в сохранности. Открывать сейчас будем?

— Гм, пожалуй, нет. Темнеет уже, да и выгружать нам пока не с руки. Рук не хватает — китайцы все разбежались.

Он удивленно обернулся и только сейчас заметил эту странность. Китайцев, которых было по обычаю полным-полно на железной дороге, теперь и вправду не имелось. Разве что пара человек, особо жадных до денег, уже что-то скидывала с другого вагона. Но это все, больше дешевых работников в городе не осталось.

— Завтра с грузом определимся. Я к Стесселю сгоняю, продам ему все консервы. Вот его солдаты и разгрузят вагоны. Нечего нам лишнюю работу делать.

— Как скажете. Только охрану надо бы все равно поставить.

— Это конечно, — согласился я. И Мурзин, что молчаливо стоял подле, принял информацию к сведению и ушел договариваться об охране. Так что за целостность груза можно было не переживать.

Егорыча Микеладзе выпустил два дня назад. Продержал его под арестом почти больше суток, без видимых причин, а потом выпустил. Устроил в его квартире качественный шмон. Перевернул все вверх дном, пропустил через собственные пальцы каждую бумажку, но, как я и ожидал, ничего криминального не обнаружил. Но допрос с пристрастием, тем не менее,

учинил, так что теперь мой помощник предпочитал особо не разговаривать — припухшие от жестких кулаков жандармов губы у него до сих пор болели. И тут, допрос проходил, скорее всего не с целью найти запрещенную литературу и выявить распространителей. Жандармы, отработывая боксерские приемчики, искренне говорили, что они, таким образом, прописывали лекарство от содомии. Так что, эти двое суток под арестом для Мурзина оказались очень тяжелыми. Я потом его самолично забирал из отделения охраны и видел, как он страдал, как мучился. Предлагал ему отлежаться, но он, узнав, что должен прибыть поезд из Владивостока, отказался.

Наш конфликт с Микеладзе завершился самым неожиданным для князя способом. После нашего разговора все произошло с точностью, как он и предсказывал. Я пошел к Алексееву жаловаться, попал к нему на прием, где и расписал "произвол" князя. Пришлось ему рассказать о своих грехах, о своих задумках о том, чтобы начистить морду Куропаткину. Понятно, что в его лице я не нашел понимания, но в свете последних событий, и он и остальные люди стали более внимательно относиться к моим словам. А когда я сообщил, что Куропаткин просрет всю военную компанию, он мне вдруг поверил. А поверив, понял мои настоящие устремления и горечь от предстоящей неудачи. И вот, вызвав к себе князя, он сначала дал тому прочесть часть письма от вдовствующей императрицы относительно моей персоны, а потом, видя его замешательство, потребовал оставить меня и моих людей в покое. И князь был вынужден подчиниться и освободить Мурзина к вящему своему неудовольствию. Алексеев вскоре после разрешения этого вопроса навсегда уехал из Артура, отправившись в Мукден, а мы с князем остались в крепости, при случайных встречах усердно делая вид, что друг с другом не знакомы.

Следующим днем после прибытия поезда, я, как и обещал, пошел в штаб к Стесселю и продал ему все привезенные консервы. И уже после обеда началась быстрая разгрузка. Интендант крепости капитан Достовалов пригнал несколько взводов солдат, с десятков подвод и весь проданный груз был перемещен на воинские склады. Надо отдать должное — работа была сделана до того как село солнце.

Ну а после вояк и мы выгрузили остатки — плотно упакованный шар с корзиной и массивный ящик сигар, который с великим трудом поднимали двое человек. Шар временно отправился на наш склад, а вот сигары....

— А это зачем купил?

— Так не я это, Василь Иваныч. Это Прохорыч себе приобрел. Говорит, что табак очень уж ароматен и ему весьма понравился. Вот и купил он со своих денег. Говорит, что попробует их здесь продать.

— Кстати, а сам он где?

— В Дальний убежал. Как во Владивостоке узнал, что японцы напали, так чуть волосы на себе рвать не стал. Вот и убежал туда, магазин свой закрывать, да родню вывозить. Вчера же и уехал на извозчике, не стал дожидаться.

— И оплату не стал дожидаться? — удивился я.

— Он сказал, что как там все организует, так и вернется за ней, да за своими сигарами.

— А чего же он вчера мне ничего не сказал? Виделись же.

Данил на мое замечание пожал плечами:

— Не знаю. Видимо домой так сильно спешил, что обо всем позабыл. Он, если вы не заметили, после вашего разговора, сразу же и пропал.

— Ладно, я понял. Значит, эти сигары тоже на склад определите. Только в сухое место там поставьте.... А хотя, давай-ка ты его ко мне домой тащи. Пускай там стоит. У меня там намного суше и сохранится товар лучше. А появится Прохорыч — будет у него лишняя причина меня встретить. У меня к нему еще разговор будет.

Мои распоряжения выполнили без разговоров. И вот когда уже все вагоны оказались пусты, я спросил я у скучающего Данила:

— Ну а движок где?

— Нету движка.

— Почему?

— Не было никакой возможности его купить.

— Как так?

— Ну, Василь Иваныч, просто не продаются они, вот и все. Автомобили, если хочешь — пожалуйста, а двигателей нет. Я спрашивал — продавцы говорили, что только по заказу, а это ждать больше месяца. А мы хотели отплыть как можно скорее.

— Плохо..., - только и ответил я на его монолог. — Признаться, у меня были большие ожидания на этот двигатель.

— Для чайки? — уточнил он на всякий случай.

— Да.

— Тогда и переживать не стоит, Василь Иваныч. Совсем неподходящий он для этого дела. Слишком уж тяжел и массивен.

— Ты-то откуда знаешь?

— Дык, щупал я его. Мне продавец позволил посмотреть автомобиль, мотор показал. Я даже прокатился на нем.

— Да ну? И как, справился?

— Ну, так, — качнул он головой, — не очень. Сложно управляться. На ваших "Уралах" с коляской намного легче.

Я вздохнул. Что ж, похоже, придется все-таки летать на наших слабосильных мотоциклетных моторах. Но это тоже не являлось особой бедой. Наши движки, хоть и выдавали смешные лошадиные силы, но все же имели свое немалое достоинство — они были малогабаритны. Так что, на моточайку при необходимости можно было воткнуть не только два, а даже и три двигателя. Оставалось только решить как все это дело заставить работать вместе, как их соединить через редуктор. Хотя и думать-то тут особо было нечего — ременная передача через шкивы спасала положение. Вариант с тремя винтами в данном случае отпадал — слишком уже широкую пришлось бы делать раму, что сильно увеличивало сопротивление воздуха.

Где-то в середине февраля я с сильным запозданием узнал, что адмирал Старк отстранен от командования эскадры Тихого Океана и на его место назначен адмирал Макаров. При этой новости, признаюсь, мне так и хотелось по-театральному грохнуть оземь ногой, широко развести руки и воскликнуть громко "Та-дам!" — предсказания сбывались. А еще и Куропаткина поставили во главу Манчжурской армии. Вот и осталось мне криво усмехаться всем тем, кто не верил в мои разглагольствования — все ведь получалось так, как я и говорил.

Старк по слухам был сильно обижен на Алексеева. Наместник, как человек вышедший из флотской братии, подмял под себя Старка и фактически стал ему указывать, что и как

делать, распорядился его эскадрой. И прямо говорил ему, что японцы не нападут, а значит надо действовать смелее и нахальнее, не боятся ответных действий. Да что там говорить, ведь перед самым нападением это именно он приказал не ставить противоминные сети, тем самым позволив разбить наш флот на внешнем рейде. И теперь, когда чирей вскрылся, он, Алексеев, бодро подставил Старка, прямо указав на его просчеты и при этом не забыв самому свалить в Мукден, туда, где было безопасно. Вот потому-то вице-адмирал и подал прошение на отставку по состоянию здоровья, а на его место из Кронштадта отправили Макарова, о котором, кстати, тут почти ничего не знают. Сам адмирал Макаров уже в пути к нашим местам и вскорости обещался прибыть. Вот Старк и просиживал штаны в кабинетах, в злобе и в негодовании строча докладные записки против наместника, отсылая оправдательные телеграммы. Хотя все уже решено и ничего не изменится.

Еще до приезда в Артур Макарова мы закончили постройку нашей двухместной чайки и стали готовы продемонстрировать ее флотским. Не желая терять время, я сунулся к ним, но командиры кораблей отфутболили меня к Старку, а тот, впав в апатию, отмахнулся от меня, порекомендовав дожидаться приезда его замены. Ждать еще непонятно сколько времени мне не хотелось и потому я побежал искать самого вменяемого по слухам командира "Новика" капитана второго ранга Эссена Николая Оттовича.

Нашел его в штабе у Стесселя, дождался его выхода и, перехватив на выходе, обратился:

— Николай Оттович, здравствуйте. Можно вас отвлечь на минутку?

— Да, что такое?

Мы с ним раньше нигде не пересекались, представлены друг другу не были и светские беседы не вели. Но друг о друге знали, и он сразу понял, кто его отвлек. Потому и откликнулся на мою просьбу, оставив своих коллег в стороне:

— Господин Рыбалко, я полагаю?

— Да, это именно я. Дело у меня к вам одно есть, очень важное. Нам бы переговорить спокойно минут на десять.

— Гм, секреты какие-то? Нет? Тогда давайте здесь и поговорим.

— Хорошо, — кивнул я, осматриваясь. Нет, за нами никто не подглядывал и нас не подслушивали. Говорить можно было спокойно, и потому я продолжил: — Николай Оттович, мне нужна ваша поддержка и ваша решительность.

— Так-так, интересное начало....

— М-да, так уж получилось, что Старк, который должен был мне помочь в наших договоренностях, перестал проявлять интерес и всячески отклоняет наш проект. Даже не так..., он просто игнорирует мои просьбы, рекомендуя мне дожидаться Макарова. А ждать я его не могу — наш проект надо как можно быстрее освоить, от этого будет зависеть жизни многих наших людей и сохранность многих кораблей.

— Так-так..., - снова повторил он. — Ну, Старка понять можно, не каждый бы на его месте так держался... А что за проект был у вас с ним?

— Не знаю, слышали вы об этом или нет... Я предлагал прицепить буксиром нашу чайку на один из ваших катеров и таскать ее по морю в качестве воздушного разведчика. Сами понимаете, какие это сулит выгоды для вашего флота.

— Да, что-то похожее я слышал от других командиров. Многие находят вашу идею интересной, да и я по правде думаю, что затея имеет неплохие шансы на реализацию. Жаль, что Старк самоустранился и вам, похоже, действительно придется дожидаться Макарова. Он, говорят, большой новатор в сфере применения новых идей и вы с ним быстро найдете

общий язык.

— Я тоже в этом не сомневаюсь. Но, Николай Оттович, кто знает когда Макаров сюда прибудет? А время-то идет.

— Он телеграмму присылал. Двадцать четвертого он уже будет здесь.

— Это еще целая неделя. За это время мы сможем с вами хотя бы подготовить корабль для буксировки нашей чайки.

— Вы, насколько полагаю, хотите сделать это на "Новике"?

— Нет, не обязательно. Это лучше сделать на каком-то быстроходном миноносце, так, чтобы он в случае обнаружения врага с воздуха, смог быстро придти в порт и без промедления доложить. А ваш крейсер гонять подобным образом я не вижу смысла.

— Да, тут я согласен. Хорошо, я вас понял. Только вы сказали, что вы конкретно хотите от меня?

— Небольшой помощи. Поговорить с командиром какого-нибудь миноносца и, пока едет Макаров, подготовить судно к буксированию нашей чайки. Там надо будет подготовить свободную площадку, поставить лебедку, желательно электрическую и протянуть телефон. Телефон я предоставляю свой.

— Гм, самый быстрый миноносец у нас это "Лейтенант Бураков", — задумавшись, ответил Эссен. — Если вам и пробовать буксировать ваш летательный аппарат, то только на нем. Но понимаете, какое тут дело... У миноносцев корма не пустое место и куда там поставить лебедку я еще могу предположить, а вот где будет располагаться ваша чайка? Я ума не приложу.

— А другие корабли?

— Не знаю, не знаю, — задумался он. — Тут надо по серьезному подойти к делу. Не с насюка. И, похоже, вам действительно, лучше дождаться Макарова и решить этот вопрос с ним. Потому как никто из командиров не позволит вносить изменения в конструкции своих кораблей.

— Но что же делать, Николай Оттович? Время-то идет!

— Идет, — согласно кивнул он, — но тут и вы и я бессильны. Запаситесь, пожалуйста, терпением. Вижу, что вы недовольны, но тут уж ничего не поделаешь. Могу лишь посоветовать вам самому приготовиться к предстоящему монтажу вашей лебедки, да присмотреться к судам. Ну, а если хотите, то я могу попросить чтобы вас пустили на "Буракова", чтобы вы там прикинули что к чему и к Макарову придти уже не с пустыми руками. Думаю, он, увидев ваш план, пойдет вам на встречу. По крайней мере, я бы так и сделал. Это лучшее, что я могу для вас сейчас сделать.

Мы с ним в тот день расстались, а днем следующим я уже вышагивал по самому быстроходному миноносцу в нашей эскадре и прикидывал куда можно будет поставить наше оборудование. Действительно, здесь, на корме этого корабля, было не так уж и много места. И если лебедку с электродвигателем можно было куда-нибудь приткнуть, то вот наша двухместная чайка, которая имела куда больший размах крыла нежели одноместная, здесь просто бы не поместилась. Так что и выходило, что для воздушной разведки на этом корабле надо было что-то придумывать, либо искать другое судно.

Макаров, хоть и ожидали его в назначенный день и готовились к его приезду, а все одно для слишком многих прибыл неожиданно. Слишком многие заочно боялись его гнева, слишком многие ожидали осуждения за неумелые действия на воде. И в то же время, эти же

многие ожидали изменения, которые принесет с собою новый адмирал. Слишком уж людям надоело, что ремонт поврежденных кораблей идет черепашими темпами, а оставшиеся на ходу корабли и носы не кажут из внутреннего рейда, лишь изредка, выскакивая на открытую воду по необходимости. Да и быть под постоянным обстрелом японцев людям тоже надоело. Вот и получилось, что, едва сойдя с поезда, адмирал, едва выслушав приветственные речи, к вящему неудовольствию его новых непосредственных подчиненных, отправился в порт осматривать вверенную ему эскадру. Где с неудовольствием отметил, что "Ретвизан", подбитый почти месяц назад, так и не был снят с мели Тигрового полуострова и не был заведен в доки для полноценного ремонта. Я уж не знаю, что по этому поводу высказывался Макаров, но судя по унылым физиям его подчиненных — ничего хорошего.

Макаров пробился в адмиралы из самых что ни на есть низов. Начинать свою службу с юнги и благодаря своему неусидчивому нраву, резкому характеру и пытливому уму добрался до самого верха. И это безо всяческой поддержки в виде любящих дядь и тетя. А это, если учитывать что родственник протекционизм во все времена играл едва ли не решающую роль, много говорило о его пробивных способностях. Так что, приезд его в Артур многим разбередил душу, кого-то вогнал в уныние, а кого-то наоборот сильно приободрил.

Он несколько дней разбирался с делами, вникал в работу. И совсем скоро меня пригласили к нему на встречу, которая проходила на "Новике". Эссен лично проводил меня до собственной каюты, где и находился адмирал.

Я его не сразу узнал. Нет, конечно, по фотографиям в газетах я его прекрасно помнил, но вот вживую он выглядел немного по-другому. Более просто, что ли. Без этой стати в осанке, которая волшебным образом передавала фотография. И он меня узнал, и, казалось, даже не удивился.

— Василий Иванович, рад вас видеть, — с улыбкой приветствовал он меня.

— И я вас очень рад видеть, Ваше Превосходительство.

— Можно просто Степан Осипович, — добро ответил он и показал рукой на стул, что был приставлен к рабочему столу. — Присаживайтесь. И вы Николай Оттович тоже присаживайтесь. В ногах правды нет.

— Конечно, только я сейчас распоряжусь чтобы нам чаю крепкого принесли, — ответил Эссен и вышел из каюты. Бросил за дверью несколько фраз и вернулся, присаживаясь рядом с Макаровым.

— Признаюсь честно, когда мне сообщили, что вы обитаетесь в Порт-Артуре, я подумал что вы опять тут что-то снимаете. Но, оказывается, вы тут работаете в полную силу, помогаете нашим военным, — он с хитрецей улыбнулся, потом через пару секунд продолжил: — Построили укрепления на горе, оружие новое изобрели, шар воздушный из Америки привезли и про продовольствие не забыли. Похвальны ваши труды, нет слов.

— Помогаю чем могу, — ответил я.

— Хорошо, это очень хорошо. Мне сказали, что вы здесь почти целый год и с самого начала своего приезда стали готовиться к этой войне. Так, словно бы наверняка знали о том, что она состоится.

— Ну..., - попробовал я ответить уклончиво, — не знал, а был уверен. Все к этому шло.

— М-да..., - вздохнул он. — А знаете, Василий Иванович, я посмотрел вашу синему, ну ту, где вы бал снимали. И там я и себя увидел и супругу свою. Хорошая работа, нам понравилось. Наш император в восторге, а Эдуард до сих пор пребывает в сильной зависти.

— Я очень старался, — ответил я честно. На том балу присутствовал и сам Макаров и

его супруга. И их я тоже снимал и старательно монтировал, желая добиться того, чтобы все личности попали на пленку. Но в тот момент я не знал, что тот дядька на первой части бала в морском мундире и с пышной, разделенной надвое бородой, и был на самом деле вице-адмиралом Макаровым. В том момент он для меня был лишь одним из персонажей, которого обязательно надо было запечатлеть для истории. Он, кстати, насколько я помню, до самого конца костюмированного бала не досидел и ушел раньше времени, так что на общее фотографирование он не попал. По крайней мере, я не помню чтобы видел его на той фотографии. А вот он меня запомнил. Да и трудно забыть того, кто все время лез под ноги и грозно шипел в спины, прося не загораживать виды. И вот через год мы с ним встретились на другом конце страны.

— Вы знаете, уважаемый Василий Иванович, какое странно дело. Перед самым отъездом сюда я имел обстоятельный разговор с Марией Федоровной. И она рассказала мне очень много чего интересного. Вот Николай Оттович еще не знает, но, вы, по утверждениям Ее Императорского Величества, предсказали мне скорую смерть от подрыва на mine. И она очень сильно уговаривала меня послушать вас, ваши предсказания и по возможности не ходить по морю. Последнего я ей пообещать не мог, а вот первую ее просьбу я согласился исполнить. Потому и вызвал вас, — он замолчал, испытующе рассматривая меня. — Ну? Отчего же вы мне такую смерть пророчите? Вы и в самом деле прорицатель?

Я угрюмо кивнул и, бросив мимолетный взгляд на Эссена, невесело добавил:

— Я прорицатель словно знаменитая Кассандра. Я всем говорю о том, какие катастрофу могут произойти, а мне никто не верит. Вот и вы не настроены на то, чтобы просто и без скепсиса меня выслушать.

— Я не верю в гадалок, — резко ответил он.

— Я тоже, — кивнул я, вызывая у него удивления. — С гадалок взятки гладки, а я, после того, что напророчил Марии Федоровне, могу пойти лишь по двум дорожкам — либо в настоящие пророки, либо в шарлатаны, которых бьют батогами. Она меня, если мои слова не подтвердятся, не простит ни за что. И тогда уж мне останется лишь тут все продать и уехать за границу. Так что, Степан Осипович, сами понимаете... Да и вы, если ко мне не прислушаетесь, погибните и оставите флот на произвол судьбы. А его, между прочим, ждет незавидная судьба. И не только флот, что сейчас заперт на рейде, а и Балтийский. Не знаю, вышел ли он уже из Питера на помощь или же еще нет, да только он до Артура не дойдет.

— И что же с ним случиться?

— Будет битва при Цусиме, где японцы возьмут вверх.

— Цусима это острова? — попробовал уточнить он, но я лишь пожал плечами. Я этого не знал.

С его точки зрения я все-таки был шарлатаном и он мне ни на грош не поверил. Потому и хмыкнул после того, как я пожал плечами.

— Вот я и говорю, что я как древнегреческая Кассандра. Я пророчествую, а мне никто не верит.

— Ну, знаете, ничего такого я ни от вас, ни от кого-либо другого я не услышал. Войну с Японией вы, конечно, предсказали, да только кто ее еще не пророчествовал? Даже скажу больше — отдельные политические личности о ней прямо мечтали. Ладно, а расскажите-ка тогда, как я погибну? И когда?

— Когда не знаю, да и как именно тоже. Только вам стоит опасаться ходить по морю, вы подорветесь на mine. А вместе с вами и Верецагин.

Он испытующе посмотрел на меня. Эссен напряженно переводил взгляд то на адмирала, то на меня. Наконец, Макаров медленно произнес:

— Верещагин мой хороший знакомый и он прибудет в Артур не ранее чем через неделю. Одним поездом вместе с великим князем Кириллом Владимировичем... М-да..., — он задумчиво повернул голову к Эсену, — Николай Оттович, что вы на это скажете?

Эссен ответить не успел. В дверь каюты постучали и матрос на подносе занес три горячих стакана чая в серебряных подстаканниках и фарфоровую сахарницу. Составил все предметы на столик и поспешно вышел, уточнив, не требуется ли чего еще. И лишь после этого капитан ответил:

— Степан Осипович, я, так же как и вы, не особо верил в пророчества господина Рыбалко. Но лишь до того момента как мы не были атакованы японцами. И вот что интересно, Василий Иванович, зная о предстоящем нападении, специально ушел на нашу террасу и до самой ночи ждал первых выстрелов. Конечно, вы и сами говорили, что это возможно и даже доклады писали, но кто еще сделал хоть что-то подобное? Кто на самом деле воспринял все знаки? Увы — никто. И именно поэтому я склонен не отбрасывать с ходу его слова, потому как они вполне могут оказаться правдой. Ну, а если у вас все же есть сомнения, то можно будет попросить приоткрыть нам часть той тайны, что он рассказал вдовствующей императрицы. Ведь он сам говорил, что его слова были слишком уж сильны и разгневали Марию Федоровну.

И они оба выжидательно на меня посмотрели. Макаров, конечно же, не стал просить этого, подобное было просто невозможно. Да и я не имел права раскрыть им всего того ужаса, что проявится вскоре после рождения наследника.

— Сожалею, но открыть я вам этой тайны не могу, — ответил я. — В этих пророчествах замешана императорская семья, так что сами понимаете. Но, ежели желаете, то я могу дать вам несколько..., даже не знаю как сказать..., в общем, могу вам рассказать что случится в Питере меньше чем через год. Событие такое, от которого сотрясется вся Россия.

— Что ж, внимательно вас слушаем, — посмотрев на Эссена, попросил Макаров. И взял со столика стакан с чаем, бросил в него колотый сахар и мерно зашевелил ложечкой. — Только для меня год это слишком долго, я ведь скоро умру. Нет ли у вас пророчества где-нибудь поближе?

— Нет, к сожалению, нет. Если только еще одно — Кондратенко тоже погибнет от прямого попадания снаряда.

Да, про Кондратенко я откуда-то помнил. Помнил, что он станет жертвой обрушения свода укреплений вследствие попадания крупнокалиберного снаряда. Но вот хоть убей, не помню, когда это произойдет, где это случится и что этому будет предшествовать. Осада порта продлится больше года, так что и спасать его будет делом бесполезным. К тому же он, как личность активная, взвалил на себя все вопросы, касающиеся строительства фортификационных укреплений, при этом фактически оттеснив главного крепостного инженера Григоренко. Потому он и будет весь этот срок мотаться по фортам и укреплениям и понять когда его накроет, будет делом практически невозможным. Так что, смерть Кондратенко, похоже, уже predetermined. Если только история не покатится по другому пути.

— Все мы ходим под Богом и возможная, — акцентировал на этом слове Макаров, — гибель генерал-майора может случиться в любой момент. А может и не случиться. На войне может погибнуть любой.

— Хорошо, вы правы. Пророчество это не слишком удачное, но ничего более близкого у меня для вас нет, — согласился я, также беря горячий чай. — Ну а раз так, то я вам расскажу про первую революцию пятого года...

И я, не спеша и обстоятельно, рассказал ту историю, которую я помнил. И про расстрел рабочих и про стачки и демонстрации и про прямое противостояние властям. И про то, как вспыхнувшие волнения будут гаситься острыми штыками. Ну и про уступки царя, на которые он будет вынужден пойти, чтобы усидеть на троне. Меня слушали молча, нахмурившись, забыв про чай. В конце я закончил свое невеселое повествование словами, обращенными к адмиралу:

— Только, Степан Осипович, вы можете всего этого не увидеть. Потому и не оцените мой дар. А вот у Николая Оттовича будут все шансы встретить треволнения с полной грудью наград. Да, забыл, недовольные отвратительной кормежкой матросы на броненосце "Потемкин" поднимут восстание и убьют многих офицеров. Событие будет такое, что про него снимут фильм.

— Не вы снимете? — почему-то спросил Эссен.

— Нет, не я. Я, если уж и буду снимать собственный фильм, то только про Порт Артур. И кстати, раз уж мы с вами об этом заговорили... Я бы желал снимать на свой аппарат то, как один из ваших кораблей будет испытывать буксировку нашей чайки.

Макаров мрачно кивнул:

— Да-да, я помню. Николай Оттович мне уже рассказал, — и он погрузился в раздумья. Так и не выпустив из рук уже подстывший чай, он сидел и смотрел в одну точку. И лишь желваки под пышной бородой, что бугрились от нервного напряжения, шевелили стриженные бакенбарды. Похоже мой рассказ его сильно задел. Не думаю, что он воспринял его именно как пророчество, скорее он увидел в нем логику накатывающихся событий, что принесет за собой затяжная война.

Он потом встал, подошел к иллюминатору, прислонился горячим лбом к холодному стеклу. Постоял так некоторое время, а затем, глубоко вздохнув, заговорил:

— Ладно, оставим грядущее на будущее. Сейчас нам надо решать насущные проблемы. Итак, ваша чайка. Я бы хотел увидеть ее и услышать, что конкретно вы по ней предлагаете.

Ну вот мы и заговорили о делах настоящих. Все то, что ему наговорил, у него отложилось в памяти, и дай бог он этим багажом воспользуется.

С "Новика" я ушел более чем через час. Макаров обстоятельно выслушал мои разумения и легко согласился с предложением организовать авиационную разведку. Но прежде чем решить на каком корабле устраивать буксировку, он захотел своими глазами увидеть размеры чайки. О чем мы и договорились на утро следующего дня. И вот он в сопровождении десятка подчиненных прибыл ко мне на склад, где и узрел нашего бамбукового "монстра". А при нем и Святослава Грязнова, двоюродного брата нашего летчика-героя, укатившего в Питер, и нового пилота — щуплого, но жилистого мужичка тридцати лет Владимира Агафонова. Тот, узрев Макарова, радостно вытянулся, заулыбался прокуренными зубами и, казалось, вот-вот готов был щелкнуть каблуками от счастья. Макаров оценил старания, и, подойдя к нему и нависнув над тщедушным телом, спросил:

— Чего лыбишься, родимый?

— А чего же мне не лыбиться, Ваше Превосходительство, ежели вы здесь? Только на вас одна надежда у наших морячков, другие более ни на что здесь не способны.

— Ну-ну, ты бы не слишком, — строго, но со скрытой улыбкой, остановил его Макаров. — У нас есть много толковых командиров на судах, не все так плохо.

— Да, командиры у нас тоже хорошие, — с ухмылкой ответил Агафонов, — только всякие Старки да Алексеевы им плавать не дают, да в японцев мешают постреливать. Заставляют командиров в ресторациях штаны просиживать да бутылки винные осушать.

Адмирал на его слова хмыкнул и покачал головой.

— А ты, однако, братец, наглец. Ты кто ж такой будешь?

— А я, Ваше Превосходительство, Агафонов Владимир — новый пилот господина Рыбалко. Только я могу этой чайкой управлять, более никто.

И тогда Макаров обернулся на меня, кивнул на макушку Агафопова и обалдело сказал:

— Ну и субчика вы себе выбрали, Василий Иванович. Неужто другого не нашлось?

Адмирал на самом деле не рассердился на моего парня. Ведь он и сам был таким же наглецом и лишь чин его облагораживал и выстроенное вокруг себя окружение. Надо полагать, что, Макаров, будучи юнгой, и сам мог сказануть нечто подобное.

— А я, Ваше Превосходительство, как господин Эссен, предпочитаю нанимать к себе людей самостоятельных, таких, что могут правду в глаза сказать.

— Ну да, Николай Оттович себе на "Новик" самых знатных драчунов набирает, уж я-то в этом успел убедиться. Но и относится к ним хоть и строго, но справедливо, вот и служат они у него не за страх, а за совесть, — и, обернувшись к Эссену, что также пришел поглазеть на двухместную чайку, спросил: — а правду ли говорят, что именно ваши матросы в кабаках затевают драки?

И Николай Оттович обреченно кивнул.

— Ну, вы уж им скажите, чтобы вели себя поскромнее, — пожурил Макаров. — Все же мы с солдатами одно дело делаем и негоже нам воевать друг против друга. Ладно, ближе к делу. Василий Иванович, прошу вас, расскажите подробнее о вашем летательном аппарате.

И опять мне пришлось провести ликбез. Словно учитель я, взяв в руки бамбуковую палочку и словно указкой ею показывал на узлы двухместной чайки и рассказывал как это все должно работать. Как набегающий воздух держит аппарат на высоте и как он управляется. Макаров слушал внимательно, пытаюсь досконально разобраться в новой для него теме. Потом, когда я закончил краткий курс, он поинтересовался:

— А какая минимальная скорость буксировки необходима для того, чтобы ваша чайка уверенно держалась в воздухе?

— Не могу ответить, — честно признался я, — это мы не проверяли. Но одноместный вариант сносно буксировался где-то на десяти верстах в час. Этот же вариант тяжелее, так что и скорости потребуется значительнее. Хотя, мы постарались учесть подобное утяжеление и увеличили размах крыла. Так что, вероятно, скорость, на которой чайка будет парить, не должна сильно измениться. Но тут только практика покажет.

— И именно потому вы желали бы использовать для этих целей "Буракова", — понял меня адмирал. И через мгновение добавил: — А вот я бы предпочел использовать нечто менее скоростное, но достаточное для ваших целей. К тому же у "Буракова" на корме негде пристроить вашу чайку, разве что надстройку для нее делать.

Он снова задумался, прошелся вдоль крыла, смерил размах шагами. Осторожно потрогал промазанный лаком шелк, потянул за расчалку, что словно струна укрепляла бамбуковый скелет. Подивился видимой хрупкости аппарата, но, тем не менее, свой скепсис

не высказал. Потом решил:

— Вот что, Василий Иванович, "Лейтенанта Буракова" я вам не дам, он мне нужен для других целей. А вот канонерку "Бобр" я вам, пожалуй, выделю. Можете производить там все необходимые изменения.

— Хватит ли у нее скорости хода?

— Вот и посмотрим. Сколько вам потребуется времени на то, чтобы организовать первый полет?

— Не могу знать, Ваше Превосходительство. Все зависит от того что это за корабль, я его не помню.

— А кто командует "Бобром"? — уточнил Макаров у своих сопровождающих.

— Капитан второго ранга Шельтинг, Владимир Владимирович, — напомнили ему.

— Хорошо, сообщите ему, что он с этого дня вплотную занимается с господином Рыбалко. И пускай производит необходимые изменения.

— Ваше Превосходительство, — возразил ему капитан первого ранга Вирен, что командовал "Баяном" и по слухам весьма дурно относился к своим матросам, — для того чтобы поместит вот "ЭТО" на палубу "Бобра" Шельтингу придется убрать не только вельботы, но и орудия. А у него на корме стоит неплохая шестидюймовка. Какая же это после этого будет канонерка?

— Одна канонерка вышедшая из эскадры не очень сильно скажется на боеспособности последней. Зато, если она покажет результат в воздушной разведке, то этим она принесет неоценимую пользу. Поэтому, Василий Иванович, будьте добры в кратчайшие сроки произвести все изменения и испытать ваш аппарат.

Вот и пришло решение. Макаров со свитой еще недолго пробыли у меня на складе, поглазели на мои нераспроданные товары, а затем ушли. А через пару часов, когда я уже вернулся домой, чтобы пообедать, ко мне заявился сам Шельтинг и за плотным обедом, что приготовила Лиза, мы с ним обсудили возможные изменения, которые предстояло произвести на его корабле. Не сказать, чтобы он был в восторге от тех перемен, что ему принесло решение адмирала, но, по крайней мере, он, хоть и без удовольствия, но вполне на совесть стал со мною работать. Препятствий чинить не стал и старался выполнить все как можно быстрее.

И пока я с ним занимался изменениями на "Бобре" в городе произошли небольшие изменения. Японцы, как я и ожидал, открыли огонь по внутреннему рейду, перекидывая снаряды через сопки Ляотешаня. Стреляли наугад, не видя цели и потому, промахнувшись, угодили частью в подножие Золотой горы, принеся небольшие разрушения постройкам, а частью в припортовые здания. Залетело и многострадальному "Ретвизану", который наконец-то сняли с мели и оттащили на ремонт в гавань и одному из броненосцев, погубив при этом несколько человек. Да и в Новом Городе пострадало несколько зданий и одним из них был дом купца Чурина, у которого мы арендовали склады. Того, слава богу, в городе уже не было, так что для него все обошлось, но вот остальное население Артура внезапно поняло, что война может унести случайные и ни в чем неповинные жизни, а не только тех кто носит погоны. И потому в городе второй волной прошла паника. Те, кто не ушел с первым потоком, после обстрела потянулись на вокзал, благо тот работал, а китайцы, что в основной своей части уже ушли из города, окончательно бросали свои жилища и уходили в безопасное место. И при этом уходящее население основательно чистило наличку у банка, опустошая их резервы.

Это обстрел напугал и мою Лизку и Мурзина, хоть тот и казался мужиком крепким, и моих химиков. Место, куда приземлялись японские снаряды, отстояло от моего дома где-то метров на триста-четырееста. Вроде бы не так уж чтобы и близко, а все равно — страшно. Потому моим парням, Петру и Данилу, был даден волшебный пендаль и они ускорили постройку нового домика на втором купленном Козинцевым участке. Строили без фундамента, расковыряв кайлом мерзлый грунт на двухметровую глубину и осадив туда сосновые столбики, а уж на них сверху, укладывали венцы. Работали споро, привлекли к постройке пару мужичков из русских и таким образом они возвели сруб уже через пяток дней и приступили к крыше. Обещали в течение самое большее месяца управиться и вручить мне "виртуальные" ключи. Ну а печь, что была просто необходима для комфортного проживания, обещалась быть поставленной едва лишь крыша ляжет на свое место и внутри дома возникнет возможность поддерживать хоть какое-то тепло. Про бытовые удобства я не заикался — из города надо было сбегать как можно скорее.

В начале марта по городу, сначала в среде военной, а затем уж и в гражданской, пронесся тревожный слух, о разрыве всех связей с Англией и возможном ее вступлении в идущую войну. Народ всполошился, заговорил обеспокоенно о новых трудностях, а Лизка моя, накрывая в обед на стол, спрашивала:

— Что же будет теперь, Василий Иванович?

Я пожимал плечами. Она ждала от меня откровения, я же просто ничего не помнил про подобные слухи, лишь знал, что Британия в войну не вступит, но будет нам активно мешать. Здесь же, сейчас, я пребывал в некоем недоумении — неужели наше вмешательство в историю настолько ее изменило, что мы получили "возможность" воевать на два фронта? Если так, то все плохо, Россия эту войну не вытянет и грядущая революция пятого года будет для страны первой и единственной. И тогда конец дома Романовых настанет не в семнадцатом, как в моей истории, году, а уже в следующем. Было от чего задуматься. И вот, обедая, почти не чувствуя вкуса блюд, я сопоставлял историю моего мира и мира этого и приходил ко мнению, что до сих пор ничего кардинального в этих двух параллелях не поменялось, и эти два мира текут под реке времени пока не отходя друг от друга ни на шаг. И этот мир, в котором я нахожусь, был лишь готов показать свой новый нрав и переписать историю по-новому. И это должно было произойти вот-вот, буквально в ближайшие месяцы. Так что, прикинув, что к чему, под самый конец обеда я успокоил Лизку, сказав:

— Британцы, конечно, подлецы еще те, но на такой откровенный демарш они не пойдут. Так что, войны с ними у нас не будет.

— Точно? — обрадовано переспросила она.

— Точно.

— Здорово-то как, а то нам бы с японцами справиться... Ну ладно, вы доедайте, а я пока к соседям сбегаяю.

— Зачем это?

— Ну, так им же тоже интересно будет ли война с англичанами или нет. Побегу — обрадую.

И убежала распространять мои пророчества. А я, закинув в глотку последнее, вышел из-за стола и, накинув на плечи теплое пальто и взяв в руки незаменимую трость, вышел на свежий воздух. В желудке было сыто и тепло, на воздухе морозно, но свежо. В воздухе висела дымка сжигаемого угля, которая осаживалась на недавно выпавший снежок, безжалостно

черня его. Со стороны порта доносились звуки работ, а вот со стороны железнодорожного вокзала, неведомым образом перекрывая грохот портового железа и шипения паровых машин, прилетали звуки духового оркестра. С моего места сам вокзал не был виден и потому я предположить даже не мог, что там могло происходить. А интерес возник и немалый. И потому я, решил туда скататься на своем мотоцикле. Мешающая поездке трость осталась дома, и я, с пятого удара по кикстартеру завел мотоцикл и поспешно покатил в сторону вокзала.

А там, на вокзале и вправду был оркестр. Он уже замолчал и музыканты, стоя смиренно мерзли, бросая нетерпеливые взгляды на уже встреченных гостей. На поезде, судя по всему, прибыл Великий князь Кирилл Владимирович, вот его-то с музыкой и приветствовали. Среди встречающих был и Стессель и Макаров и Белый и многие другие офицеры. Сам князь, не особо-то выказывая удовольствие, лениво слушал радостные речи, словно метрономом кивал головой, здоровался с людьми. Его обхаживал Стессель, Макаров же, отдав князю первые знаки внимания, переключился на другого человека, только что сошедшего с поезда. Уже пожилой мужчина в гражданском пальто радостно жал руку Макарову, улыбался и что-то негромко говорил. Он имел окладистую, седую бороду и пышные усы, что скрывали под собою тонкие губы. С собою он имел приличный багаж из нескольких чемоданов и плюсом к ним большой складной мольберт. И именно по этой детали я понял, что в Артур приехал сам Верещагин.

На вокзале дальше делать мне было нечего. Постояв еще минут десять, поглазев на знатных гостей, я, громко газанув, развернул мотоцикл и, покатил по своим делам. Меня услышали, обернулись, князь посмотрел заинтересованно на технику, а вот Верещагин, казалось, лишь слегка мазнул взглядом, едва меня сфотографировав. Но Макаров, склонившись к нему, что-то шепнул на ухо и тут же интерес художника резко возрос. И уже до самого момента как я скрылся за поворотом, он все рассматривал мою спину и рассматривал. Позже, через пару дней я с ним лично познакомился.

Наконец-то настала пора демонстрировать свое творение перед Макаровым. Мы с командиром "Бобра" неплохо постарались — переоборудовали палубу канонерки, убрали мешавшие вельботы, сняли орудия с бортов и кормовую шестидюймовку, а где-то пришлось срезать леера. А на освободившееся место поставили нашу двухместную чайку, электрическую лебедку и пост с нашим телефоном.

Погодка выдалась на редкость удачной — солнечной, безветренной, с небольшим, еще не испарившимся туманом над водой. Испытания были назначены на одиннадцать и все у нас к этому было готово. И пилот мой, который в первый раз в жизни должен был совершить полет и я тоже был готов. Моя аппаратура для съемки находилась здесь же, на палубе и была запитана от электрической сети корабля. Своих архаров я брать на судно не стал — они и так были заняты на постройке нового дома, да и секретность тут какую-никакую Макаров потребовал соблюсти. Пудовкин вот, узнав, что я собираюсь что-то там снимать на канонерке, запросился со своим фотоаппаратом, но ему было отказано. Продаст еще информацию другим издательствам, а она потом дойдет и до протривника. А нам было бы лучше, если бы противник не догадывался о наших возможностях как можно дольше. Потому-то и переделка канонерки велась в доках, скрытая от посторонних глаз и чайку мы нашу перетаскивали глубокой ночью, под унылое завывание колючего ветра.

Макаров на приемку пришел вместе с Верещагиным. Вот тут-то я с ним и

познакомился.

— Вот, познакомьтесь, Василий Иванович, это и есть тот самый знаменитый художник Верещагин Василий Васильевич. Я ему рассказал о том, что вы тут придумали сделать, и он упросил меня подняться вместе на борт. А я отказать не смог.

Я с ним поздоровался за руку. Верещагин, не смотря на свою суровую внешность, оказался довольно простым в общении человеком.

— Да уж, как тут не попросить, — сознался он, — когда о вашем полете вся Россия говорила. Захотелось своими глазами посмотреть на ваш летательный аппарат. Но, насколько я понимаю, именно вот этот экземпляр не может держаться в воздухе самостоятельно?

— Этот нет, — ответил я, охотно пропуская и Верещагина и Макарова к самому крылу, жестко прихваченному к палубе крюками. — Но у нас есть тот, на котором и был совершен знаменитый полет. Если хотите, то я вам и его покажу.

— Да, мне бы хотелось на него посмотреть и сделать несколько набросков. А кто же им управлял, не этот ли молодой человек? — он кивнул на гордого Агафонова, что находился по другую сторону чайки.

— Нет, не этот. Тот герой, что совершил свой полет, сейчас, наверное, чай с самим Императором гоняет и летает на потеху публики. Но уверяю вас, вот этот молодой человек ни каплю не хуже, а даже еще лучше. Он покажет еще класс. Может быть даже сегодня, — я повернул голову к Макарову и доложил, — Ваше Превосходительство, у нас все готово. Можно испытывать хоть сейчас же.

Адмирал посмотрел на командира бывшей канонерки, тот утвердительно кивнул:

— Все готово, Ваше Превосходительство. Корабль под парами, можем испытывать хоть немедленно.

— А экипаж?

— Все в сборе.

— Ну что ж, не вижу причин откладывать. Но прежде чем выйдем..., - он обратился к своему адъютанту и потребовал узнать результаты разведки. Что тот и сделал, сбегав на берег и справившись по телефону с пунктом стационарного воздушного наблюдения, то бишь — созвонился с офицером, что отвечал за подъем воздушного шара и осмотр окрестностей. Сегодня погодка просто замечательная и абсолютно безветренная и шар, привезенный мною из Америки, с самого раннего утра висел высоко в небе. Минут через пятнадцать адъютант прибежал с докладом — горизонт чист, японских кораблей не видно. И тогда Макаров разрешил испытания.

На "Бобре" вышли без проблем, осадка канонерки позволяла проходить по фарватеру не дожидаясь прилива. Испытывать решили идя вдоль берега Тигрового полуострова до Ляотешаньских гор и обратно. На тех горах был уже установлен наблюдательный пункт, и сейчас шло обустройство батареи, которая более не позволит безнаказанно обстреливать город.

Когда "Бобр" набрал скорость и на крыло чайки набежал воздушный поток, команда отцепила ее от крюков и стала медленно сдавать лебедку. И в ту же секунду чайка воспарила над палубой и по мере того, как матросы стравливали трос, она все возносилась все выше и выше. Агафонов, сидящий на месте рулевого, заметно нервничал, колебал рулем, не силах на первых мгновениях справиться с отрывом. И потому чайка, едва оторвавшись, сначала ушла резко влево, а затем вправо, едва не перевернувшись. Но вскоре парень с первым волнением

справился и вот, через какой-то десяток тревожных секунд, наша чайка гордо воспарила позади канонерки на добрых десяти метрах высоты. И я все это снимал с замиранием сердца и тот момент, когда Агафонов едва не перевернулся отлично вошел в кадр.

— Выше, поднимите выше! — закричал он сверху и тот час же матросы стали не спеша сдавать трос. Вот он поднялся еще на пять метров, прошел через дымный след, отчего надсадно закашлялся, а затем мало-помалу вознесся над морем сначала на пятидесятиметровой высоте, а потом уже и на двухсотметровой. И надо признать — чайка держалась в воздухе очень уверенно, ее больше не болтало. Только вот одно было плохо — моя кинокамера не могла задраться на такое угол.

— Это просто удивительно, — вполголоса произнес Шельтинг. Его услышал Макаров, согласно ответил:

— Хороша задумка. Так можно будет в хорошую погоду разглядеть японцев миль эдак за пятьдесят.

— Да, нам бы только отремонтировать поврежденные корабли, а потом уж можно и в бой с ними вступать.

Канонерка таким образом прошла вдоль восточной оконечности полуострова, на самом краю, возле Ляотешаня развернулась широкой дугой и двинула обратно. Корабль шел ровно, без качки и наша чайка наверху тоже парила гладко и уверенно. Но вот на развороте, когда "Бобр" закладывал штурвал, он вдруг подскочил на внезапной высокой волне, вызванной течением, и корабль сначала подскочил носом вверх, а кормой резко осел вниз, а затем, когда волна прокатилась под днищем, все произошло ровно наоборот. И если для канонерки подобная качка была что-то вроде детской качели, то вот наша чайка наверху почувствовала себя очень неудобно. Сначала, когда корма вдруг просела вниз, ее резко сдернуло метра на полтора-два вниз, едва не вырвав трос из крепления, а через пару секунд трос вдруг ослабел, и чайка оказалась предоставлена набегавшему ветру. Но потом, когда ход корабля выбрал образовавшуюся слабинку, чайку снова жестко дернуло, да так, что я даже с такого расстояния слышал жалобное потрескивание бамбука. Какие там чувства испытал Агафонов, я мог лишь представить.

— Все нормально, Василий Иванович? — поинтересовался Макаров, видя мое беспокойство.

— Слава богу, все обошлось, — ответил я, из-под козырька ладони разглядывая моего пилота.

— Недоработка?

— Похоже на то. Ваше Превосходительство, нужно срочно прекращать испытания. Прикажите, пожалуйста, сбавить ход и сматывать лебедку.

— Хорошо, — согласился он и, кивнув Шельтингу, сообщил: — Владимир Владимирович, исполняйте.

И тот час "Бобр" сбавил скорость, а матросы закрутили лебедку. Я боялся, что чайка развалится в воздухе, но все обошлось, и уже через несколько минут Агафонов подрагивающими руками отстегивался от удерживающих ремней.

Я подошел к нему, хлопнул по плечу. Спросил:

— Сам цел?

— Цел, Василь Иваныч, что мне случиться?

— Как крыло? Что там трещало?

— Крыло нормально, цело, а трещало место, куда трос крепился. Я уж думал, что если

его вырвет, то буду к берегу править. Но обошлось, вовремя вы ход сбавили.

— М-да, вовремя. Кто ж знал, что такое возможно?

Макаров, что слушал нас, поинтересовался:

— Вам, насколько я понял, надо что-то изменять в конструкции чайки, да?

— Да, похоже, придется укреплять конструкцию, да и с подачей троса лебедкой надо что-то думать. Как-то надо сделать так, чтобы подобные рывки более при качке не происходили. Как это сделать я пока не представляю — надо думать.

— А сколько времени вам понадобится, чтобы все исправить?

— Не могу пока сказать. Чайку мы сможет подшаманить за пару дней — это не является проблемой. А вот придумать, как избежать рывков... Не знаю, может за неделю что-то и сделаем.

— Хорошо, делайте. Неделя вам срок. Капитан второго ранга целиком в вашем распоряжении, можете использовать его как пожелаете. Владимир Владимирович, — это он обратился уже к Шельтингу, — пожалуйста, как можно скорее произведите необходимые изменения и задействуйте производственные возможности наших ремонтных цехов. Не скрою — ваше судно становится чрезвычайно важным, и потому делайте все необходимое. Но летательный аппарат должен быть снова испытан через семь дней. Вам все ясно?

— Так точно, Ваше Превосходительство.

"Бобр" пошел к Артуру. Я, присев на какой-то выступ на палубе, задумался о необходимой конструкции. Но что-то действительно стоящее мне придумать было не так-то просто — я не инженер и какой-либо механизм мог представить лишь в общих чертах, а вот воплотить его в жизнь в деталях я уже не мог. Поэтому мне и придется прибегать к услугам посторонних людей. Но тут мне даже особо стараться не пришлось, едва причалив канонерку к пирсу, Шельтинг потянул меня в портовые мастерские и там уже, переговорив с необходимыми людьми, представил пред мои очи пожилого и опытного слесаря, такого, что любого инженера мог легко заткнуть за пояс. И вот с ним-то, обсудив возникшую проблему, за неделю соорудили и поставили на корме канонерки конструкцию, чем-то напоминавшую систему блоков с подпружиненными роликами, что по идее должна была неплохо гасить неожиданные рывки.

В тот раз, когда мы испытывали чайку, вместе с нами на судне находился и Верещагин. Он, тихо стоял себе в сторонке, рассматривал окрестности, иногда что-то черкал в блокноте. И с особым интересом посматривал на мою массивную кинокамеру. Подойти он тогда ко мне не решился — я был занят делом, но вот потом, через пару дней, когда я, улучив момент, снова оказался на палубе "Бобра", он, подойдя к борту, привлек мое внимание, махнув рукой и позвав:

— Господин Рыбалко, Василий Иванович!

Я в этом время ковырялся с креплениями, которые должны были удерживать неподвижно мою кинокамеру. Тогда, сварщик, прихватив болты к палубе, попортил резьбу. В тот момент мне некогда было исправлять это и потому я накрутил гайки внаглую, отчетливо понимая, что совершаю непростительный слесарный грех. И вот теперь это исправлял. Свою кинокамеру я в тот день так снять и не смог и оставил ее на палубе, накинув сверху непромокаемую парусину. Шельтинг обещал полную сохранность. Он попытался было предложить свою помощь и привлечь матросов, но мне пришлось отказаться — аппаратура была дорогая и обращения требовала соответствующего. Оно, конечно, ничего сложного нет в том, чтобы срубить заклинившую гайку, но все равно я

никого не подпустил. И вот теперь я самолично зубилом и молотком срезал с треноги кинокамеры заклинивший болт и гайку.

Я поднял голову на окликнувший меня голос:

— Ой, Василий Васильевич, это вы?

— Да, это я.

— Очень неожиданно. Что вы здесь делаете?

— Искал встречи с вами.

— Вот как? — удивился я и поднялся с колен. Гайку я так и не успел срубить, отложив инструменты в сторону. — А по какому делу?

Он не ответил, захотев зайти на борт. Но я его опередил, спустился сам, протянул руку для пожатия. А рука-то у Верещагина, не смотря на возраст, оказалось крепкой и плотной.

— А скажите, Василий Иванович, а что это вы там делали? Грохот такой стоял, что за пятьдесят шагов было слышно.

— Да, понимаете, гайку заклинившую рубил. Киноаппарату надо бы наконец убрать, а то лишь место занимает. Все что я хотел, уже на пленку запечатлел, так что она здесь более не понадобится.

— А вы знаете, Василий Иванович, я очень много хорошего наслышан о ваших фильмах, но вот ни разу так ни одного и не видел. Говорят вы в Дальнем показы устраиваете?

— Устраивал, — поправил я его, — но теперь в связи с войной я там все прикрыл и аппаратуру вывез.

— Жаль, я надеялся, что хоть здесь смогу посмотреть царский бал, о котором было так много слухов. Очень жаль.

Мы стояли на пирсе, прямо напротив сходен. Мимо нас то и дело пробегали матросы по своим делам, проходили офицеры. Часто со мною здоровались, я отвечал им в ответ. Верещагину тоже перепадало внимания, и он так же отвлекался от разговора. И это было неудобно:

— А знаете, чего это мы тут с вами стоим? Давайте с вами где-нибудь присядем? Например, в "Саратове"? Как вам такая идея?

— Хорошая идея, — поддержал Верещагин и мы плавно, наняв стоящего неподалеку извозчика, переместились в Новый город. Удивительным делом мы встретили в ресторане вкушающего Микеладзе. Тот, сидя возле окна, неторопливо кромсал ножом кусок мяса и что-то мурлыкал себе под нос. Увидев меня, он неожиданно встрепенулся, потом замер, забыв поднести вилку ко рту, а в следующий миг, опомнился и продолжил трапезу, демонстративно от меня отвернувшись. М-да, с князем у нас сложились весьма натянутые отношения. И если признаться по-честному, то я был не готов его здесь видеть, мне он был неприятен. Потому и прошел мимо него, не удостоив даже взгляда.

И вот, присев за свободный столик, мы в ожидании заказанных блюд продолжили разговор:

— Так что же вы хотели от меня, Василий Васильевич? — спросил я его, наблюдая, как знаменитый художник аккуратно разливает из графина ледяную водку.

— Сейчас, сейчас, не торопитесь, — ответил он, посмотрев на меня с прищуром, — тут дело такое, что без подготовки..., - он показал на наполненные стопки, — ...нельзя.

И мы дернули по первой стопке, закусили, поболтали о безразличном, потом по второй, а следом и по третьей. Далее нам принесли горячее, и вот уже за тарелкой с супом, когда Верещагин основательно подготовился к приему пищи, он, неторопливо прихлебывая с

ложки и безбожно пачкая богатые усы, начал говорить о своей проблеме:

— Знаете, дорогой Василий Иванович, я очень много пишу. Почти каждый день делаю какой-либо набросок. Я бывал много в Туркестане, воевал с турками, был сильно ранен. И везде я писал. Ходил вместе с солдатами в атаку, ходил на кораблях, участвовал в морских сражениях. И там я тоже писал. Я был в Индии, где меня несколько раз чуть не убили, был в Китае, где тоже подвергался опасности. И везде, Василий Иванович, я писал, — он замолчал, с какой-то укоризной поглядывая на меня. — Вы не поверите, но в прошлом году я побывал и в Японии, где так же сильно подвергался опасности. Я оттуда едва ноги унес. Но и там я тоже писал и причем весьма много. И сейчас я прибыл в Артур с одной единственной целью — увидеть здесь все своими глазами, пощупать все своими руками, нюхнуть пороху, слизать морскую соль с обветренных губ и написать еще одну картину, а может быть и не только одну. И вот я приезжаю в Артур и что же я здесь нахожу? Не понимаете?

— Нет, не очень, — признался я.

Он с укором в голосе продолжил:

— И вот я приезжаю в крепость, поселяюсь на квартире, брожу по городу, по укреплениям, захожу в порт, поднимаюсь на корабли и...?

— И? Не понимаю вас.

— И я прошу командиров взять меня в море, когда они будут охотиться на японцев, и каждый раз я встречаю от них отказ. Говорят прямой приказ Макарова не позволять мне выходить на кораблях. Я им говорю — "Черт знает что такое!", ругаюсь на них, а они и слушать меня не хотят. Тогда я бегу к Степану Осиповичу, завожу с ним ругательный разговор на эту проблему, и что же он мне говорит? Не знаете ли, дорогой Василий Иванович, что он мне сказал?

Я откинулся на спинку стула и, сдвинув брови, посмотрел на него. Я уже понял, что он мне хотел сказать, но предоставил тому право высказаться:

— Нет, и что же?

— А отвечает он мне, что вы, Василий Иванович, предсказали мне страшную судьбу быть убитым при подрыве мины на одном из кораблей. Невозможное безумие, чтобы адмирал вдруг ударился в мистику, это просто невозможно — он абсолютно приземленный человек, который не надеется ни на бога, ни на черта. Но тут он вам почему-то поверил, что просто невероятно. И вот он, следуя вашим гаданиям на кофейной гуще, отчего-то запретил мне выходить в море, обещая сурово наказать любого командира судна, что посмеет ослушаться.

Он замолчал, осуждающе вперив в меня свои суровые глаза. Да, этот мужик был не из трусов, он умел и воевать и настоять на своем. Его не раз ломала жизнь, но и он не оставался в долгу — своей волей пробивал себе тот путь, который ему был угоден. Вот и сейчас, столкнувшись с проблемой, он активно ее решал.

— Что же вы, Василий Иванович, мне ничего не отвечаете? Стыдно стало?

— За что же стыдно? Я ни о чем не жалею и приказ Макарова о том, чтобы не пускать вас на кораблях в открытое море поддерживаю целиком и полностью. Более того, я бы и самому Макарову запретил выходить, да только это не в моих силах.

— Ах, вот как?! Вы видимо и сами верите в то, что наболтали. Удивительная способность людей заблуждаться... Василий Иванович, я много поехал по миру, навиделся всякого. И дервишей и йогинов и странствующих монахов. Но поверьте мне как человеку опытному — будущее предсказать невозможно. Мне многие пытались гадать, да только их

гадания и яйца выеденного не стоят. Я не знаю что вы там себе понапридумывали, какие сказки понарсказывали адмиралу, да только вы ни черта не знаете о том, что произойдет. Я не верю пророкам, я не верю в их чепуху, потому что судьба тетка капризная, и ее невозможно просчитать. Вы это понимаете?

— Знаете, а я с вами соглашусь, — неожиданно поддакнул я. — Предсказать судьбу невозможно и судьба вертит человеком так, что ни одному театралу и не снилось. Но вот в чем загвоздка — я же на самом деле не гадаю. Я знаю — и вы и адмирал погибнете на корабле от подрыва на mine. Когда это произойдет я не знаю, так же не знаю на каком корабле вы будете находиться в этот момент. Но хоть режьте меня, если вы не последуете моим рекомендациям, то так все и будет.

— Да вы издеваетесь! Откуда вы это знаете? Как это можно знать? — его возмущение было настолько эмоциональным, что он, забыв о том, что перед ним еда, ударил ладонью по столу. Попал по лежащей вверх зубцами вилке и та, словно пуля, стрельнула в сторону Микеладзе.

Князь, возле ног которого со звоном упал предмет, удивленно обернулся на нас. Потом опустил глаза на пол, увидел вилку и, наклонившись с грацией дикого, но обленившегося барса, поднял. Официант, что уже бежал исправлять оплошность клиента, получил от князя останавливающий жест. А затем Микеладзе поднялся со своего места и в вразвалочку, гордо расправляя плечи в подполковничьем мундире, подошел к нашему столу.

— Полагаю, это было всего лишь нелепое недоразумение, не правда ли? — то ли с угрозой, то ли с любопытством произнес он, показывая вилку, и при этом глядя на меня.

— Да, господин подполковник, это была случайность, — ответил Верещагин, — прошу нас простить.

— Что ж, тогда возвращаю вам ваш предмет, — князь положил вилку на стол. — А вы, насколько я знаю, и есть тот самый знаменитый художник? Верещагин, Василий Васильевич?

— Да, это я.

— О-о, тогда приятно с вами познакомится. А я вот подполковник охранной службы, князь Микеладзе. Присматриваю здесь в городе за всяким сбродом, чтобы они не дай бог ничего не сотворили по своей наивной глупости. Наслышан, что вы в Артуре уже как несколько дней, так ли это?

— Да, именно так.

— Удивительно, вы являетесь другом нашего славного адмирала. А еще, хочу заметить, вы здесь, в Артуре, заводите не совсем хорошие знакомства, — с усмешкой произнес Микеладзе, кивая в мою сторону. — А вы знаете, что вот этот вот субчик является агентом охранного отделения? Нет? Ну что же вы так опрометчиво? А знаете, как он стал нашим агентом? Нет? Ну, так вы у него поинтересуйтесь и, если он вам расскажет, то уверяю вас, более вы с ним знакомств водить не станете. Господин Рыбалко у нас личность известная, помогает тут нашим военным, да морякам, это правда. Но вы мало знает об истинных его делах и об его прошлом. Вы, уважаемый Василий Васильевич, прежде чем беседовать вот с этим господином, выпросите у него обо всем, а уже далее решайте стоит это того или нет. Это мой вам совет.

И, высказавшись, князь оставил Верещагина в смешанных чувствах. Заканчивать обед он не стал, а сразу же вышел из ресторана. А мы остались, молча глядя друг на друга. Я ждал реакции своего собеседника.

Наконец, когда первое ошеломление было пройдено, Верещагин как бы между прочим сказал:

— Не люблю я эту филерскую публику.

Я кивнул:

— Я тоже, если говорить честно. А уж с князем у нас очень сильные неприязненные отношения.

— Вы и вправду его агент? Он не врал?

— Я, если можно так сказать, агент поневоле и исключительно по своей глупости. Но он ввел вас в заблуждение — я с ним не работаю. Он пытался меня здесь прижучить, да только у него ничего не получилось.

— Постоите, Василий Иванович, я не понимаю, как так можно?

— Что именно?

— Если вы являетесь агентом охранки, то, как вы можете противостоять князю?

Я вздохнул, не зная, рассказывать ли ему всю подноготную?

— Знаете, князь об меня обломал зубы — я нахожусь в Артуре с воли Марии Федоровны.

— Матери Императора?

— Да.

— Но как же? Неужели от самой...? А почему тогда...?

В ресторане, не смотря на самую середину дня, было пусто. Помимо нас с Верещагиным было занято еще три столика и все они находились на достаточном отдалении от нас. То есть подслушать нас не могли. Подошедший человек, забрал оброненную вилку и, положив замену, отошел в сторону.

— Ладно, я вам расскажу, как я стал агентом охранки.

И я ему вкратце пересказал нашу с Мишкой авантюру, на которой нас так умело подцепили. Верещагин слушал внимательно, сдвигал кустистые брови и задумчиво тербил бороду. Когда мой рассказ закончился, он спросил:

— Но почему именно Куропаткин? Почему, например, не Стессель? Ведь Стессель-то явно манкировал своими обязанностями в крепости, не укреплял ее должным образом, а Куропаткин что? Как он может дурно повлиять на ход войны? Ведь он командуют Маньчжурской армией, а ранее был военным министром!

— А этого мало? Василий Васильевич, Куропаткин сейчас, конечно, еще не проявил себя в полную свою бездарную силу, но поверьте мне на слово — он проиграет все свои битвы, все до единой. Потому-то мы и захотели преподать ему урок, с той целью, чтобы он обозлился на японцев и вступил в командование армией с полной решимостью отомстить. Ведь смешно сказать, он, ведя на них наступления, будет придерживаться оборонительной тактики. Это ли не военный нонсенс?

— Но откуда вы это знаете?

— Оттуда же откуда и про вашу и адмирала смерти. Если, конечно, я не изменю историю. Но надо заметить, что одну человеческую жизнь я, похоже, уже спас.

— Это вы обо мне? — опять вспомнил Верещагин и нахмурился.

— Да, о вас. Но мне бы Макарова спасти, да только я не знаю как. Вот скажите, в качестве допущения, если ему, например, прострелить ногу, да так, что он не сможет на нее ступить продолжительное время, это заставит адмирала остаться на суше?

Я увидел в его глазах сначала ужас, затем омерзение. Конечно же, я так делать не собирался, но как вариант рассматривал. А рассмотрев, отказался.

— Не пугайтесь, я так делать не буду. Помрет еще от заражения крови, а мне он нужен живой и при своих талантах руководителя. Но если серьезно, то я думаю о любых возможностях, позволяющих спасти Макарова от неминуемой гибели. Кстати, а может быть ВМ его сможете убедить более серьезно отнестись к угрозе? Ну, например, сможете убедить его пускать впереди своего корабля тральщиков, чтобы они выскребали японские мины? А то насколько я могу судить, у наших флотских это дело поставлено не очень хорошо. Что вы на это скажите?

— Я не понимаю, как об этом можно вообще разговаривать?

— Да не волнуйтесь, я про ногу адмирала сказал вроде как шуткой, без серьезных

намерений. Но эта шутка показывает мою озабоченность. Василий Васильевич, я не пророк и не гадалка, но то, что я говорю про будущее — сбудется. Сбудется в том случае, если я не смогу его изменить. Я вижу, что вы до сих пор мне не верите, но я и не прошу верить, я прошу лишь воспользоваться здравым смыслом. Уговорите Макарова тралить перед выходом эскадры, пускай он не ленится. Очень горячо вас прошу. Вы его друг, он к вам должен прислушаться.

Он посидел некоторое время молча, явно что-то обдумывая. Потом сказал:

— Вы страшный человек, Василий Иванович. Вы готовы пойти на все ради своей цели.

Я вздохнул. Верещагина я все-таки не убедил.

— А вы разве не такой? Да и цель у меня одна — разбить японцев и спасти русские жизни. Разве это плохо?

— Но какой ценой?

— Самой что ни на есть малой. Куропаткину морду подправить, чтобы лучше воевал — это не очень большой грех. Ладно, Василий Васильевич, я вижу, что мои слова не задевают вас, поэтому..., - я настороженно оглянулся, не подслушивает ли кто? Но все было спокойно, мы разговаривали в полном одиночестве. Но все равно на всякий случай я сбавил громкость голоса: — Хотите знать по какой причине я разгневал мать Императора и фактически отправился в добровольную ссылку? Только предупреждаю вас, это великая тайна, которую вы не должны будете разглашать несколько лет. Я обещал ей никому не говорить, но раз такое дело...

— Боже мой, конечно же нет! Как можно нарушать свои обещания, тем более данные таким особам?!

— И все-таки я не вижу выбора. Вы мне либо поверите, либо Макаров скоро погибнет. Другого "либо" здесь не дано. Поэтому, хотите вы это или нет, но слушайте, — я чуть перевесился через стол и негромко сказал: — Вскоре у императора родится наследник, но он будет неизлечимо болен. Болен настолько, что будущие противники Императора будут все время ставить эту трагедию ему в вину. И скажу еще больше, то чего не знает сама Мария Федоровна — в следующем году случится первая революция, которая унесет множество жизней простых работяг. А случится она из-за бездарной военной компании Куропаткина и бездарного руководства Тихоокеанской эскадры, которое будет после гибели адмирала. Вот так-то!

Я откинулся назад, оставив Верещагина сидеть с распахнутыми от ужаса глазами. Вряд ли он мне поверил на сто процентов, но того зерна, что попало в его душу, хватило чтобы взошли первые ростки страха о будущем.

— Как вы..., - только и смог он просипеть, — ... откуда вы? Боже, неужели это правда?

— Правда, — безжалостно стал добивать я художника, — вы можете мне не верить, но у вас будет прекрасная возможность убедиться в моих словах. Вам надо всего лишь ничего не делать и все случится самой собой. Вы, к сожалению, в моей истории погибли и более ничего сделать не смогли. А от Макарова осталось только пальто.

Я оговорился! Боже, эти слова вырвались у меня сами собой. И поняв, что я сделал, я тут же захлопнул рот и зло сверкнул глазами. Но, слава богу, Верещагин на мою оговорку не обратил внимания, а может быть, просто не высказал свое удивление. Но все-таки мои слова запали ему в душу, это уж точно!

Вот так, с тех пор Верещагин ходил задумчивый и нахмуренный, переваривая страшную

информацию. Не знаю, к какому решению он пришел, но с того момента он на корабле он прорываться не пытался и, даже более того, второе испытание буксируемой чайки он наблюдал с горы Ляотешаня. Имел ли он разговор в Макаровым по поводу гибели я тоже не знал, но судя по тому с какой частотой стали шнырять тральщики — кое чего он от него все-таки добился. А это было уже хорошо, глядишь, и выволокут эти суденышки ту самую мину, что должна была встретиться с нашим адмиралом.

Что же до испытания чайки, то оно прошло вполне успешно. Система, устраняющие рывки, неплохо себя показала на небольшой волне, так что в тихую погоду воздушная морская разведка у нас оказалась налажена. Но все равно Макарову это оказалось мало и он потребовал усовершенствовать механизм, чем и занялся Шельтинг уже без моей помощи. Но все работы по модернизации на корабле происходили в погоду ненастную, так что наш адмирал, приставив к "Бобру" скоростного "Лейтенанта Буракова", отправлял эту парочку патрулировать морские просторы. Расчет именно на пару был прост. Наша чайка с высоты пары-тройки сотен метров могла усмотреть скопление кораблей на довольно приличном расстоянии, а вот они нас не могли. Потому-то довольно тихоходная канонерка практически не подвергалась никакому риску — она даже на своем малом ходу могла спокойно уйти под прикрытие батарей. А вот "Лейтенант Бураков" в этой паре играл роль связного. Едва только с "Бобра" приходило сообщение, что в такой-то точке, на таком-то расстоянии от места наблюдения, находятся корабли, идущие по такому-то курсу, как он срывался с места и летел на срочный доклад в Артур. А там уж Макаров принимал решение, исходя из полученных данных. Так и случилось в один из дней. Пара "Бобр-Бураков", уйдя резать морскую гладь, через три часа вернулась с докладом, что ими было замечено четыре корабля, идущие в кильватере предположительно Талиенваньскому заливу. Принадлежность и класс кораблей с большого расстояния установить не удалось, и потому Макаров, рассчитав курс и предположительное время, отправил семь кораблей на перехват, разделив при этом их надвое. Первая часть пошла напрямиком к заливу Талиенваня, а вторая, состоящая из быстроходных миноносцев, пошла брать корабли предполагаемого противника в клещи, заходя им с тыла.

Под утро следующего дня наши корабли вернулись, и по городу моментально пронеслась радостная весть — они нашли-таки эти корабли противника, определили в них один минный транспорт под усилением двух миноносцев и одного крейсера и, навязали им бой. Было понятно, что силы неравны и потому японцы сразу дали деру. И ушли бы, да только клещи сомкнулись, и после продолжительных маневров им пришлось вступить в навязанный бой. И вот в этом бою японцы потеряли свой минный транспорт, получили небольшие повреждения крейсера и ушли, спасаясь в темноте опускавшейся ночи. Наши их более преследовать не стали, а поспешили вернуться в порт. Таким образом, мое изобретение, мое внедрение уже принесло свою первую пользу, и кто знает, на какой градус я повернул колесо истории?

В тот же день пришла еще одна новость — в Корее Мищенко вполне успешно столкнулся с противником, атаковав корейский город, занятый японской кавалерией, пехотой и артиллерией и как следует им там наподдал. А наподдав, без особых проблем отошел и потерь в личном составе. И эта новость приободрила наших вояк, доказав, что японцев можно и нужно бить и бояться их не нужно.

Сегодня двадцать седьмое марта, завтра Светлый Праздник Пасхи. И не смотря на

войну, люди живут в ожидании торжества, делают закупки в немногих магазинах, пользуются случаем. Японцы нас не беспокоят уже несколько дней, батареи молчат и лишь корабли разведки, да постановщики мин бродят вдоль полуострова, а по ночам Электрический утес беспрестанно чистил море прожекторами. Не далее как неделю назад они заметили японцев, что пытались провести торговые суда к фарватеру порта и затопить их там. Но наши, надо отдать им должное, вовремя сориентировались и успешно уничтожили брандеры. И это было уже второй раз, когда они помешали запереть внутренний рейд. Потом, когда рассвело, моряки осмотрели притопленное торговое судно и на борту под свежей краской с намалеванными иероглифами они смогли разобрать что судно прежде носило английское имя, а на борту нашли британские флаги. И тут все было понятно — британцы не очень-то скрывали свои симпатии к японцам и опять после этого случая по городу понеслись слухи, что они могут вступить в войну. Но слух этот быстро угас.

Сегодня погода с самого утра задалась на редкость солнечная и безветренная. Как нельзя кстати для наших очередных испытаний моточайки. Мы ее еще раз усовершенствовали, укрепили раму, поиграли с геометрией крыла, добавили третий движок и через ременной редуктор вывели на один единственный винт. Конструкция, конечно, откровенно дурацкая и неудачная и имела множество недостатков, но для наших нужд более или менее подходила. Позже мы, возможно, что-то и придумаем, а пока пусть полетает и так. Стартовая площадка у нас была давно готова — на западной стороне Золотой горы, на более или менее пологом ее месте, мои парни соорудили там взлетную полосу, идущую под небольшим уклоном. Летательный аппарат мы доставили туда ближе к обеду, потом час заняли приготовления и вот перед самым стартом я, напутствуя нервничающего Агафонова, поглядывал на лежащий под нами Старый город. Он отсюда выглядел неказисто — низенькие здания, ветхие китайские фанзы, серые и грязные улочки. Поселение наводило тоску.

На гору свою кинокамеру я брать не стал — она тяжела и возиться с ней у меня не было никакой охоты, тем более что мои архары были заняты на постройке нашего нового жилища. Вместо нее, для того чтобы запечатлеть очередное достижение, я вызвал Пудовкина и тот, не смотря на занятость, примчался, принес с собой свою новомодную пленочную камеру. Вот на нее-то я и попросил его снять наш полет.

— Ну что, Володя, у тебя все готово? — спросил я Агафонова, ковыряющегося в движках. Он там все время что-то проверял, протягивал, подстраивал.

— Давно готово, Василь Иваныч.

— Топлива на сколько взял?

— Минут на тридцать хватит.

— А не много? Может поменьше? Не дай бог упадешь, все меньше шансов загореться будет, да и вес уменьшится.

— Нет, не упаду, — самоуверенно заверил Агафонов, приложив ладонь к ткани крыла. — Как летать я знаю, еще на "Бобре" понял.

— Ну, как хочешь. Тогда давай приступим, чего время терять?

— Ага, давайте, — ответил мой пилот и принялся облачаться в летный костюм, который, по сути, был всего лишь непродуваемым кожаным комбинезоном, что мы пошили еще для полетов над "Бобром". И плюсом к костюму шел карболитовый шлем, на котором я настоял. Агафонов его крайне не любил, потому как на его черепушке эта тяжелая кастрюля сидела крайне нелепо. Ах да, и еще одна вещь — я заставил парня заложить уши ватой,

потому что работающие двигателя находились сразу же за его спиной.

Когда он переоделся и занял место пилота, Святослав по очереди завел движки, выждал некоторое время, а затем аккуратно, чтобы не повредить себе руки поочередно накинул ремни на редуктор и винт размеренно замолотил по воздуху. Когда Святослав отошел на безопасное расстояние, Агафонов повернул ко мне голову и сквозь шум проорал:

— Я готов!

Святослав тоже подтвердил свою готовность. Моточайка, стоя на направляющих, удерживалась сейчас лишь одним тросом. Я махнул рукой, и помощник ударом ноги высвободил клин и трос, заскользив через ролик, отпустил чайку. И Агафонов, дав газу, устремился вниз. Очень быстро набрал нужную скорость и, поведя крылом, взмыл в небо словно птица.

Третий двигатель все-таки сделал свое дело. На этот раз моточайка держалась в воздухе уверенно и даже неплохо набирала высоту. Агафонов с легкостью управлял крылом и, выйдя примерно на двухсотметровую высоту, стал закладывать широкие круги. Я наблюдал за ним в бинокль, Пудовкин, отщелкав пленку на старте и вскоре оставшись не у дел, смотрел на чайку из-под козырька ладони. Люди в городе заметили его, задрали головы вверх, кто-то толкал локтем соседа и показывал пальцем в небо.

Мы минут десять наблюдали как мой парень нарежет круги, затем откровенно заскучали. С моей точки зрения ничего интересного на небе не происходило, да и Пудовкин, похоже, разделял со мною это мнение. Потому он, отняв ладонь от глаз, сказал как бы между прочим:

— А знаешь, Василь Иваныч, сегодня к нам в газету из штаба прибежали.

— Ого, и зачем это?

— Телеграмму поздравительную от немцев принесли, просили напечатать.

— Что за телеграмма? — удивился я. — За что нас поздравлять, вроде не сделали вроде ничего?

— Ага, — с кислой усмешкой кивнул журналист, — только это не нам телеграмма адресована, а японцам.

— Не понял? Как это им?

— Ну, там сама телеграмма была на немецком, я ее лично видел. Но я по-немецки не могу, так что могу лишь довериться переводу офицера из штаба. Так вот, он говорил, что телеграмму прислал некто Лео Хердан для адмирала Того. В телеграмме он поздравляет адмирала со взятием Артура и желает японской армии скорейшей победой над нами.

— Вот сволочь, — только и смог высказать свое возмущение. — А кто этот Лео Хердан?

— Да черт его разберет, — пожал плечами Пудовкин, а затем определил отправителю телеграммы его социальный статус: — хрен какой-то немецкий.

Он замолчал, снова устремив взгляд в небо, да и мне нечего было сказать. В этой войне я считал что немцы в пику англичанам стоят на нашей стороне, однако ж телеграмма показывала, что и в их обществе не все было так однозначно. Кто-то там и нас не любил.

— Ну и? Напечатаете?

— Куда же мы денемся, конечно, напечатает. Пускай народ знает кто на самом деле нам друг, а кто нет. Правильно говорил покойный наш император Александр, отец нашего Николая — у нас и вправду есть только два союзники, армия и флот. А более никто нам не союзник. Так только — одни попугайчики, да и те насквозь гнилые. На одних лишь болгар браташек можно надеяться, да на сербов.

— Сербы, да, братушки, — согласился я, — а вот про болгар я бы еще поспорил. Тоже народец себе на уме.

— С чего это так?

— Ну..., - неопределенно пожал я плечами, — просто знаю, что они не будут нам союзниками. Так только — временными попутчиками.

— Очередное предсказание? — догадался Пудовкин, с какой-то хитринкой поглядывая на меня.

— Нет, — с горькой усмешкой огорчил я его, — простая неприязнь.

Я не стал ему расписывать будущие метания Софии, как они будут раз за разом показывать нам спину. Незачем ему это знать, да и измениться может еще все.

Прошло еще минут десять и я стал обеспокоенно поглядывать на карманные часы. Скоро у моточайки должно было закончиться топливо, и Агафонов об этом знал. Но, не смотря на это, он до сих пор выделывал кренделя над городом, выписывал на небе, то восьмерки, то круги, летал с пологим пикированием, а потом подолгу набирал высоту. Наконец при его очередном снижении, мы поняли, что он пошел на посадку.

— Куда же он правит? — удивленно спросил меня Пудовкин, видя, что Агафонов отдалился от нашего места довольно далеко.

— К мосту через Луньхе. На той стороне дорога хорошая и прямая, он туда сядет.

— А как же люди? А извозчики?

— Не беспокойся, я со Зверевым договорился. Там пара полицейских дежурит. Когда они увидят, что чайка идет на посадку, они расчистят дорогу.

И вправду, наш пилот, прежде чем сесть, сделал пробный заход, потом ушел на круг, а полиция в это время согнала пешеходов и извозчиков на обочину. Что было сделать не сложно — случайные зеваки сами спешили уступить место.

— Так что же мы здесь стоим? Нам туда надо! — воскликнул Пудовкин, горя желанием сделать новые фотографии. Но я его сдержал:

— Подожди, отсюда посмотрим.

А Агафонов тем временем, закончив круг и убедившись, что посадочная полоса свободна, повел аппарат на посадку. Полого спланировал, пролетя над железнодорожным вокзалом, мостом, а затем, сбавив обороты двигателей на минимум, аккуратно опустил чайку. Та, коснувшись колесами, побежала по грунтовке, затряслась всем телом словно паралитик.

Что плохо было в нашем планере, так это отсутствие тормозов. Агафонов, уже приземлившись, все никак не мог остановить бег аппарата, тот все катился, катился и катился, слишком уж медленно гася скорость. Полицейские вдруг поняли это, побежали на помощь. Ухватили крыло за законцовки и вскоре затормозили его до полной остановки.

— Ну вот, а теперь можно и туда, — сказал я, отнимая от глаз бинокль. — Прыгай, Захарыч, в коляску, через пять минут там будем.

Все-таки, что ни говори, а вот самый настоящий полет произошел именно сейчас. Не тогда, когда Загогуля, пролетел над заливом по прямой, а лишь сейчас, когда Агафонов уверенно продержался в воздухе более двадцати минут. Вот это было настоящее достижение!

Мой парень, когда мы подъехали к нему, получал поздравления ни капли не смущаясь. Охотно отвечал на вопросы и позволял пощупать и свой летательный аппарат и собственный костюм. Пудовкин, подойдя к нему, потребовал:

— Ну-ка, Владимир, встань-ка у мотоциайки, да прими позу геройскую.

Парень послушно исполнил просьбу, выпятив грудь. После пары щелчков камеры, сменил позу и заложил ладонь за молнию, словно Наполеон.

— Ну, герой, герой, — одобрительно высказался я, когда фотосессия закончилась. — Как выберемся из Артура, обязательно сделаю тебя знаменитостью. Будешь в фильмах сниматься.

— Правда?

— Обещаю. В Питере на студии пробы тебе устроим.

У парня сверкнули глаза. Оно и понятно, мои фильмы с участием и Ванина и Серафима стали едва ли не культовыми и их до сих пор крутились, собирая приличную прибыль. А другие киностудии пытались этим фильмам подражать, осваивая новый жанр боевиков. Я смотрел пару таких лент и понял, что я задал слишком уж большую планку в стандарте — те киношки в попытках подражать производили совсем уж удручающее впечатление. Тут и актеры неумело махающие ногами, тут и постановка кадра не слишком удачная. Есть такое обидно слово — залепуха. Так вот, те фильмы, что я просмотрел, как раз и были такими залепухами, неумелыми поделками на скорую руку. Ну, а наш летающий Серафим, да харизматичный Ванин могли дать сто очков форы актерам их тех лент. По слухам, более или менее приличные картины сняла вдруг неизвестная французская студия, которая выдала на гора сразу три ленты и все они неплохо зашли в мировой прокат и даже докатились до Питера с Москвой, удостоившись русских субтитров. Но опять же, при неплохой режиссерской работе в этих картинах не было настоящих героев, не было харизмы. Так что, мы в этой гонке все еще держим лидерство не смотря на то, что я слез с кресла оператора.

А на место посадки начал прибывать любопытствующий народ. Новый город вот он — под боком, первые дома не далее чем в пятьдесят метрах и потому вскоре нашего героя окружила настоящая толпа. И гражданские мужички, что проживали на квартирах и военные. И каждому хотело взглянуть вблизи на аппарат, пощупать его крыло, да прокрутить остановленный винт. И среди этой толпы я вдруг заметил Верещагин. Он стоял чуть в стороне, делал в альбоме быстрые зарисовки.

Я подошел к нему:

— Добрый день, Василий Васильевич.

— Добрый день, Василий Иванович, — ответил он, не отрываясь от бумаги. Я зашел сбоку, заглянул под карандаш. Все-таки Верещагин был настоящим художником, я поразился насколько легко он двумя штрихами смог передать саму суть увиденного. Да, вот он наш Агафонов стоит и лыбится, принимает поздравления, ничуть не смущаясь — герой героем. А Верещагин в своих зарисовках выдает другое — мужик хоть и горд своим поступком, но очень уж уставший, а в глазах его светится все еще не ушедший испуг. Я пригляделся к парню и действительно разглядел то, чего на первый взгляд видно не было — он переживал сейчас адреналиновый провал.

— Если хотите, то потом можно будет сделать специальное позирование. Вам будет удобнее, — предложил я художнику.

— Нет, нет, не стоит. Это будет не совсем то.

— Народ же мешает!

— Ничуть, даже наоборот.

Через пару минут он закончил рисунок и убрал его. Потом всецело уделил свое внимание мне:

— Наблюдал за вашим полетом от начала и до конца. Честное слово, это было просто восхитительно. Чудесно наблюдать, как человеку покоряется еще одна стихия.

— Теперь нам остаются только глубины океана, космос и дальние планеты, — сыронизировал я.

— Думаете и такое возможно?

— Конечно, почему нет? Про дальние планеты пока сказать ничего не могу, но вот на Луну человек высадится точно еще в этом столетии. И на дно Марианской впадины опустимся.

— Да, скорее всего вы правы. Прогресс идет семимильными шагами и, признаться, я порою за ним не успеваю. Он поражает воображение.

Мне на самом деле не хотелось разговаривать о прогрессе, поэтому я перевел Верещагина на другую тему:

— Будущее вас сильно удивит и если вы хотите, то я могу вам рассказать об этом более того, что пишут в своих книжках современные утописты. Сейчас же, Василий Васильевич, скажите, вы имели разговор с Макаровым?

Он вздохнул, повернул ко мне голову. Потом со вздохом ответил:

— Знаете, что он мне сказал, когда я попросил быть осмотрительнее?

— Что это не ваше дело? — догадался я.

— Вы уловили самую суть, — кивнул он. — Это было сказано не теми словами и не так грубо, но имело именно этот смысл. Представляете, я с ним целый вечер вел беседы, укорял его в том, что он мне запретил подниматься на корабли, доверившись вашим словам, а сам при этом не захотел применять пророчества в отношении своей персоны. Знаете, что он мне еще сказал? Сказал, что если уж на то будет воля Божия, то так тому и быть.

— Глупость какая! — возмутился я. — А если врач, например, скажет, что для того чтобы остаться жить, то надо отрезать ногу, то он тоже будет уповать на волю Божию и запрещать резать? Что за идиотизм!

— Вы не знаете Макарова. Он чрезвычайно волевой человек и никогда не будет надеяться на чудо.

— Тогда я не понимаю! Он что, отказывается подчиняться просто здравому смыслу? И про какое чудо вы говорите? Ему всего лишь требуется быть осмотрительным и не подвергать себя ненужному риску. Да, блин, тралить, в конце концов, перед собою все время, разве это много?!

Верещагин снова вздохнул, покачал головой.

— Вы не понимаете, — произнес он с легким укором, — адмирал будет исполнять свой долг. К сожалению, насколько я понял, здесь до его приезда было совсем плохо с управлением и потому он взвалил на себя все, что только можно. Он здесь и сам себе адъютант и радиотехник и лейтенант, и казначей, и еще бог знает кто. Степень деградации флота его здесь просто повергает в ужас, и потому он не может все это оставить как есть. Вот поэтому-то и командовать эскадрой он с берега никогда не будет. Он всегда ночует на своих кораблях и порою засиживается допоздна. Нет, Василий Иванович, Макаров не будет слушать ни вас, ни меня. Он сделает так, как велит ему собственная совесть.

— Боже, да он же идет прямиком в могилу! — едва не застонал я, увидев в словах Верещагина злой рок.

— Этого нам знать не дано, — ответил тот, все-таки не до конца мне доверяя.

Я скрежетал зубами, злился. Но ничего поделать не мог. Возникло желание снова

напрямую переговорить с Макаровым, попытаться еще раз убедить его быть осторожным. Но сам же понимал, что это бессмысленно. Адмиралом-то он стал как раз благодаря своему характеру и переломить этот характер мне было не под силу. Вот и Верещагин как его друг утверждал что склонить того от уже выбранного пути под силу будет разве что Императору.

Я тяжело вздохнул и, нахмурившись, отвернулся в сторону гавани. Там стояли корабли, какие-то под парами, готовые в любой момент сорваться в путь, а какие-то с погашенными котлами, под ремонтом.

— Вот что, Василий Васильевич, — вдруг пришла мне в голову мысль, — скажите, а вы сможете как можно скорее передать Макарову мой подарок и вытянуть с него обещание всегда носить его, когда он будет выходить в море?

— Что за подарок?

— Помните, когда мы на "Бобре" испытывали чайку, Агафонов надевал на себя костюм с вшитой пробкой, чтобы в случае приводнения не утонуть?

— Да, прекрасно помню. Вы его хотите преподнести?

— Да, его. Я его перешью на скорую руку под фигуру адмирала, а вы его уговорите всегда надевать. Что скажете?

— Гм, не уверен, что у меня получится, но попробовать стоит. Идея хорошая.

— Вот и хорошо. Тогда, Василий Васильевич, я побежал, а то времени почти не остается. Скажите, где я вас смогу сегодня найти?

Я примчался на склад на полном газу, схватил висевший на крюке костюм и умчался обратно в Новый Город. Нашел там портниху, что согласилась выполнить срочный заказ, выложил перед ней золотой червонец и пояснил какую переделку я хочу видеть и на какое тело необходимо рассчитывать. И уже через три часа я забирал переделку, вполне годную для того, чтобы без проблем налезть на плотную фигуру адмирала. И почти сразу же отдал подарок Верещагину, а тот не медля ни мгновения, отправился к своему другу. Это был вечер двадцать седьмого марта тысяча девятьсот четвертого года, канун светлого праздника Пасхи...

..Русско-Японская война только начиналась..

Больше книг на сайте - Knigoed.net